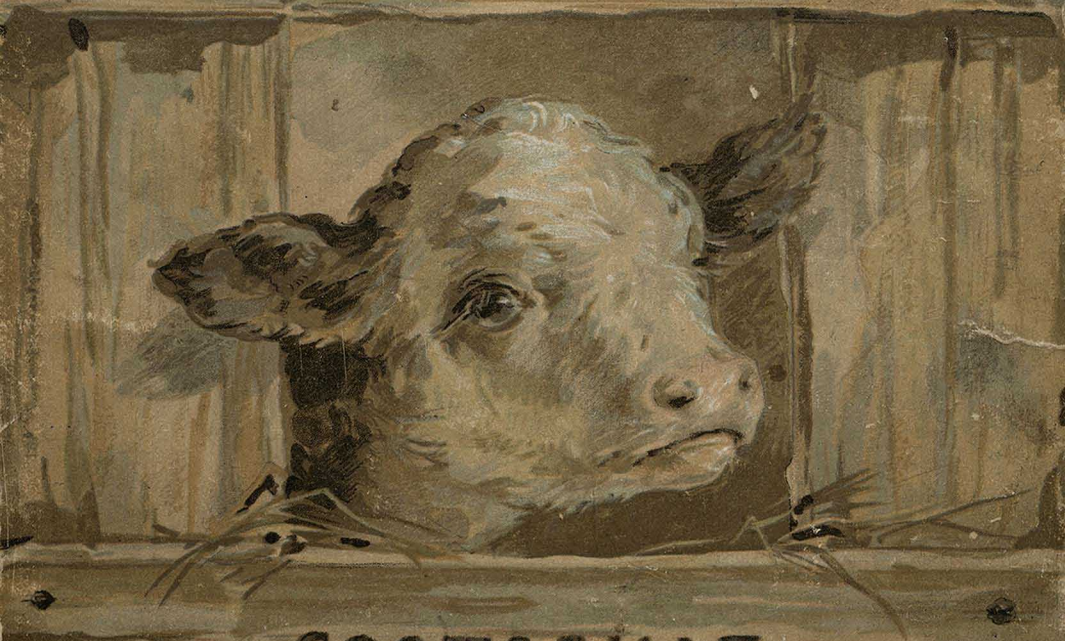

И 399
73
2.1

ЖИВОТНЫХ

СОСТАВИЛ
И. ГОРБУНОВЪ-ПОБЕДОВЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РИС. Е. М. З. Б. Е. М. З.

22/60
//

94

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА
подъ редакціей
И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ.

КНИГА О ВНИМАНИИ, СОСТРАДАНИИ И ЛЮБВИ КЪ ЖИВОТНЫМЪ.

У 399
73

ГУМАНИТАРНО-ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Пособіе для преподаванія въ школѣ и въ семьѣ основныхъ началъ человѣчнаго отношенія
къ животнымъ и правильнаго обращенія съ ними.

СОСТАВИЛИ

И. Горбуновъ-Посадовъ и В. Лукьянская.

Часть I.

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Со 145 рисунками.

Акварельные рисунки на обложкѣ рисовала Е. М. Бемъ.

Ц. 85 коп., въ папкѣ 1 р. 10 коп.

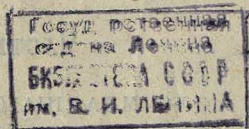

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., соб. домъ.
1902.

А. ТОРБУНОВА ПОДАРОВА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 сентября 1901 г.

2007076534

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, насколько важно въ воспитаніи способствовать всяческому развитію и укрѣпленію въ юной душѣ широкой, дѣятельной симпатіи ко всему живому. Мы хотимъ напомнить здѣсь лишь о томъ, что установленіе правильного, справедливаго, человѣчнаго отношенія дѣтей къ животнымъ должно составлять одну изъ существеннѣйшихъ задачъ воспитанія.

Еще въ то время, когда ребенокъ не можетъ имѣть никакого физическаго превосходства, власти (и возможности употребить ее на зло или на добро) надъ человѣческой жизнью, онъ можетъ имѣть уже силу, власть надъ сотнями встрѣчающихся ему существъ животнаго міра, которыхъ онъ властенъ щадить или мучить, беречь или совсѣмъ уничтожить ихъ жизнь. При благопріятныхъ условіяхъ воспитанія здѣсь можетъ быть положено начало правильному отношенію къ жизни cadaго другого существа, начало полной справедливости, начало правильного разъясненія вопроса о правѣ приложенія нашей силы къ другимъ существамъ, начало дѣятельнаго состраданія, то-есть основанія всего того, что можетъ имѣть крайне важныя послѣдствія для всей послѣдующей душевной жизни дѣтей.

Въ исполненіи такой задачи воспитанія на первомъ и главнѣйшемъ планѣ, разумѣется, долженъ стоять личный, заражающій примѣръ самихъ окружающихъ ребенка взрослыхъ. Семья, въ которой на самомъ дѣлѣ (а не на словахъ только) уважаются не только права и интересы другихъ людей, но и право cadaго животнаго на жизнь, данную ему Богомъ для его блага и счастья, семья, въ которой не только ближній въ бѣдѣ встрѣчаетъ искреннюю, сердечную поддержку, но и домашнія животныя видятъ всегда заботливое вниманіе, уходъ и ласку, и голодная, мерзнущая птица накормлена, и всякій несчастный, брошенный, забытый звѣренушъ находитъ себѣ защиту и пріютъ, такая семья всей атмосферой своей, разумѣется, лучше всего научитъ ребенка такому же отношенію къ животнымъ.

Этому же можетъ очень способствовать и школа. Хотя учитель живетъ со школьниками лишь по нѣскольку часовъ въ день, но примѣръ и его личнаго справедливаго, внимательнаго и сердечнаго отношенія къ животнымъ можетъ всегда сильно вліять на учениковъ.

А сколькоими прекрасными, интересными занятіями по уходу за животными и облегченію ихъ жизни можетъ заниматься учитель съ учениками во время перерывовъ занятій и въ свободное время, начиная съ ухода за пчелами на школьной или сосѣдской пасѣкѣ, приготовленія искусственныхъ гнѣздъ для птицъ, кормовыхъ столиковъ и всякихъ кормушекъ и кончая устройствомъ удобныхъ конуръ для собакъ и т. п.

Почти все это одинаково возможно и для деревенской и для городской школы.

Въ образцовыхъ по всей своей постановкѣ школахъ американскаго общества этической культуры, гдѣ на эту сторону воспитанія обращено самое серьезное вниманіе, при каждой школѣ содержится даже по нѣскольку домашнихъ животныхъ для того, чтобы ученики приучались къ правильному и заботливому уходу за ними.

Учителя, принимающіе къ сердцу это дѣло, должны стараться вызвать въ дѣтяхъ разнообразную самостоятельную предпримчивость въ этомъ направленіи, какъ разъ обратную той энергической предпримчивости, съ какой дѣти совершаютъ всевозможныя насилія, мученія и опустошенія среди птицъ и другихъ беззащитныхъ животныхъ. Такіе учителя должны явиться инициаторами «майскихъ союзовъ», то-есть школьных кружковъ, дружескихъ товариществъ школьниковъ, соединяющихся для охраны и защиты обижаемыхъ животныхъ. Крайне желательно самое широкое распространеніе у насъ «майскихъ союзовъ» вездѣ и всюду *).

*) Смотри въ этой книгѣ статью „Майскіе союзы“. Стр. 163. Такихъ „майскихъ союзовъ“ уже очень много въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи, въ Финляндіи, въ Швеціи, въ Даніи. Начались и у насъ первые опыты ихъ устройства. „Мы ставимъ себѣ цѣлью (говорится въ уставѣ одного такого союза, недавно возникшаго въ Италіи): 1) относиться справедливо и сострадательно не только къ своимъ ближнимъ, но и къ животнымъ: не мучить, не пугать, не наносить имъ никакого вреда и, напротивъ, защищать ихъ отъ всякаго дурнаго обращенія съ ними. 2) Защищать птицъ и ихъ гнѣзда; стараться, на сколько возможно, распространять въ деревнѣ, среди дѣтей, любовь и бережное отношеніе къ птицамъ, столь полезнымъ для земледѣлія. 3) Бороться съ предрасудками, существующими у невѣжественныхъ людей, противъ нѣкоторыхъ животныхъ, ошибочно считающихся вредными.“

На собраніяхъ такого кружка товарищи дѣлятся, обыкновенно, другъ съ другомъ всѣми своими свѣдѣніями изъ жизни животнаго міра: и наблюденіями своими и вычитанными описаніями и разсказами. Затѣмъ, здѣсь обсуждаются встрѣчавшіеся (за истекшее послѣ послѣдняго собранія время) и поразившіе вниманіе членовъ кружка поступки товарищей и другихъ дѣтей и взрослыхъ относительно животныхъ и придумывается чѣмъ и какъ убѣждать относиться справедливѣе къ нимъ и что самимъ дѣлать для тѣхъ животныхъ, для которыхъ сами союзники могутъ устроить что-нибудь полезное. Значительнѣйшее мѣсто въ бесѣдахъ такихъ удѣляется наиболѣе преслѣдуемымъ животнымъ.

Кромѣ личнаго своего примѣра, совмѣстныхъ занятій съ дѣтьми надъ разными полезными приспособленіями для охраны птицъ и другихъ животныхъ, устройства майскихъ союзовъ и т. п., каждый учитель народной школы можетъ, безъ всякихъ затрудненій, ввести элементъ преподаванія основныхъ началъ человѣчнаго отношенія къ животнымъ и правильнаго обращенія съ ними въ свои школьные уроки, удѣляя въ нихъ хотя бы самое маленькое мѣстечко такимъ бесѣдамъ, рассказамъ и стихамъ, которые вводили бы учениковъ во внутренній, такъ сказать, міръ животныхъ, возбуждали бы живую къ нимъ симпатію, заставляли бы переживать ихъ радости, печали и страданія, показывали бы все зло, которое причиняютъ животнымъ люди, и все добро, которое они могутъ дѣлать для нихъ.

Какъ пособіе для такихъ уроковъ, бесѣдъ и чтеній въ школѣ и семьѣ, а также для самостоятельнаго чтенія дѣтей въ этомъ направленіи, мы составили хрестоматію «Другъ животныхъ», состоящую изъ двухъ частей: первой, — предлагаемой теперь вашему вниманію, — для младшаго возраста и второй, — подготавливающей къ печати, — для старшаго возраста.

Въ этой первой части мы останавливаемъ прежде всего дѣтское вниманіе на друзьяхъ, помощникахъ и кормильцахъ человѣка — домашнихъ животныхъ и даемъ первыя понятія о правильномъ уходѣ за ними.

Затѣмъ, заглядывая съ юными читателями въ жизнь животныхъ: 1) или чаще всего встрѣчающихся дѣтямъ въ огородѣ, въ саду, въ полѣ, на лугу или въ лѣсу, 2) или такихъ, которыя особенно поражаютъ дѣтей въ неволѣ звѣринцевъ, 3) или же такихъ, о которыхъ дѣтямъ чаще всего приходится слышать въ обычныхъ рассказахъ взрослыхъ, мы останавливаемъ, между прочимъ, особенное вниманіе дѣтей на такихъ животныхъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ принося даже большую пользу человѣку, подвергаются особенно жестокому съ ними обращенію — или изъ-за своего безобразія, или изъ-за

Чѣмъ живѣе ведется этотъ кружокъ, тѣмъ разнообразнѣе его работа. Весело, съ одушевленіемъ работаютъ члены его надъ устройствомъ разныхъ приспособленій для помощи птицъ въ нуждѣ и бѣдѣ. При этомъ въ деревнѣ преслѣдуется всегда то, чтобы всякія такія хорошія за тѣи шли бы на пользу крестьянскому хозяйству, чтобы гнѣзда, кормушки и проч. размѣщались бы согласно интересамъ поля, огорода и сада. (Въ тѣхъ же кружкахъ, въ задачи которыхъ входятъ и охрана растеній, бесѣдуютъ на собраніяхъ объ этомъ и занимаются посадкой деревьевъ, охраной существующихъ уже посадокъ и т. д.).

Дѣло учителя здѣсь, какъ можно незамѣтно для самихъ дѣтей, стараться побуждать ихъ къ самостоятельнымъ работамъ такого характера. Учитель долженъ быть только первымъ товарищемъ во всемъ этомъ. Главное его дѣло — дать толчокъ въ этомъ направленіи, заинтересовать этимъ дѣломъ ребятъ, привлечь къ нему ихъ живое сочувствіе, и затѣмъ предоставить дѣйствовать своимъ ученикамъ, время отъ времени подкладывая, такъ сказать, дровъ, т.-е. указывая имъ новый матеріалъ для наблюденій, для бесѣдъ, для совмѣстнаго чтенія, указывая дѣтямъ что-нибудь новое, что они могли бы дѣлать для оберегаемыхъ ими созданій, помогая дѣтямъ всѣмъ, чѣмъ только онъ можетъ, осуществить какую-нибудь хорошую новую ихъ затѣю подобнаго рода.

какихъ-либо суевѣрныхъ страховъ, или же изъ-за своей привлекательности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полной беззащитности, причемъ мы указываемъ, напротивъ, на то, что мы можемъ дѣлать для охраны и облегченія ихъ жизни.

Рядъ помѣщаемыхъ нами очерковъ труда животныхъ имѣетъ своею цѣлью внушить такое же уваженіе къ ихъ труду, какъ и къ труду человѣка.

Вездѣ, гдѣ только это имѣетъ мѣсто, мы упоминаемъ о пользѣ, приносимой животными въ домашнемъ быту и земледѣльческомъ хозяйствѣ, стараясь запечатлѣть эту пользу въ дѣтскомъ умѣ, но самое основаніе симпатій къ животнымъ мы стремимся утвердить никакъ на одномъ этомъ, но на общемъ чувствѣ человѣчности, справедливости, уваженія къ жизни вообще и къ правамъ каждаго живого созданія въ отдѣльности на наше уваженіе и симпатію.

Вторая часть хрестоматіи нашей, предназначаемая для старшаго возраста, будетъ разниться отъ первой большей, сравнительно, степенью серьезности, трудности собраннаго въ ней матеріала для чтенія и бесѣдъ, большей полнотою и систематичностью въ группировкѣ очерковъ о животныхъ всѣхъ классовъ, и должна коснуться всѣхъ тѣхъ темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ отношенія человѣка къ животнымъ, которыхъ преждевременно было бы касаться въ книгѣ для младшаго возраста.

Глубоко сознавая все несовершенство предлагаемой хрестоматіи, составители ея очень просятъ всѣхъ, сочувствующихъ ея задачѣ, сообщить имъ свои на нее замѣчанія и подробныя указанія на все то, чѣмъ она должна быть, по ихъ мнѣнію, пополнена или въ чемъ измѣнена при слѣдующемъ ея изданіи.

Письма просимъ адресовать: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой переулокъ, д. Осипова, И. И. Горбунову.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

*Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое
Жизни всей трепещущій потокъ,
Для кого въ природѣ все родное, —
Человѣкъ, и птица, и цвѣтокъ.*

*Счастливъ тотъ, кто для червя и розы
Равную хранитъ въ себѣ любовь,
Кто ничьи не вызвалъ въ мѣръ слезы
И ничью не пролилъ въ мѣръ кровь.*

*Счастливъ тотъ, кто съ юныхъ дней прекрасныхъ
На защитѣ слабого стоялъ
И гонимыхъ, жалкихъ и безгласныхъ
Всей душой и грудью защищалъ.*

*Полонъ мѣръ страданьями людскими,
Полонъ мѣръ страданьями звѣрей...
Счастливъ тотъ, чье сердце передъ ними
Билось лишь любовью горячѣй.*

*Счастливъ тотъ, чья ласка состраданья
Для забытыхъ, темныхъ и нѣмыхъ
Облегчаетъ тяжесть ихъ страданья,
Боль обидъ жестокостей людскихъ.*

*Счастливъ тотъ, чей голосъ неустанно
За тѣсными пламенно звучитъ,
Чья душа, сквозь тучи и туманы,
Какъ маякъ, любовью къ нимъ горитъ!*

И. Горбуновъ-Посадовъ.

I. На дворъ.

Рыжуха и ея жеребенокъ.

У Рыжухи родился жеребенокъ. Рыжуха стоитъ въ конюшнѣ и жеребенокъ возлѣ нея. Спитъ жеребенокъ, а Рыжуха стоитъ смирно, чтобы сына не потревожить. Ногами Рыжуха переступаетъ осторожно: боится задѣть его.

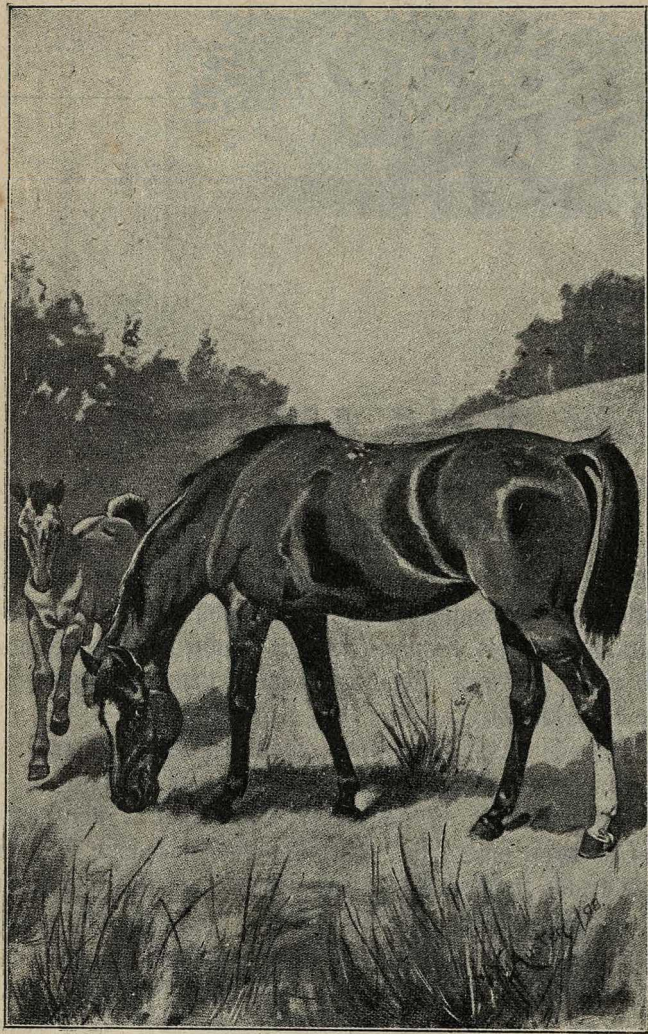
Жеребенокъ, проснувшись, поднимается на слабыя, тонкія ножки. Всталъ, подошелъ къ матери и толкаетъ мордочкой ей въ пахъ. Онъ хочетъ пососать, да не умѣетъ еще какъ слѣдуетъ найти соски. Стоитъ Рыжуха, не шелохнется, ѣстъ сѣно да поглядываетъ на жеребенка. Вотъ онъ нашелъ соски, замогалъ, засосалъ. А Рыжуха лижетъ его, ласкаетъ.

Кучера она знаетъ и пускаетъ подходить къ жеребенку. Если же придетъ незнакомый человѣкъ, она встанетъ передъ нимъ и закроетъ собой жеребенка. Ни за что его не покажетъ.

Выросла въ полѣ трава большая, густая, сочная. Выгнали Рыжуху съ жеребенкомъ и съ другими лошадьми въ поле пастись. Большія лошади щиплютъ траву, а жеребята бѣгаютъ кругомъ, играютъ другъ съ другомъ. Подбѣгутъ къ

матерямъ, пососутъ—и опять играютъ. Намаются, лягутъ на мягкую траву и спать. А матери не отходятъ далеко, все поглядываютъ на нихъ.

Осенью люди стали молотить хлѣбъ. Нужно Рыжуху запрягать въ молотилку. Отняли у Рыжухи жеребенка, заперли его въ конюшню съ другими жеребятами, насыпали имъ овса, сѣна положили. А Рыжуху запрягли въ машину съ другими лошадьми. Ходитъ Рыжуха, — дѣлать

нечего. Цѣлый день надъ лошадьми погонщикъ машетъ кнутомъ, а которая залѣнится, ту и стегнетъ. Рыжуха старается изо всѣхъ силъ.

Вотъ выпрягли лошадей, поставили ихъ къ сѣну. Голодна Рыжуха, а не ѣстъ, озирается кругомъ, прислушивается, да вдругъ какъ заржетъ. А изъ конюшни ей въ отвѣтъ тоненькимъ голоскомъ жеребенокъ откликается. Рванулась Рыжуха, оторвала поводъ и поскакала къ конюшнѣ. Бѣгаетъ вокругъ конюшни, мечется, ржетъ тревожно, жалобно. А въ отвѣтъ ей и жеребеночекъ ржетъ. Насилу поймали Рыжуху и увели ее подальше отъ конюшни, чтобы она не слыхала голоса жеребенка.

Что думаетъ деревенская лошадка.

Вотъ придетъ весна, растаетъ снѣгъ на поляхъ, и запрягутъ меня въ соху, чтобы пахать землю. А въ жаркое лѣтнее время скосятъ траву на лугахъ, и буду я таскать возы съ сѣномъ. Къ осени опять придется возить въ ригу снопы ржи и овса. А поѣдутъ мужички продавать и покупать всякое добро, такъ иногда цѣлый день плетешься по вязкой дорогѣ, подъ дождемъ, подъ ненастнымъ вѣтромъ. Зимой стоишь по колѣна въ снѣгу гдѣ-нибудь въ лѣсу, на морозѣ, тогда какъ твой хозяинъ рубить лѣсъ, накладываетъ въ сани хворостъ. Такъ-то вся наша жизнь проходитъ въ работѣ.

Загадка. Не земледѣлецъ, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на селѣ работникъ.

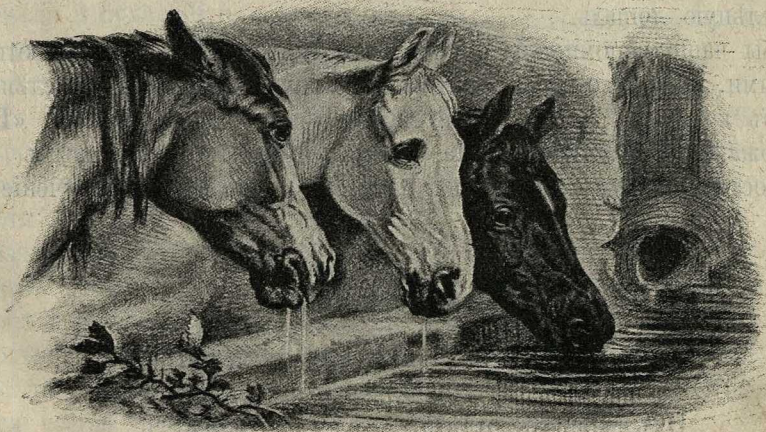
Безотвѣтный нашъ помощникъ.

Вѣрно и неизмѣнно служить лошадь—этотъ вѣрный и безотвѣтный помощникъ и слуга человѣка; съ утра до ночи, зиму и лѣто, всю свою жизнь работаетъ она на него изо всѣхъ силъ, перенося всякія невзгоды и лишенія, а хорошо ли платить ей человѣкъ за ея вѣрную, терпѣливую и тяжелую службу?

Какъ часто приходится видѣть: стоитъ лошадь неухоженная, неображенная въ душномъ, грязномъ стойлѣ, ѣсть плохой, гнилой кормъ, никто не заботится о томъ, чтобы попоить и вычистить ее какъ слѣдуетъ,—все дѣлается кое-какъ; стоитъ лошадь, понуря голову, шерсть на ней вылѣзла, всклокочена, на бокахъ и на спинѣ опухоли и ссадины, грива свалалась въ клочья, больными ногами съ ноги на ногу переступаетъ... Такая лошадь и работать не можетъ хорошо: силенокъ у нея отъ плохого корма мало, здоровье подорвано, ноги попорчены,—она вся больная; часто ей сильно неможется, а человѣкъ не хочетъ этого понять, думаетъ, что она хитритъ, лѣнитъ и часто, не разобравъ дѣла, начинаетъ бить ее и требовать отъ нея непосильной работы.

Вотъ что я видѣлъ вчера: на мостъ вѣзжалъ тяжело нагруженный возъ, дорога была грязная, скользкая, а лошадь худая и, какъ видно, старая и безсилая. Она, бѣдная, выбивалась изъ силъ и, наконецъ, упала. Тогда хозяинъ, вмѣсто того, чтобы какъ-нибудь помочь ей, набросился на нее съ палкой и сталъ бить, по чему попало: и по ребрамъ, и по головѣ, и по мордѣ. Это возмутило меня, и я сталъ громко укорять его. Но каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ негодованіе, когда въ собравшейся вокругъ насъ толпѣ нашелся человѣкъ, который сталъ защищать хозяина! «Что вы кричите?—сказалъ онъ мнѣ.—Это его лошадь, онъ и можетъ дѣлать съ ней, что хочетъ».

«Неужели же, разъ я купилъ животное, я могу дѣлать съ нимъ, что угодно: могу замучить его непосильной работой, могу дурно кормить его, могу бить, мучить?—думалось мнѣ.—Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Покупая его, я приобрѣтаю себѣ вѣрнаго помощника, и какъ оно работаетъ на меня, такъ и я долженъ работать на него и заботиться о немъ, чтобы оно было мнѣ и помощникомъ надежнымъ и другомъ вѣрнымъ».

Слѣпая лошадь.

1. Жилъ въ одномъ городѣ купецъ. Надобно ему было въ другой городѣ хать—деньги получать. У купца этого была хорошая лошадь, и онъ всегда верхомъ на этой лошади по всѣмъ дѣламъ ѣздилъ. Поѣхалъ купецъ, получилъ деньги и ѣдетъ домой. А дорога ему была черезъ лѣсъ. Въ лѣсу напали на купца разбойники. Плохо бы пришлось купцу, да, спасибо, лошадь выручила. Вырвалась она отъ разбойниковъ и поскакала съ хозяиномъ во весь опоръ домой. Пообѣщала хозяйинъ на радостяхъ, что никогда не забудетъ этой услуги: будетъ лошадь до самой смерти кормить и холить. Лошадь хозяина спасла, а себя, видно, скорымъ бѣгомъ повредила. Стала она хромать и скоро затѣмъ ослѣпла. Не было ужъ въ хозяйствѣ отъ нея никакой пользы. И стало хозяину жалъ корма. Велѣлъ онъ слѣпую лошадь поменьше кормить, а потомъ и то стало жалко купцу, и велѣлъ онъ работнику лошадь на улицу выгнать и ворота затворить.

2. Дѣло было зимой. Работникъ выгналъ лошадь, какъ велѣлъ хозяйинъ. Долго стояла лошадь у воротъ, опустивъ голову: ожидала, что ее впустятъ. Настала ночь, продрогла лошадь, отошала, а все отъ воротъ не отходить. Потомъ поняла, что ей тутъ ничего не дожидаться, отошла отъ двора хозяина и побрела по улицѣ города. Слѣпая лошадь шла, вытянувши шею, обнюхивала и землю и стѣны и искала губами корма, травы или клочка сѣна. Бѣдняга ничего не находила: вездѣ лежалъ снѣгъ. Такъ дотоптилась она до площади. Посреди площади стоялъ столбъ съ колоколомъ. Въ томъ городѣ съ давнихъ поръ былъ такой обычай, что всякій, кому нужна была помощь или съ кѣмъ случалась бѣда, приходилъ и звонилъ въ колоколь. На звонъ собирались на площади люди и старшины города и разбирали въ чемъ дѣло. Добралась лошадь до столба, поймала зубами веревку отъ колокола и стала ее жевать отъ голода. Лошадь дергала конецъ веревки, колоколь зазвонилъ, и пошелъ звонъ громкій и протяжный. Собрались на площади люди, узнали купцову лошадь. Послали старшины за хозяиномъ. Пришелъ купецъ на площадь. Люди рассказали, какъ звонила его лошадь.

Стало купцу стыдно и жалъ лошади, повинился онъ предъ людьми, что, жалѣя корма, прогналъ ее со двора на голодную смерть. И взялъ онъ опять къ себѣ слѣпую лошадь.

Чтобы чаще вспоминали о томъ, что Богъ велитъ и къ животнымъ быть милостивыми, люди того города вырѣзали на камнѣ картину, какъ слѣпая лошадь звонила въ колоколь, и надъ картиной выбили слова писанія: «Праведный имѣетъ сожалѣніе къ жизни скота своего, сердце же нечестивыхъ жестоко».

И поставили этотъ камень на площади у столба, на поученіе людямъ.

Конь-пахарь.

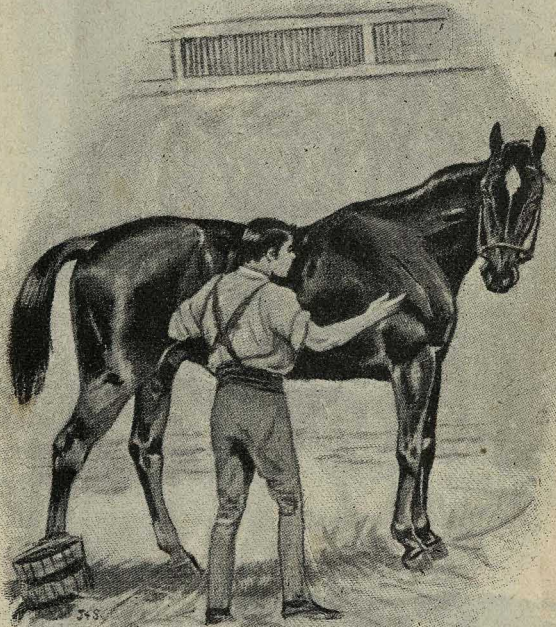
Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ.
На трупѣ коня воронъ черный сидитъ...
Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика!

Была твоя служба вѣрна и крѣпка!
Побои и голодъ—ты все выносишь,
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ, испустишь.

Хорошій хозяинъ.

Богатъ ли хорошій хозяинъ или бѣденъ, а все же онъ много заботится о своей лошади, всячески старается, чтобъ ей лучше было. Старается онъ, чтобы лошади не тѣсно было стоять въ стойлѣ, чтобы сухо у нея было, чисто. Старается онъ, чтобы лошади зимой было въ конюшнѣ тепло, а лѣтомъ прохладно, чтобы не страдала лошадь зимой отъ холода, а лѣтомъ отъ жары.

Заботится хозяинъ и о томъ, чтобы въ конюшнѣ было свѣтло. Въ свѣтлой конюшнѣ лошадь всегда бываетъ здоровѣе и крѣпче. А въ темномъ, грязномъ и сыромъ помѣщеніи всякое животное бываетъ слабое, хилое и скорѣе заболѣваетъ.

Чтобы вполнѣ здоровъ былъ конь, хозяинъ часто чиститъ его отъ грязи и перхоти.

Старается также хозяинъ, чтобы воздухъ въ конюшнѣ былъ всегда чистый; для этого онъ часто чиститъ и провѣтриваетъ конюшню. Подстилка подъ лошадью у него всегда чистая, свѣжая и сухая. Чтобы она такая была, хозяинъ часто мѣняетъ ее. Если

подстилка грязная и мокрая, лошадь пачкается и мокнетъ, а мокрая лошадь легко простужается и копыта у нея отъ грязи портятся и заболѣваютъ.

Чтобы вполнѣ здоровъ былъ конь, хозяинъ часто чиститъ его отъ грязи и перхоти.

Главная забота хозяина о кормѣ для лошади,—изъ всѣхъ силъ старается онъ, чтобы кормъ былъ всегда свѣжій, не испорченный, потому что отъ испортившагося корма лошади не только хвораютъ, но даже умираютъ.

Больше всего кормятъ лошадей сѣномъ. Только если однимъ сѣномъ кормить, то лошади не такъ-то хорошо работаютъ. Поэтому хорошій хозяинъ старается всегда прибавить къ сѣну овса.

А ужъ если нѣтъ овса и однимъ сѣномъ приходится кормить, такъ онъ старается, чтобы сѣно выбирать самое хорошее, чтобы не было въ немъ никакихъ болотныхъ травъ.

Скармливаютъ лошадямъ бѣдные хозяева и солому. Только при этомъ все же старается хорошій хозяинъ давать одной овсяной соломы, потому что другая солома еще меньше овсяной сытна. Только нужно какъ можно

поменьше соломы давать, хоть какъ никакъ да разжиться сѣномъ. Изъ соломы дѣлаютъ для лошадей мелкую сѣчку. Хорошо такую сѣчку мѣшать съ отрубями, мукой и овсомъ, — тогда это хорошая ѣда будетъ для лошади.

Плохо живетъ коню на одной соломѣ, — не дай Богъ такого житья, — страдаетъ бѣдное животное.

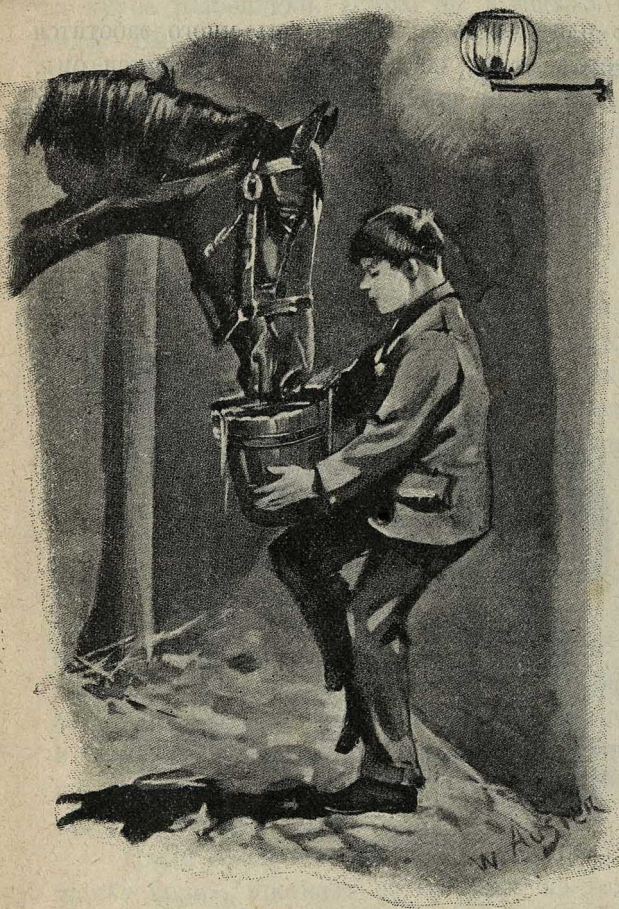
Даетъ хорошій хозяинъ еще разный питательный кормъ коню; приучаетъ его понемногу къ ячменю, только немного его даетъ, съ овсомъ вмѣстѣ; дробитъ и мочитъ въ водѣ горохъ и бобы и даетъ вдобавокъ къ сѣну; прибавляетъ хозяинъ къ сѣну еще дробленую избоину, то-есть выжимки отъ разныхъ масличныхъ сѣмянъ, — отъ избоины сѣно и солома вкусными дѣлаются, и лошади большая отъ нихъ польза; даетъ хозяинъ еще пареную картошку, рѣжетъ также мелко сырой картофель и его даетъ коню.

Если есть огородъ или въ полѣ овощи растутъ, — хорошую изъ нихъ пищу можно для лошади отобрать — морковь, рѣпу и свеклу, — онѣ еще лучше картофеля для лошади будутъ.

Пить хозяинъ лошадь всегда передъ кормомъ чистой водой изъ чистой посуды. Никакъ не станетъ онъ поить лошадь, когда она разгорячена; дастъ ей сначала остыть хорошенько, а потомъ уже поить ее.

Ну, а ужъ самый лучший кормъ для коня, конечно, овесъ. Если хочетъ хозяинъ, чтобы лошадь отлично работала, пусть не скупится на овесъ, — только давать его вмѣстѣ съ сѣномъ.

Старается хозяинъ, чтобы кормъ былъ всегда свѣжій, не испорченный, потому что отъ испорченнаго корма лошади не только хвораютъ, но и умираютъ.

Въ рабочую пору хозяинъ старается особенно хорошо подкармливать лошадь, не забываетъ никогда отдать ей остатки хлѣба и каши.

Чтобы мухи и мошки не мучали въ полѣ лошадь, хозяинъ подмазываетъ почаще сбрую ея дегтемъ,—мухи и мошки не любятъ запаха дегтя.

Не забываетъ хозяинъ въ жаркое время искупать лошадь или обмыть ее водою послѣ водопоя. Освѣжится лошадь и охотнѣе работать пойдетъ.

Пить хозяинъ лошадь всегда передъ кормомъ чистой свѣжей водою изъ чистой посуды. Никакъ не станетъ онъ поить лошадь, когда она разгорячена еще, потная; дать ей сначала остыть хорошенько, а потомъ уже поить ее, а послѣ уже и накормить. Если лошадь напоить потную, она можетъ простудиться; заболѣетъ и совсѣмъ пропасть можетъ.

Смотритъ хозяинъ, чтобы вся сбруя была исправна,—чтобы хомутъ, шлея и сѣделка всегда были хорошо пригнаны по лошади, чтобы нигдѣ лошадь не терло, не давило.

Въ холодное время послѣ ѣзды покрываетъ хорошій хозяинъ лошадь попоной, рогожами или войлокомъ, смотря по тому, что найдется; а не то разгоряченная на ѣздѣ лошадь вдругъ остынетъ и можетъ простудиться.

Зорко смотритъ хорошій хозяинъ за своимъ вѣрнымъ другомъ-конемъ,—замѣчаетъ, какъ онъ ѣстъ и пьетъ, какъ стоитъ и идетъ, какъ дышитъ, бодрый онъ или понурый,—и если замѣтитъ, что съ конемъ неладное что-то сдѣлалось,—самъ осмотритъ его хорошенько, на работу не поведетъ. А если коню все плохо и если самъ онъ помочь не умѣетъ,—позоветъ поскорѣй знающаго сосѣда, а если видно, серьезно заболѣлъ конь, поскорѣй поспѣшитъ за скотскимъ лѣкаремъ—ветеринаромъ, чтобы поскорѣй помочь бѣдному животному.

Любить добрый хозяинъ своего коня и крѣпко помнить, что лошадь—вѣрный другъ его и созданіе Божье; никогда не бьетъ онъ ее, не мучаетъ непосильною работою. И живутъ они оба—и человѣкъ и конь—въ неизмѣнной любви и дружбѣ.

Пословицы о лошади. *Лошадь человеку—крылья.—Погоняй лошадь не кнутомъ, а овсомъ.—Божья тварь Богу работаетъ.*

Добрые друзья.

У одного человѣка была лошадь и большая собака. Жили онѣ между собой въ большой дружбѣ. Когда сѣдлали коня, собака всегда была подлѣ него; она ложилась гдѣ-нибудь поблизости отъ него и, положивъ голову на лапы, не спускала глазъ съ своего большого друга.

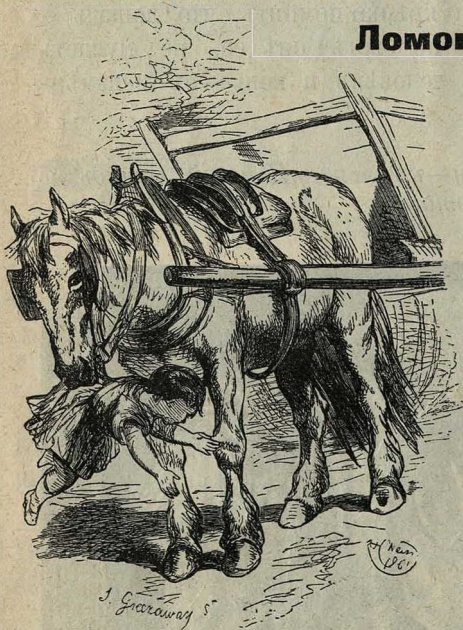

Когда лошадь была осѣдлана, собака брала ее за узду и вела къ крыльцу, гдѣ ихъ уже ждалъ хозяинъ. Когда же лошадь возвращалась домой, собака опять брала ее за узду и отводила ее въ конюшню. Если кучера тутъ не случилось, собака громко лаяла до тѣхъ поръ, пока онъ не приходилъ.

У другого человѣка была хорошенькая лошадка, которая очень любила своего хозяина; она часто выбѣгала изъ загона на звукъ его голоса и ходила за нимъ слѣдомъ, какъ собаченка. Однажды лошадка захромала, и ее поставили въ конюшню. Около этого же времени на выступѣ карниза, какъ разъ надъ яслями лошадки, поселилась кошка съ нѣсколькими котятами. Скоро кошка и лошадка очень подружились между собою. Однажды, пробираясь къ своему семейству, кошка, неосторожно оступившись, скатилась съ карниза прямо въ ясли и сильно повредила себѣ лапку, такъ что не могла уже карабкаться наверхъ, а могла только добраться до дому, чтобы поѣсть тамъ, и притти обратно. Вернувшись, кошка принялась тереться около ногъ лошадки, мяукать и смотрѣть на нее жалобнымъ взглядомъ. Лошадка сообразила, чего она отъ нея хочетъ, осторожно подняла кошку зубами за шиворотъ и положила ее возлѣ котятъ. Это повторялось каждое утро. Кошка скатывалась внизъ, въ ясли, ковыляя пробиралась въ домъ, съѣдала свой завтракъ и возвращалась обратно; а лошадка подымала ее наверхъ къ котятамъ.

Лошадь не только сильно любить, но и долго помнитъ своихъ товарищей. Двѣ упряжныхъ лошади постоянно жили вмѣстѣ, и вотъ одна изъ нихъ умерла. Когда ея товарка увидѣла на полу мертвое тѣло своего друга, она отказалась отъ всякой пищи; въ конюшню на мѣсто старой поставили другую лошадь, но вѣрный другъ все тосковать по умершемъ и скоро умеръ.

Ломовая лошадь и ребенокъ.

У одного извозчика была старая ломовая лошадь. Она была привязана къ сѣмьѣ своего хозяина какъ вѣрная собака. Часто дѣти играли съ ней, пролѣзали между ея ногами, тормошили ее, а она, бывало, стоитъ на мѣстѣ какъ вкопанная, чтобы какъ-нибудь не ушибить ихъ.

Разъ она везла тяжело нагруженную телѣгу по узкой улицѣ деревни. Случилось, что какъ разъ въ это время посреди улицы игралъ ребенокъ. Не понимая опасности, онъ безпечно бѣжалъ навстрѣчу возу и непременно попалъ бы подъ колеса, если бы не спасла его сама лошадь. Предвидя несчастіе, доброе, смышенное животное схватило ребенка зубами за платье и, протаскивъ его нѣсколько шаговъ, бережно положило къ сторонкѣ. Послѣ этого лошадь продолжала свой путь, еще нѣсколько разъ оглянувшись, какъ будто для того, чтобы удостовѣриться, что колеса не зацѣпили ребенка.

О с е л ь.

Осель похожъ на лошадь, но гораздо меньше ея. Шерсть у него мягкая, сѣренькая, уши длинныя, хвостъ гладкій, съ пучкомъ волосъ на концѣ. На видъ кажется, что у осла очень мало силы, но это невѣрно; люди наваливаютъ часто на него много тяжелыхъ тюковъ съ товарами, обвѣшиваютъ его этими тюками со всѣхъ сторонъ, а онъ знай себѣ терпѣливо шагаетъ... Солнце жарко печетъ съ голубого неба, а неблагодарный человѣкъ безъ всякой жалости подгоняетъ ослика, бьетъ изо всей силы острою палкой... Идетъ осликъ съ горки на горку, пробирается по крутымъ камнямъ... Самая сильная лошадь на его мѣстѣ давно бы свалилась отъ жары и усталости... Такъ всю жизнь до самой смерти работаетъ осель на людей и за это получаетъ только побои да самое плохое сѣно и тощій колючій кустарникъ... Но осель не прихотливъ: ему и того довольно, лишь бы была чистая вода; мутной онъ пить ни за что не станетъ.

Осликъ и его друзья

Дикій и ручной осель.

Дикій осель увидалъ ручного осла, подошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, да какъ сзади сталъ погонщикъ погонять его дубиной, дикій осель и говоритъ: «Нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твое житіе тебѣ потомъ достается.

К о р о в а.

Жила вдова Марья со своею матерью и съ шестью дѣтьми. Жили они бѣдно. Но купили на послѣднія деньги бурюю корову, чтобъ было молоко для дѣтей. Старшія дѣти кормили Буренушку въ полѣ и давали ей помои дома.

Одинъ разъ мать вышла со двора, а старшій мальчикъ Миша полѣзъ за хлѣбомъ на полку, уронилъ стаканъ и разбилъ его. Миша испугался, что мать его будетъ бранить, подобралъ большія стекла отъ стакана, вынесъ на дворъ и зарылъ въ навозѣ, а маленькія стеклышки всѣ подобралъ и бросилъ въ лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказалъ, и такъ дѣло осталось.

На другой день послѣ обѣда пошла мать давать Буренушкѣ помои изъ лоханки, видить: Буренушка скучна и не ѣстъ корма. Стали лѣчить корову, позвали бабку. Бабка сказала: корова жива не будетъ, надо ее убить на мясо. Позвали мужика, стали бить корову. Дѣти услышали, какъ на дворѣ заревѣла Буренушка, собрались всѣ на печку и стали плакать.

Когда убили Буренушку, сняли шкуру и разрѣзали на части, у ней въ горлѣ нашли стекло.

И узнали, что она издохла отъ того, что ей попало стекло въ помояхъ. Когда Миша узналъ это, онъ сталъ горько плакать и признался матери о стаканѣ. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала: «Убили мы свою Буренушку, купить теперь не на что. Какъ проживутъ теперь малыя дѣти безъ молока?» Миша еще пуще сталъ плакать и не слѣзаль съ печи, когда ѣли студень изъ коровьей головы. Онъ каждый день во снѣ видѣлъ, какъ дядя Василій несъ за рога мертвую бурюю голову Буренушки съ открытыми глазами и красной шеей. Съ тѣхъ поръ у дѣтей молока не было. Только по праздникамъ бывало молоко, когда Марья попроситъ у сосѣдей горшечекъ.

Случилось, барынѣ той деревни понадобилась къ дитяти няня. Старушка и говорить дочери: «Отпусти меня, я пойду въ няни, а тебѣ, можетъ, Богъ поможетъ одной съ дѣтьми управляться. А я, Богъ дастъ, заслужу въ годъ на корову». Такъ и сдѣлали. Старушка ушла къ барынѣ. А Марьѣ еще тяжелѣе съ дѣтьми стало. И дѣти безъ молока цѣлый годъ жили: одинъ кисель и тюрю ѣли и стали худыя и блѣдныя.

Прошелъ годъ, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей. «Ну, дочка!—говорить,—теперь купимъ корову». Обрадовалась Марья, обрадовались всѣ дѣти. Собралась Марья со старухой на базаръ покупать корову. Сосѣдку попросили съ дѣтьми побыть, а сосѣда, дядю Захара, попросили съ ними поѣхать, выбирать корову. Помолились Богу, поѣхали въ городъ.

Дѣти пообѣдали и вышли на улицу смотрѣть, не ведутъ ли корову. Стали дѣти судить: какая будетъ корова—бурая или черная? Стали они говорить, какъ ее кормить будутъ. Ждали они, ждали цѣлый день. За версту ушли встрѣчать корову, ужъ смеркаться стало, вернулись назадъ. Вдругъ видятъ: по улицѣ ѣдетъ на телѣгѣ бабушка, а у задняго колеса идетъ пестрая корова, за рога привязана, и идетъ сзади мать, хворостиной подгоняетъ. Подбѣжали дѣти, стали смотрѣть корову. Набрали хлѣба, травы, стали кормить.

Мать пошла въ избу, раздѣлась и вышла на дворъ съ полотенцемъ и подойникомъ. Она сѣла подъ корову, обтерла вымя. Господи, благослови! Стала доить корову, а дѣти сѣли кругомъ и смотрѣли, какъ молоко брызнуло изъ вымя въ край подойника и засвистѣло у матери изъ-подъ пальцевъ. Надоила мать половину подойника, снесла въ погребъ и отлила дѣтямъ горшечекъ къ ужину.

Б у р е н у ш к а.

Ужъ какъ я ль мою коровушку люблю!
Ужъ какъ я ль то ей кропивушки нажну!
Кушай вволюшку, коровушка моя;
Ѣшь ты досыта, буренушка моя!
Ужъ какъ я ль мою коровушку люблю!
Сытна поила я коровушкѣ налью,
Чтобъ сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочекъ буренушка дала.

Поговорка: *Корова на дворъ—харчъ на столъ.*

Наша кормилица-коровушка.

Рано встанетъ баба да скорѣе въ хлѣвъ, къ кормилицѣ всей ея семьи, къ коровѣ. Подойдетъ она къ буренушкѣ, потреплетъ ее по шеѣ, дастъ ей ломоть хлѣба съ солью, сядетъ сбоку, обмоетъ вымя, вытретъ насухо чистымъ полотенцемъ и начнетъ съ лаской да съ добрыми словами доить ее. Стоитъ коровушка смирнехонько, пережевываетъ хлѣбъ да искося на хозяйку поглядываетъ.

Подоила баба свою буренушку и гонить ее скорѣе на улицу, а на улицѣ уже раздается рожокъ пастуха, и изо всѣхъ домовъ бабы выгоняютъ на улицу скотину.

Вернулась баба въ избу, а тамъ уже дѣтишки проснулись, ѣсть просятъ; налила мать въ чашку молока, покрошила хлѣбца и усадила ребятъ къ столу. Принялись ребята за обѣ щеки уписывать молоко.

Молоко—самая лучшая пища въ деревнѣ, а особенно для ребятъ; на одномъ-то хлѣбѣ да картошкѣ плохо они растутъ: заморенные, худые да хворые бываютъ; молоко же быстро ребятъ поправляетъ. Что останется молока, баба еще въ городъ продать, а не то накопить творогу, сметаны, собьетъ масла и тоже отвезетъ въ городъ; вѣдь въ крестьянскомъ хозяйствѣ всякая копейка — подспорье. Вотъ почему такъ заботится баба о своей буренушкѣ, вотъ почему идетъ къ ней съ лаской и несетъ ей часто послѣднюю краюшку хлѣба.

Только мало кто изъ нашихъ бабъ знаетъ толкомъ, какъ надо ходить за коровой, чтобы ей лучше жилось и чтобы она больше молока давала: посмотришь,—и любятъ-то ее, и ласкаютъ, и кормятъ, какъ могутъ, а все корова хуже, чѣмъ у той хозяйки, что ходить за коровой умѣло.

Какъ человѣку хорошо жить въ теплѣ, въ чистой да теплой избѣ, какъ и ему вредно жить въ сырости да дышать дурнымъ, спертымъ воздухомъ, такъ и коровѣ нужно, чтобы въ хлѣву у нея было тепло да свѣтло, чтобы было въ немъ сухо да чисто. Стѣны хлѣва нужно хорошенько проконопачивать, а дверь приладить такъ, чтобы она плотно притворялась, чтобы ни откуда не дуло, потому что коровы очень легко простужаются, стоя на сквозномъ вѣтрѣ.

Въ стѣнѣ хлѣва надо продѣлать окошечко, чтобы въ хлѣву было освѣтлѣе: коровы не любятъ стоять въ темнотѣ. Это окошечко пригодится и для того, чтобы провѣтривать хлѣвъ.

Въ нѣкоторыхъ хлѣвахъ бываетъ такой тяжелый, спертый воздухъ, что если случится войти туда съ воли непривычному человѣку, то ему и вздохнуть трудно; такой тяжелый воздухъ очень вреденъ для коровъ, и поэтому хлѣвъ надо почаще провѣтривать, освѣжать и выбирать изъ него почаще навозъ; коровѣ особенно вредно дышать гнилымъ воздухомъ, испорченнымъ отъ лежалаго навоза. Надо какъ можно чаще подстилать на полъ свѣжей соломы, а старую, грязную солому съ навозомъ убирать; труда на это потребуется не такъ уже много, а корова отъ этого будетъ здоровѣе.

Хлѣвъ надо хоть разъ въ недѣлю чистить, а саму корову надо почаще чистить пучками соломы и хоть разъ въ недѣлю мыть ей ноги и бока теплой водой. Лѣтомъ коровъ полезно купать.

При такомъ уходѣ корова не будетъ простужаться, дышать будетъ чистымъ воздухомъ, всегда она будетъ чиста, спокойна и здорова.

Но мало устроить коровѣ только хорошій хлѣвъ, надо ее еще умѣло и кормить; надо знать, какая пища сытнѣе, сколько какой пищи давать и какой кормъ съ какимъ лучше мѣшать для того, чтобы корова была сытнѣе и здоровѣе да и давала бы больше молока.

Лѣтомъ корова ходитъ въ поле и щиплетъ траву и тогда объ ея прокормѣ приходится меньше заботиться; трава—самый лучшій, самый подходящий кормъ для коровъ.

Нехорошо только, если коровамъ приходится пастись на топкихъ болотистыхъ лугахъ; сырой воздухъ и сырая земля такихъ мѣстъ очень вредны для коровъ, да и въ такихъ мѣстахъ коровъ особенно сильно донимають овода; они вьются надъ ними цѣлыми стаями и немилосердно жалють ихъ.

Въ лѣтнее время часто можно видѣть, какъ коровы, вмѣсто того, чтобы мирно пастись, бѣгають по лугу, словно бѣшенныя; происходитъ это отъ того, что овода положили подъ кожу бѣдныхъ коровъ свои яички; изъ яичекъ этихъ вышли червячки, которые, ползая подъ кожей, причиняють коровѣ сильный зудъ.

Такая корова и во время доенія не стоитъ спокойно, а все двигается; баба, которая ее доить, сердится, бранить ее, даже бьетъ, а между тѣмъ бѣдная корова нисколько не виновата: она просто больна отъ оводовъ.

Въ жаркую лѣтнюю пору надо загонять коровъ въ тѣнистыя, прохладныя мѣста и отгонять отъ нихъ мухъ и оводовъ.

Во время сильныхъ дождей и въ вѣтреную погоду лучше вовсе не выгонять коровъ въ поле.

При плохихъ выгонахъ надо давать коровѣ дома хлѣбнаго пойла или еще какого-нибудь корма, а не то она будетъ постоянно ходить впроголодь.

Осенью, когда въ огородахъ роютъ рѣпу, морковь, картофель, свеклу, обрываютъ плохіе листья съ капусты, хорошо всякіе остатки отъ овощей, ботву и капустные листья складывать въ кучи подлѣ хлѣва. Когда коровы придутъ съ поля, онѣ съ большой охотой накинутся на эту ѣду, которая имъ очень по вкусу. Такая подкормка бываетъ имъ очень полезна.

Трава, какъ мы уже сказали,—самый подходящій кормъ для коровы; зимою же приходится подумать, чѣмъ бы замѣнить ее.

Зимою коровѣ даютъ сѣно, солому, отруби, мякину, зерно, разные пойла; очень хорошо давать коровѣ побольше рубленой свеклы, моркови и картофельныхъ вытирокъ: овощи лучше всякаго другого корма замѣняютъ коровѣ траву.

Многимъ приходится кормить корову соломой, потому что солома самый дешевый кормъ. Но солома не такъ сытна, какъ другой кормъ; на одной соломѣ скотъ скоро тончаетъ и молока даетъ меньше; поэтому, если только есть возможность, надо мѣшать солому съ какимъ-нибудь другимъ кормомъ: съ сѣномъ, съ мукой, съ отрубями, съ рублеными овощами. Ужъ плохо-плохо, если солома составитъ половину всего корма.

Изъ соломы лучше всего дѣлать рѣзку, то-есть разрубить ее на мелкіе куски; рѣзку эту посыпать отрубями или мукой и полить горячей водой. Такую рѣзку корова ѣстъ гораздо охотнѣе, чѣмъ простую солому, да она и сытнѣе. Изъ соломы можно еще приготовить хорошій кормъ, если ее парить.

Надо еще замѣтить, что верхніе концы у соломы сытнѣе нижнихъ, а потому солому лучше разрубать на двѣ части: верхнюю часть давать ей въ кормъ, а нижнюю употреблять на подстилку.

Коровы очень любятъ мѣшанный, закислый кормъ; можно сдѣлать хороший кормъ, если положить въ чанъ рѣзки изъ соломы, сѣна, ботвы, свеклы, все это изрубить, перемѣшать хорошенько, посыпать мукой, залить водой, накрыть кружкомъ, придавить камнемъ и дать закиснуть.

Хорошо еще коровамъ давать кропиву; ее даютъ или рубленую или обваренную.

Корова вообще неприхотлива на ѣду, но нужно всегда заботиться о томъ, чтобы пища ея была свѣжая, не промерзлая, не лежалая, чтобы ясли и кормушки, въ которыхъ задается ей кормъ, содержались въ чистотѣ.

Кормъ коровѣ нужно давать разный, попеременно, чтобы онъ ей не пріѣдся; корова не любитъ ѣсть изо дня въ день все одинъ и тотъ же кормъ: онъ ей наскучиваетъ.

Еще коровамъ очень полезно давать лизать соль. Коровы очень любятъ, когда имъ даютъ хлѣбъ съ солью, и это имъ очень полезно.

Кормить корову надо раза 2—3 въ день; послѣ каждой ѣды ей нужно часокъ спокойно полежать или постоять, чтобы какъ слѣдуетъ прожевать свою жвачку.

На питье корова тоже не разборчива, но ее все же нужно всегда поить чистой, свѣжей водой изъ чистаго ведра. Отъ грязной воды корова можетъ захворать.

Лѣтомъ хорошо гонять коровъ на водопой къ рѣчкѣ, на отлогіи песчаный бережокъ; коровы любятъ постоять на такомъ бережку, войти въ рѣку и стоять по колѣно въ водѣ.

Не надо поить корову сейчасъ же послѣ ходьбы, когда она разгорячена: тутъ ей очень легко простудиться; надо дать ей напередъ простыть, а тогда уже и попоить ее. Зимой не годится поить коровъ слишкомъ холодной водой.

Доить корову надо ровно, осторожно, чтобы не сдѣлать ей больно, и выдаивать молоко дочиста.

Вообще во время доенія нужно ласково обращаться съ коровой, ласково говорить съ ней и отнюдь не пугать ее бранью и крикомъ.

Передъ доеніемъ надо всякій разъ хорошенько вымыть руки, обмыть коровъ вымя и насухо обтереть его чистымъ полотенцемъ.

Доить корову лучше всего крестъ-на-крестъ, то-есть сначала правый передній и лѣвый задній сосокъ, а потомъ лѣвый передній и правый задній; тогда и молока больше выдоишь.

Вотъ, если хозяйка будетъ ходить за коровою такъ, какъ сказано, да если будетъ она заботиться какъ нужно объ ея хлѣвѣ и кормѣ, если будетъ ее держать въ чистотѣ и правильно доить, то коровъ ея будетъ хорошо житься, она будетъ сытнѣе, здоровѣе, смирнѣе, молока будетъ давать много, да и молоко будетъ отъ нея хорошее; за всѣ труды и заботы хозяйки она отплатитъ ей своимъ молокомъ,—молока хватить и на ѣду всей семьѣ да и на продажу, пожалуй, останется.

Вернувшаяся мать.

Сосѣдъ нашъ продалъ свою корову, и новый хозяинъ увелъ ее съ собою за 12 верстъ отъ нашей деревни; а теленка ея сосѣдъ оставилъ у себя. Но на другое утро корова явилась опять къ воротамъ сосѣдскаго дома. Тоскуя о своемъ теленкѣ, она рвалась на волю, чтобы отыскать его, и наконецъ, ей удалось проломить рогами плетень загоня, куда помѣстилъ ее новый хозяинъ. Тогда она побѣжала обратно той же дорогой, какъ вели ее, и пришла съ громкимъ жалобнымъ мычаньемъ къ сосѣдскому дому, надѣясь, вѣроятно, найти тамъ своего теленка.

Не разлучайте мать съ дѣтенышемъ.

Въ Малой Азіи, въ странѣ Пафлагонской жилъ нѣкогда одинъ человѣкъ; звали его Филаретомъ. Онъ былъ очень добрый и сострадательный человѣкъ, всѣхъ любилъ, всѣхъ жалѣлъ и много помогалъ бѣднякамъ; всѣ голодные, бездомные и убогіе шли къ Филарету за помощью, и онъ всякому помогалъ, чѣмъ могъ; онъ былъ также очень добръ и сострадателенъ и къ животнымъ. За все это люди прозвали его Филаретомъ Милостивымъ.

Однажды на ту страну, гдѣ жилъ Филаретъ Милостивый, напали арабы, ограбили много селъ и деревень, угнали весь скотъ и разорили многихъ жителей. Та же участь постигла и семейство Филарета. Послѣ погрома у него остались только оселъ, одна корова съ теленкомъ да ульи пчелиные.

Одинъ разъ приходитъ къ нему бѣднякъ и просить у него теленка. Филаретъ съ радостью отдать ему теленка и сказалъ: «Бери и будь счастливъ». Бѣднякъ поклонился ему низко и повелъ теленка за собой. Но корова стала

скучать безъ теленка, жалобно мычала и над-рывала сердце всѣмъ домашнимъ. Жена Филарета плакала надъ коровой и упрекала мужа въ томъ, что онъ разлучилъ корову съ тельцомъ, — вѣдь онъ тоже навѣрное погибнетъ безъ матери.

Филаретъ отвѣчалъ: «Правду ты говоришь, но это дѣло можно поправить».

Послелъ онъ за тѣмъ человѣкомъ, что увелъ теленка, и сталъ звать его: «Воротись назадъ и приведи теленка къ матери».

Бѣднякъ подумалъ, что Филаретъ хочетъ отобрать у него назадъ подаренное, но все-таки послелъ за нимъ.

Когда они подошли къ коровѣ, теленокъ бросился къ матери, а Филаретъ сказалъ:

— Вотъ правду говорить, моя жена, что грѣхъ разлучать мать съ дѣтищемъ, а потому, другъ мой, возьми себѣ съ тельцомъ и корову, и дай Богъ тебѣ счастья.

Корова и ея пріемыши.

У одного хозяина пала овца и осталось отъ нея нѣсколько ягнятъ. Скучаютъ бѣдные ягнятки безъ матери, жалобно блеютъ и не хотятъ пить молока съ пальца; пришлось бы ягняткамъ вовсе умирать съ голоду, если бы хозяинъ не догадался положить ихъ подъ корову. Пососали ягнята свою новую мать и очень полюбили ее. И корова тоже скоро привязалась къ нимъ; она заботливо кормила ихъ, оберегала отъ чужихъ людей и лизала ихъ своимъ шершавымъ языкомъ, точно это были ея собственные телята. Такъ и выкормила корова ягнятъ.

Нашъ Сурка.

Одинъ разъ, сидя на окошкѣ, услышалъ я какой-то жалобный визгъ въ саду; мать тоже услышала его, и когда я сталъ просить, чтобы послали посмотрѣть, кто это плачетъ, что «вѣрно кому-нибудь больно», — мать послала дѣвушку, и та черезъ нѣсколько минутъ принесла въ своихъ пригоршняхъ крошечнаго, еще слѣпота щеночка, который, весь дрожа и нетвердо опираясь на свои кривыя лапки, тыкаясь во всѣ стороны головой, жалобно визжалъ или «скучалъ», какъ выражалась моя нянька. Мнѣ стало такъ его жаль, что я взялъ этого щеночка и закуталъ его своимъ платьемъ.

Мать приказала принести на блюдечкѣ тепленькаго молочка, и послѣ многихъ попытокъ, толкая рыльцемъ слѣпота кутенка въ молоко, выучила его лакать.

Съ этихъ поръ щеночъ по цѣлымъ часамъ со мной не разставался; кормить его по нѣскольку разъ въ день сдѣлалось моей любимой забавой; его назвали Суркой. Онъ сдѣлался потомъ небольшою дворняжкой и жилъ у насъ 17 лѣтъ, разумѣется, уже не въ комнатѣ, а на дворѣ, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мнѣ и къ моей матери.

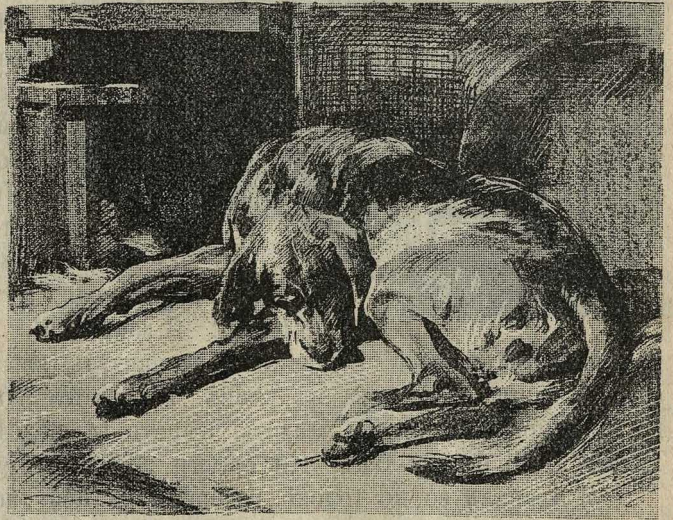
Больная собака.

— Что намъ дѣлать съ Лыской? Придушить надо, либо въ прорубь бросить... который день лежитъ на дворѣ: не лаеетъ, не сторожитъ... Захворала, видно, — такъ что въ ней проку-то?..

Такъ говорилъ крестьянинъ утромъ своей женѣ. Въ то время Одея, сынъ крестьянина, лѣтъ 9-ти, лежалъ на печи и слушалъ рѣчи отца. Жаль Оедѣ стало Лыски, но ничего не сказалъ онъ отцу, только заплакалъ про себя.

Дѣло было зимой. На дворѣ морозъ. Одея ухаживалъ, какъ могъ, за больной собакой: самъ не съѣстъ, а Лыскѣ снесетъ хлѣбца, толокна, молочка, косточку; сдѣлалъ ей гнѣздо изъ соломы, а на ночь покрылъ больную рогожей. Послѣ словъ отца Одея тотчасъ побѣжалъ на дворъ провѣдать Лыску. Лыска такъ умильно смотрѣла на своего кормильца, жалобно выла, но не могла отъ слабости даже хвостомъ махать. Видимо, еще хуже стало Лыскѣ.

На дворѣ морозъ трещить. Дрожить отъ холода больная собака.

— Лысенька, Лысенька,—говорить сквозь слезы мальчикъ; прижался щекой къ собакѣ и началъ согрѣвать ее дыханіемъ.—Не отдамъ я Лыски моей, не отдамъ! Пусть лучше бросить батька меня въ прорубь.

Когда въ избѣ никого не было, Одея осторожно принесъ Лыску со двора въ подполье и помѣстилъ въ самое теплое мѣсто подъ печкой.

Лыскѣ стало лучше въ теплѣ: на другой же день собака повеселѣла и, когда пришелъ навѣстить ее Одея, замахала хвостомъ и стала ѣсть хлѣбъ. Обрадовался мальчикъ.

Однажды, поздно вечеромъ, во время ужина, когда на дворѣ завывла метель, вдругъ подъ ногами ужиавшихъ, подъ поломъ, раздался громкій лай.

— Съ нами крестная сила!—воскликнули отецъ и мать Оеди:—никакъ въ подпольѣ что-то залаяло?

Лай повторился. Отецъ и мать Оеди въ страхѣ дрожали. Одея усмѣхнулся и, не говоря ни слова, побѣжалъ изъ-за стола и поднялъ заднюю, черезъ которую ходятъ въ подполье. Съ радостнымъ визгомъ вбѣжала Лыска въ избу, бросилась на шею своему другу и всѣмъ ласково лизала руки.

Собака на цѣпи.

У нашихъ сосѣдей собака сидѣла въ конурѣ и рѣдко было ее слышно, но когда я проходилъ, мнѣ всегда казалось, что она говоритъ: «Прошелъ и еще долгій мѣсяцъ! Никто не хочетъ спустить меня съ цѣпи и позволить побѣгать по луку, чтобы потомъ опять вернуться сюда. Пища въ моемъ корытѣ застоялась, вся покрылась клочьями шерсти, моя конура грязная и неубранная. Лучше бы ея вовсе не было!

Кости! — какъ онѣ мнѣ опротивѣли! Ничего, кромѣ костей и мяса! Я начинаю ненавидѣть жизнь и завидовать собакамъ, окотѣвающимъ съ голода на улицѣ. Возвратите мнѣ мою прежнюю свободу, когда я могла купаться, плавать, нырять въ холодной рѣкѣ и потомъ отряхиваться на берегу такъ, что брызги летѣли далеко кругомъ».

Я трепалъ ее по головѣ, говорилъ съ ней ласково, ей такъ было тяжело бѣднягѣ! Однажды я зашелъ къ сосѣдямъ и просилъ ихъ спустить ее съ цѣпи, дать ей побѣгать на свободѣ. «Вотъ глупости!—сказалъ мнѣ на это сосѣдь.—Она еще убѣжитъ!» — «Нѣтъ, не убѣжитъ она, — отвѣтилъ я.—Хоть и не сладко ей житье, а навѣрно крѣпко она привязана къ вамъ и безъ веревки будетъ вѣрно сторожить вашъ домъ.

Спустите вашу собаку съ цѣпи, не лишайте ее свободы!

Собака и ребенокъ.

Жилъ хозяинъ съ молодой хозяйкой. Дѣтей у нихъ только и было, что одинъ,—грудной еще. Пришелъ разъ хозяинъ съ работы, а жена ему говорить:

— Посиди маленько, я за водой схожу, а ты за дитей посмотри.

Ушла хозяйка, а вода не близко была. Посидѣлъ хозяинъ, да, видно, не родился онъ нянькой. Наскучило.

«Дай,—думаетъ,—къ сосѣду схожу».

Кликнулъ собаку:

— Полкашка, сюда! Лягъ здѣсь, да, смотри, береги!

Собака завиляла хвостомъ. Умно такъ глядитъ на хозяина, все понимаетъ. Обошла вокругъ зыбки, обнюхала, легла, морду на лапы уложила и уставилась въ дверь. Хозяинъ ушелъ, дверь притворилъ, да не плотно: на дворѣ тепло было.

Лежитъ собака, чутко слушаетъ; вдругъ встрепенулась, уши насторожила и носомъ потянула. Что такое?—На полу въ избѣ возлѣ двери стояла крынка съ молокомъ. Ползла мимо избы ядовитая змѣя. Почуяла молоко, вползла въ избу и крадется по стѣнкѣ, кольцами извивается. Заворчалъ Полкашка, зубы оскалилъ и ждетъ. Змѣя подползла къ зыбкѣ и стала по ней подниматься. Вскочилъ Полкашка, бросился на нее и зубами за горло схватилъ. Да лапами зыбку такъ толкнулъ, что она перевернулась, и ребеночекъ вывалился на полъ и заплакалъ. А Полкашка перегрызъ горло змѣѣ такъ, что голова совсѣмъ отвалилась.

Обрадовался Полкашка, что покончилъ со змѣей, бросился къ ребенку и ну его лизать, будто утѣшить хочетъ. Ребенокъ затихъ и задремалъ на полу, а Полкашка улегся рядомъ и ждетъ хозяина: думаетъ,—похвалить за вѣрную службу.

Воротился хозяинъ, отворилъ дверь. Кинулся на него Полкашка, облапилъ, залаялъ отъ радости. Глянулъ хозяинъ: опрокинута зыбка, ребенокъ на полу безъ движенія лежитъ, у собаки морда въ крови, и на него кинулась съ лаемъ.

— Взбѣсилась и ребенка загрызла!—почудилось ему вдругъ.—То-то сегодня она понурия голову ходила.

Схватилъ онъ сгоряча ножъ со стола и всадилъ ей въ самое сердце.

Изъ Полкашки духъ вонъ! А ребеночекъ отъ шума проснулся и заплакалъ.

— Живъ!—закричалъ отецъ и бросился къ зыбкѣ.

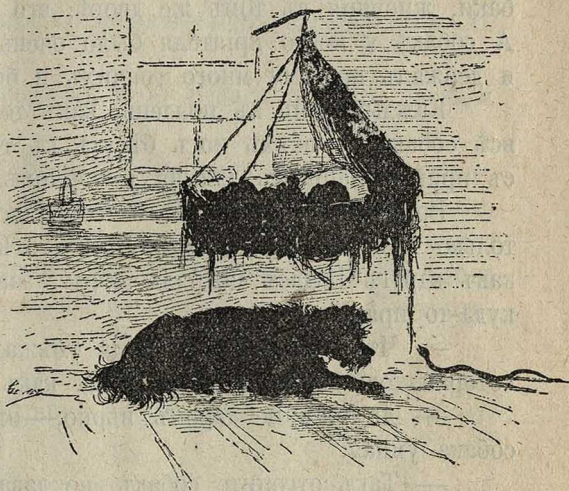

Рис. Б. Бемъ.

Тутъ только разглядѣть онъ, что на полу валялась змѣя, и кровью ея полъ перепачканъ. Понялъ онъ въ чемъ дѣло, къ Полкашкѣ бросился, да ужъ поздно. Пришла жена, узнала все и заголосила надъ мертвымъ Полкашкой.

Схоронили умную собаку, и долго потомъ добромъ поминали.

Вадасъ.

Была у моего пріятеля собака изъ породы гончихъ, звали ее Вадасъ; цвѣта она была темно-рыжаго съ толстыми неуклюжими ногами и съ глубокими морщинами на мордѣ, которыя собирались въ густыя складки, когда собака была сердита. Вадасъ былъ уже очень старъ и права очень степеннаго и серьезнаго: онъ давно уже пересталъ шалить и рѣзвиться; другія собаки, живущія въ томъ же дворѣ, его побаивались и уступали ему во всемъ. А собакъ у моего пріятеля было очень много, такъ какъ онъ былъ охотникъ и держалъ поэтому много гончихъ и борзыхъ.

Каждый день въ полдень, какъ только заиграетъ рожокъ на дворѣ, такъ всѣ собаки со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло большое корыто съ приготовленнымъ для нихъ кормомъ.

Вотъ одинъ разъ какъ-то собрались всѣ собаки около корыта, и какъ только имъ разрѣшили ѣсть, онѣ хотѣли было сунуться мордами въ ѣду, какъ вдругъ Вадасъ поднялъ морду, заворчалъ и опротивѣвъ бросился бѣжать куда-то прямо въ лѣсъ.

— Что это значитъ? Куда убѣжалъ Вадасъ?—громко спросила хозяйка, которая тоже пришла посмотреть, какъ кормятъ собакъ.

— Да ужъ не даромъ вѣрно,—отвѣчалъ егеръ;—онъ зря не побѣжитъ: собака умная.

— Такъ отгоните собакъ, не давайте имъ ѣсть, пока не вернется Вадасъ, а то онѣ все поѣдятъ, ему ничего не останется.

Хозяйка очень любила Вадаса, такъ какъ онъ былъ у нихъ самой старой и самой умной собакой.

Вдругъ, видимъ мы, идетъ Вадасъ назадъ, не торопясь, и съ нимъ еще одна собака. Боже мой, какая несчастная, жалкая, худая собака! Плетется она еле-еле, ноги едва передвигая, робко озирается и виляетъ хвостомъ.

— А вѣдь это собака покойнаго лѣсничаго,—сказалъ егеръ.—Бѣдняга, видно, съ голоду пропадаетъ съ тѣхъ поръ, какъ хозяинъ-то ея померъ!

Такъ какъ мы замѣтили, что собака, которую велъ Вадасъ, побаивается насъ, то всѣ мы отошли немного въ сторону и оттуда стали наблюдать, какъ подходили обѣ собаки. Уморительно и трогательно было смотрѣть на Вадаса, какъ онъ то забѣжитъ впередъ, то вернется назадъ къ собакѣ, то зайдетъ съ одной стороны, то съ другой—и третью своей мордой о нее, и хвостомъ помахиваетъ, и какъ-то ласково, ободрительно визжитъ, будто хочетъ сказать: «Иди, иди, не бойся!»

Лишь только голодная собака почуяла запахъ съѣстнаго, она вытянула морду, стала обнюхивать воздухъ и прибавила шагу. Вотъ они подошли къ

корыту, и чужая собака въ нерѣшимости остановилась, а Вадасъ подталкивалъ ее подъ бокъ и слегка ворчалъ, будто говорилъ: «Ну, глупая, ѣшь, не бойся!» и самъ опустилъ морду въ корыто для примѣра: «Ну, давай, что ль, вмѣстѣ!» Тогда и голодная гостья его тоже сунулась въ корыто и сейчасъ же стала съ жадностью чавкать и глотать пищу. Другія собаки съ визгомъ и воемъ тоже рванулись къ ѣдѣ, но не тутъ-то было! Вадасъ такъ грозно на нихъ зарычалъ, что онѣ сразу всѣ остановились, а онъ сердито обошелъ кругомъ всего корыта и отогналъ всѣхъ собакъ подальше отъ него, остановился опять около своей подруги, поднялъ морду, задралъ хвостъ, какъ палку, и стоялъ неподвижно, какъ вкопанный, и строго и важно поглядывалъ кругомъ. Наконецъ гостья его, видно, ужъ утолила свой первый голодь, подняла голову и съ удовольствіемъ стала облизываться. Тогда и Вадасъ самъ приступилъ къ ѣдѣ и ужъ ничего не имѣлъ противъ того, что и другія собаки ринулись со всѣхъ ногъ къ корыту и принялись съ жадностью за ѣду, которую имъ такъ долго пришлось ждать, можетъ-быть, первый разъ въ жизни.

Когда онѣ кончили, хозяйка подозвала къ себѣ Вадаса и долго ласкала собаку.

— Вадасъ, милый, хорошій мой Вадасъ!—говорила она.—Ты лучше, добрый насъ, людей!—И она взглянула на насъ всѣхъ и прибавила:—Какъ стыдно, что никто изъ насъ раньше не сдѣлалъ того же, что и Вадасъ: никто изъ насъ не вспомнилъ объ этой несчастной собакѣ! Мы непременно должны оставить ее у себя и кормить хорошенько, чтобы она поправилась. Смотрите, какая она жалкая!

И хозяйка подошла къ ней и приласкала ее, а Вадасъ радостно вертѣлся около нихъ и лизалъ руки хозяйки, будто благодарилъ ее за сочувствіе.

Съ тѣхъ поръ собака эта осталась жить въ этомъ дворѣ до конца своей жизни, и Вадасъ всегда защищалъ ее отъ другихъ собакъ, которыя пытались ее обижать на первыхъ порахъ.

Но прожила она не долго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ, видимо, была уже очень стара и слаба. Когда она умерла, Вадасъ цѣлый день просидѣлъ около ея тѣла и не позволялъ ее трогать, а потомъ, послѣ ея похоронъ, часто приходилъ на мѣсто, гдѣ ее закопали, садился около и вылъ жалобно.

О п о з д а л а !

Передъ своимъ отъѣздомъ на пароходъ въ далекіе края хозяева собаки уговорились съ сосѣдями, что они возьмутъ ее къ себѣ. Чтобы она не побѣжала за хозяевами на пароходъ, они привязали ее крѣпкой веревкой и заперли. Долго билось бѣдное животное, стараясь разорвать веревку. Наконецъ, она разорвала ее и бросилась къ двери, но дверь была заперта. Тогда собака отчаяннымъ прыжкомъ вскочила на подоконникъ, распахнула раму и выскочила на улицу. Обнюхивая слѣды, она приближалась на пристань, но

слишкомъ уже поздно: пароходъ, на которомъ уѣзжаютъ ея господа, отвалилъ, и уже далеко отъ берега! Можетъ-быть, если бы она прибѣжала раньше,

Опоздала!

хозяева ея, увидя, какъ она горячо ихъ любить, сжалились бы и взяли бы ее съ собою! Но теперь она никогда не увидитъ ихъ больше!

Кошка и котята.

Рис. Е. Бемъ.

Была у насъ старая сѣрая кошка. Всѣ мы къ ней привыкли. Бывало, ляжешь спать, а она около тебя вертится, мурлычетъ, спать въ ногахъ гнѣздится. Какъ была она котенкомъ, то мы съ нею играли. Ласковая была кошка.

Вотъ разъ проснулся я, слышу—пищать кто-то. Я мигомъ соскочилъ съ кровати, заглянулъ въ уголъ за дверь, а тамъ котятки. Кошка ихъ лижетъ, молочкомъ кормить и мурлычетъ ласково. Я такъ былъ радъ, что нѣсколько дней не выходилъ на улицу: все глядѣлъ, какъ кошка съ котятами возится.

Пришла къ намъ тетка Матрена и говоритъ:

— Ай-ай, сколько котятъ! Куда вамъ? Вы лишнихъ-то забросьте.

Послушали мы тетку Матрену и забросили котятъ въ поле, въ бурьянъ, въ канаву.

Вечеромъ сестренка Маша и говоритъ мнѣ:

— Пойдемъ котятъ глядѣть! Что-то они тамъ дѣлають?

Мы пошли. Пищатъ котята въ травѣ, не видно. Сестра не утерпѣла, полѣзла въ канаву. Полѣзъ и я. Глядимъ: путаются котята въ сырой кропивѣ, слабенькіе, слѣпенькіе, всѣ мокрые, трясутся, рты разѣвуютъ, расползлись, въ землю носомъ тычутся...

Жалко намъ стало котятко. Вспомнили мы кошку, какъ она по двору ходитъ, жалобно мяукаетъ, мѣста нигдѣ найти не можетъ. Подобрали мы котятъ въ подолы, да и домой скорѣе. Мы думали посадить ихъ подъ житницу и привести къ нимъ кошку.

Увидали мы на дворѣ кошку, показали ей, что мы несемъ,—обрадовалась, вокругъ ногъ вертится, прочь не отходить. Глаза горять, какъ у человѣка, точно сказать что хочетъ.

Въ это время изъ избы вышла мать.

— Зачѣмъ вы ихъ принесли?

А потомъ, какъ посмотрѣла на котятъ, какіе они слабенькіе, жалкіе, посмотрѣла на кошку и сказала:

— Ну, ладно! Несите ихъ въ избу.

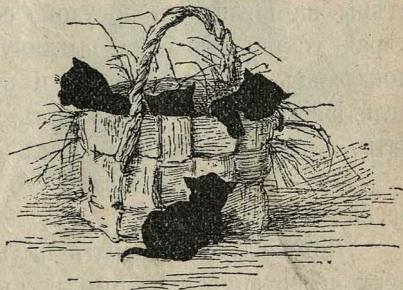

Рис. Е. Бемъ.

Неожиданный докторъ.

Бѣдный больной мальчикъ лежалъ въ постели. Онъ былъ постоянно одинъ. Проходили день за днемъ, а мальчикъ все лежалъ и все ему не было лучше.

Его мать съ ранняго утра уходила на работу и возвращалась лишь поздно вечеромъ. Уходя, она приготавливала для мальчика ѣду повкуснѣе, ставила передъ нимъ воду, лѣкарства, которыя прописалъ мальчику докторъ, клала ему на кровать всѣ немудрыя игрушки и книжки, какія только были у Вани. Уходя, она долго-долго цѣловала мальчика и каждый день забѣгала къ старушкѣ-сосѣдкѣ и просила ее:

— Такъ ужъ вы, Марья Петровна, загляните опять къ моему мальчугану. Все ему не лучше, не ѣсть ничего, блѣдный все, грустный. Вся душа за него выболѣла. Загляните, голубушка, сдѣлайте ему, что будетъ нужно! — и она торопливо уходила на работу.

Ваня лежалъ одинъ, перебиралъ старыя игрушки, выдумывалъ разныя игры, смотрѣлъ картинки, но все это ему давно надоѣло. Да и грустно играть всегда одному, всегда лежа на одномъ мѣстѣ.

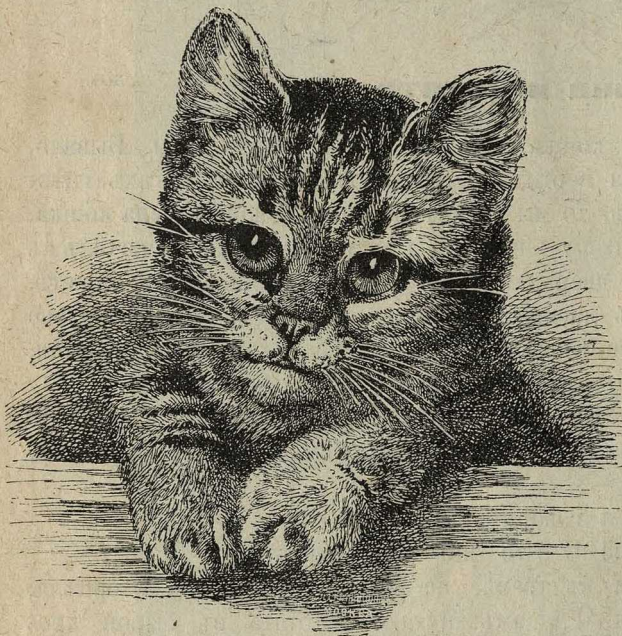
Онъ лежалъ, грустя, пока не

приходила Марья Петровна. Она ласково разспрашивала мальчика, поправляла ему подушки, рассказывала что-нибудь и опять торопилась домой, такъ какъ тамъ ее ждали внучата. Ваня любилъ, когда приходила старушка. Но съ ея уходомъ ему дѣлалось еще грустнѣе.

Разъ Ваня по обыкновенію лежалъ одинъ. Въ комнатѣ было жарко и душно. Только изъ полуоткрытой двери врывалась струя чистаго, свѣжаго воздуха. Ваня лежалъ и, скучая, переводилъ глаза съ окна на стѣну, со стѣны на шкафъ съ посудой, со шкапа на дверь. Вдругъ въ дверь выглянула сѣрая усатая мордочка, выглянула, осмотрѣлась и замурлыкала. За мордочкой показалась выгнутая спина и въ комнату вошелъ сѣрый котенокъ. Онъ вошелъ, оглядѣлся, еще разъ попохалъ воздухъ и направился прямо къ Ваниной кровати. Котенокъ былъ голодень и запахъ Ванинаго завтрака приманилъ его.

— Ксс-ксс! — позвалъ его Ваня. Лицо его оживилось и даже покрылось легкимъ румянцемъ.

Котенокъ вспрыгнулъ на кровать, потерялся, громко мурлыкая, о Ванину руку и потянулся къ столу, съ котораго такъ заманчиво пахло.

Ваня досталъ со стола булку, обмакнулъ ее въ супъ и далъ котенку. Котенокъ съ жадностью принялся за ѣду, а глядя на него, началъ ѣсть и Ваня. Котенокъ наѣлся и началъ, мурлыча, умываться. Онъ тщательно лизалъ свою лапку и потомъ преуморительно теръ ею свою усатую мордочку. Глядя на своего гостя, Ваня заливался веселымъ смѣхомъ.

Когда въ комнату вошла Марья Петровна, чтобы навѣстить мальчика, оба новые друга сладко спали, крѣпко обнявшись. На столѣ стояла пустая тарелка. Марья Петровна подошла къ кровати, посмотрѣла на мальчика, одобрительно покачала головой и на цыпочкахъ, неслышно вышла.

Когда вечеромъ пришла мать Вани, она еще съ лѣстницы услышала его веселый смѣхъ. Давно уже не слыхала его она! Какъ радостно забилося ея сердце! Она почти бѣгомъ добѣжала до своей комнатки и, открывъ дверь, остановилась на порогѣ.

На кровати, перегнувшись къ полу, лежалъ ея мальчикъ и водилъ концомъ полотенца, а сѣренькій котенокъ бѣгалъ за нимъ, прыгалъ, перевертывался на спину и старался лапками схватить полотенце. Мальчикъ весело смѣялся, щечки его порозовѣли. И какъ весело, радостно, бодро заговорилъ онъ, когда мать подошла къ его кровати!

Котенокъ остался у Вани. Каждый день они вмѣстѣ просыпались, вмѣстѣ ѣли, играли, вмѣстѣ ложились спать. Ваня повеселѣлъ, щечки его день ото дня дѣлались розовѣй, силъ прибавлялось съ каждымъ днемъ. Когда черезъ недѣлю пришелъ навѣстить его докторъ, онъ засталъ Ваню уже сидящаго на стулѣ съ его маленькимъ другомъ на колѣняхъ. Докторъ даже удивился, до чего поправился мальчикъ. Онъ спрашивалъ Ваню, какъ онъ провелъ эту недѣлю, и, уходя, погладилъ его по головѣ и пощекоталъ коту подъ шеей.

Когда же еще черезъ недѣлю пришелъ докторъ, Ваня былъ уже на ногахъ. Мать Вани не знала, какъ и благодарить доктора за то, что онъ помогъ ея мальчику. А докторъ въ отвѣтъ на ея благодарность взялъ котикшу на руки и сказалъ:

— Вотъ этого доктора благодарите, безъ него я бы ничего не подѣлалъ. Онъ пришелъ развеселить нашего мальчика, а развеселивъ, далъ ему сонъ и аппетитъ, а съ ними и здоровье.

Собака и котенокъ.

Недавно я слышалъ такую исторію. У однихъ моихъ знакомыхъ слуга понесъ топить въ прудѣ котенка. За нимъ побѣжала хозяйская собака. Когда котенка бросили въ прудъ, собака кинулась за нимъ и вытащила его на берегъ. Слуга бросилъ котенка во второй разъ; собака опять спасла его; когда же слуга, упорно желавшій лишить жизни маленькое безпомощное животное, сталъ топить его въ третій разъ, собака,

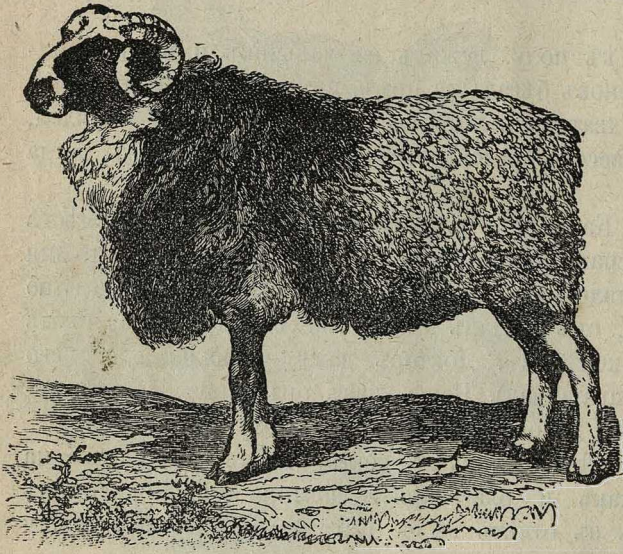
такъ же упорно желавшая спасти его, бросилась вслѣдъ за нимъ, переплыла съ котенкомъ на другой берегъ, побѣжала съ нимъ домой и успокоилась только тогда, когда положила его въ кухнѣ у топящейся печки. Съ тѣхъ поръ собака и котенокъ сдѣлались неразлучны и даже спали вмѣстѣ на одной постели.

О в ц ы.

Рано поутру, какъ только взойдетъ солнышко, проснется вся деревня. Пастухъ встаетъ, кличетъ своихъ собакъ и выпускаетъ изъ овчарни овецъ и барановъ. Съ помощью собакъ онъ выгоняетъ ихъ въ поле. Собаки необхо-

димы пастуху; безъ нихъ ему не справиться со стадомъ. Чуть только стадо свернетъ съ настоящаго пути, собаки лаемъ снова направляють овецъ на дорогу. Въ лѣсу и въ полѣ онѣ оберегаютъ стадо отъ волковъ и отъ другихъ хищниковъ.

Овцы всегда живутъ стадами; въ каждомъ стадѣ есть свой вожакъ, старый баранъ, за которымъ идутъ всѣ остальные овцы; вожакъ всегда идетъ впереди стада, а остальные овцы тѣснятся за нимъ. Пока утромъ изъ овчарни не выйдетъ вожакъ, — не выйдетъ ни одна овца. Но стоитъ только вожаку выбѣжать на улицу, какъ все стадо опрометью бросится за

нимъ, толкаясь въ выходѣ, и черезъ нѣсколько минутъ въ овчарнѣ не останется ни одной овцы. Подскочить на пути гдѣ-нибудь вожакъ, — и все стадо подскочитъ за нимъ; вздумается ему въ полдень прилечь и отдохнуть, — и все стадо сейчасъ же ложится; если овцы отобьются отъ пастуха, вожакъ служить имъ хорошую службу: въ непогоду онъ отыскиваетъ вѣрное убѣжище для стада, въ полуденный жаръ — прохладную тѣнь или ручеекъ свѣжей воды и ведетъ къ нему за собою все стадо.

Человѣкъ давно уже оцѣнилъ длинную, волнистую, мягкую шерсть овцы и придумалъ употребить ее на свою пользу. Весной, прежде чѣмъ овцы начнутъ линять, онъ стрижетъ съ нихъ шерсть и валяетъ изъ нея сукна, валенки, войлоки. Онъ прядетъ овечью шерсть и вяжетъ изъ нея теплые чулки.

Овцы довольно легко переносятъ холодъ, неприхотливы на фду, но онѣ гораздо слабѣе и нѣжнѣе другихъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Овцы легче заболѣваютъ и труднѣе вылѣчиваются отъ болѣзней. Вреденъ имъ и несвѣжій кормъ и спертый, тяжелый воздухъ и сырое помѣщеніе. Заболѣваютъ онѣ и отъ несвѣжей воды для водооя, и отъ того, что пасутся на болотистомъ пастбищѣ.

Васины козочки.

Васина мама заболѣла, и докторъ послалъ ее въ деревню и велѣлъ ей пить козье молоко. Вотъ тогда-то Васинъ отецъ и купилъ козу съ маленькой козочкой. Старшую козу звали Машкой, а маленькую хорошенькую козочку звали Красоткой. Вася очень полюбилъ своихъ козочекъ; каждый день поутру, лишь только проснется Вася, бѣжитъ онъ, бывало, къ своимъ козочкамъ и несетъ имъ большой ломоть чернаго хлѣба съ солью, выпросить у кухарки и несетъ имъ овощей, рветъ для нихъ самую свѣжую зеленую травку. Козочки скоро узнали Васю и очень къ нему привыкли; какъ только завидятъ онѣ его издали, уже бѣгутъ къ нему, протягиваютъ шеи, тыкаются головами ему въ руки, — смотрятъ, что онъ имъ принесъ, и съ удовольствіемъ начинаютъ уписывать лакомое угощеніе.

А слѣдомъ за Васей идетъ кухарка Матрена съ подойникомъ; она гладитъ и ласкаетъ козу Машку, треплетъ ее по шеѣ; потомъ сядетъ около нея, обмоетъ ей вымя, оботретъ чистымъ полотенцемъ и начнетъ доить. Машка стоитъ смирно и смотритъ умными глазами на Васю, а козочка Красотка тутъ же, около матери, скачетъ, травку щиплетъ.

Подойтъ Матрена Машку и отдаетъ молоко Васѣ; онъ несетъ его мамѣ; мама пьетъ сама и Васѣ даетъ.

Скоро мама стала поправляться отъ козьего молока; силъ у нея прибавилось, щеки порозовѣли; очень любилъ Вася козу Машку, а тутъ еще больше сталъ любить ее за то, что она вылѣчила его маму.

Къ концу лѣта Красотка такъ выросла, что почти догнала ростомъ свою мать, и сдѣлалась очень хорошенькой козочкой; она была очень веселая и бѣдовая, и Вася превесело проводилъ съ нею время; они сдѣлались большими друзьями, и козочка бѣгала всюду за мальчикомъ, какъ собаченка.

Настала осень; пора было переѣзжать въ городъ. Васинъ папа сказалъ, что въ городѣ имъ негдѣ будетъ держать козъ и что ихъ надо продать. Какъ ни упрашивалъ Вася папу и маму не продавать Машки и Красотки, они не могли этого сдѣлать, хотя имъ и жаль было Васю.

Разъ какъ-то мама позвала Васю, обняла его и сказала ему, что папа продалъ Машку и Красотку и что завтра утромъ придетъ мужикъ и уведетъ ихъ. Горько плакалъ Вася, прощаясь со своими друзьями—Машкой и Красоткой. Почти весь этотъ день онъ не отходилъ отъ нихъ, угощалъ ихъ то тѣмъ, то другимъ, обнималъ ихъ за шеи и цѣловалъ въ мордочки.

На другой день, рано утромъ пришелъ мужикъ съ длинной веревкой и закинулъ ее на шею Машкѣ; потомъ онъ хотѣлъ поймать и Красотку и об-

Рис. Е. Бемъ.

вязать ей шею веревкой, но бѣдовая козочка не давалась; она вырывалась отъ мужика, испуганно блеяла и бѣгала по двору, описывая огромные круги.

Наконецъ, папа сказалъ:

— Оставь ее, она и такъ пойдетъ за маткой.

И правда, когда мужикъ потащилъ на веревкѣ Машку, которая шла неохотно, понутивъ голову, Красотка вдругъ остановилась, посмотрѣла вслѣдъ матери и со всѣхъ ногъ бросилась за нею; но пробѣжавъ немного, она все-таки остановилась, простояла въ нерѣшительности нѣсколько секундъ, оглянулась и бросилась къ Васѣ. Въ это время мужикъ потянулъ сильнѣе Машку за собою, она заволновалась, оглянулась и, увидя, что Красотка отстала отъ нея, тревожно заблеяла. Красотка вздрогнула, метнулась къ ней, потомъ къ Васѣ, остановилась и вдругъ опять бросилась догонять мать; въ нѣсколько скачковъ она была уже подлѣ нея; мужикъ шелъ все скорѣе, таща за собою Машку. Красотка, взволнованная, бѣжала за нею, то и дѣло оглядываясь на Васю, и жалобно блеяла... Вася не могъ этого вынести, онъ убѣжалъ за сарай, упалъ на кучу обмолоченной соломы, закрылъ лицо руками и долго и горько плакалъ.

Рис. Е. Бемъ.

Кошка и свиньи.

Возлѣ дома въ загородкѣ жили свиньи. У нихъ была навалена солома, чтобы имъ было тепло. Когда имъ хотѣлось спать, онѣ зарывались въ солому. У нихъ стояло корыто. Въ это корыто старикъ Семенъ выливалъ помой.

Разъ къ свиньямъ зашла одичавшая кошечка. Ей понравилось у свиней. Возлѣ нихъ въ соломѣ было тепло. Свиньи къ ней привыкли и не обижали ея. Она ходила возлѣ нихъ и терлась, ласкалась къ нимъ. Свиньи же въ отвѣтъ осторожно трогаютъ ее мордой и нюхаютъ. Когда приносили ушатъ съ помоями и выливали въ корыто, свиньи бросались къ корыту и кошка съ ними. Свиньи совали свои рыла въ помой, а кошечка ждала и зорко слѣдила за ними. Выбросить нечаянно свинья рыломъ какую-нибудь корочку хлѣба или кость, кошка подскочить и поймаетъ.

Набьются свиньи, да въ солому. Зароются по самую морду и спать. И кошка возлѣ нихъ уляжется. Ей и тепло и мягко. Такъ она и жила со свиньями.

Умная свинья.

У одной свиньи появились на свѣтъ поросятки. Весь день она паслась съ поросятами въ лѣсу и только къ вечеру приходила домой ѣсть. Въ то время, какъ она приходила, хозяинъ сталъ брать у нея поросятъ, по одному, и закалывалъ ихъ; такъ онъ взялъ трехъ поросятъ. Наконецъ свинья замѣтила убыль своихъ дѣтей и на слѣдующій вечеръ вернулась домой уже одна. Хозяинъ захотѣлъ узнать, что сдѣлалось съ поросятами. Онъ сталъ слѣдить за свиньей—и что же увидѣлъ? Цѣлый день свинья паслась вмѣстѣ съ поросятами, а какъ наступилъ вечеръ, то угнала ихъ подальше въ лѣсъ, а сама пошла домой одна. Свинья разсудила, что ея поросятъ берутъ тогда, когда она приводитъ ихъ по вечерамъ домой,—и вотъ она рѣшила оставлять ихъ на это время однихъ въ лѣсу.

Кто чѣмъ кормится.

Не станетъ корова мяса ѣсть, а волкъ траву щипать: всякій ищетъ для себя пищи, какая ему по природѣ назначена.

Лошадь и корова, овца и коза на лугу пасутся, траву щиплютъ. Волкъ и лисица, кошка и собака живую добычу ловятъ, живое тѣло терзаютъ. Ежи и кроты—мелкіе хищники, имъ по силамъ только съ мышью справиться. Они больше пробавляются насѣкомыми, улитками, червями. Одна свинья ничего не разбираетъ: ѣсть и траву, не брезгуетъ и свѣжинкой,—только бы на зубъ попало.

Лошадь, корова, овца, коза — *травоядные животныя*; волкъ, лисица, кошка, собака — *хищныя* или *плотоядные животныя*; кротъ, ежъ — *насекомоядные животныя*; свинья — *всеядное животное*.

Ч у т ь е.

1. Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другого хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутье силь-

нѣе, и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ издалека, а другой нюхаетъ гнилое яйцо, а не чувствуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего наощупь не узнаетъ, не разберетъ дерева отъ бумаги. Одинъ, чуть возьметъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберетъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутье сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

2. Человѣкъ, когда захочетъ узнать вещь, посмотреть ее, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку, для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего ее пощупать.

А для звѣрей—почти для всѣхъ—нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока ея не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуютъ, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина—испугается, не узнаетъ и начинаетъ лаять до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, и есть самый ея хозяинъ.

3. Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ режутъ быки на бойнѣ, и все не понимаютъ, что такое дѣлается. Но стоитъ коровѣ или быку найти то мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ пойметъ, начнетъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошелъ самъ доить корову. Корову фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

4. Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20. Когда не знающій охотникъ хочетъ навѣсть собаку на слѣдъ звѣря и ткнетъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберетъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чувствуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ, и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ то же, что мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдемъ, и тогда издали только разберемъ, что говорятъ; или когда слишкомъ близко отъ насъ то, что мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

5. Еще тоньше чутье у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползетъ къ своему листу. Клещъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутье насѣкомыхъ!

Курица на яйцахъ.

Рис. Е. Вемъ.

Мишина курочка Бьянка клюхчетъ. Она яичко спесла. Бѣлое, чистое яичко лежитъ на соломѣ.

Миша каждый день ходитъ въ курятникъ, беретъ у курочки яичко и кладетъ его въ ящикъ.

Невеселая сбѣлалась курочка, спесла послѣднее яичко и сидитъ на гнѣздѣ. Расхохлилась вся, не стащишь ее и съ мѣста.

Мама взяла ящикъ, постлала въ него соломы, положила рядочкомъ яйца, которыя Миша набралъ, и посадила на эти яйца курицу.

Курица сидитъ смирно. Сойдетъ только для того, чтобы поклевать зернышекъ, попить воды, да и опять въ гнѣздо. Переворочаетъ ногами яйца и сядетъ.

— Зачѣмъ она ворочаетъ яйца?—спросилъ Миша.

— Чтобы всѣ яйца ровно нагрѣвались,—отвѣчала мама.—Курочка теплая, она грѣетъ своимъ тепломъ яйца и въ нихъ развивается зародышъ.

— Какой зародышъ?—спросилъ Миша.

— Ты видалъ, что въ яйцѣ есть желтокъ. Ну, въ этомъ желткѣ, когда курица посидитъ на яйцѣ, отъ нея тепла появляется кровавая точка. Отъ этой точки пойдутъ жилки. Дальше да больше растеть точка или зародышъ и вскорѣ дѣлается что-то похожее на цыпленка, только голаго. Потомъ на немъ пушокъ вырастаетъ, а потомъ, когда онъ достаточно вырастетъ, и ему сдѣлается въ яичкѣ тѣсно, онъ пробиваетъ носкомъ скорлупу яйца и выходитъ.

Курица выводитъ цыплятъ.

Три недѣли сидѣла курица на яйцахъ. Исхудала вся бѣдняжка, на грудкѣ у нея всѣ перья вытѣзли и грудь сбѣлалась голая.

Мама знала, когда нужно цыплятамъ выходить изъ яицъ. Она пошла посмотрѣть на нихъ. Вынула курицу изъ ящика, взяла одно яичко, приложила къ уху, послушала, потомъ приложила его къ уху Миши. Миша услыхалъ: тукъ-тукъ въ яичкѣ. Онъ такъ подпрыгнулъ отъ радости, что чуть яичка не уронилъ. Мама положила яйцо въ ящикъ и всѣ другія пере-

слушала. Одно было немного пробито цыпленкомъ. Мама сложила всѣ яйца и посадила на нихъ курицу.

Къ вечеру мама съ Мишей опять пошли посмотрѣть. Въ надтреснутомъ яйцѣ была уже порядочная дыра и подъ пленкой видно было, какъ въ яйцѣ что-то шевелилось. Мама Миша увидаль маленькій шечкой на концѣ. Этой твердую скорлупу яйца.

Рис. Е. Бемъ.

На другое утро, когда пришли мама и Миша, они услышали, что въ ящикѣ что-то пищитъ. Это былъ вчерашній цыпленокъ. Онъ совсѣмъ вышелъ изъ яйца и даже обсохъ. Миша вскрикнулъ отъ радости. Какой это былъ хорошенькій цыпленокъ, весь покрытый желтымъ пушкомъ и съ черными глазками! Мама дала Мишѣ поддержать цыпленка, потомъ они посадили его въ корзинку, чтобы онъ не мѣшалъ своимъ пискомъ курицѣ досидѣть другихъ яицъ. Мама по-

ставила корзинку съ цыпленкомъ въ теплое мѣсто.

Другія яйца всѣ уже были съ наклевышами, то-есть пробиты цыпятами. Въ одномъ яйцѣ шевелился мокренькій цыпленокъ съ прилипшимъ къ тѣлу пушкомъ. Онъ совсѣмъ разломалъ свое яйцо, но еще не вышелъ. Мама взяла его въ руку. Вдругъ онъ сталъ шевелить ножками, головкой и всѣмъ тѣломъ и вывалился изъ яйца мамѣ на руку. Мама и его посадила къ первому цыпленку въ корзинку.

— Онъ обсохнетъ, — сказала мама, — и будетъ такой же хорошенькій, какъ и первый.

Насѣдка.

Рис. Е. Бемъ.

Сегодня я вышла на кухонное крыльцо. Миша сидѣлъ на лѣсенкѣ и кормилъ куръ; онъ насыпалъ на землю крупы, курица-наседка подошла съ своими цыпятами къ лѣсенкѣ и они клевали эту крупу. Какая она была

славная, какъ хорошо она сзывала къ себѣ своихъ цыплятъ, разгребала крупу своими широкими, сильными лапами и клевала то здѣсь, то тамъ, чтобы дѣткамъ ея охотнѣе ѣлось!

Цыплятки были еще совсѣмъ маленькіе, пушистые—точно мягкіе пуховые шарики, черненькіе, сѣренькіе, одинъ былъ совсѣмъ желтый, точно канарейка. Они чивикали слабыми голосками, проворно подбирали крупу своими крѣпкими носиками, и когда мать принималась разгребать крупу и сзывать ихъ къ себѣ громкимъ клокотаньемъ, они сейчасъ же сбѣгались къ ней и, проворно клоя, собирались около самаго ея тѣла.

Одинъ цыпленочекъ былъ должно быть больной: онъ не бѣгалъ, не суетился, какъ его братья, не чивикалъ, не клевалъ крупы, а стоялъ скучный и взъерошенный около самыхъ ступенекъ; на головѣ у него перышки были мокрые и въ одномъ мѣстѣ было какъ будто наклевано.

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что съ нимъ; онъ сидѣлъ такъ смирно; я не подумала о томъ, что могу напугать мать, протянула руку и взяла его,—онъ даже не встрепенулся у меня въ рукѣ и будто замеръ.

Но какъ испугалась мать! Она вся распушилась, взъерошилась, взметнулась тревожно, прыгнула ко мнѣ разъ, другой и яростно щипнула меня за палецъ.

Я сейчасъ же выпустила цыпленочка; но мать уже была напугана и встревожена; она не стала больше клевать, не захотѣла больше имѣть съ нами никакого дѣла, бросила крупу и пошла прочь, сзывая тревожнымъ крикомъ своихъ цыплятокъ, которые, точно шарики, покатались за нею, быстро семена своими пожатками.

Я отошла подальше, чтобы не волновать своимъ видомъ бѣдную испуганную насѣдку, но она не вернулась; мнѣ было очень стыдно, что я причинила ей такую тревогу и, смутивъ покой бѣдной матери, отогнала ее и ея дѣтокъ отъ вкусной ѣды; но поправить этого я уже ничѣмъ не могла и ушла огорченная и смущенная...

Уходъ за курами.

Если вы хотите, чтобы вашимъ курамъ хорошо у васъ жилось, вы должны прежде всего позаботиться о томъ, чтобы имъ было тепло: куры любятъ тепло и очень плохо переносятъ холодъ,—простужаются и хвораютъ.

Курятникъ для куръ нужно устраивать теплый, сухой и достаточно просторный. Его необходимо часто чистить, мыть, подметать и посыпать полъ чистымъ пескомъ и хорошошенько его провѣтривать.

Въ сырыхъ и грязныхъ курятникахъ куры часто болѣютъ; отъ нечистоты у нихъ заводятся разныя болѣзни, и всѣ куры могутъ переболѣть и перевестись.

Рис. Е. Вель.

Куры любят свѣтъ, онѣ необходимѣ имѣ для здоровья; поэтому хорошо въ курятникѣ дѣлать оконце.

Пьютъ куры часто и понемногу; поэтому въ курятникѣ всегда должна быть чистая вода для питья. Воду эту надо по крайней мѣрѣ разѣ въ день мѣнять и всякій разѣ поилку споласкивать и обтирать. Тамѣ, гдѣ куры пьютъ всегда чистую воду, онѣ гораздо рѣже хвораютъ.

Въ холодное время года не слѣдуетъ давать курамѣ пить холодную воду; онѣ легко могутъ простудиться отъ этого и заболѣть.

Куры неприхотливы на ѣду: онѣ ѣдятъ разный кормѣ; но нужно всегда заботливо смотрѣть за тѣмѣ, чтобы весь кормѣ, какой имѣ даютъ, былѣ свѣжій. Гнилой и лежалый кормѣ очень вреденѣ курамѣ.

Задавая кормѣ, надо всякій разѣ чистить посуду, въ которой его даютъ, и споласкивать ее свѣжей водой, а отъ времени до времени надо мыть посуду горячей водой.

Самый хороший кормѣ можно испортить, если давать его курамѣ въ грязной посудѣ; очень многія болѣзни дѣлаются съ курами отъ нечистоты въ кормѣ.

Если давать курамѣ зимою зеленого корма (очистковѣ отъ овощей, хорошо промытой кислой капусты, рубленой свеклы и сѣнной сѣчки), то куры будутѣ здоровѣе и веселѣе.

Если давать курамѣ извести, у нихѣ лучше развиваются кости и перья, и пища лучше переваривается у нихѣ въ желудкѣ; яичная скорлупа содержитѣ въ себѣ очень много извести: скорлупу нужно толочѣ и сыпать въ кормѣ курамѣ.

Курамѣ еще необходимо глотать песокѣ и камешки: у курицы нѣтъ зубовѣ для того, чтобы разжевывать свою пищу, особенно же твердыя зерна; вотѣ камешки и песокѣ, которые курица глотаетѣ, попавѣ въ желудокѣ, и помогаютѣ ей перетирать и размельчать пищу.

Очень хорошо приучить курѣ кормиться всегда въ одно время.

Зимою въ сильный холодѣ курамѣ требуется больше ѣды, чѣмѣ въ теплую погоду.

Лѣтомѣ куры должны весь день бѣгать на дворѣ и только къ ночи ихѣ надо загонять въ курятникѣ, а зимою ихѣ надо хоть не надолго выпускать побѣгать по двору, или если ужѣ холодно,—выпустить погулять хоть въ сѣнцы.

Когда насѣдка сидитѣ на яйцахѣ, ее нужно особенно побережѣ; надо заботиться о томѣ, чтобы неподалеку отъ ея гнѣзда всегда были припасены—свѣжая вода для питья, кормѣ, известѣ, песокѣ и ящикѣ съ золою, въ котормѣ она могла бы купаться и чистить свои перья.

Когда выведутся цыплята, за ними надо особенно старательно походить. Какѣ только вылупится изѣ яйца цыпленокѣ, его берутѣ отъ матери и сажаютѣ въ темное мѣсто въ корзинку, которую всю сначала обкладываютѣ чѣмъ-нибудь мягкимѣ, теплымѣ.

Когда цыплята обсохнутѣ, оправятся, ихѣ кормятѣ изрубленными яйцами, намоченной булкой или просяной кашей. Такѣ кормятѣ цыплятъ первые дня три, а потомѣ можно давать имѣ размоченный ржаной хлѣбѣ, разную крупу и каши. Очень хорошо также давать цыплятамѣ мелко изрубленную морковь,

капусту, картофель, салатъ и другую зелень. Первыя недѣли кормятъ цыплятъ часа черезъ два, а потомъ все рѣже и рѣже.

Для питья цыплятамъ всегда нужно ставить чистую теплую воду.

Дворикъ, гдѣ ходятъ цыплята, долженъ быть особенно чистъ, посыпанъ пескомъ; хорошо, если на немъ есть и трава. На ночь цыплятъ запираютъ куда-нибудь въ теплое помѣщеніе и лучше отдѣльно отъ большихъ куръ, только съ матерью.

При такомъ заботливомъ уходѣ цыплята хорошо растутъ и не болѣютъ.

Домашняя и дикая птица.

Хорошо живетъ домашней птицѣ на всемъ на готовомъ. Хозяинъ ей и кормъ и теплый уголь припасетъ, и отъ всякаго лиходѣя-насилъника убережетъ. Всѣмъ бы хорошо домашней птицѣ, только не для себя она живетъ: все хозяину отдай—яйца и цыплятъ, перо и мясо.

Не такъ живетъ вольной птицѣ. Весь свой вѣкъ она въ трудахъ да заботахъ проводить. Сама корму сыщи, гнѣздо вей, птенцовъ выводилъ. И всякую-то минуту стерегись-опасайся и своей сестры-лиходѣйки, и лютаго звѣря, и человѣка. Трудненько жить вольной птицѣ, зато вся она сама своя.

Какъ тетушка рассказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей—Живчикъ.

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сестрами смотрѣли, какъ воробей по соломинкѣ и по перышку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ перышками и соломой, а сѣлъ на яйца. Другой воробей—намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена—приносили женѣ червей и кормилъ ее.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ немъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были желтые и мягкіе и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и когда она возвращалась, воробушки съ пискомъ открывали свои желтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ въ ставню посмотреть нашихъ воробьевъ и увидали, что старый воробей лежитъ мертвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень.

Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пицали, высовывали свои головки и открывали клювики, но ихъ некому было кормить.

Старшая сестра сказала: «Вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ».

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили туда гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ наверхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили хлѣбъ въ молоко и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики о стѣнки коробка и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли на коробъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мертвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и мху. Но къ вечеру еще два воробья растопырили свои перышки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвертый воробушекъ, и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ, и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній—пятый—воробушекъ былъ веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ Живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: «Живчикъ, Живчикъ!» онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ наверху, улетаѣ иногда въ окно, но всегда прилеталъ почевать на свое мѣсто, въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка: перья у него стали мокрыя, и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другіе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня былъ онъ боленъ и на четвертый умеръ. Когда мы увидали его мертвымъ, на спинкѣ, съ подкрюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала наверхъ узнать, что случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мертвого воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а все плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

II. Въ саду и на огородѣ.

Реполовъ.

Ярко свѣтитъ весеннее солнышко, сады расцвѣли; по лугамъ разноцвѣтные ковры раскинулись; вездѣ слышатся заливыя пѣсни весеннихъ гостей—пѣвчихъ птичекъ. Между ними и реполовъ, — птичка невеличка, сама маленькая, грудка красненькая, голосокъ звонкій, ножки тоненькія; сидитъ онъ цѣлый день въ тѣни душистой черемухи и беззаботно поетъ свою веселенькую пѣсенку.

Пришла пора реполову дѣтокъ выводить, гнѣздо вить. Полетѣлъ реполовъ со своей подругой по лугамъ, по садамъ мѣсто выбирать, гнѣздо вить. Видитъ, въ саду розовый кустъ: тихо, уютно, тѣнисто, душисто. Славное мѣсто для лѣтняго домика птички! Началь реполовъ постройку. Наносилъ онъ прутьковъ, соломы, пуху, и сталъ онъ гнѣздо выкладывать. Выложилъ—падо связать. Видитъ реполовъ, на кустъ запутался шнурочекъ. Мастеръ реполовъ въ тонкой работѣ, — сталъ онъ шнурочекъ распутывать.

Распуталъ, взялъ шнурочекъ въ свой клювъ и полетѣлъ въ свое гнѣздышко, гдѣ ждала его подруга.

Свили они гнѣздышко теплое, уютное, выложили его внутри шерстью и пухомъ, а снаружи реполовъ сплелъ и связалъ все шнуркомъ. Завидное гнѣздышко! Принесла въ него подруга реполова пять маленькихъ красивыхъ, свѣтло-голубыхъ, съ темными крапинками яичекъ. Славно лежать имъ въ родномъ гнѣздышкѣ.

Чтобы не было холодно яичкамъ и птенчики вывелись, сѣла подруга реполова на яички и закрыла ихъ перышками. Тепло стало въ мягкомъ гнѣздышкѣ. Сидитъ маленькая птичка, птенчиковъ выводить.

Пришло время, птички вывелись. Маленькіе, пухленькіе птенчики радостно встрѣчали тонкимъ пискомъ свою мать, когда она приносила имъ маленькія зернышки, размягчивъ ихъ сначала въ своемъ зобу.

Оперились, поднялись, выросли птенчики и стали веселыя пѣсни пѣть въ родномъ саду.

Въ тѣни.

Подъ навѣсъ вѣтвей зеленыхъ
Мы вдвоемъ уѣли въ тѣнь.
Какъ уютно и прохладно
Здѣсь въ іюльскій жаркій день!
Вотъ на солнышкѣ играетъ
Мошекъ рѣзвый хороводъ!
А въ вѣтвяхъ надъ нами птичка
Звонко пѣсенку поетъ.

Птичка тоже лѣту рада
И среди густыхъ вѣтвей
Ей сидѣть уютно тоже,
Тамъ не страшно ей людей!
Птичка милая, не бойся!
Продолжай спокойно пѣть!
Мы тебя не тронемъ, птичка,
Тихо будемъ здѣсь сидѣть!

Зяб

ликъ — другъ садовника.

Пѣвчія пти
веселымъ щебе
сятъ еще намъ
тонкими клюва

цы не только утѣшаютъ насъ своимъ пѣніемъ и таніемъ въ саду, въ лѣсахъ и лугахъ, но приносятъ и большую пользу: своими острыми глазками и ми онѣ быстро отыскиваютъ насѣкомыхъ и зерна сорныхъ травъ и относятъ ихъ въ пищу своимъ птенцамъ или съѣдаютъ сами.

Весной за такой работой можно увидеть зяблика, построившаго себѣ гнѣздышко въ нашемъ саду.

Если ему надо накормить своихъ голодныхъ птенцовъ, онъ очищаетъ яблоки отъ насѣкомыхъ, собираетъ тлей съ розовыхъ кустовъ и тащитъ ихъ въ гнѣздо своимъ голоднымъ птенцамъ.

Мать зябликовъ кормитъ своихъ птенцовъ 36 разъ въ часъ. Значитъ, очень выгодно имѣть такого полезнаго друга близъ дома. Накормивъ дѣтей,

она ужинаетъ сама, собирая сѣмена крестовника, курслѣна, подорожника и другихъ сорныхъ травъ.

Это тоже очень хорошо, потому что вовсе нежелательно, чтобы зерна сорныхъ травъ разсѣивались всюду по нашей землѣ. Кромѣ того, и взрослый зябликъ ѣстъ не только одни сѣмена травъ, а и насѣкомыхъ.

Понятно, что птица не может отличить одинъ сортъ травы отъ другого, и садовникъ часто застаётъ ее за тѣмъ, что она копаетъ землю въ грядкѣ, только-что засѣянной рѣдкою или рѣпою. Садовникъ страшно сердится и объявляетъ, что всѣхъ зябликовъ надо перестрѣлять.

Онъ забываетъ, какъ много добра они дѣлали нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ и видятъ только то маленькое зло, какое они нанесли въ эти два-три дня.

Въ одной малороссійской деревушкѣ было столько садовъ, что они издали казались однимъ сплошнымъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весною, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, оглашавшихъ всю окрестность своими звонкими пѣснями и веселымъ щебетаніемъ. Осенью же появлялось между листьями множество румяныхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и темныхъ сливъ.

Но вотъ нѣсколько мальчугановъ разорили птичьи гнѣзда. Птицы покинули сады и никогда уже больше въ нихъ не возвращались.

Прошли осень и зима, пришла новая весна; но въ садахъ было тихо и печально. Скучно было жителямъ деревушки безъ птичьихъ пѣсень. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь безпрепятственно и пожирали на деревьяхъ цвѣты и листья; и вотъ скоро обнаженные деревья смотрѣли печально, будто зимою.

Пришла осень, но въ садахъ не было ни румяныхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ и темныхъ сливъ; по вѣткамъ не перепархивали веселыя птички, и деревня не оглашалась ихъ звонкими пѣснями. Сильно пришлось пожалѣть теперь крестьянамъ, что они не вступились въ свое время за птичекъ.

Ш м е л ь.

«Зумъ, зумъ, бумъ», — летитъ шмель. Сѣлъ на цвѣтокъ, собралъ меду въ запасъ, немножко его поѣлъ, запылъ росой и полетѣлъ дальше. «Зумъ, зумъ», — шумятъ его большія крылья.

Зиночка никогда не видала шмеля. Она подумала, что это большая муха, набросила на шмеля свою шляпу и хватъ его за крылышки.

— Ай-ай! — закричала вдругъ Зиночка. Какъ больно мнѣ палець! Фи, злая, гадкая муха!

Зиночка расплакалась и побѣжала жаловаться къ матери. Мать приложила къ пальцу сырой земли и сказала Зиночкѣ:

— А какъ ты думаешь, Зина, не подумаль ли шмель: «фи, какая гадкая, злая дѣвочка, какъ больно схватила она меня за крылья, чуть не оторвала ихъ!»

Горе паука.

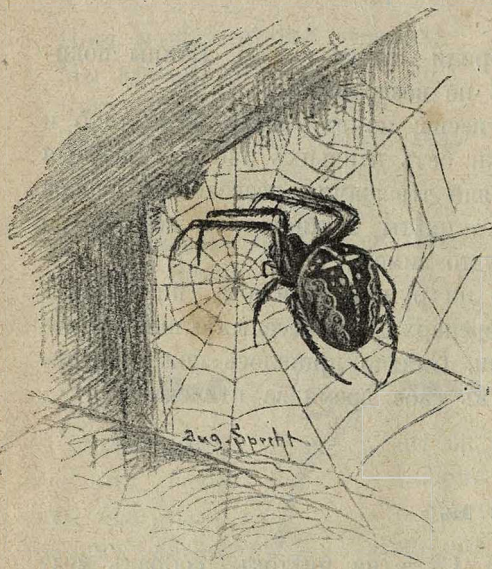
Тамъ, гдѣ алыя сирени
Гнутся вкругъ бесѣдки,
Вѣтеръ яростно качаетъ
Паучка на вѣткѣ...

Разыгралась, видишь, буря,
А чему такъ рада?
Накидала съ неба кучи
Скачущаго града.

Притаилось все живое,
Въ страхѣ очи жмура,
Паучокъ къ листку прижался, —
Пощадить ли буря?
Долго-долго онъ трудился,
Вывелъ паутинку —
И умчалъ ее куда-то
Вѣтеръ, какъ былинку...

Стихла буря, и запѣли
Птички какъ-то внятнѣй;
Ландышъ выпрямилъ головку,
Пахнетъ ароматнѣй;
Люди снова копошатся;
Воробей ужъ скачетъ,
А паукъ на голой вѣткѣ
Только-что не плачетъ.

Какъ я пересталъ бояться пауковъ.

Паукъ-крестовикъ.

Когда я былъ маленькій, я страшно боялся пауковъ. Разъ какъ-то я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что на краю моего платья сидитъ большой толстый паукъ-крестовикъ. Я страшно испугался, поблѣднѣлъ и замеръ на мѣстѣ отъ ужаса; но моя бабушка, замѣтивъ ребяческій страхъ на моемъ лицѣ, побранила меня и потомъ растолковала мнѣ, какъ нелѣпы были мой страхъ.

Чтобы доказать мнѣ всю безвредность этихъ животныхъ, она взяла въ руку паука, дала ему поползати по своимъ рукамъ, затѣмъ показала мнѣ его гнѣздо, очень искусно сплетенное среди виноградныхъ листьевъ, и рассказала о томъ, какъ живутъ пауки и какую пользу они приносятъ, поѣдая множество вредныхъ насѣкомыхъ.

Кончивши свой рассказъ, она посадила паука на стѣнку, и онъ радостно побѣжалъ къ себѣ домой. Съ тѣхъ поръ мой страхъ къ паукамъ пропалъ.

К р о т ъ .

Оля очень любила цвѣты; въ саду у нея была своя отдѣльная грядка, гдѣ она сажала цвѣты и прилежно за ними ухаживала.

Но какъ она испугалась, когда, придя разъ рано поутру въ садикъ, она увидала на своей грядкѣ, возлѣ прекрасныхъ левкоевъ кучку набросанной взрытой земли! Она тотчасъ же побѣжала къ работнику, который работалъ въ саду, и спросила у него, что это значить.

— Вѣроятно, эту кучу набросалъ негодный кротъ, — сказалъ работникъ, — это прегадкій звѣрь! Кроты роются въ садахъ и лѣсахъ, въ лугахъ и на пашняхъ, и вездѣ отъ нихъ бываетъ много вреда; но не беспокойтесь, барышня, я постерегу вашу грядку; авось мнѣ удастся выжить незваного гостя.

Вечеромъ Оля опять пошла въ садъ и увидала на своей грядкѣ новую кучку земли около чудесной гвоздики. Это ее очень огорчило.

— Ахъ,—сказала она,—что будетъ съ моею грядкой, если эти противныя кроты всю ее разроютъ?

Она позвала работника и общала дать ему на чай, если онъ избавить ея грядку отъ кротовъ.

Когда она на другое утро пришла въ садъ, работникъ разсказалъ ей, что онъ вчера къ ночи подстерегъ крота въ то время, какъ онъ взрывалъ землю, выкопалъ его лопатой и убилъ.

Оля пошла посмотрѣть на звѣрка. Онъ былъ весь черный, точно бархатный; переднія лапы у него были какъ-то странно вывернуты.

— Это у него такія лапы для того, чтобы рыть ими землю,—сказалъ работникъ.—Онъ роетъ въ землѣ глубокіе и длинные ходы и устраиваетъ себѣ покойныя каморки со сводами, очень искусно выстилая ихъ мохомъ, соломой, листьями и травою.

Вечеромъ, когда зашло солнце, другой кротъ началъ рыться въ Олиной грядкѣ; но работникъ напалъ и на него, выкопалъ и убилъ его.

Нѣкоторое время въ саду было спокойно. Но черезъ двѣ недѣли Оля опять увидала кучку земли на своей грядкѣ. Это привело ее въ отчаяніе; она позвала ученаго садовника, который работалъ въ это время у нихъ въ саду, и пожаловалась ему на свою бѣду.

Садовникъ улыбнулся и сказалъ:

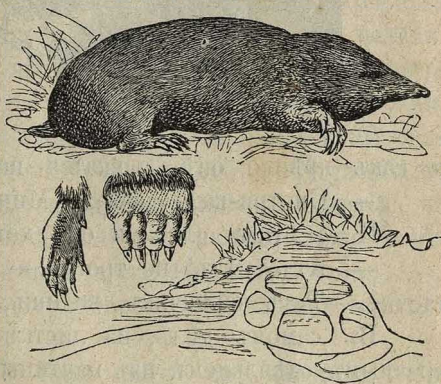
— Тутъ нѣтъ никакой бѣды, Оленька!

— Да какъ же? Эти противныя кроты вездѣ роются, грызутъ корни и, пожалуй, испортятъ всю мою грядку,—сказала дѣвочка.

— Эхъ, барышня!—отвѣчалъ садовникъ, улыбаясь.—Я вотъ уже 30 лѣтъ въ садовникахъ, немало цвѣтовъ на своемъ вѣку развелъ, а ни одной грядки у меня еще не портили кроты. Не бойтесь, барышня, ваши цвѣточки будутъ цѣлы. На кротовъ много клеплотъ понапрасну; правда, роясь въ землѣ, они иногда подрываютъ корни цвѣтовъ и овощей, но это вредъ небольшой. А то кроты вообще приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда. Сколько они поѣдаютъ червяковъ, жуковъ и всякихъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыя водятся въ землѣ и вредятъ корнямъ растеній! Къ тому же они роютъ землю: земля становится рыхлѣе, дождю легче проходить сквозь нее, и за это все—деревья, овощи и цвѣты должны сказать спасибо кроту.

— Отчего же всѣ говорятъ, что кротъ вредный звѣрекъ?—спросила Оля.

— Говорятъ, потому что не знаютъ правды,—отвѣчалъ садовникъ:—никто не разсмотритъ дѣло хорошенько. Увидѣли, что кротъ роется въ полѣ, на грядкахъ или клумбахъ, и рѣшили, что онъ поѣдаетъ корни хлѣбовъ, овощей и цвѣтовъ. «Что ему больше ѣсть подѣ землей?» — думаютъ. — И ну ихъ преслѣдовать да убивать, и сколько-сколько ужъ перебили изъ-за этого бѣдныхъ кротовъ!

Кротъ. Его лапы. Его ходы въ землѣ.

Червячокъ.

— Смотри-ка, Миша, — говорила Лиза, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника: — кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу. Посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки

и какъ крѣпко онѣ держатся на листкѣ!

— Смотри-ка, — сказалъ Миша, — тамъ что-то круглое!

И съ этими словами онъ хотѣлъ было сдернуть хлопчатую бумагу.

— Ахъ, нѣтъ! не трогай! — удержала его Лиза, присматриваясь къ личинкѣ. — Тутъ червячокъ, видишь, шевелится.

Въ самомъ дѣлѣ, на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ изъ паутины, похожемъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупкѣ лежалъ червячокъ. Уже давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбельку, и онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ.

Но вотъ червячокъ проснулся, просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ. Смотрить — свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ. Задумался нашъ червячокъ. «Что это? — думаетъ онъ. — Никогда мнѣ еще такъ тепло не бывало; видно, не дурно на свѣтѣ; дай подвинусь подальше».

Еще разъ стукнулъ онъ въ скорлупку, и окошко сдѣлалось дверцей; червячокъ просунулъ головку, еще и еще, и, наконецъ, совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки. Смотрить сквозь свой прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюсь водицы», сказалъ червячокъ; потянулся, анъ не тутъ-то было. Что это? Вѣрно мать червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску: нельзя и приподнять ее даже! Вотъ нашъ червячокъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ, и, наконецъ, поднялась занавѣска; червячокъ подлѣзъ подъ нее и напился водицы. Любо ему на свѣжемъ воздухѣ; теплый вѣтерокъ вѣетъ на червячка, колышетъ струйку росы и съ цвѣтовъ сыплетъ на него душистую пыль. «Нѣтъ, —

думаетъ червячокъ, — ужъ впередъ меня не обмануть! Зачѣмъ мнѣ опять итти подѣ душное одѣяло? Останусь-ка я лучше здѣсь на просторѣ.

Не успѣлъ червячокъ подумать это, какъ вдругъ, смотреть, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали; небо потемнѣло, солнышко спряталось за тучу; вороны каркаютъ, утки гогочутъ; и вотъ дождикъ полился ливнемъ.

Подѣ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; захлестнуло малютку, дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало. Едва онъ опомнился, собралъ силы и притаился подѣ листочкомъ.

Наконецъ, согрѣлся червячокъ. Между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ. «Нѣтъ, — думаетъ червячокъ, — теперь меня не обмануть. Зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость?»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій, — червячокъ все лежитъ въ паутинномъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставить головку, пощиплетъ листокъ и опять подѣ одѣяльце. Вотъ онъ смотреть: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло и недѣли, какъ у червячка явилась теплая узорчатая шубка, да какая красивая: какихъ-какихъ только цвѣтовъ не было на ней; вся опоясана она красными полосами, по шеѣ идутъ черныя и зеленыя жилки, а вдоль тѣла словно насажены желтыя мохнатыя пуговики... «Ге, ге! — сказалъ червячокъ самъ себѣ. — Неужели же въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать въ своей постелькѣ да смотрѣть на занавѣску? Мнѣ уже надоѣла постелька: тѣсно въ ней, скучно. Если бѣ на свѣтѣ посмотришь да себя показать; можетъ-быть я на что и гожусь?»

Вотъ червячокъ снова приподнялъ свою занавѣску. Нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ червячкомъ? Какъ найти ему родимое гнѣздышко? Однакожъ онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся и поползъ, куда глаза глядятъ. Вотъ доползъ онъ до листка; попробовалъ — вкусно! «Нѣтъ, — сказалъ червячокъ, — теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтеръ!» И закинулъ за листокъ паутинку.

Сглотавъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! Вѣтеръ ли пахнетъ, онъ прикурнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ, его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ, онъ укроется подѣ листокъ, и солнышко его не коснется.

Но были для червячка и горькія минуты. То смотреть — птичка летитъ, глаза на него устремила; того и гляди схватить его и понесетъ своимъ птенцамъ. Было и горше этого — онъ потащился на новый листокъ, а смотреть: на немъ сидитъ большой мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ и растягиваетъ уже сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою: «Ахъ, проклятые червяки! Побросать бы ихъ всѣхъ на землю да растоптать хорошенько!» Червячокъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лиза съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой; и хотя они были и добрыя дѣти, не хотѣли дѣлать

зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячокъ, уже едва дыша, всползаль на родимую вѣтку.

Вотъ между тѣмъ лѣто прошло. Уже много цвѣтовъ поблекло, и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго вѣяль вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ.

Червячокъ замѣтилъ, что листки уже не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ онъ уже сдѣлался не такъ живъ.

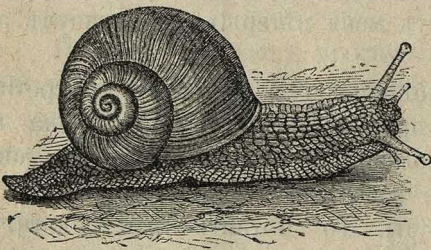
«Что жъ,—думаетъ онъ,—довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкую росу... пора и на покой!»

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы и поползъ далѣе въ чащу зелени. Онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта; напелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лиза съ Мишей отыскиали своего червячка, они очень удивились, видя, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, и цѣлые часы неустанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ же была работа червячка? Червячокъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился онъ надъ нею; наконецъ, скинулъ съ себя свою узорчатую шубу и заснулъ спокойнымъ сномъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качались его безжизненный гробикъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячокъ. Вдругъ, онъ чувствуетъ, забилося въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ грудки, и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распался его гробикъ. Червячокъ смотритъ: онъ уже не червячокъ: ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; на спинѣ у него развились большія радужныя крылья; онъ сталъ свободенъ,—и пестрой прекрасной бабочкой онъ весело поднялся на воздухъ!

Улитка.

Улитка.

Въ тѣсныхъ, сырыхъ садахъ, на сырыхъ стѣнахъ и въ поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Если вамъ случится найти улитку, то возьмите ее въ руки и рассмотрите поближе.

Прежде всего вамъ кидается въ глаза искусно состроенный изъ известки домикъ улитки: та витая раковина, которая держится у нея на спинѣ. Какъ только вы

взяли въ руку раковину, такъ улитка и ушла въ нее: вы видите только, что въ срединѣ лежитъ что-то мягкое и скользкое; но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнетъ ежиться, стараясь спрятаться глубже въ раковину. Улитка чувствуетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться.

Положите же раковину на землю и, отойдя немного въ сторону, дождитесь терпѣливо. Улитка успокоится и понемногу станетъ выдвигать изъ раковины сначала головку, мягкую, слизистую; на головкѣ вы ясно замѣтите

четыре такіе же мягкіе отростка, или щупальца, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки—глаза улитки. Слѣдомъ за головою улитка выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое туловище; оно называется *ногою*; посредствомъ этой ноги улитка ползаетъ и ею же присасывается она къ деревьямъ, заборамъ, листьямъ, а въ водѣ—къ камнямъ или къ водянымъ растеніямъ.

Старая улитка кладетъ въ сырую траву много яицъ. Солнце выводитъ изъ нихъ дѣтенышей: изъ cadaго яйца выползаетъ крошечная слабенькая улитка съ крошечнымъ домикомъ на спинѣ. Начало домика было положено въ яйцѣ уже старой улиткой. Молодая получила его отъ матери, какъ родовое наслѣдство.

Улитка растетъ и домикъ становится ей тѣсень. Она высовываетъ изъ раковины свою головку, зорко смотритъ своими черненькими глазками, высматриваетъ себѣ пищу и ползетъ къ сочной травѣ или цвѣтку.

Во рту у нея есть маленькіе зубы, которыми она щиплетъ листики и ѣстъ ихъ. Въ ея тѣлѣ зелень превращается въ блестящую слизь; этою слизью улитка держится въ то время, когда ползетъ. Изъ этой же слизи, съ примѣсью извести, она строитъ свой домикъ, выводя постепенно одно кольцо за другимъ, пока не пристроитъ новаго круга. Новые круги становятся все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ сама улитка. Раковина замѣняетъ улиткѣ кости; кромѣ этой раковины, въ тѣлѣ ея нѣтъ ничего твердаго.

Улитка прикрѣплена къ своей раковинѣ и не можетъ отдѣлиться отъ нея. Случится ли съ ней какая-нибудь непріятность, встрѣтится ли какая-нибудь опасность, она сейчасъ спрячется въ свою твердую раковину. Раковины чрезвычайно разнообразны по виду и по цвѣту.

Когда проходитъ пора цвѣтовъ и блекнуть листья, улиткѣ становится холодно, она приискиваетъ себѣ мѣстечко за камнемъ, во мху или въ землѣ и придѣлываетъ въ своей раковинѣ известковую дверцу.

Устроивъ все какъ слѣдуетъ и плотно запершись, она засыпаетъ на всю зиму. Зимой случается перѣдко, что птицы отыскиваютъ спящую улитку, разбиваютъ ея домикъ о камень и съѣдаютъ ее.

Если улитка стара, то она запирается въ своей раковинѣ такъ, чтобы оттуда уже болѣе не выходить. Домикъ ея служить ей тогда гробомъ, крышку котораго она сама заклеиваетъ надъ собою, и она сгниваетъ въ своей раковинѣ. Опустѣлая раковина валяется на дорогѣ, жуки и червяки прячутся въ нее. Дѣти подбираютъ ее и играютъ ею.

Двѣ улитки.

Одинъ человѣкъ поймалъ двухъ улитокъ и посадилъ ихъ къ себѣ въ садикъ. Одна изъ улитокъ была большая и здоровая, а другая была маленькая и какая-то вялая, плохо ползала; какъ видно, она была больна.

Когда черезъ нѣсколько времени этотъ человѣкъ опять заглянулъ въ садикъ, тамъ осталась только одна больная улитка; здоровая же, какъ это

было видно по слизистому слѣду, который она оставила послѣ себя на стѣнѣ, переползла, должно быть, черезъ заборъ и ушла въ сосѣдній большой садъ, гдѣ было много зелени и тѣни. На другой день человѣку опять пришлось быть въ саду,—каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ опять обѣихъ улитокъ вмѣстѣ! Здоровая улитка, должно быть, приползла сказать своей больной подругѣ, что на той сторонѣ лучше, потому что онѣ обѣ, посидѣвъ съ минутку, дружно поползли тѣмъ же путемъ и скоро скрылись за заборомъ.

Дождевой червь и сороконожка.

(Разсказъ огородника).

Я сидѣлъ на огородѣ между грядками и окучивалъ капусту, разрыхлялъ маленькою лопаточкой землю и подсыпалъ ее къ корешкамъ капусты, чтобы образовались вокругъ нихъ маленькія кучки.

Вечернее солнце слегка пригрѣвало мнѣ спину. День былъ ясный, теплый; небо темно-голубое съ бѣлыми легкими облачками. Передо мной на грядкѣ торчали капустные стебельки и листья, а между ними по землѣ бѣгали, ползали и сустились разныя букашки, жучки, червячки, муравьи, прилетали и улетали бабочки; однимъ словомъ, кишѣла хотя и далекая отъ меня, но занимательная жизнь.

Тутъ были и друзья и враги мои—маленькіе черные, съ золотистымъ отливомъ жучки, обѣдавшіе капустные листья, но мнѣ какъ-то не хотѣлось сердиться на нихъ. Не хотѣлось дурнымъ чувствомъ нарушать красоту окружавшей меня природы. Я снималъ ихъ съ листьевъ, когда замѣчалъ, и сбрасывалъ въ борозду, предоставляя имъ кормиться разною сорною травкою, растущею тамъ. Они, спасибо, щадили мою капусту, и на ней уже начинали завиваться кочни, несмотря на нѣсколько обѣдненныхъ листиковъ.

Вдругъ я увидалъ, что изъ кучки только-что разрыхленной мною земли выползъ длинный толстый дождевой червь. Я зналъ, что дождевой червь не вредитъ капустѣ, и даже считалъ его въ числѣ друзей своихъ, такъ какъ дождевые черви, продѣлывая множество мелкихъ ходовъ въ землѣ, разрыхляютъ ее и даже, перерабатывая всякія гнилыя вещества въ своемъ желудкѣ, образуютъ черноземъ, самую питательную землю.

Зная все это, я не трогалъ его.

Червякъ поползъ по землѣ, съеживая и растягивая свое голое, скользкое, круглое тѣльце. Оно было нѣжнаго, желтовато-розоваго цвѣта; сверху, на спинкѣ—темнѣе, а внизу, на брюшкѣ—свѣтлѣе. Впереди, на томъ мѣстѣ, гдѣ у всѣхъ другихъ червяковъ бываетъ голова, у этого червяка тѣло было немного потолще, но никакой другой разницы не было замѣтно. Все тѣло состояло изъ крупныхъ колецъ; эти кольца становились то уже, то шире, смотря по тому, съеживался или вытягивался червякъ.

Червякъ переползъ черезъ грядку и сталъ медленно спускаться въ борозду, гдѣ было сырѣе и ему пріятнѣе.

Въ это время я замѣтилъ быстро юркнувшую мимо меня маленькую сороконожку. Пробѣжавъ грядку по направленію къ червяку, она вдругъ остановилась и поднялась надъ землею переднею половиною своего тѣльца и стала

поводить въ воздухѣ двумя маленькими усиками, сидящими у нея на головѣ. Черныя чешуйчатые кольца ея ярко блестяли на солнцѣ.

Почувявъ добычу и разсмотрѣвъ своими маленькими, едва замѣтными для насъ глазками, гдѣ она, сороконожка опустила голову, быстро бросилась къ червяку, кинула его и отскочила назадъ. Червякъ сразу съежился, потомъ опять вытянулся и поползъ дальше, а сороконожка, рѣшивъ, что у червяка мясо вкусное, задумала новое нападеніе; она подползла подъ червяка, повернулась на спинку и впиалась ему въ брюшко. Червякъ снова съежился, потомъ вытянулся, потомъ изогнулся кольцомъ, видимо страдая отъ боли, но сороконожка не отпускала его и сама извивалась вмѣстѣ съ нимъ. Червякъ поползъ назадъ и нарочно старался пролѣзть между комочками земли, чтобы сороконожка отцѣпилась; но та сидѣла крѣпко, изгибаясь и ползая вмѣстѣ съ нимъ.

Мнѣ было жалко червяка, и я думалъ уже о томъ, что надо бы снять съ него сороконожку. Но что же будетъ, думалъ я, если, спасая его, погублю сороконожку; быть-можетъ, я оторву ей голову, оттаскивая ее отъ червяка, или помну ее, а если она и останется цѣла, такъ что же я ей дамъ вмѣсто крови червяка? Вѣдь она ею питается и живетъ. Могу ли я мѣшать этому?

И мнѣ вспомнился разсказъ про одного индійскаго святого. Этотъ святой, говорится въ индійской сказкѣ, идя по дорогѣ, увидалъ больную собаку, покрытую ранами. Въ ранахъ собаки копошились черви и разѣдали ихъ. Святой наклонился къ ней и осторожно сталъ снимать червяковъ; когда онъ очистилъ раны собаки, обмылъ ихъ гной и приложилъ къ нимъ цѣлебныя травы, онъ пошелъ дальше. Но, идя дальше, онъ вспомнилъ, что, спасши собаку, онъ погубилъ червей, и они должны будутъ теперь умереть съ голоду. Онъ вернулся къ этимъ червякамъ, отрѣзалъ отъ себя кусокъ мяса, бросилъ имъ и только тогда спокойно удалился.

Если бы я хотѣлъ, думалось мнѣ, поступить такъ, какъ поступилъ этотъ святой, то-есть если бы я былъ такъ же глубоко проникнутъ милосердіемъ ко всему живущему, то я долженъ бы былъ осторожно снять сороконожку съ червяка и пустить ее на свое тѣло. Вѣрно она съ удовольствіемъ пососала бы моей теплой крови, вмѣсто холодной, блѣдной крови дождевого червя.

Но борьба кончилась иначе, и мнѣ не пришлось долго испытывать состраданіе. Червякъ, чувствуя, что простымъ треніемъ о землю онъ не можетъ освободиться отъ своего врага, рѣшилъ употребить другое средство. Вдругъ я увидалъ, что сороконожка отскочила отъ червяка, и тотъ, освобожденный, поползъ быстрѣе впередъ, оставляя за собой на землѣ бѣлую, липкую слизь. Этою-то слизью онъ и освободился, выпустивъ ее на сороконожку. Сороконожка вся была покрыта этою слизью, на нее налипла земля, и она стала судорожно извиваться и вдругъ вытянулась, перевернулась на бокъ и неподвижно замерла. Я думалъ, что она умерла, и хотѣлъ поднять ее лопаточкой и сбросить въ борозду; но какъ только я пошевелилъ подлѣ нея землю, она встрепенулась и быстро юркнула въ какую-то трещину земли. Слизь не убила ее, а вѣроятно только ошеломила. Я былъ радъ, что оба они остались цѣлы.

Мнѣ пора была кончать работу, и я пошелъ домой. Дома, послѣ ужина, я разсказалъ своимъ дѣтямъ: Оедѣ, Дунѣ и Колѣ, то, что я видѣлъ на огородѣ.

Шелковичный червь.

У меня были старыя тутовые деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и посоветовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмена эти темно-сѣрыя и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ 5.835 сѣмечекъ. Они меньше самой маленькой булавочной головки. На первый взглядъ они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они шелкнутъ.

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовникѣ стала распускаться, а на припекѣ солнечномъ уже былъ листъ. Я вспо-

мнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были уже не темно-сѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидать, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они, видно, почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

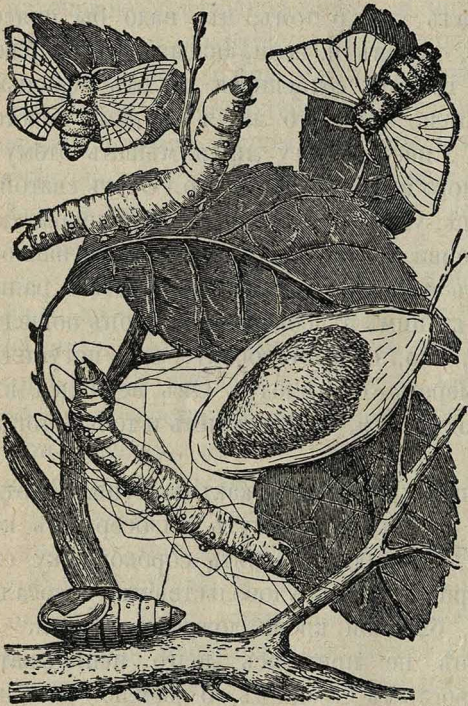
Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно было ихъ рассмотреть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидать, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тузовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ

Шелковичные бабочки и черви на вѣткѣ тутоваго дерева. Нижній червь выпускаетъ шелковую нить и начинаетъ заматываться. Выше него уже готовый коконъ, а внизу—куколка, вынутая изъ кокона.

собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ они пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ,

когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта выпуститъ паутину и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится и если хочетъ спуститься—спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ десять разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на 5-й день точно—одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что вырастаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по переѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «Раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидаль, что точно,—этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится—извивается, какъ бы выбраться хотеть, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидаль, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что это у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ, для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ червяковъ я уже не трогалъ, а они всѣ также выбирались изъ своихъ рубашекъ; и только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучились, но выползали—таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они были уже ростомъ въ осмьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва успѣвали готовить имъ листъ. Черезъ шесть дней повторилось еще разъ то же самое.

На 9-й день послѣ послѣдней линьки старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куколки, перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползали и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковою вдвое и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ: чуть видно его было, а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной; онъ весь обмотался шелкомъ и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть, сколько разъ надо мотнуть червячку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300.000 разъ. Значитъ онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. Зато уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломали ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ, съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри, должны выйти бабочки, но, глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все-таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ, что что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ, на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ: ужъ не испортился ли? и хотѣлъ выбросить. Но подумалъ: не такъ ли начинается? и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на головку съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая, и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ, задокъ высочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5.000 яичекъ.

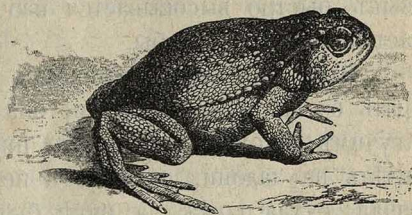
На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

Ж а б а.

Проходя вечеромъ по саду или по огороду, часто можно увидать на дорожкѣ или гдѣ-нибудь между грядками маленькое скользкое некрасивое животное, очень похожее на лягушку, только покрупнѣе и понеуклюжѣе ея; это животное не прыгаетъ, какъ лягушка, а медленно ползетъ, волоча по землѣ свой отвислый животъ.

— Да это жаба!—вскрикиваете вы, съ отвращеніемъ отпрыгивая въ сторону.—Фу, гадость какая! Какъ это она забралась сюда? Надо поскорѣе выбросить ее отсюда!

Мнѣ совѣстно за васъ,—вы не узнали своего друга! Жаба очень полезное животное; такъ же, какъ и лягушка, она питается насѣкомыми, личинками и улитками, которыя вредятъ растеніямъ въ саду и на огородѣ, но только лягушки никогда не поселяются далеко отъ воды, такъ какъ кожа ихъ очень скоро высыхаетъ и онѣ могутъ отъ этого умереть, жаба же живетъ около нашего дома въ саду, на дворѣ, на огородѣ, выбирая себѣ для жилья какой-нибудь тѣнистый, прохладный, сырой уголокъ, и истребляетъ во множествѣ разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, личинокъ и особенно слизней и улитокъ, которые иногда разводятся въ такомъ множествѣ на грядкахъ, что поѣдаютъ всю капусту. Подъ кожей у жабы есть много маленькихъ бородавокъ, наполненныхъ жидкостью; эта жидкость даетъ жабѣ прохладу, она не даетъ кожѣ высыхать и этимъ даетъ жабѣ возможность жить вдали отъ воды.

Ж а б а.

Особенно полезна жаба тѣмъ, что она охотится ночью, когда спятъ всѣ птицы, охраняющія днемъ наши сады и огороды, и истребляетъ множество почныхъ насѣкомыхъ, самыхъ безпощадныхъ враговъ сада и огорода. Жаба не любитъ свѣта; съ наступленіемъ дня она уходитъ въ свою норку и ждетъ тамъ вечера.

На зиму жаба зарывается въ землю или прячется въ мышиную норку или въ трещину въ камняхъ и засыпаетъ; весной же, какъ только растаетъ снѣгъ и вскроются пруды и рѣки, жаба просыпается, выходитъ изъ своей норки и отправляется въ воду метать икру. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она снова возвращается на сушу и принимается за свой полезный промыселъ.

Замѣтивъ какое-нибудь насѣкомое, жаба нацѣливается въ него своимъ языкомъ и хватаетъ его. А языкъ этотъ устроенъ у жабы, такъ же какъ и у лягушки, очень занятно: онъ прикрѣпляется во рту не заднимъ, а переднимъ своимъ концомъ, задній же конецъ свободенъ, и жаба очень ловко выбрасываетъ его изо рта и ловить имъ свою добычу. Языкъ жабы липкій, и насѣкомое легко и крѣпко прилипаетъ къ нему.

Если какое-нибудь животное или человекъ схватитъ жабу, она раздувается и брызгаетъ на нихъ ѣдкимъ сокомъ, который выдѣляется у нея изъ бородавокъ на спинѣ. Это единственный способъ защиты жабы; никакое животное, даже собака, не возьметъ жабу въ ротъ изъ боязни обжечься; у жабы нѣтъ когтей, а своими зубами она не можетъ кусаться; бѣгать жаба тоже не можетъ: ея тѣло очень тяжело и неуклюже, она можетъ только брызнуть нѣсколько капель ѣдкой жгучей жидкости, чтобы спастись отъ непріятеля. Эта жидкость жжетъ, если, напримѣръ, попадетъ на губы, но серьезно повредить человеку не можетъ. Значитъ, жаба вполне безвредное животное.

Если же вамъ непріятно перепачкать руки сокомъ жабы, то не трогайте ея, она не причинитъ вамъ никакого вреда, а еще, напротивъ, принесетъ вамъ огромную пользу, очищая гряды и цвѣтники отъ насѣкомыхъ и улитокъ, которыя ихъ объѣдаютъ!

Ласковая жаба.

Одна жаба жила 36 лѣтъ у порога крестьянскаго дома; она кормилась насѣкомыми, ползавшими или пролетавшими мимо нея; всѣ люди, жившіе въ этомъ домѣ, знали жабу и часто кормили ее; скоро жаба, живя около людей, очень привыкла къ нимъ и совсѣмъ перестала ихъ бояться; свѣта она нисколько не боялась и даже какъ будто любила его: бывало, какъ только зажгутъ свѣчи, жаба уже выползаетъ изъ своей норки и терпѣливо ждетъ, не дадутъ ли ей поѣсть.

Всѣ сосѣди приходили смотрѣть, какъ жаба ужинаетъ; никому даже и въ голову не приходило напугать ее чѣмъ-нибудь или бросить въ нее камнемъ.

Принесутъ ей, бывало, червяковъ, жуковъ, она долго и пристально смотреть, смотреть на добычу, будто прицѣливается, — хлопсъ! узкій длинный языкъ быстро высовывается изъ рта, схватываетъ добычу, и червякъ скрывается во рту у жабы.

Эта жаба такъ привыкла къ людямъ, что позволяла своимъ друзьямъ брать ее тихонько на руки; она никогда не сердилась, не брызгала на руки жгучимъ сокомъ, потому что никого не боялась; но она не любила долго сидѣть на ладони, если подъ нея не положить холодный зеленый листъ: горячая, сухая кожа на рукѣ была ей неприятна, и она скоро спрыгивала съ руки на землю.

Такъ прожила жаба около людей около 36 лѣтъ; прожила бы она, можетъ-быть, и больше, но разъ какъ-то ручная ворона, жившая въ томъ же домѣ, выклевала ей глазъ. Слепая жаба не могла уже такъ ловко, какъ прежде, прицѣливаться къ добычѣ и хватать ее, и черезъ годъ она умерла.

Другая жаба жила въ саду и приходила каждый день къ окну столовой въ часъ обѣда и ждала, чтобы дѣти накормили ее; дѣти, жившія въ этомъ домѣ, очень любили жабу и кормили ее изъ рукъ.

Но вотъ разъ какъ-то часъ обѣда перемѣнили и вмѣсто четырехъ часовъ стали обѣдать въ два; никто не могъ сообщить этого жабѣ, и въ первый день она осталась безъ обѣда. Дѣти горевали объ томъ, что жаба не будетъ уже попрежнему приходить къ обѣду.

Но каково было ихъ удивленіе, когда на другой день жаба приползла къ окну столовой какъ разъ въ то время, когда всѣ собрались къ столу! Никто не могъ понять, какъ она узнала, что обѣдъ стать подаваться на два часа раньше.

Настоящая охота.

У нашего дяди Толи было ружье, не настоящее ружье, а такъ себѣ, — кажется, монтекристо, но изъ него можно было стрѣлять настоящими пулями.

Въ то время дядя Толя еще учился въ гимназіи, но передъ нами, малышами, онъ сильно важничалъ, говорилъ густымъ басомъ, и всѣ мы считали его большимъ и чувствовали къ нему большое почтеніе.

Дядя Толя каждый день упражнялся въ стрѣльбѣ, чтобы можно было ходить на охоту.

На самой дальней дорожкѣ въ саду онъ ставилъ въ рядъ нѣсколько бутылокъ и потомъ палилъ въ нихъ. Мы, старшіе, всегда прибѣгали смотрѣть на стрѣльбу и даже помогали дяди Толи. Онъ выстрѣлитъ, а мы бѣжимъ къ бутылкамъ, считать, сколько осталось.

Особенно интереснымъ было для насъ то, что ружье всегда ударяло дядю Толю въ щеку. Бацъ!—пуля летитъ, ружье бацъ его въ щеку!

Онъ зажмурится и кричитъ: «Ну, живо!»

И мы бѣжимъ къ бутылкамъ.

Дядя Толя кричитъ: «Сколько?!.» Мы кричимъ: «Ничего!»

Такъ бывало всякій разъ. Въ два мѣсяца пуля попала только въ одну бутылку.

Но когда дядя Толя попалъ въ бутылку, онъ рѣшилъ, что достаточно навострился въ стрѣльбѣ и что пора ему итти на охоту.

Мы съ Петей, тоже пошли на охоту, какъ старшіе; дѣвочекъ и малышей мы не взяли,—только мѣшать будутъ!

Дядя Толя не хотѣлъ итти куда-нибудь ужъ очень далеко, и мы пошли на дорогу, которая была за нашей калиткой.

Нашъ садъ совсѣмъ почти подходилъ къ краю большого обрыва надъ Москвой рѣкой и только проѣзжая дорога отдѣляла нашъ заборъ отъ края обрыва. Весь этотъ обрывъ поросъ лѣсомъ, внизу было сыро, и громадные папоротники покрывали все дно оврага. По вечерамъ тамъ кричали совы. Говорили даже, что тамъ водились лисицы и барсуки. Въ оврагѣ всегда былъ какъ бы сумракъ, и мы боялись спускаться туда.

Но дядя Толя былъ не прочь тамъ поохотиться. Этому однако не суждено было случиться: первая его охота была и послѣдней, а какъ и почему, объ этомъ вы сейчасъ узнаете.

Итакъ мы отправились съ дядей Толей на охоту.

Надъ обрывомъ, прямо противъ нашей калитки, росли небольшіе кусты жимолости и орѣшника. Мнѣ эти кусты особенно памяты, съ ними у меня связано непріятное воспоминаніе о нашихъ охотничьихъ подвигахъ.

Мы вышли въ калитку, и дядя Толя сейчасъ же замѣтилъ, что въ орѣшникѣ что-то шевелится.

— Стойте!—сказалъ онъ,—тамъ что-то есть. Вотъ мы дробью!

И онъ поспѣшно вынулъ изъ ружья патронъ съ пулькой и зарядилъ его дробью. Не трогаясь съ мѣста, онъ прицѣлился, но руки его дрожали.

— Стрѣлай, стрѣлай же!—шептали мы ему.—Стрѣлай, дядя Толя...

И дядя Толя выстрѣлилъ. Нѣсколько мгновений прошло, но все было тихо... Мы окружили кустъ; тамъ больше ничего не шевелилось. Тогда и мы отважились поглядѣть туда и стали раздвигать вѣтки. Но прежде чѣмъ рассказывать дальше, я вотъ что у васъ спрошу: видали ли вы когда-нибудь нищенку съ ребенкомъ? Вѣроятно, видали: нищенка, блѣдная, худая, кутается въ платокъ и закрываетъ имъ ребенка маленькаго, голоднаго. Нищенка даже не проситъ ничего у прохожихъ, она только повернетъ въ вашу сторону голову и взглянетъ на васъ своими грустными глазами и взглядомъ скажетъ такъ много, что словами этого даже и не выразить. И у васъ въ душѣ что-то зашемитъ, вы захотите помочь нищенкѣ и ребенку... Я потому заговорилъ

о нищенкѣ, что вспомнилъ, какъ сжимается сердце, когда видишь чье-нибудь несчастіе.

Толино ружье сдѣлало тоже большое несчастіе. Лучше же будетъ признаться, что не ружье было въ этомъ виновато, а мы, охотники.

Представьте же себѣ, что мы увидали въ серединѣ куста: тамъ была маленькая, меньше всякой пичужки, летучая мышка; она уже умирала; лежала на спинѣ и судорожно вздрагивала; кровь тонкой струйкой сочилась у нея изъ ноздри.

Вдругъ мышка сдѣлала сильное движеніе, расправила крылья и пискнула. Я помню, что нагнулся къ ней какъ разъ въ это время. Сердце мое сжалось отъ жалости и стыда. Знаете, что я увидалъ? У нея на крыльяхъ копошились ея дѣти, маленькія летучія мышки. Мать умирала, безъ нея должны были умереть и дѣти. Они были совсѣмъ еще безпомощныя.

Должно быть дядя Толя тоже все это видѣлъ и понималъ. Онъ оттолкнулъ меня и выстрѣлилъ въ упоръ въ мышекъ; вѣроятно, чтобы онѣ не мучились больше. Когда я взглянулъ на него, онъ былъ совершенно блѣдный. Несмотря ни на кого изъ насъ, онъ сказалъ только:

— Идите домой! — и пошелъ первый.

Больше мы никогда не охотились. Никому мы въ то время не говорили про это происшествіе, и между собою тоже не заводили объ этомъ разговора, всѣ и такъ чувствовали, какъ это было жестоко и главное — бессмысленно жестоко...

Трутень.

Рабочая пчела.

Матка.

III. На пчельникѣ.

На пасѣлкѣ.

На полянкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ березовой рощицей, въ защищенномъ отъ вѣтра уголкѣ, между двумя горами, устроился дѣдушка Пахомъ со своей пасѣлкой.

Въ густой заросли малины и черемухи, весь опутанный хмелемъ, стоитъ его кособокій шалашикъ, подпертый толстыми почерпѣвшими кольями, обросшими сѣдымъ мохомъ.

Ждетъ, не дожидется старый Пахомъ, когда, наконецъ, потянетъ весной. Вотъ сошелъ снѣгъ, появилась кое-гдѣ зеленая трава, и дѣдъ ожилъ. Все чаще и чаще слѣзаетъ онъ съ печи и спускается въ погребъ провѣдать своихъ питомицъ—пчелокъ. Зато и весело же у него на душѣ, когда солнышко настолько пригрѣетъ землю, что можно рѣшиться выставить ульи! Суетливо бѣгаетъ онъ отъ одной колодки къ другой, разставляя ихъ по старымъ мѣстамъ на пасѣлкѣ, внимательно осматриваетъ, не завелось ли гдѣ сырости, живы и здоровы ли перезимовавшія пчелки, достаточно ли у нихъ корму.

Любятъ эти минуты у стараго дѣдки всѣ малыши изъ деревни. Веселой гурьбой сбѣгаются они на пасѣку, дружно помогая дѣдушкѣ въ его работѣ и слушая его рассказы о пчелахъ. Каждый годъ одно и то же рассказываетъ дѣдушка, но ребятишки не перестаютъ слушать его все съ тѣмъ же вниманіемъ.

Знаютъ они, что пчелы въ ульѣ не всѣ одинаковы: однѣ—*работницы* день-денской суетятся, занятыя разными дѣлами; онѣ и медъ съ цвѣтовъ собираютъ, и соты изъ воска лѣпятъ, и дѣтей выкармливаютъ. Вотъ яички класть не ихъ дѣло. Для этого есть въ каждомъ ульѣ одна *матка-царица*, которая только этимъ и занимается. Она больше другихъ пчелъ, никогда не работаетъ, а другія пчелы ходятъ за ней и кормятъ ее.

Еще есть, наконецъ, большія пчелы—*трутни*, тѣ уже вовсе ничего не работаютъ, и осенью, когда на зиму запасъ пищи не великъ, ихъ убиваютъ пчелы-работницы.

Каждую весну, разставляя и разсматривая ульи, хлопочетъ дѣдушка Пахомъ о томъ, чтобы въ каждомъ ульѣ была своя матка; если ее почему-нибудь нѣтъ, пчелы не станутъ работать и разлетятся. Онъ заботится также и

о томъ, чтобы въ первое время, когда цвѣтовъ еще мало, пчелы не голодали; для этого ставятъ имъ дѣдушка корытце съ медомъ или сытой (медъ, разбавленный водой), даетъ иногда муки и сахару.

Вскорѣ послѣ выставки ульевъ на пасѣку старыя пчелы, осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, начинаютъ вылетать въ поле за «взяткомъ», то-есть за медомъ и цвѣточною пылью, или «цвѣтней», которую приносятъ на заднихъ ножкахъ въ видѣ желтаго шарика—это такъ называемыя «обножки». И медъ и цвѣтень онѣ складываютъ въ соты и потомъ употребляютъ въ пищу. Еще пчелы приносятъ клей или узу, который идетъ у нихъ на замазку щелей улья, и, наконецъ, воскъ. Узу пчелы соскабливаютъ съ почекъ деревьевъ, но воскъ не собирается готовымъ съ растений, какъ медъ, клей и цвѣтень, а выходитъ изъ тѣла пчелы, какъ у насъ потъ и сало, покрывая кожу тонкимъ слоемъ и скопляясь отдѣльными пластинками между колечками ея брюшка.

Изъ этого воска молодыя работницы, еще не начавшія вылетать, строятъ новые соты: часть ячеекъ заполняется запасами пищи, въ остальныя матка кладетъ яички. Черезъ три дня изъ яичка выходитъ маленькій червячокъ, котораго пчелы кормятъ жидкой кашей; червячокъ растетъ дней шесть, затѣмъ его перестаютъ кормить и запечатываютъ ячейку восковой крышечкой; еще черезъ одиннадцать дней молодая пчелка прогрызаетъ ячейку и выходитъ на свѣтъ Божій. Маточныя и трутневыя ячейки больше обыкновенныхъ и за червячкомъ будущей матки пчелы особенно ухаживаютъ, сытнѣе кормятъ его и постоянно распираютъ и вытягиваютъ его ячейку.

Какъ только въ ульѣ заведутся двѣ матки, старая вылетаетъ съ частью пчелъ, покидая навсегда родной улей. Куда летитъ матка, туда же летятъ за ней и остальныя пчелы, пока матка не сядетъ на какую-нибудь вѣтку, тогда всѣ летѣвшія за ней пчелы густо облѣпляютъ эту вѣтку. Эти вылетѣвшія за маткой пчелы называются «роемъ». Когда пчелы вылетаютъ изъ улья слѣдомъ за маткой,—говорятъ, что онѣ «роются».

Пасѣчникъ долженъ не прозѣвать рой и посадить его въ новый улей. За первымъ роємъ скоро слѣдуетъ и второй, третій, пока въ старомъ ульѣ не выведутся всѣ матки.

У дѣдушки Пахома не одна колодка на пасѣкѣ, и во время роенія онъ едва успѣваетъ слѣдить за всѣми роями, ловить ихъ въ «роевни», устроенныя изъ рѣшета, прикрытаго тряпкой, и пересаживать въ новые ульи. Каждый изъ нихъ напередъ вычистить и sprysnetъ сытой, чтобы пчеламъ запахъ новаго жилья былъ пріятенъ, иначе онѣ могутъ разлетѣться. Въ это же время начинается и въ деревнѣ страда, и ребятишки пропадаютъ на сѣнокосѣ, покидая на время стараго дѣду съ его пчелами. Вотъ и сидитъ дѣдъ одинъ-одинешенекъ въ своемъ шалашикѣ, прислушиваясь, не загудитъ ли гдѣ въ ульѣ готовящійся къ отлету рой.

Дремлетъ дѣдушка, сидя на своемъ чурбашкѣ, а солнце палитъ немилосердно его старую спину, въ воздухѣ стоитъ запахъ цвѣтовъ, меда и свѣже-скошеннаго сѣна, весело журчитъ въ травѣ свѣжій ключикъ, а пчелы гудятъ, кружась вокругъ ульевъ, всегда занятая каждая своимъ дѣломъ.

Пчелы.

На-т-ка медку! съ короваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!

Нынче не въ мѣру вода разлилась;
Думали, просто идетъ наводненіе:
Только и сухо, что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась, водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ и луга вдаль,
Ну, и летитъ—ничего—палегкъ;
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силь не хватаетъ у милой... Бѣда!
Пчелами вся заперстрѣла вода,
Тонуть работницы, тонуть сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшныя,—
Не догадаться самимъ бы вѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго:
Подъ Благовѣщенье помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!
Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили:
Я при прохожемъ тужилъ, тосковалъ.

«Вы бы имъ до суши вѣхи поставили»,

Это онъ слово сказать.

Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывели, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валять и валять отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ
Сѣли—сидятъ.

На бугръ-то ни травочки,

Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:

Пчелкамъ не страшно туда залетать...

Все отъ единого слова хорошаго!

Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ;

Благослови Богъ прохожаго!

Кончилъ мужикъ, осѣнилъ крестомъ.

Медъ съ короваемъ парнишка докушалъ,

Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ,

И за прохожаго низкій поклонъ

Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

О томъ, какъ роился улей.

Каждый день клала матка-царица по тысячѣ, по двѣ яицѣ и изъ всѣхъ-то одна за одной выводились молодыя пчелки. Тѣсно стало вдругъ всѣмъ имъ въ одномъ ульѣ: надобно было раздѣлиться на два роя, надо было *отроиться*. И вотъ въ одномъ углу улья раздалось робкое кваканье: «ква-ква-ква!» Въ отвѣтъ съ другого конца пронеслось сердитое тюканье: «тю-тю-тю!» Всѣ пчелы бросили работу, заметались, замѣшались; весь улей затрубилъ, загудѣлъ. Но сквозь этотъ шумъ и гамъ явственно слышалось попрежнему съ одного конца кваканье, съ другого—тюканье.

Что жъ это такое было? А вотъ что: квакала изъ своей колыбельки молодая,

вновь народившаяся матка; и хотѣлось-то ей выйти оттуда, и не смѣла она носу показывать; тюкала же старая матка; очень ужъ ей досадно было, что молоденькая царевна ея мѣсто занять хочетъ: вмѣстѣ двѣ матки въ одномъ ульѣ вѣдь нигдѣ не уживутся; которой-нибудь надо уйти.

— Пустите меня къ ней, пустите! — тюкала внѣ себя старая матка. — Вотъ я ее проучу!

Рой пчелъ.

Но рабочія пчелы загородили ей дорогу и не допустили къ молодой маткѣ.

Тогда старая матка стрѣлой вылетѣла изъ улья, а слѣдомъ за ней кинулась изъ улья и половина пчелъ. Но крылья у пчелиныхъ матокъ мало пригодны для летанья—коротенькія. Пролетѣла она нѣсколько шаговъ и устала, присѣла отдохнуть на ближнемъ деревѣ. А пчелы, что полетѣли за нею, такъ и облѣпили вѣтку. Скоро ужъ и мѣста не стало; пчела садилась на пчелу, и скупчились онѣ такъ въ цѣлую черную бороду, отъ которой вѣтку къ землѣ пригнуло: вотъ-вотъ обломится.

Но ей не дали обломиться. Кто же не далъ? А пчелякъ, сѣдой старичокъ; сидѣлъ онъ неподалеку подъ своимъ шалашомъ; когда же пчелы зароились, онъ проворно накинулъ на голову проволочную сѣтку, на руки надѣлъ рукавицы, за пазуху сунулъ деревянную ложку—*черпакъ* и взялъ въ охапку одинъ изъ пустыхъ ульевъ, что стояли у него тутъ же наготовѣ. Поставивъ улей подъ самымъ роемъ, онъ еще ниже пригнулъ вѣтку и черпакомъ сталъ огребать пчелъ, какъ деготь или патоку какую. Неохотно шли пчелы съ черпака въ новый улей: матки-царицы еще не было тамъ. Но пчелякъ привычнымъ взглядомъ высмотрѣлъ ее среди мелкихъ рабочихъ пчелъ.

— А вот ты гдѣ, сударыня!—сказалъ онъ, бережно сгребъ ее черпачкомъ и поставилъ къ летку.

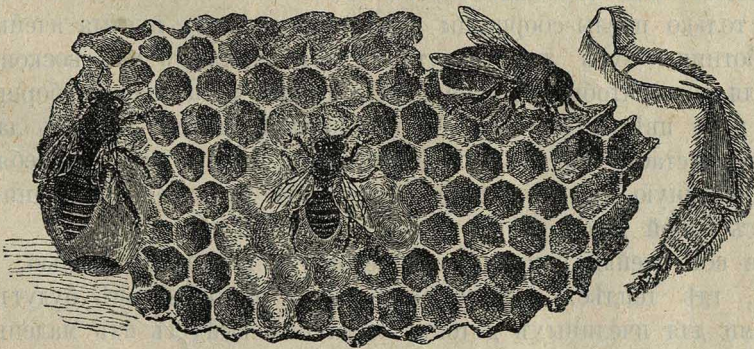
Матка задыхалась въ густомъ клубѣ пчелъ и шмыгнула въ улей. Увидѣвъ то, и другія пчелы живо туда же полѣзли; черпнулъ еще пчелякъ разъ и два — и весь рой былъ въ ульѣ. Тогда пчелякъ перенесъ улей на болѣе удобное мѣсто, гдѣ было просторнѣй и больше солнца.

А пчелы между тѣмъ оглядѣлись въ новомъ ульѣ. Ай, какъ пусто и неуютно! Ни улицъ ни кладовыхъ. Надо работать, работать и работать, чтобы въ новомъ домѣ было такъ же хорошо, какъ въ старомъ. И скоро, точно чудомъ въ сказкѣ волшебной, новый пустой улей наполнился сотами, а соты—душистымъ, золотистымъ медомъ. А въ чемъ было все чудо? въ томъ, что всѣ работали одинаково прилежно, одинаково дружно. Все чудо было въ пчелиномъ законѣ: «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!»

Какъ пчелы устраиваются въ новомъ ульѣ.

Въ новомъ ульѣ пчелы-работницы прежде всего очищаютъ весь соръ и замазываютъ всѣ щели, чтобы не было въ ихъ жилищѣ сырости и сквозного вѣтра. Онѣ оставляютъ только одно отверстіе, которое называется леткомъ и служитъ для входа и выхода изъ улья.

Всѣ щели замазываются липкой смолой, которая называется узой. Пчелы собираютъ ее съ почекъ березъ, ивъ, тополей и сосенъ въ самые жаркіе часы дня, когда эта уза бываетъ жиже и мягче. Эту смолу, или пчелиный клей, пчелы скатываютъ въ комочки и несутъ домой; ихъ ножки очень удобно устроены для этой цѣли: на голени заднихъ ножекъ у нихъ есть углубленія, или тарелочки, куда онѣ и складываютъ свою добычу.

Пчелиные соты.

Замазавъ всѣ щели узой, которая распространяетъ въ ульѣ пріятный запахъ и не пропускаетъ туда сырости и холода, работницы начинаютъ строить соты изъ воску. Въ каждомъ сотѣ расположены въ 2 ряда восковыя ячейки, имѣющія видъ шестиугольныхъ коробочекъ; отверстія ячеекъ обращены наружу—въ одномъ ряду въ одну сторону, въ другомъ — въ противоположную.

Воскъ у пчель выступаетъ изъ тѣла, подобно тому, какъ у насъ выступаетъ потъ. Воскъ получается только у тѣхъ пчель, которыя питаются медомъ.

Чтобы скорѣе выступилъ воскъ, пчелы стараются хорошенько пропотѣть, и для этого они привѣшиваются другъ за друга въ верхней части улья, гдѣ теплѣе, и висятъ такъ цѣлыми гроздьями. Когда пчела почувствуетъ, что воскъ выступилъ у нея на тѣлѣ, она лапками сгребаетъ этотъ тонкій прозрачный слой воску, разомнетъ его хорошенько во рту своими крѣпкими челюстями и прилѣптитъ полученный комочекъ, куда требуется. Такъ какъ пчель много и онѣ работаютъ дружно, то работа ихъ скоро подвигается впередъ.

Въ то время, какъ однѣ пчелы заняты сборомъ узы, очисткою и отдѣлкою своего жилища, пчелы - плотницы строятъ восковыя ячейки, другія пчелы—сборщицы—улетаютъ въ поля и лѣса на цвѣты, съ которыхъ собираютъ сладкій сокъ и цвѣточную пыль и приносятъ ее домой на кормъ маткѣ, трутнямъ и другимъ пчеламъ, работающимъ въ ульѣ.

Ротъ пчель хорошо приспособленъ для сосанья сладкаго сока изъ цвѣтовъ. Какъ и у всѣхъ насѣкомыхъ, ротъ у пчель имѣетъ видъ простой дырочки. Сверху и снизу онъ прикрывается двумя пластинками—верхней и нижней губой. Къ нижней губѣ прикрѣпляются щетинки, или щупики, которыя служатъ пчелѣ для поддерживанія пищи. По сторонамъ рта находятся двѣ пары челюстей. Верхняя пара имѣетъ видъ крючочковъ съ зубринками; нижнія челюсти вмѣстѣ съ нижней губой и щупиками удлинены, вытянуты въ трубочку и образуютъ хоботокъ, или сосальце, которымъ пчелѣ удобно высасывать сокъ изъ цвѣтовъ; этотъ сокъ изо рта идетъ по тоненькой трубкѣ, или пищеводу, въ зобикъ, или медовый желудокъ, который помѣщается въ передней части брюшка, и тамъ изъ сладкаго цвѣточнаго сока образуется медъ. Пчела можетъ по своему желанію или совсѣмъ его съѣсть, отправивъ въ другой желудокъ, или же можетъ отрыгнуть его въ хоботокъ и покормить имъ другихъ работницъ, или положить его въ соты.

Какъ только пчелы-сборщицы выпускаютъ медъ въ пустыя ячейки сотовъ, пчелы - работницы тутъ же возьмутъ да и запечатаютъ ихъ восковыми крышечками для того, чтобы медъ не скисъ. Кромѣ меда, пчелы-сборщицы приносятъ съ поля цвѣточную пыль въ тарелочкахъ своихъ заднихъ лапокъ. Эта пыль легко пристаётъ къ ихъ мохнатому тѣлу; пчелы очистятъ себя лапками, скатаютъ цвѣточную пыль въ комочки, сложатъ въ тарелочки заднихъ лапокъ и тащатъ съ собой домой.

Но не всѣ ячейки наполняются медомъ и цвѣточной пылью. Въ серединѣ улья, гдѣ теплѣе, ячейки остаются пустыми: онѣ будутъ служить колыбельками для пчелиныхъ дѣтокъ, когда они выйдутъ изъ маленькихъ бѣленькихъ яичекъ, положенныхъ пчелою-маткою, или царицею.

Каждый день пчелиная царица кладетъ до 2-хъ тысячъ яичекъ и дѣлаетъ это очень осмотрительно; она прежде всего осматриваетъ, чиста ли ячейка, и если замѣтитъ тамъ соръ или грязь, то яичка туда не положитъ, пока работницы не очистятъ ячейки; пчела-матка какъ будто понимаетъ, что маленькимъ пчелинымъ дѣткамъ нужны чистота и опрятность.

Когда пчела-царица отдыхаетъ, всѣ пчелы наперерывъ стараются услужить ей: предлагаютъ ей поѣсть и попить, подставляя ей свои хоботки,

наполненные медомъ и питьемъ, гладятъ и ласкаютъ ее своими хоботками и усиками.

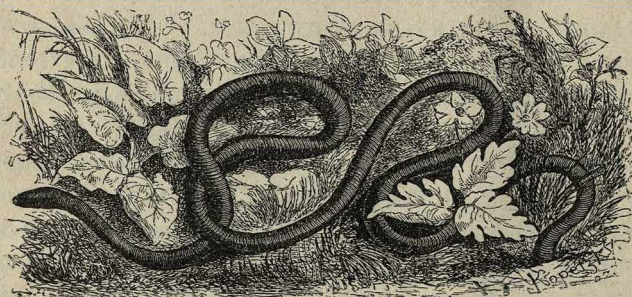
Черезъ нѣсколько дней изъ ячеекъ выходятъ пчелиныя дѣтки, въ видѣ маленькихъ червячковъ или личинокъ. Воспитаніемъ ихъ занимаются отдѣльныя пчелы — няни; онѣ заботливо ухаживаютъ за личинками: кормятъ ихъ медовой жижей, смѣшанной съ цвѣточной пылью, чистятъ и моютъ ихъ своимъ хоботкомъ, укрываютъ ихъ отъ холода и сырости.

Черезъ недѣлю личинка выпускаетъ изъ рта тонкую паутинку, окутывается ею, какъ одѣяльцемъ, и превращается въ куколку; куколка не ѣстъ, не пьетъ и не шевелится, спокойно спитъ она въ своей восковой ячейкѣ, которую пчела-няня заботливо прикрываетъ опять сверху восковой крышечкой. Тамъ куколка мало-по-малу превращается въ настоящую пчелу, которая на 11-й день и вылетаетъ изъ ячейки, прогрызши восковую крышечку своими крѣпкими челюстями.

IV. Въ полѣ и на лугу.

Подземные пахари.

Дождевой червякъ.

Тяжелъ и черенъ трудъ пахаря. Съ утра до вечера ходитъ онъ за сохой, отирая рукавомъ потъ, проводитъ ровныя борозды, разрыхляетъ и перемѣшиваетъ землю. Сошники рѣжутъ землю ровными пластами; палица переворачиваетъ ее; зеленая травка, щетинистое жнивье, торчавшее наверху,

и разбросанный навозъ уходятъ внизъ, корешки и рыхлая земля выходятъ наверхъ. Борона заканчиваетъ дѣло: зубья разминаютъ комья земли, перемѣшиваютъ глину съ пескомъ, съ мелкими камнями и съ навозомъ. Выходитъ рыхлая, пуховая земля.

Хорошій пахарь самъ дѣлаетъ почву; онъ возитъ на поле навозъ со двора и запахиваетъ его; въ землѣ навозъ тлѣетъ и даетъ мелкій черный перегной; чѣмъ больше накопится на полѣ перегноя, тѣмъ земля дѣлается чернѣе и тѣмъ лучше родится хлѣбъ.

Есть на свѣтѣ и другіе, незамѣтные пахари; тайно отъ насъ они пахутъ землю и кладутъ въ нее навозъ.

Это было года два тому назадъ. Лѣто было дождливое. Передъ домомъ была грязная земля и щепы отъ постройки. Перенесли еще земли изъ огорода, завалили грязь, плотно уколотили и посыпали сверху желтымъ пескомъ.

Дня черезъ два на пескѣ появилось много черныхъ комочковъ. Я думалъ, что песокъ свалился отъ дождевыхъ капель. Но черезъ нѣсколько дней все мѣсто покрылось такими же грязными комочками; не видно стало песку.

Принесли побольше песку и насыпали толще, чтобы не смывало дождемъ. На другой или на третій день на сухомъ пескѣ опять лежало множество черныхъ комочковъ и кучекъ.

Я пошелъ посмотреть, что это такое. Сдвинулъ комочекъ—подъ нимъ оказалась крошечная норка, похожая на ту, которую дѣлаетъ кротъ, только несравненно меньше; въ нее едва проходила соломинка. Я копнулъ и вынулъ комъ земли. Изъ него высывалось нѣсколько дождевыхъ червей.

Ночью въ сырую погоду червяки выползаютъ изъ земли, точатъ гнилушки, хватаютъ листья и щепочки и утаскиваютъ ихъ въ норки. Пролѣзая туда, червякъ пятится задомъ. Всякую вещь онъ беретъ за такое мѣсто, чтобы она пролѣзла въ норку и не застряла; напимѣръ, сосновыя иглы растутъ и и осыпаются двойчатками; червякъ хватается не за конецъ иглы, а за то мѣсто, гдѣ двѣ иглы срослись. Все это онъ уноситъ глубоко въ землю и тамъ, на досугѣ, сѣдаетъ. Иногда червякъ утаскиваетъ подъ землю и несѣдобныя вещи, напимѣръ, камешки: ими онъ затыкаетъ свою норку отъ холода.

Въ рыхлой землѣ червякъ дѣлаетъ поры, провертывая землю своимъ переднимъ, толстымъ концомъ, какъ буравчикомъ. Чтобы закопаться въ плотную землю, онъ оборачивается къ землѣ передомъ, толстымъ концомъ, гдѣ у него ротъ, и начинаетъ глотать все, что передъ нимъ есть; такъ онъ проглатываетъ понемногу всю землю, которая попадаетъ у него на пути, и протачиваетъ себѣ пору. Проглоченную землю червякъ проталкиваетъ сквозь свою кишку и выдавливаетъ изъ задняго конца густую грязь, которая свертывается клубочкомъ. Этотъ клубочекъ остается поверхъ земли, надъ норкой. Въ кишкѣ червяка земля перетирается, перемѣшивается съ остатками ѣды и передѣлывается въ мелкій черноземъ.

Такимъ способомъ дождевые черви покрываютъ всю землю, въ которой они водятся, рыхлымъ пластомъ чернозема,—въ одно дождливое лѣто они могутъ нанести толстый пласть чернозема и очень хорошо перемѣшать землю: то, что было въ глубинѣ, будетъ лежать сверху, а все, что было наверху, очутится въ землѣ, подъ этимъ пластомъ, и вся почва сдѣлается рыхлою отъ множества перекопанныхъ норокъ.

Никакимъ плугомъ не вспахать землю такъ рыхло и глубоко, какъ вспахиваетъ ее дождевой червякъ. Вотъ какая скотинка есть на свѣтѣ: сама пашетъ землю, даетъ навозъ и ѣсть не просить!

Всякое существо на землѣ совершаетъ въ тиши свою незамѣтную, но важную работу. И нѣтъ полезнѣе и важнѣе работы, какъ работа пахаря!

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ...

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вью...
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распахемъ,

Станетъ спѣть, ридиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ и косы...
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

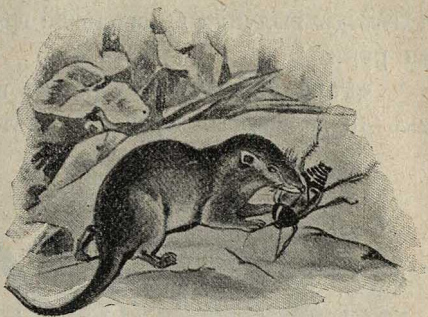
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоить, вскормить
Мать-земля сырая,
Выйdetъ въ полѣ травка.
Ну, тащися, сивка!
Выйdetъ въ полѣ травка,
Вырастеть и колось,

Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посяю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!

Землеройка.

Землеройка роется въ землѣ. Она прорываетъ короткіе подземные ходы гдѣ-нибудь на полѣ или на опушкѣ лѣса и поѣдаетъ въ землѣ жуковъ и червяковъ. Если ей удастся поймать мышку или птичку, то она съѣдаетъ и ихъ.

Днемъ землеройка прячется подъ землей и все время спитъ. Къ вечеру она просыпается и отправляется на охоту. Она особенно любитъ бѣгать вдоль ходовъ, вырытыхъ кротомъ, высматриваетъ, не попадутся ли гдѣ личинки майскаго жука, и ловить тѣхъ, которые не успѣютъ во-время сойти съ дороги. Конечно, она сама должна остерегаться хозяина ходовъ—крота. Бѣда ей, если онъ встрѣтитъ ее въ своихъ владѣніяхъ. Гуляетъ она и по подземнымъ ходамъ мышей: и тамъ отыскиваетъ себѣ пищу. Выходитъ она и на поверхность земли, за гусеницами и другими насѣкомыми, и охотится за ними, бѣгая по опавшимъ листьямъ и между травяными стебельками.

Землеройка.

и ловить тѣхъ, которые не успѣютъ во-время сойти съ дороги. Конечно, она сама должна остерегаться хозяина ходовъ—крота. Бѣда ей, если онъ встрѣтитъ ее въ своихъ владѣніяхъ. Гуляетъ она и по подземнымъ ходамъ мышей: и тамъ отыскиваетъ себѣ пищу. Выходитъ она и на поверхность земли, за гусеницами и другими насѣкомыми, и охотится за ними, бѣгая по опавшимъ листьямъ и между травяными стебельками.

Землеройка не только не причиняетъ земледѣльцу никакого вреда, но приноситъ ему большую пользу, поѣдая разныхъ насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбамъ; а онъ между тѣмъ убиваетъ ее всюду, гдѣ ни повстрѣчаетъ, только потому, что на первый взглядъ она совершенно похожа на мышъ и отличается отъ нея лишь чернымъ цвѣтомъ шерсти и болѣе длиннымъ рыльцемъ. Кошки и собаки, лисицы, ежи и другія животныя, которыя любятъ гоняться за мышами, обманываются видомъ землеройки и, принимая ее за мышъ, ловятъ землеройку и искусываютъ ее до смерти. Но обыкновенно они ея не бѣдятъ: она издаетъ сильный мускусный запахъ, который не нравится этимъ мышеловамъ. Собака обнюхиваетъ убитую землеройку, треплетъ ее и бросаетъ.

Гуляя утромъ по лѣсу, часто можно найти мертвую землеройку, которая погибла только оттого, что похожа на мышъ.

Какую пользу приноситъ грачъ въ полѣ.

Въ рошѣ около хлѣбнаго поля поселилась на житье громадная стая грачей; всѣ деревья усыпаны ихъ большими неуклюжими гнѣздами, и съ утра до ночи по рошѣ раздается ихъ неугомонная, крикливая болтовня.

Гнѣзда грачей устроены очень незатѣливо; это просто большіе растрепанные пучки вѣтвей, крѣпко свитые и прочно прикрѣпленные на верхушкахъ деревьевъ. Когда гнѣздо готово, грачиха кладетъ въ него яйца и садится на нихъ; она очень хорошая и заботливая мать; по цѣлымъ днямъ сидитъ она неподвижно на яйцахъ, несмотря ни на дождь, ни на холодъ, и только изрѣдка на самое короткое время слетаетъ съ гнѣзда, чтобы немного размять свои усталые члены.

Въ то время, какъ грачиха сидитъ на яйцахъ, грачъ заботится объ ея пропитаніи: онъ то и дѣло летаетъ въ поле и приноситъ ей кормъ. Когда же въ гнѣздѣ вылупятся маленькіе грачата, грачу приходится работать, не покладая рукъ.

«Рано вставать»—хорошее правило, но если бы мы вставали такъ рано, какъ трудолюбивый грачъ, то лѣтомъ намъ пришлось бы спать только 4 часа,

потому что грачъ лѣтомъ засыпаетъ въ 10 часовъ, а въ два часа онъ уже просыпается и принимается за свою работу. (Зимою, когда у грачей нѣтъ маленькихъ и имъ приходится заботиться только о самихъ себѣ, они спятъ гораздо больше: они засыпаютъ тогда въ 4 часа дня и встаютъ въ 8 часовъ утра.)

Цѣлый день летаетъ грачъ взадъ и впередъ,—изъ гнѣзда въ поле и съ поля обратно въ гнѣздо, носить кормъ и суетъ его въ огромные разинутые рты грачатъ. Что же приносить имъ грачъ съ поля?

Разсматривали ли вы когда-нибудь клювъ грача? Онъ широкъ, толстъ и похожъ на конецъ заступа, а вокругъ него, на лбу и на горлѣ птицы точно наклеенъ кусочекъ толстой кожи. Стоить только посмотрѣть повни-

Г р а ч и.

мательно на клювъ грача, чтобы понять, что такой клювъ служить для раскапыванія земли. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: грачъ трудолюбиво роется въ землѣ своимъ толстымъ крѣпкимъ клювомъ и выкапываетъ изъ нея разныхъ личинокъ на кормъ себѣ и своей семьѣ. Ну, посмотрите же, какъ хорошо устроенъ клювъ грача для этой работы! Перья не растутъ вокругъ него, потому что они только мѣшали бы грачу въ его дѣлѣ: они бы могли легко цѣпляться и выдергиваться, и это было бы очень больно грачу.

Нѣкоторыя личинки, живущія въ землѣ, приносятъ много вреда корнямъ хлѣбовъ, травъ и овощей. Чаще всего въ хлѣбныхъ поляхъ встрѣчаются личинки долгоносика и майскаго жука; онѣ долго живутъ подъ землей, питаются корнями растений.

Грачъ оказываетъ большую услугу крестьянину, отыскивая въ землѣ этихъ личинокъ и поѣдая ихъ. Каждому грачу, чтобы наѣсться, надо съѣдать всякій день по цѣлому фунту личинокъ и другихъ насѣкомыхъ; зная это, легко понять, какую большую пользу приноситъ грачъ въ полѣ. А люди, не зная этого, часто считаютъ грачей вредной птицей, убиваютъ ихъ и разоряютъ ихъ гнѣзда.

Человѣку случалось, можетъ-быть, видѣть, какъ грачи выдергиваютъ клоки травы, молодую рѣпку или соломинку зеленой ржи, и вмѣсто того, чтобы попробовать узнать, зачѣмъ грачъ дѣлаетъ это, онъ спѣшитъ убить его, какъ

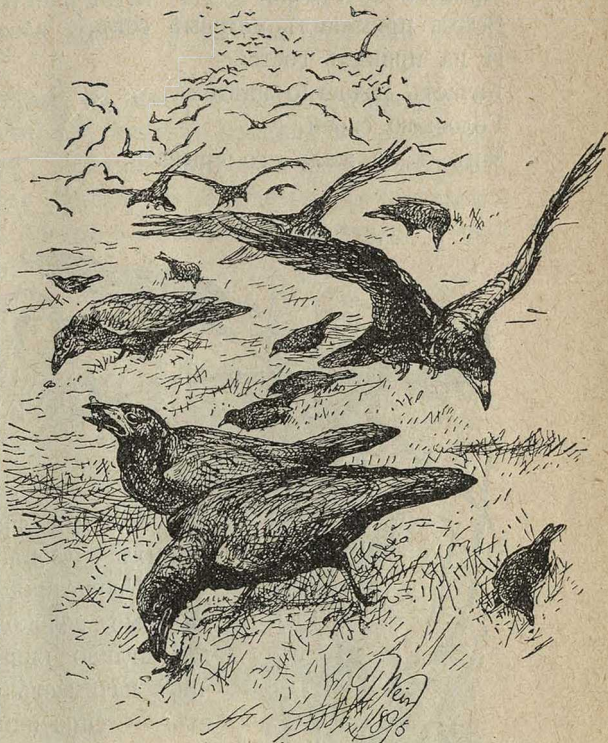
врага. Но если бы этот человек догадался осмотреть корни растений, вырванных грачом, то он увидел бы, что корни эти уже тронуты личинками, и растения все равно должны бы были неминуемо погибнуть, а личинка, оставшись жить, уничтожила бы еще корни многих других растений.

Таким образом, убивая личинку, грач спасает много растений, даже и в том случае, если вытаскивает некоторые из них с корнем. В местностях, где избивали грачей, вредные насекомые размножались в таком громадном количестве, что побдали не только все хлеба на много верст кругом, но и все листья на деревьях.

Крестьянину трудно найти личинок, зарывшихся в землю, его поле оберегает грач, а крестьянин, не понимая этого, убивает своего помощника в этом деле.

Зимою, когда вся земля покроется снежным покровом и все личинки уйдут в глубь земли и закопаются до весны, грачам приходится очень плохо; в это время они с удовольствием клюют зерна, картофель и вообще все, что только найдут.

Не жалейте для них корма, чтобы они могли переносить холода, не забудьте о том, как хорошо помогают они нам во все остальное время года!

Грачи в поле.

На лугу.

Ходилъ я рано по лугамъ,
На утренней росѣ,
Цвѣты сіяли здѣсь и тамъ
Во всей своей красѣ.
Меня привлекъ одинъ изъ нихъ:
Онъ солнышкомъ согрѣтъ,
Краснѣлъ, какъ щечекъ молодыхъ
Румяный, нѣжный цвѣтъ.
Его сорвать я былъ готовъ,
Гляжу—надъ нимъ кружить
Рой пчелокъ, мошекъ, мотыльковъ,
Кружить надъ нимъ, звенить;

Пчела мохнатая съ осой,
Жужжа, къ нему летать;
Жучки въ бронѣ своей стальной
Привѣтливо гудять.
Всѣхъ приманилъ медовый сокъ,
И на привѣтъ гостей
Качаетъ радостно цвѣтокъ
Головкою своей.
Мнѣ стало жаль его срывать,

Безъ пользы бѣ онъ увяльтъ...
Чтобъ мошкамъ больше не мѣшать,
Я путь свой продолжалъ.
А пчелки, мотыльки толпой,
Жучковъ блестящій рой
Благодарятъ теперь меня,
Въ сіяньи радостнаго дня
Веселый трескъ, веселый звонъ
Поднявъ со всѣхъ сторонъ!

Маленькій скрипачъ.

Какъ хорошо и весело лѣтомъ въ полѣ! Цѣлый день слышится тамъ музыка: тамъ живетъ веселый музыкантъ—кузнечикъ. Онъ ростомъ не больше твоего мизинца; у него прекрасный зеленый фракъ, шесть длинныхъ ногъ и пара живыхъ глазокъ.

Крошечная ямка служитъ ему спальней; кругомъ лиловые колокольчики и пахучія красныя гвоздики привѣтливо киваютъ своими головками, когда кузнечикъ начинаетъ свою музыку. На чемъ же онъ играетъ? — спросишь ты. Ты, можетъ-быть, думаешь, что онъ поетъ ртомъ, какъ птицы? Но ты сильно ошибаешься; ротъ кузнечика нѣмъ, но зато онъ умѣетъ играть крыльями: какъ хорошій скрипачъ играетъ смычкомъ то громче, то тише, такъ и маленькій кузнечикъ наигрываетъ своими крыльями веселую пѣсенку въ зеленой травѣ. У него четыре крыла: два зеленыхъ твердыхъ верхнихъ крыла, а подъ ними два нижнихъ, тонкихъ какъ кисей. Нижнія крылья сложены подъ верхними и помогаютъ кузнечику переноситься съ мѣста на мѣсто; верхнія крылья тверды и служатъ для защиты нижнихъ нѣжныхъ крыльевъ, которые они покрываютъ точно футляры; эти жесткія крылья называются надкрыльями. На краю лѣваго надкрылья есть маленькія ребрышки, а на правомъ надкрыльи окошечко, затянутое перепонкой и окруженное толстой жилкой. Кузнечикъ третъ ребрышками лѣваго надкрылья объ окошечко праваго взадъ и впередъ, отъ чего и происходитъ та музыка, которую задаютъ кузнечики въ полѣ.

Ранехонько утромъ просыпается маленькій музыкантъ, выпиваетъ каплю свѣжей росы, сѣдаетъ кончикъ молодой травки, обчищается и разминаетъ свои ножки. Вотъ взошло красное солнышко, и кузнечикъ начинаетъ свою пѣсенку и цыркаетъ ее цѣлый день, съ утра и до вечера. Такъ проводитъ онъ день за днемъ и недѣлю за недѣлей. О дѣтяхъ ему не приходится заботиться: онъ

опустить свои лички въ землю, а солнце вывело изъ нихъ маленькихъ кузнечиковъ. Они еще безкрылые и потому лѣтъ не могутъ; весь день попрыгиваютъ они въ густой травѣ и грызутъ ее; съ самаго перваго дня они сами о себѣ заботятся. Когда молодые кузнечики подрастутъ и окрѣпнутъ, они линяютъ, и послѣ этого у нихъ появляются крылья и надкрылья, и они могутъ тогда лѣтъ вмѣстѣ со стариками.

Кузнечики не собираютъ себѣ корма на зиму, подобно пчеламъ и муравьямъ; когда наступитъ холодная осень, кузнечикъ, пролѣвъ въ одинъ прекрасный день свою послѣднюю лѣсенку, ложится въ свою норку и засыпаетъ. Нашъ маленькій музыкантъ никогда уже больше не проснется; на слѣдующее лѣто новые кузнечики будутъ прыгать въ травѣ на этомъ мѣстѣ и играть свои лѣсенки.

Гнѣздо жаворонковъ.

Жаворонокъ.

Когда выйдешь лѣтомъ въ поле, изъ густой травы вылетитъ сѣрая птичка. Это жаворонокъ. Онъ взовьется кверху высоко, высоко, трепещетъ крылышками и поетъ. Ахъ, какъ хорошо поетъ! Высоко взлетаетъ жаворонокъ, чуть можно его видѣть, а звонкая его лѣсня все еще слышна.

Нужно жаворонку дѣтками обзавестись. Онъ не вьетъ гнѣзда. Жаворонокъ нашелъ маленькую ямочку среди высокой травы, положилъ въ нее лички и сѣлъ.

Самочка сидитъ на яйцахъ, а самецъ летаетъ и поетъ, веселитъ ее.

Вывелись дѣтки, голенькіе птенчики. Отецъ и мать кормятъ ихъ. Когда идетъ дождь, мать садится на гнѣздо и закрываетъ дѣтей своими крылышками.

Птичка въ ловушкѣ.

Въ ловушкѣ, поставленной для дроздовъ, повисъ за ножку маленькій жаворонокъ. Еще на утренней зарѣ весело звучала подъ облаками его веселая пѣсенка, а вечеромъ бѣдняжка уже умираетъ медленною мучительною смертью. Напрасно бьется онъ всѣмъ тѣломъ, стараясь освободиться изъ петли,—ужасная петля только сильнѣе обхватываетъ его ножку, и бѣдный жаворонокъ все больше и больше слабѣетъ. Какъ сильно трепещется его испуганное бѣдное сердечко, какъ болитъ ножка и нѣтъ у него силъ освободиться отъ ненавистой петли, никогда уже ему не взлетѣть въ синее небо, не пѣть своей чудной пѣсенки!

Бабочка и дитя.

По зеленой лужайкѣ, цвѣтами поросшей, за бабочкой бѣгалъ маленькій мальчикъ. А старая няня подъ тѣнью деревьевъ сладко дремала.

Вдругъ мальчикъ бросается къ нянѣ, тормошитъ и теребитъ ее.

— Няня!—лепечетъ малютка тревожно.—Няня, бабочкѣ крылья пришей, я не нарочно ихъ оторвалъ.

— Что ты, Господь съ тобой! Развѣ крылышки можно пришить?! Вотъ баловникъ!

А мальчикъ не можетъ унятьсѣ и, плача, къ ней пристаѣтъ:

— Няня, пришей, пришей же ей крылышки! Мнѣ жаль ея, няня, мнѣ жаль!

Рис. Е. Беля.

На сѣнокошѣ.

По лугамъ идутъ работы
Въ утреннія росы;
Только зорюшка займется,
Звякають ужъ косы.
И ложится подъ косами
Травушка рядами...
Сколько гнѣздъ шмелиныхъ срѣжутъ
Косари косами!

Вотъ, сверкнувъ, коса взмахнула,
И одна минута—
Ужъ шмели вверху кружатся:
Нѣтъ у нихъ пріюта!
Сколько птичьихъ гнѣздъ задѣнутъ
Косари косою!
Сколько малыхъ птичьихъ дѣтокъ
Покосятъ съ травой!

Имъ не врагъ косарь,—косою
Радъ бы ихъ не встрѣтить;
Да трава вездѣ густая,
Гдѣ жъ ихъ тамъ замѣтить!

Какъ жаворонки спасли своихъ дѣтей.

Два жаворонка свили себѣ гнѣздышко въ полѣ. Начался сѣнокосъ, а маленькіе птенчики только-что вывелись. Когда косцы начали приближаться къ гнѣзду, жаворонки страшно перепугались. Какъ быть? Какъ спасти малыхъ дѣтокъ? Наконецъ, мать прилегла къ землѣ, а отецъ вытолкнулъ птенчика изъ гнѣзда и усадилъ его на спину матери.

Она улетѣла съ нимъ и скоро возвратилась одна за другимъ птенчикомъ. На этотъ разъ съ птенчикомъ полетѣлъ отецъ. Такъ жаворонки перетаскали всѣхъ своихъ дѣтей, пока косцы дошли до того мѣста, гдѣ было ихъ гнѣздо.

Рис. Е. Бемъ.

На ржаномъ полѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ тишина царствовала въ полѣ: шумѣли только колосья, волновалась поверхность спѣлой ржи, словно море отъ каждаго вѣтерка. Въ этомъ шопотѣ колосевъ, въ этомъ движеніи волнъ на поверхности поля было что-то усыпляющее, наводящее дремоту. Лишь немногія птички нарушали эту тишину. Взовьется жаворонокъ, выпорхнетъ перепелъ и опять нырнуть въ волны хлѣбнаго моря.

Только одинъ неизмѣнный смотритель поля, сѣдой лунь, плыветъ въ воздухѣ надъ самою поверхностью ржи, осматривая тщательно каждый загонъ, каждую десятину. И невольно думается: эхъ, какая пустота въ полѣ, то ли дѣло въ лѣсу! Сколько тамъ жизни, какой шумъ, сколько различныхъ животныхъ, а здѣсь тишь и больше ничего!

Жатва какъ будто оживляетъ поле. Лишь только сожнутъ хлѣбъ, тишина нарушается сразу: много птицъ слетаются сюда изъ сосѣднихъ лѣсовъ и селеній; однѣ кошны чернѣютъ отъ галокъ, на другихъ сидятъ парами и стайками голуби; снуютъ въ жнитвѣ и порхаютъ надъ ней жаворонки; даже ворона, сѣрая карга, и та явилась попробовать свѣжей ржи; всѣ они прилетѣли пиръ пировать, готовый хлѣбъ воровать. И этотъ пиръ идетъ цѣлый день, да еще ночи прихватить; улетать вечеромъ галки, голуби, вороны, а на мѣсто ихъ являются другіе ворипки. Съ наступленіемъ сумерекъ слышится въ воздухѣ свистъ, и какія-то темныя фигуры быстро несутся стаями въ поле. Это дикія утки летятъ на кормежку на жнивье.

Кажется, плакать бы надо земледѣльцу отъ этихъ воровъ; но—странное дѣло, я не слыхалъ, чтобы жаловались на нихъ. А вѣдь рожь — насущный

хлѣбъ русскаго человѣка. Уродится рожь—земледѣлецъ счастливъ, хотя бы остальные хлѣба и плохо вышли. Неурожай ржи—это бѣдствіе. Понятно, съ какой заботой и тревогой смотритъ крестьянинъ на ржаное поле; какъ зорко слѣдитъ онъ за всѣмъ, что можетъ повредить ржи. Почему же онъ такъ спокойно смотритъ на галокъ, голубей и другихъ грабителей, которые усѣяли ржанныя копны? Потому что это не воры, а просто гости, гуляки, отъ которыхъ и вреда-то нѣтъ. Клюютъ они больше высыпающіяся на землю зерна, которыя, стало-быть, все равно не достанутся человѣку. Правда, поточать они и колосья въ снопахъ, но много ли? Сущіе пустяки.

До жнивья поле кажется намъ пустымъ, безжизненнымъ, но это только такъ кажется. Волнуется, колыхнется хлѣбное поле, залитое солнечнымъ свѣтомъ, кругомъ все пусто, однообразно, но тамъ, въ чащѣ хлѣбныхъ колосьевъ, на землѣ и подъ землею копошится и суетится вѣчная, безпокойная, суетливая жизнь,—неустанная работа. Высокая густая рожь—это то же, что лѣсъ; здѣсь живутъ птицы и звѣри: тысячи куропатокъ, перепелокъ, жаворонковъ копошатся тамъ; тамъ у нихъ гнѣзда съ маленькими птенчиками—ихъ родной домъ. Не всѣ звѣри и птицы, живущіе въ хлѣбномъ полѣ, вредятъ ему и обираютъ его: многіе изъ нихъ и въ ротъ не берутъ ржаного зернышка; имъ нужно укрытое мѣсто для жилья, хорошій пріютъ для отдыха; но все же большая часть звѣрей и насѣкомыхъ, живущихъ въ хлѣбномъ полѣ, хозяйничаютъ тамъ: проворная полевая мышка точитъ тамъ зерно, прожорливый хомякъ собираетъ свои запасы; тысячи различныхъ жучковъ и бабочекъ выбрали своимъ жильемъ хлѣбное поле: одни изъ нихъ сосутъ молочный сокъ изъ незрѣлыхъ хлѣбныхъ зеренъ, и колосъ выходитъ отъ этого пустымъ, другіе точатъ спѣлое зерно; тысячи червяковъ и личинокъ копошатся подъ землею, они пожираютъ корни колосьевъ, и колосья, оставшіе безъ корня, засыхаютъ; колосъ весь цѣль, но онъ уже не можетъ принести плода: онъ мертвый.

Наступила зима, покрыла поля снѣгомъ, улетѣли сивки, дрозды, стрелеты; перестали гонять скотъ въ поля.

Не думаете ли вы, что озимое поле теперь опустѣло? Посмотримъ. Съ вечера шель снѣжокъ до самой полуночи; поутру образовалось то, что называютъ охотники—пороша. Глазамъ больно отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга. Но что же это за пятна на немъ? Озимое поле словно узоромъ покрыто; кое-гдѣ снѣжокъ разрытъ до зеленыхъ озимей, до самой зелени. Разсмотримъ эти узоры. Одни пятна—точно птичьи лапки, другія—звѣриныя лапы. Пойдемъ по какому-нибудь слѣду. Вотъ здѣсь ходилъ заяцъ русакъ; онъ не зря забрелъ сюда. Побродивъ по озими, оглядѣвшись кругомъ въ темнотѣ ночи, онъ разгребъ снѣжокъ и поѣлъ озимей, поѣлъ въ одномъ, другомъ, третьемъ мѣстѣ, наѣлся досыта и отправился спать въ какое-нибудь укромное мѣстечко.

Проснулись поутру куропатки, ночевавшія у рѣки, отряхнулись, перекликнулись и полетѣли дружной стайкой на озимое поле, именно на тѣ мѣста, гдѣ разрытъ снѣгъ русакомъ. Такъ очень часто одно животное помо-

гаеть кормиться другому. Безъ помощи русака не разрыть бы куропаткамъ снѣжокъ, не наѣсться бы сладкихъ озимей. Поэтому знайте, что гдѣ зимой есть русаки, тамъ могутъ быть и куропатки, а гдѣ есть куропатки, тамъ навѣрно есть русакъ.

Но не одни русаки и куропатки посѣщаютъ озимое поле зимой. Подъ снѣжнымъ покровомъ прокапываютъ свои ходы различныя полевки и мыши, которыя тоже кормятся озимью.

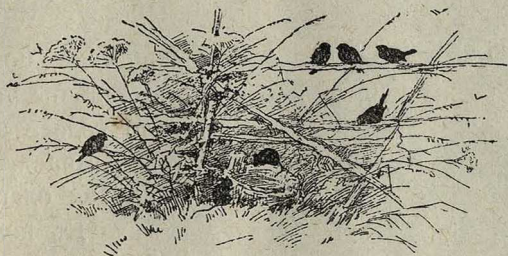

Рис. Е. Бемъ.

Двѣ мышки.

Пришла важная мышь изъ города къ простой мышѣ.

Простая мышь жила въ полѣ и дала своей гостьѣ, что было: гороха и пшеницы.

Важная мышь погрызла и сказала:

— Оттого-то ты и худа, что житье твое бѣдное; приходи ко мнѣ, посмотри, какъ мы живемъ.

Вотъ пришла простая мышь въ гости. Дождались подъ поломъ ночи. Люди поѣли и ушли.

Важная мышь вывела изъ щели свою гостью въ горницу и обѣ влѣзли на столъ. Простая мышь никогда не видала такой ѣды и не знала, за что взяться. Она сказала:

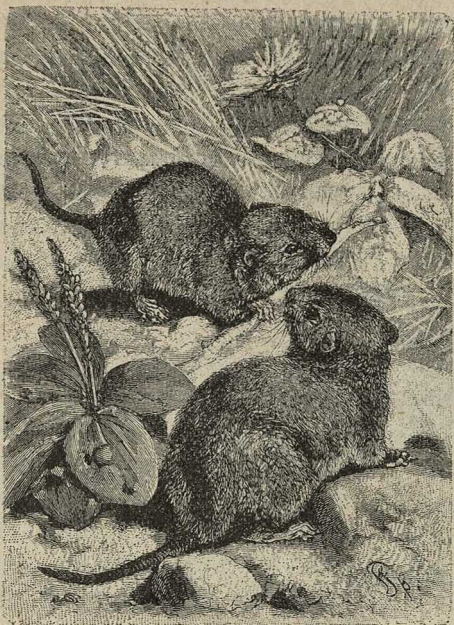
— Твоя правда, наше житье плохое. Я перейду также въ городъ жить.

Только она сказала это, затрясся столъ, и въ двери вошелъ человѣкъ со свѣчкой и сталъ ловить мышей.

— Нѣтъ,—говоритъ полевая мышь,—мое житье въ полѣ лучше. Хоть у меня сладкой ѣды и нѣтъ, зато я и страха такого не знаю.

Рис. Е. Бемъ.

Полевые мыши.

Полевая мышка.

Трусливый сѣренькій звѣрекъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой...
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золь—я за тобой
Не погонюсь.

Вориска ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталь бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ:
Почти съ землей сравнялся онъ;
И станешь вновь искать ты мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ грозенъ и суровъ
Шумить кругомъ.

Ты видѣлъ, блекнули поля,
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: «Будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ!»
И что же? Плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.

А сколько стоило хлопотъ,
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все—и трудъ и кровь;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ!

V. В ѣсу.

Утро въ ѣсу.

По тропинкѣ чуть замѣтной
Рано утромъ въ ѣсѣ тѣнистый
Я люблю пойти; смолоу
Пахнетъ воздухъ влажный, чистый.
Пѣсни птичекъ голосистыхъ
Веселятъ больную душу.
Пойте, милыя пѣвуньи,
Вашъ покой я не нарушу!
Какъ легко дышать на волѣ!
Я иду неторопливо.
Вонъ, по хвоѣ прошлогодней
Черный жукъ ползетъ лѣниво.

Я ему не помѣшаю
И миную осторожно;
Вотъ поднялся онъ на лапкахъ
И задвигался тревожно.
Ты ползи своей дорогой,
Не пугайся,—Богъ съ тобою!
Не губить сюда пришелъ я,—
Отдыхать больной душою.
Оба жить съ тобой хотимъ мы;
Ясныхъ дней у насъ не много;
У тебя враговъ не мало,
И моя трудна дорога!..

По тропинкѣ чуть замѣтной
Я иду,—куда?—не знаю;
Воздухъ влажный и душистый
Грудью полною вдыхаю...

Въ лѣсу.

Нѣтъ въ лѣсу того раздолья, какъ въ полѣ, но хорошо въ немъ въ жаркій полдень. Высокія красноватая сосны развѣсили свои иглистыя вершины, а зеленія елочки выгибають свои колючія вѣтви. Красуется бѣлая кудреватая березка съ душистыми листочками; коренастый дубъ раскинулъ шатромъ свои вырѣзные листья. Изъ травы глядитъ бѣленькій глазокъ земляники, а рядомъ уже краснѣетъ душистая ягодка. Гдѣ-то постукиваетъ крѣпконосый дятель; кричитъ жалобно желтая иволга; отсчитываетъ года бездомная кукушка. Сѣрый зайчикъ шмыгнулъ въ кусты; высоко, между вѣтвями мелькнула пушистымъ хвостомъ цѣпкая бѣлка. Далеко въ чащѣ что-то трещить и ломится: ужъ не гнетъ ли дугъ косопаный Мишка?

Въ лѣсной чащѣ.

Посреди лѣса лужокъ, а вокругъ—молодой кустарникъ. Тысячи мелкихъ букашекъ ползають по тонкимъ стебелькамъ; неуклюжіе шмели летаютъ съ

Косуля съ косуленкомъ.

цвѣтка на цвѣтокъ, жужжать, собирають медъ. Изъ кустарника выходитъ осторожно боязливая косуля. Навостривъ уши, она чутко прислушивается, зорко осматривается во всѣ стороны и, широко раздувая ноздри, нюхаетъ воздухъ.

Убѣдившись, что опасности нѣтъ, она вернулась въ чащу и вывела оттуда молодого пестраго косуленка. Косуленку не болѣе двѣнадцати дней. Сегодня онъ въ первый разъ вышелъ изъ лѣсу—пощипать свѣжей травки. Пока старая-косуля спокойно паслась на лугу, косуленокъ весело прыгалъ, скакалъ, пощипывая то сочный стебелекъ, то сладкій цвѣточекъ клевера.

Вдругъ старая косуля безпокойно подняла голову и будто замерла на мѣстѣ: она почуяла врага.—надо поскорѣе спрятать косуленка. Онъ еще слишкомъ слабъ и глупъ. Косуля толкнула его мордой, чтобы онъ нагнулся и спрятался въ травѣ, а сама притаилась поблизости въ кустахъ. Дѣтенышъ послушно подогнулъ ноги и прилегъ въ высокой травѣ, прижавъ голову къ самой землѣ. И онъ теперь пугливо прислушивается и поводитъ носомъ по воздуху. Такъ пролежалъ онъ неподвижно, пока вернулась успокоенная мать.

Она осторожно вышла изъ кустовъ и, убѣдившись, что опасность уже миновала, кликнула косуленка, нѣжно приласкала, полизавъ его нѣсколько разъ, и поспѣшно увела обратно въ чащу лѣса.

Какъ живетъ бѣлка.

Снѣгъ растаялъ. Наступила весна. Проснулся дремучій лѣсъ, одѣлся зеленою листвою, огласился звонкими, веселыми пѣснями птичекъ. Стали птички вить гнѣзда. Принялась и бѣлка устраивать себѣ гнѣздо.

Выбрала она себѣ высокое вѣтвистое дерево и начала таскать сухіе прутики, листья и прошлогоднюю траву. Сдѣлала она себѣ домикъ такъ, чтобы въ него ни вѣтеръ ни дождь не попали. И весь домикъ внутри выстлала сухимъ мохомъ, чтобы теплѣе было ея дѣткамъ.

Завелась и семья у бѣлочки — съ полдюжины крошечныхъ, слѣпыхъ бѣльчатокъ. Прошло дней восемь. У бѣльчатокъ открылись глазки, тѣлце ихъ обросло шерстью. Прошла еще недѣля, бѣльчата выросли, окрѣпли и ужъ выглядываютъ изъ гнѣзда. Рыженькая шерстка ихъ такъ и лоснится, веселые глазенки такъ и прыгаютъ!

Наступило лѣто, покраснѣли въ лѣсной травѣ ягодки земляники и клубники. Старая бѣлка осторожно сводитъ своихъ дѣтокъ съ дерева и ведетъ ихъ полакомиться ягодами и молодыми грибами. Наѣдятся бѣльчата—и опять на дерево: тамъ имъ и привольно и безопасно. Въ густой листвѣ заводятъ бѣльчата игры, гоняются другъ за другомъ по вѣткамъ, рѣзвятся, словно малыя дѣти.

Время незамѣтно идетъ. Бѣльчата совсѣмъ выросли, и старая бѣлка покинула ихъ: они проживутъ теперь и безъ матери.

Лѣто проходитъ, скоро наступитъ осень, а тамъ и холодная зима. Надо подумать, чѣмъ зиму кормиться. Еще съ половины лѣта старыя и молодыя бѣлки принимаются сушить на зиму грибы. Подниметъ бѣлка грибокъ и воткнетъ его на тонкій сучокъ на макушкѣ высокой сосны. Когда поспѣютъ орѣхи, бѣлка натаскаетъ и орѣховъ. Все это она складываетъ въ дуплѣ или въ норѣ между корнями деревьевъ.

Не страшна теперь бѣлкѣ зима. Осенью переменить бѣлка легкую лѣтнюю шубку на теплую зимнюю. А запасовъ у ней наготовлено столько, что до новой весны хватитъ.

Мальчикъ и бѣлка.

— Какъ ты, бѣлочка, мила,
Какъ проворна и смѣла!
Если бъ ты сюда спустилась
И со мною подружилась,
Я бы тотчасъ же съ тобой
Побѣжалъ къ себѣ домой.
Я бъ ласкалъ тебя и холилъ,
Домикъ бы тебѣ построилъ,

Все бъ орѣшками кормилъ,
Ключевой водой поилъ.
Та на деревѣ сидѣла,
Молча слушала, глядѣла,
А какъ кончилъ онъ, тотчасъ
На вершину забралась,
Тамъ головкой покачала
И лукаво отвѣчала:

— Нѣтъ, голубчикъ, милый мой,
Не сойдемся мы съ тобой!

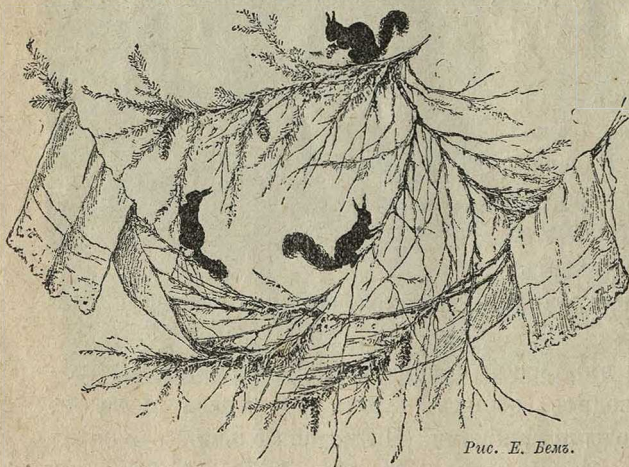
Ручная бѣлка.

Въ жаркіе лѣтніе дни я отправлялся на берегъ рѣки, подѣ тѣнь деревьевъ. На этихъ деревьяхъ водились бѣлки. Онѣ ловко прыгали по вѣткамъ и веселились,—лишь одна постоянно

держала себя въ сторонѣ и сидѣла неподвижно между вѣтвями густого куста. Какъ только ее находили другія бѣлки, тотчасъ бросались на нее, кусали и царапали бѣдняжку. Больной звѣрокъ не противился и заявлялъ о своей боли только однимъ жалобнымъ крикомъ.

Какъ-то разъ я увидѣлъ другую, совершенно молодую еще бѣлочку, которая прокрадывалась черезъ кустарникъ. Она несла спѣлый плодъ во рту

и каждую минуту оглядывалась, какъ бы ея не замѣтили. Вотъ подошла она къ несчастной бѣлкѣ и положила передъ нею свое щедрое подаваніе.

Другія бѣлки замѣтили это и бросились съ деревьевъ къ кусту. Молодая бѣлочка спаслась двумя скачками, а больная ждала, что съ ней будутъ дѣлать...

Я вскочилъ; всѣ бѣлки разбѣжались, кромѣ несчастной. Однако на этотъ разъ она покинула свой кустарникъ и бросилась въ рѣку, чтобы переплыть на другую сторону. Вотъ ужъ ее понесло быстрымъ теченіемъ... вотъ она тонетъ, держаться не можетъ на водѣ.

Я хорошо плаваю,—бросился въ рѣку и спасъ бѣлочку. Снесъ ее домой, кормилъ, поилъ и ухаживалъ за нею. Вскорѣ ея шерсть отросла и сдѣлалась густой и блестящей. Хотя бѣлка жила на свободѣ, однако она никогда и не пробовала бѣжать въ лѣсъ.

К у к у ш к а.

„Ку-ку! Ку-ку!“ не разъ слыхалъ ты лѣтомъ въ лѣсу. Ты знаешь, что такъ кричитъ сѣрая кукушка, которая не вьетъ себѣ гнѣзда, почему ее и зовутъ бездомницей и лѣн-тайгой. Какъ ты думаешь, почему она не вьетъ своего гнѣзда, а кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда? Лѣнива, что ли, она? Нѣтъ, она не лѣнива.

Кукушка.

Кукушка, видишь ты, птица перелетная, питается насѣкомыми, которыхъ поѣдаетъ очень много, потому что она не маленькая. Чтобы быть сытой, она въ день должна пролетѣть нѣсколько верстъ. Если бы она свила гнѣздо да нанесла яицъ, то яйца всѣ бы пропали, потому что не ѣвши жить нельзя, а чтобы быть сытой, кукушкѣ надо далеко улетать отъ гнѣзда, а въ это время яйца остынуть.

Да кромѣ того, кукушка несетъ яйца черезъ долгій промежутокъ времени: сегодня снесетъ одно, а недѣли черезъ двѣ другое яйцо. Такъ, если ей ждать всѣхъ яицъ, то первыя могутъ испортиться и пропасть, да черезъ двѣ-то недѣли кукушка отъ того мѣста, гдѣ она положить яйцо, будетъ, можетъ-быть, уже за нѣсколько сотъ верстъ, почему она и кладетъ яйца въ чужія гнѣзда, гдѣ ихъ и высидиваетъ какая-нибудь другая маленькая птичка.

Л и с и ц а.

1.

Въ лѣсу, между толстыми корнями стараго дуба, была вырыта въ землѣ большая и глубокая нора; изъ норы шли подъ землю въ разныя стороны узкіе ходы съ выходами наружу. Видно было, что эту нору вырыли какіе-то умные и хитрые звѣри; они нарочно понадѣлали въ ней столько выходовъ, чтобы имъ легче было убѣжать въ случаѣ бѣды. Это были двѣ лисицы — отецъ и мать; они жили здѣсь со своими шестью дѣтками. Лисята были еще очень малы и слѣпы. Мать ухаживала за ними, кормила ихъ молокомъ и не отходила отъ нихъ ни на минуту; ей и незачѣмъ было оставлять ихъ, потому что за кормомъ отправлялся отецъ и приносилъ ей всякой всячины: птиць, зайцевъ, кроликовъ, мышей, рыбъ, лягушекъ, червяковъ и жуковъ.

Лисята понемногу росли, и у нихъ открылись, наконецъ, глаза. Отецъ только этого и дожидался; съ этихъ поръ онъ сталъ гораздо рѣже прежняго появляться въ норѣ, такъ что матери все чаще и чаще приходилось самой отправляться за кормомъ; наконецъ, онъ совсѣмъ бросилъ свое семейство и ушелъ жить въ лѣсъ. Плохо пришлось нашей бѣдной лисѣ: и самой ѣсть хочется, да и дѣтки повзросли, одного материнскаго молока имъ мало, пора за мясо приниматься; добывать его сами они еще не умѣютъ, — значить, за добычею должна ходить мать. Но какъ оставить ихъ однихъ? Впрочемъ, не умирать же имъ съ голоду, — надо рѣшиться.

2.

Однажды лиса высунула изъ норы свою острую мордочку, посмотрѣла вокругъ своими умными глазами, нѣтъ ли поблизости людей или большихъ звѣрей; потомъ потихоньку вылѣзла изъ норы и побѣжала на своихъ короткихъ и тонкихъ ножкахъ, волоча за собой длинный пушистый хвостъ. Вотъ она увидала на кустѣ орѣшника птичку; она остановилась, легла на землю и осторожно поползла на животъ. Птичка открыла носикъ и запыла, а лиса подкрадывалась къ ней все ближе, да такъ осторожно, что птичка ея совсѣмъ не замѣчала. Спихватилась она лишь тогда, когда лиса подкочила къ ней однимъ прыжкомъ и схватила ее зубами за хвостъ. Лиса притащила бѣдняжку къ себѣ въ нору, сначала научила своихъ дѣтей ощипывать птички перья, а потомъ разорвала птичку на куски и накормила ею лисятъ. Затѣмъ она снова побѣжала въ лѣсъ, наловила мышей и притащила ихъ въ нору. Мыши были еще живы, но лисица такъ придушила ихъ, что онѣ едва дышали и убѣжать не могли, и она стала учить надъ ними своихъ дѣтей, какъ ловить добычу. Лисята проворно кидались на мышей, схватывали ихъ лапами и катали, какъ мячикъ; только что мышка шевельнется, чтобы уйти, какъ лисята бросались на нее однимъ скачкомъ и крѣпко хватали ее зубами. Много натерпѣлись бѣдные звѣрки, пока лиса позволила, наконецъ, лисятамъ съѣсть ихъ.

3.

Каждый день мать выводила своихъ дѣтей изъ норы поиграть и погрѣться на солнцѣ и приучала ихъ ловить разныхъ маленькихъ животныхъ.

Однажды она отправилась къ пруду, въ которомъ жили дикія утки, и вытащила изъ одного гнѣзда троихъ утятъ: она собиралась уже бѣжать съ ними домой, какъ вдругъ надъ самымъ ухомъ у нея раздался выстрѣлъ, и она увидала недалеко отъ себя охотника съ собакой. Лиса пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ, но собака замѣтила ее и погналась за нею; лиса летѣла, какъ стрѣла, сердце у нея сильно билось, и она каждую минуту ожидала, что вотъ-вотъ собака схватитъ ее зубами за шиворотъ. Наконецъ, вотъ и нора; лиса въ два прыжка очутилась у входа и проворно юркнула въ него; собака бросилась было за нею, но входъ былъ узокъ. Собака громко лаяла, стоя у норы;

Лисица съ лисятами.

охотникъ подошелъ къ ней и внимательно осмотрѣлся кругомъ, чтобы запомнить и замѣтить это мѣсто.

На другой день лиса опять ушла за добычею, а дѣтей оставила однихъ. На этотъ разъ ей удалось стянуть большого окуня изъ невода, который рыбаки вытащили на берегъ изъ воды. Весело бѣжала она домой съ рыбой въ зубахъ, но вдругъ въ испугѣ остановилась. Что же она увидала? Всѣ ея лисята повылѣзли изъ норы и весело играютъ на травѣ, а близехонько отъ нихъ стоитъ за кустомъ охотникъ и прицѣливается. Что дѣлать лисѣ? И самой не хочется быть убитой, и дѣтей жаль; побѣги она къ нимъ—охотникъ непременно ее убьетъ. Не успѣла она опомниться отъ испуга, какъ раздался выстрѣлъ,—и зарядъ попалъ въ одного изъ ея дѣтей. Всѣ лисята съ визгомъ и лаемъ бросились въ нору, и лиса юркнула туда же: охотникъ не успѣлъ

зарядить ружья, а собака не успѣла схватить ее. Охотникъ съ досадою ушелъ домой. А раненый лисенокъ въ норѣ жалобно визжалъ; кровь такъ и лилась у него изъ раны. Съ этихъ поръ лиса стала осторожнѣе прежняго; хотѣла она было перебраться въ другую нору, чтобы уйти подальше отъ охотника, но дѣти ея уже слишкомъ выросли, и у нея не хватило бы силъ перетаскать ихъ далеко.

4.

Лѣто прошло; наступила осень, и начались безпрестанные дожди и холода. Въ лѣсу птицъ и маленькихъ звѣрей стало меньше; птицы улетѣли, а звѣри попрятались въ свои теплыя норки,—и нашей лисѣ часто приходилось голодать вмѣстѣ съ лисятами. Разъ она цѣлый день ничего не ѣла, кромѣ яблокъ, которыхъ натаскала изъ чьего-то сада, и она отправилась передъ вечеромъ за добычей. Возлѣ рѣки паслось стадо; хотѣла она было стащить ягненка, да раздумала,—ей однажды сильно за это досталось: овцы и бараны чуть не затоптали ее до смерти. Лучше отправиться въ деревню и стянуть тамъ пѣтуха или курицу: авось никто ея не замѣтитъ. Лиса побѣжала. Вдругъ почувяла она какой-то превкусный запахъ. Лиса остановилась и стала внимательно нюхать воздухъ; вдругъ она увидала на вѣткѣ дерева большой кусокъ мяса. Лиса поняла, что тутъ дѣло неладно: съ какой стати мясу висѣть въ лѣсу? Но ѣсть ей ужасно хотѣлось, а до деревни было далеко. Долго ходила она вокругъ дерева, поглядывая на заманчивый кусокъ; наконецъ, не вытерпѣла, прыгнула вверхъ, чтобы схватить его, и попала лапой въ ловушку. Стала лиса метаться во всѣ стороны, чтобы вырваться, но капканъ крѣпко держалъ ее за лапу. Пришлось, наконецъ, рѣшиться на послѣднее средство: лиса прыгнула морду къ ловушкѣ, отгрызла понавшуюся въ капканъ лапу и убѣжала на трехъ ногахъ. Но какъ притти домой? Дѣти увидятъ, что мать ранена, увидятъ кровь и навѣрное не вытерпятъ—и съѣдятъ ее. Нѣтъ, ужъ лучше не ходить къ нимъ,—пускай себѣ живутъ, какъ хотятъ. Лиса долго зализывала себѣ больное мѣсто и затирала его травой и землей, чтобы унять кровь; черезъ нѣсколько дней рана зажила, и лиса стала бѣгать на трехъ ногахъ, какъ прежде бѣгала на четырехъ.

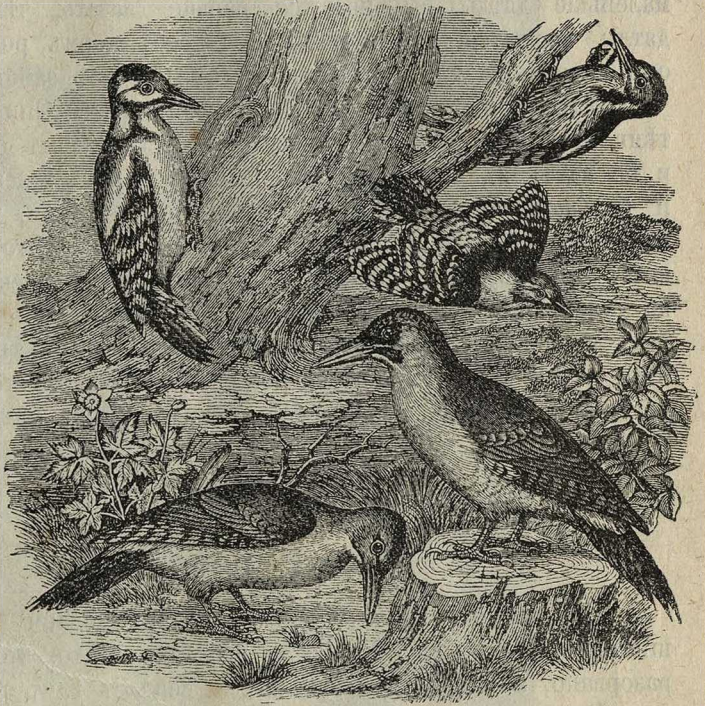
А лисята долго ждали матери и жалобно выли; проголодавшись за ночь, они отправились сами добывать себѣ корму. Не долго прожили бѣдныя дѣти безъ матери: хитрить такъ ловко, какъ она, они еще не выучились. Не прошло и недѣли, какъ всѣ они погибли: одни померли съ голоду и холоду, другіе попались въ лапы волкамъ, а послѣдняго застрѣлил охотникъ и продалъ его мѣхъ скорняку на шубу.

Дятель.

Кто бывалъ въ лѣсу, особенно въ большомъ сосновомъ, тотъ, вѣроятно, часто слышалъ странные звуки,—точно кто-нибудь стучитъ молоткомъ: тукъ-тукъ! тукъ-тукъ! Вы осматриваетесь кругомъ и не понимаете, кто бы это такой могъ стучать. Но вотъ посмотрите: вдали, по стволу высокой сосны пробѣжала вверхъ какая-то странная птица, величиною немного больше голубя.

Ея опереніе зеленого цвѣта, а верхняя часть головы окрашена въ ярко-красную краску. Крѣпко прицѣпившись лапками къ сучку, при чемъ два пальца каждой ея лапки обращены впередъ, а два другіе—назадъ, птица въ то же время опирается на твердыя перья хвоста. Сильнымъ прямымъ клювомъ она такъ быстро стучитъ по сучку, что тотъ начинаетъ дрожать и издавать звукъ, похожій на стукъ топора дровосѣка. Эта птица—зеленый дятель; быстро-быстро бѣгаетъ онъ по стволу, будто по ровному полу, и стучитъ безъ усталости клювомъ въ кору дерева.

Но вотъ дятель останавливается и внимательно прислушивается; должно быть онъ замѣтилъ, что внутри дерева есть личинки дровосѣковъ и другихъ жуковъ, губителей лѣса; потомъ онъ начинаетъ вдругъ такъ усердно стучать въ дерево своимъ длиннымъ крѣпкимъ клювомъ, что только щепки летятъ. Открывъ углубленіе въ деревѣ, гдѣ сидитъ червякъ, дятель быстро запускаетъ въ него свой длинный тонкій языкъ, съ зазубринками на концѣ, прокалываетъ имъ бѣдную личинку и, вытащивъ ее, съѣдаетъ. Затѣмъ онъ тотчасъ же перебѣгаетъ на другую сторону дерева посмотрѣть, не перебѣжали ли туда отъ него другіе испуганные жуки и личинки; быстро бѣгаетъ онъ по стволу, заглядываетъ то туда, то сюда, все стучитъ да стучитъ въ дерево носомъ и таскаетъ изъ коры жуковъ и личинокъ, пока не очиститъ все дерево. Онъ добываетъ кормъ себѣ и своей семьѣ.

Дятлы.

Въ лѣсу, на высокомъ старомъ дубѣ, въ глубокомъ дуплѣ есть у дятла гнѣздо, а въ немъ сидятъ его самочка и его птенцы; ранней весной оба дятла-старіки долго летали съ дерева на дерево, прежде чѣмъ напали на этотъ дубъ и выбрали его для своего гнѣзда; крѣпко держась своими цѣпкими когтями, они долго и усердно долбили носами, чтобы расширить дупло, которое было въ деревѣ, потомъ выстлали его тонкими опилками, и самочка положила въ него пять бѣлоснѣжныхъ яицъ.

Оба дятла сидѣли попеременно на яйцахъ и грѣли ихъ своимъ тѣломъ; наконецъ, изъ яицъ вышли птенцы—уродливые, большеголовые, но, не-

смотря на это, они были очень милы своимъ родителямъ, и родители стали нѣжно заботиться о нихъ. Съ тѣхъ поръ у отца и у матери только и заботы, чтобы накормить своихъ дѣтей, которыя очень прожорливы и то и дѣло просить ѣсть; усердно лазаютъ дятлы-старики по деревьямъ, чтобы добывать личинокъ и жучковъ для своихъ ненасытныхъ дѣтей; они старательно разыскиваютъ муравейники, засовываютъ въ муравейники свои длинные зазубренные языки, покрытые вязкой слюзью, и таскаютъ оттуда кучами муравьевъ; раскапываютъ муравейники и утаскиваютъ у муравьевъ ихъ дѣтокъ — личинокъ и куколокъ — для своихъ дѣтей.

Когда у молодыхъ дятловъ вырастутъ перья и лапки ихъ окрѣпнутъ, родители начинаютъ учить ихъ лазать по деревьямъ и добывать себѣ кормъ; маленькіе дятлы выучиваются раньше лазать, чѣмъ летать. Когда молодые дятлы выучатся летать и добывать себѣ кормъ, родители оставляютъ ихъ, и они начинаютъ жить отдѣльно и сами о себѣ заботиться.

Дятлы приносятъ лѣсу большую пользу. Они питаются между прочимъ тѣми вредными насѣкомыми, которыя ускользаютъ отъ глаза и руки человѣка и не идутъ въ пищу пѣвчимъ птицамъ. Кромѣ зеленого дятла, есть еще малый и большой пестрые дятлы, испещренные бѣлыми, черными и ярко-красными пятнами. Изрѣдка встрѣчается черный дятель. Это одинъ изъ самыхъ большихъ видовъ; онъ черенъ какъ уголь и украшенъ ярко-краснымъ пятномъ на головѣ.

Многія другія птички поссорятся съ дятломъ въ искусствѣ лазать, но ни одна изъ нихъ не долбитъ деревья, а довольствуется только яйцами насѣкомыхъ и личинками и куколками, скрытыми въ щеляхъ коры.

Рваное Ушко.

Прозвище «Рваное Ушко» было дано одному молодому кролику съ пушистымъ хвостикомъ. Прозвали его такъ за то, что одно ушко было у него разорвано, а какъ это случилось, я сейчасъ вамъ расскажу.

Высокая трава скрывала уютную постельку, гдѣ Рваное Ушко былъ упрятанъ своей матерью. Она укрыла его хорошенько, и послѣднимъ ея предостереженіемъ, какъ и всегда, было: «Лежи смирно и тихонько, что бы ни случилось». Уложенный въ постельку, онъ, однако, не думалъ спать, и его живые глазки такъ и впивались въ ту часть маленькаго зеленого міра, который раскинулся передъ нимъ. Голубая сойка и красная бѣлка стрекотали наперебой на родномъ кустѣ Рванаго Ушка, упрекая другъ друга въ воровствѣ, а красная, съ черными пятнами, Божья коровка, спокойно пошевеливая своими шишковатыми щупальцами, совершила длинную прогулку вверхъ по одной травкѣ, затѣмъ спустилась по другой и проползла черезъ гнѣздо по самому лицу маленькаго кролика. Но онъ все-таки продолжалъ лежать не шевелясь и даже глазомъ не моргнулъ.

Вскорѣ онъ услышалъ странный шелестъ листьевъ въ ближайшей чащѣ. То былъ необыкновенный, непрерывавшійся звукъ, и хотя онъ раздавался то

тамъ, то сямъ, все болѣе приближаясь, однако топота ногъ не было слышно. Кроликъ прожилъ всю свою жизнь въ травкѣ (ему было три недѣли отроду), но ничего подобнаго не слыхалъ. Само собою разумѣется, его любопытство было сильно возбуждено. Его мать наказывала ему лежать смирно въ случаѣ опасности, а этотъ странный звукъ, въ которомъ не было слышно топота, никакой опасности, очевидно, не представлялъ...

„Мама!“—взвизгнулъ кроликъ въ смертельномъ ужасѣ.

Тихій шелестъ раздался совсѣмъ близко, затѣмъ послышался направо, потомъ еще ближе и, наконецъ, какъ будто сталъ удаляться. Ушко зналъ, какъ ему нужно поступить въ данномъ случаѣ. Онъ уже не дитя, и его обязанность была узнать въ чемъ дѣло. Онъ тихонько приподнялся своимъ круглымъ тѣлцемъ на пушистыхъ короткихъ лапкахъ, высунулъ свою круглую головку изъ-подъ своихъ покрышекъ и выглянулъ въ лѣсъ. Но не успѣлъ онъ пошевелинуться, какъ звукъ прекратился. Не видя ничего кругомъ, онъ

рѣшился сдѣлать шагъ впередъ, чтобы лучше осмотрѣться, и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ громадной черной змѣей!

«Мама!» взвизгнулъ онъ въ смертельномъ ужасѣ, когда чудовище бросилось къ нему. Онъ попробовалъ бѣжать изъ всѣхъ своихъ крошечныхъ силенокъ. Но въ ту же секунду змѣя впила въ его ухо и обвила бѣдняжку своими кольцами, съ намѣреніемъ полакомиться беззащитнымъ кроликомъ, добытымъ ею на обѣдъ.

«Мама, мама!» прохрипѣлъ бѣдный крошка, между тѣмъ какъ жестокій врагъ медленно принялся его душить. Очень скоро плачъ кролика прекратился бы, но съ быстротою молніи неслась къ нему черезъ лѣсъ на помощь его мать; на этотъ разъ она была уже не робкой и безпомощной пышнохвостой Молли, готовой бѣжать при видѣ всякой тѣни: любовь матери заговорила въ ней. Крикъ ея младенца придавъ ей геройскую смѣлость, и въ одинъ прыжокъ она набросилась на змѣю. Бацъ! — ударила она ее своими задними когтями, и этотъ ударъ заставилъ змѣю свернуться отъ боли и зашипѣть отъ злости.

«Мама!» слабымъ голосомъ запищала малютка. И мать наскакивала еще и еще разъ и ударила все сильнѣе и свирѣпѣе, пока, наконецъ, змѣя не выпустила ухо маленькаго кролика, стараясь укунить мать, когда та перепрыгивала черезъ нее.

Змѣѣ приходилось плохо. Набираясь силы для новаго нападенія, она совсѣмъ выпустила изъ своихъ тѣсныхъ объятій малютку — кролика, который тотчасъ же убѣжалъ въ кусты, едва переводя духъ и страшно перепуганный, но цѣлый и невредимый, за исключеніемъ лѣваго уха, которое было сильно изорвано зубами страшной змѣи. Теперь Молли добила, чего она хотѣла. Она вѣдь дралась не ради славы и не изъ мести, а только, чтобы спасти своего дорогого дѣтеныша. Она тоже помчалась въ лѣсъ, а ея кроликъ слѣдовалъ за нею, руководясь ея бѣлымъ хвостикомъ, служившимъ ему бѣлымъ маякомъ, пока она не укрыла его въ безопасномъ уголкѣ родной пустыни.

З а й к а.

Мы проводили лѣто въ деревнѣ. Разъ, возвращаясь изъ лѣса, мы встрѣтили мальчика съ зайчонкомъ на рукахъ. Заяцъ былъ такой маленькій, такъ пугливо поглядывалъ косыми глазками и прижималъ свои длинные ушки.

Мнѣ онъ такъ понравился, что я упросила отца купить зайчонка. И зайка былъ купленъ съ тѣмъ условіемъ, что я хорошо буду ходить за нимъ и что, когда зайка подрастетъ, я его выпущу на свободу.

Вернувшись домой, мы съ сестрой сейчасъ же принялись устраивать зайчкѣ въ углу комнаты постельку, принесли ему свѣжей травы и вѣточекъ, поставили блюдце съ молокомъ. Но, къ несчастью, зайка еще не умѣлъ самъ ѣсть, пришлось его выкармливать молокомъ изъ маленькой шприцовки вмѣсто рожка.

Въ первую же ночь всѣ мы проснулись отъ громкаго жалобнаго дѣтскаго плача. У насъ въ домѣ не было такихъ маленькихъ дѣтей, и мы поняли

не могли, что это значить. Плакалъ ребенокъ какъ будто въ столовой. Отецъ обошелъ всѣ комнаты, но ничего не нашелъ. Крикъ умолкъ, и мы всѣ легли спать. Вдругъ крикъ раздался снова. Теперь ужъ мы всѣ ясно слышали, что кто-то кричитъ въ столовой. Папа тихо вошелъ въ столовую и тогда только понялъ въ чемъ дѣло. Это кричалъ нашъ зайка. Онъ ночью, вѣрно, искалъ выхода изъ дома, искалъ свою мать. Добрался изъ нашей комнаты до столовой и забился тамъ въ печурку. Тамъ-то онъ и кричалъ. Едва-едва вытащили оттуда зайку.

Еще съ недѣлю зайка тосковалъ и будилъ насъ своимъ крикомъ, а потомъ такъ привыкъ къ намъ, что не только ѣлъ изъ рукъ, а выбѣгалъ изъ своего уголка, когда кто-нибудь изъ насъ входилъ въ комнату, и бѣжалъ на зовъ. А ужъ какъ мы любили зайку, какъ ласкали его, какъ заботились о немъ! Не помню, чтобы мы забывали накормить своего любимчика. Возвращаясь изъ лѣса, мы каждый разъ приносили зайкѣ молодыхъ вѣточекъ осины, которыя онъ особенно любилъ грызть; съ поля мы всегда приносили заячьей капустки — это травка съ толстыми сочными листьями.

Проходили недѣли, зайка росъ, приходило время выпустить его на свободу. Мы съ грустью об этомъ думали, — жаль было съ нимъ разстаться.

Вдругъ зайка исчезъ. Перешарили мы все и въ домѣ и на дворѣ, искали цѣлый день, кричали его самыми ласковыми именами, и все напрасно — зайки нѣтъ какъ нѣтъ.

Уже на другой день пошла кухарка въ кладовую, отворила только дверь, и сейчасъ же съ ужасомъ отскочила въ сторону: изъ кладовой стремглавъ выскочилъ зайка, бросился черезъ дворъ въ открытую калитку и понесся вдоль по улицѣ. Бѣдняга, просидѣвъ цѣлыя сутки въ темнотѣ, вырвался на свѣтъ и теперь обезумѣлъ отъ радости. Пока кухарка пришла въ себя отъ испуга, пока созвала насъ, пока рассказала намъ все, зайки уже и слѣдъ простылъ. Сколько мы ни искали его, сколько ни спрашивали сосѣдей, не видалъ ли его кто, зайка словно въ воду канулъ!

Что было дальше съ нашимъ любимцемъ? Можетъ-быть, онъ добрался до лѣсу и весело зажилъ тамъ на свободѣ; можетъ, его разорвали деревенскія собаки. Мы долго горевали о зайкѣ и до самаго отъѣзда въ городъ все надѣялись, что авось онъ отыщется, авось кто-нибудь принесетъ его къ намъ.

Рис. Е. Бемъ.

Жалобы зайки.

(Побасенка.)

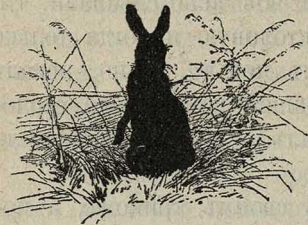

Рис. Е. Бель.

Растужился, расплакался сѣренькій зайка, подѣ кустикомъ сидючи; плачетъ, приговариваетъ:

«Нѣтъ на свѣтѣ доли хуже моей, сѣренькаго зайки! И кто только ни точить зубовъ на меня! Охотники, собаки, волкъ, лиса и хищная птица: кривоносый ястребъ, пучеглазая сова; даже глупая ворона, и та таскаетъ своими кривыми лапами моихъ милыхъ дѣтушекъ—сѣренькихъ зайчатъ. Отовсюду грозить мнѣ бѣда, а защищаться-то нечѣмъ: лазить на дерево, какъ бѣлка, я не могу; рыть норъ, какъ кроликъ, я не умѣю. Правда, зубки мои исправно грызутъ капустку и кору гложутъ, да укусить смѣлости не хватаетъ. Бѣгать я таки мастеръ и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бѣжать по ровному полю или на гору, а какъ подѣ гору — то и пойдешь кувырккомъ черезъ голову: переднія ноги не доросли.

«Все бы еще можно мнѣ жить на свѣтѣ, если бы не трусость негодная. Заслышишь шорохъ—уши подымутся, сердчишко забьется, не взвидишь свѣта, пырскнешь изъ куста—да и угодишь прямо въ тенета или охотнику подѣ ноги.

«Охъ, плохо мнѣ, сѣренькому зайкѣ! Хитришь, по кустикамъ прячешься, по за кочками слоняешься, слѣды путаешь; а рано или поздно бѣды не миновать, и потащитъ меня кухарка на кухню за длинныя уши.

«Одно только и есть у меня утѣшеніе, что хвостикъ коротенькій: собакѣ схватить не за что. Будь у меня такой хвостиче, какъ у лисицы, куда бы мнѣ съ нимъ дѣваться?»

Лѣсная птичка.

У насъ въ дѣтствѣ постоянно выкармливался или лѣчился какой-нибудь звѣрокъ.

Каждое лѣто мы жили въ глухой маленькой деревенькѣ, въ среднемъ Уралѣ. Однажды около этой деревни крестьяне вырубали лѣсъ. Въ лѣсу этомъ было много птичьихъ гнѣздъ. Много гнѣздъ было разорено на срубленныхъ деревьяхъ, много птенчиковъ въ нихъ погибло. Птички-родители не хотѣли оставлять своихъ птенчиковъ: они низко кружились надъ головами рабочихъ, забывая всякую осторожность, стараясь помочь своимъ дѣткамъ. Теперь мальчуганамъ легко было ловить ихъ, и многія изъ нихъ попались имъ въ руки.

Одну такую птичку принесъ намъ мальчикъ-сосѣдъ. Съ виду она походила на ласточку: у ней были такія же длинныя крылья, такая же головка, но перья были всѣ черныя. Птичку, должно быть, сильно помяли, прежде чѣмъ она попала къ намъ: она устало закрывала глазки, нахохлилась, старалась вырваться изъ нашихъ рукъ.

Мы устроили нашей гостьѣ ватную постельку въ большой коробкѣ, пробовали напоить, накормить ее, но она ничего не ѣла, пугливо забивалась въ уголъ и устало закрывала глазки.

Тогда мы поставили въ коробку чашечку съ водой, положили нѣсколько мушекъ. Мы старались не подходить близко къ птичкѣ, чтобы не пугать ее, и только издали смотрѣли, что она дѣлаетъ. Какъ же рады мы были, когда часа черезъ два она приподнялась, напилась воды и проглотила муху!

Сильно полюбили мы нашу птичку, зорко берегли ее отъ своего любимца кота Васьки, ловили для нея мухъ, выносили ее въ садъ и усаживали тамъ въ траву. Птичка не могла летать, она съ трудомъ пробиралась по землѣ нѣсколько сажень. Ходить ей было очень трудно—ножки у нея были такія коротенькія. Къ намъ птичка очень привыкла, спокойно сидѣла у насъ на колѣняхъ, брала изъ рукъ крошки.

Такъ прожила птичка до конца лѣта. Мы думали, что она такъ у насъ и останется, что бѣдняжкѣ не летать уже больше на волѣ, такъ какъ помяттыя ея крылышки не могутъ поднять ее. Мы даже рады были этому: ужъ очень мы полюбили свою питомицу и жалъ бы было разстаться съ нею. Мы собирались увезти ее съ собой въ городъ.

Въ день отъѣзда, когда подали уже лошадей, я вынесла птичку на крыльцо: мнѣ хотѣлось, чтобы она подышала хорошенько на волѣ, прежде чѣмъ посадить ее въ клѣтку. Я высоко держала ее надъ головой, и птичка тихо сидѣла у меня на ладони. Но вдругъ она приподнялась на лапкахъ, оглянулась во всѣ стороны, весело чирикнула, расправила сначала одно крыло, потомъ другое и быстро-быстро понеслась сначала у самой земли, затѣмъ поднялась выше, выше и пропала въ синей дали.

Я такъ удивилась, что долго молча смотрѣла вслѣдъ своей любимицѣ: больно сжалось мое маленькое сердечко, когда птичка пропала изъ глазъ. Потомъ я себя утѣшила тѣмъ, что на волѣ все же ей будетъ лучше.

Я долго не знала, какъ это птичка вдругъ полетѣла, и такъ хорошо. Только черезъ нѣсколько лѣтъ я узнала, что многія птицы не могутъ подняться прямо съ земли и потому на землю никогда не садятся. Съ какого же нибудь возвышенія—съ забора, съ вѣтки дерева, съ крыши, такая птичка легко можетъ полетѣть. Вотъ и наша любимица не могла улетѣть съ земли изъ сада, а съ моей руки улетѣла на свободу въ свой родной лѣсъ.

Пустой орѣхъ.

Передъ вами цѣлая тарелка орѣховъ. Щипцамъ для раскалыванія орѣховъ приходится много работать, а иногда дѣти прибѣгаютъ и къ молотку: орѣховая скорлупка такая твердая, а самое ядрышко такое сладкое.

Вотъ на тарелкѣ остался одинъ орѣхъ. Онъ долженъ быть вкуснѣе всѣхъ: остатки вѣдь сладки. Орѣхъ затрепалъ, скорлупа распалась, пальцы потянулись за сладкимъ ядрышкомъ—увы!—орѣхъ пустой! Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ темно-сѣраго порошка. Червякъ съѣлъ ядрышко. Какъ же это случилось? Какъ могъ слабый, мягкій червякъ попасть внутрь орѣха подъ такую твердую скорлупку? Слушайте же, я расскажу вамъ про это.

Лѣтомъ, пока орѣхи еще не созрѣли, они бываютъ покрыты зеленой шелухой и висятъ пучками, по 3 и 4 вмѣстѣ. Въ одинъ ясный лѣтній день

по орѣшнику прогуливался маленькій жучокъ, желто-сѣраго цвѣта съ темными пятнами. Онъ такъ малъ, что даже ноготь на вашемъ мизинцѣ будетъ больше его. У него очень странная голова. Передняя часть ея удлиннена и имѣетъ видъ длиннаго хобота, тонкаго какъ волосъ. Хоботъ этотъ длиною равняется всему туловищу жука и загибается книзу. На передней оконечности хобота помѣщается ротъ съ крѣпкими челюстями. Онѣ служатъ для скобленія и такъ малы, что ихъ можно увидѣть только глядя черезъ увеличительное стекло. По обѣимъ сторонамъ чудеснаго хобота находится по усика, которые складываются какъ перочинный ножикъ и плотно прижимаются къ хоботу. Этотъ жучокъ—очень заботливая мать: онъ выбираетъ для жилья своихъ дѣтей вѣрное и безопасное мѣсто, въ которомъ бы они были защищены отъ вѣтра и непогоды и всегда имѣли подъ рукою пищу. Прогуливаясь по вѣтвямъ орѣшника, жучокъ доходитъ, наконецъ, до орѣховъ и внимательно осматриваетъ ихъ одинъ за другимъ. Тѣ, на которыхъ скорлупа уже окрѣпла, ему не нравятся. Онъ предпочитаетъ орѣхи съ мягкою еще скорлупой.

Отыскавъ такой орѣхъ, жукъ останавливается и приступаетъ къ работѣ. Челюстями своими онъ проскабливаетъ въ скорлупѣ маленькое отверстіе. Въ него онъ кладетъ крошечное яичко и проталкиваетъ его своимъ хоботомъ внутрь мягкаго, сочнаго ядрышка. Отверстіе въ скорлупкѣ скоро зарастаетъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ оно было, остается едва замѣтное темное пятнышко.

Черезъ двѣ недѣли изъ яйца выходитъ въ орѣхѣ маленькая бѣлая личинка въ видѣ крошечнаго червячка. Этому червячку не приходится бѣгать, и поэтому у него нѣтъ ногъ. Онъ лакомится сладкимъ ядрышкомъ и растетъ наперегонку съ нимъ. Къ концу лѣта онъ становится достаточно великъ. Червячку становится слишкомъ тѣсно въ темной комнатѣ, онъ хочетъ выйти изъ своей дѣтской на свѣтъ, а для этого онъ долженъ пробиться сквозь твердую скорлупку.

Червячокъ падаетъ вмѣстѣ съ орѣхомъ на землю. Но это паденіе не вредитъ ему; онъ прогрызаетъ себѣ отверстіе черезъ скорлупу орѣха, выходитъ оттуда и зарывается глубоко въ землю. Тамъ онъ лежитъ долго, иногда годъ, иногда два. Затѣмъ онъ превращается въ куколку и лѣтомъ опять выходитъ на свѣтъ, но уже въ видѣ маленькаго жучка, чтобы снова взобраться на орѣховый кустарникъ.

В о л к и.

1.

Въ темной и глухой лѣсной чащѣ, куда рѣдко заходили люди, жило много волковъ. Лѣтомъ они бродили всѣ врознь и въ это время боялись людей, потому что съ однимъ волкомъ человѣку не трудно справиться. Зато зимою они собирались въ стаи и были очень смѣлы: нападали на прохожихъ и на проѣзжихъ, даже забѣгали въ деревни и таскали телятъ, жеребятъ, овецъ, собакъ. Но все-таки зимою волкамъ много приходилось терпѣть отъ голоду и разныхъ болѣзней; иногда они такъ громко выли съ голоду, что даже издали было страшно слышать. Если одинъ изъ нихъ околѣвалъ, остальные тотчасъ съѣдали его до послѣдней косточки.

Пришла весна. Лѣсные звѣри повылѣзли изъ своихъ зимнихъ норъ, птицы вернулись изъ теплыхъ странъ и принялись вить гнѣзда. У волковъ стало опять много поживы, и они разбрелись въ разныя стороны по всему лѣсу. Они не только не ходили теперь на грабежъ въ деревню, но даже убѣгали со всѣхъ

В о л к и.

ногъ, какъ только издали завидятъ человѣка. У волчицъ было въ это время свое дѣло: инныя отыскивали старыя норы, другія рыли новыя и таскали туда траву и мохъ: онѣ готовили теплыя и мягкія постельки для своихъ дѣтокъ. Волки нисколько имъ не помогали и думали только о томъ, какъ бы лучше наѣсться.

Когда норы были готовы, у каждой волчицы родилось нѣсколько маленькихъ слѣпыхъ волчатъ. Матери съ любовью ухаживали за своими дѣтками, кормили ихъ молокомъ и оставались съ ними цѣлые дни. Онѣ старательно стерегли своихъ дѣтей—и отъ людей, и отъ дикихъ звѣрей, и даже отъ самихъ волковъ: волки поѣли бы своихъ волчатъ, если бы только знали, гдѣ они спрятаны.

2.

Одна молодая волчица также вырыла себѣ нору и жила въ ней со своими волчатами. Въ первое время, когда они были еще слѣпы, она боялась оставлять ихъ однихъ и рѣдко выходила изъ норы, чтобы достать себѣ чего-нибудь поѣсть. Но, когда глаза у волчатъ открылись и сами они немного подросли, имъ стало мало одного материнскаго молока, и мать поневолѣ должна была уходить подальше за кормомъ. Ловила она маленькихъ зайцевъ, бѣлокъ, мышей: принесетъ ихъ въ нору и сначала выучитъ волчатъ сдирать шкурки съ этихъ звѣрковъ, а потомъ накормитъ ихъ свѣжимъ мясомъ.

Разъ волчица ушла за добычею и пропадала довольно долго. Волчата соскучились сидѣть въ темной норѣ и вылѣзли поиграть и погрѣться на солнцѣ. Въ это время проходили мимо два крестьянскіе мальчика, которые пришли въ лѣсъ собирать грибы и ягоды. Они подошли къ волчатамъ, разглядывали ихъ и ласкали; маленькіе волки были очень похожи на щенятъ; мальчики взяли одного изъ нихъ на руки и убѣжали съ нимъ домой. Черезъ нѣсколько времени волчица вернулась и принесла съ собою на обѣдъ ягненка: ей удалось утащить его изъ стада, когда пастухъ и собаки спали послѣ обѣда. Волчата весело выбѣжали навстрѣчу матери; волчица взглянула на нихъ и тотчасъ замѣтила, что одного не достаётъ. Она бросила ягненка на землю, проворно спустилась въ нору, обшарила въ ней всѣ углы, потомъ принялась искать свое дитя въ травѣ, въ кустахъ,—все напрасно: волченка нигдѣ не было. Бѣдная мать завывала съ горя.

Накормивъ волчатъ, она загнала ихъ въ нору и убѣжала отыскивать себѣ новый домъ. Скоро удалось ей найти пустую лисью нору. Волчица вернулась домой, осторожно взяла зубами за шиворотъ одного волченка и отнесла его въ новое жилище; потомъ вернулась за другимъ, послѣ за третьимъ и, наконецъ, за четвертымъ. Къ вечеру волчица перебралась со всѣмъ семействомъ на новую квартиру; правда, что она очень устала, но зато у нея было спокойно на сердцѣ: теперь тотъ, кто унесъ ея волченка, не знаетъ, гдѣ она живетъ. Она прожила здѣсь съ дѣтьми все лѣто и всю осень, а къ зимѣ волчата выросли. Когда старые волки стали собираться въ стаи, волчица привела къ нимъ своихъ волчатъ; старики ласково приняли молодыхъ и стали брать ихъ съ собою на охоту.

А тотъ волчонокъ, котораго унесли мальчики, жилъ сначала на дворѣ у ихъ отца. Но волченка надо было кормить мясомъ, и крестьянинъ продалъ своего звѣря богатому барину. Баринъ помѣстилъ волченка въ сараѣ, и его дѣти приходили съ нимъ играть. Волчонокъ сдѣлался совсѣмъ ручнымъ, привязался ко всѣмъ домашнимъ, ласкался къ нимъ, какъ собака, ѣлъ у нихъ прямо изъ рукъ и бѣгалъ на свободѣ по двору и по саду. Онъ прожилъ три года у своего хозяина и былъ все это время очень смиренъ. Но послѣ того волкъ

началь дѣлаться все сердитѣе, огрызался на собакъ и даже на людей. Наконецъ, онъ сдѣлался до того золь, что бросился однажды на проходившаго по двору мужика и укусил его въ ногу. Хозяинъ посадилъ его на цѣпь; волкъ сдѣлался еще злѣе и вылъ съ утра до ночи; всѣ его боялись, и никто не смѣлъ близко подходить къ нему. Однажды волкъ сорвался съ цѣпи, выбѣжалъ на улицу и искусалъ нѣсколькихъ прохожихъ; кто-то побѣжалъ за нимъ съ ружьемъ и застрѣлилъ волка.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей.

(Разсказъ.)

Я шель по дорогѣ и сзади себя услыхаль крикъ. Кричаль мальчикъ-пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показываль.

Я поглядѣлъ и увидалъ — по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой несъ на спинѣ зарѣзаннаго ягненка, а зубами держаль его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягненка, перекинулъ себѣ на спину, и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло; изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягненка, зарѣзалъ его и понесъ.

Навстрѣчу выскочилъ волченокъ и бросился къ ягненку. Старый отдалъ нести ягненка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученъе и самъ взялъ ягненка.

Больная волчица.

(Разсказъ мальчика-пастуха).

„Сижу я,—такъ разсказываль
Сынокъ мой,—на пригорочкѣ,
Откуда ни возмись
Волчица преогромная
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищемъ хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю...
Я бѣгать молодецъ!

Пошла потише сѣрая,
Идеть, идеть,—оглянется,
А я какъ припущу!
И сѣла... я кнутомъ ее:
„Отдай овцу, проклятая!“
Не отдасть, сидить...
Я не сробѣлъ: „такъ вырву же,

Хоть умереть!..“ И бросился,
И вырваль... ничего,
Не укусила сѣрая!
Сама едва живехонька!
Зубами только щелкаетъ
Да дышитъ тяжело.
Подъ ней рѣка кровавая:
Сосцы травой изрѣзаны,
Всѣ ребра на счету,
Глядитъ, поднявши голову,
Мнѣ въ очи... и завыла вдругъ!
Завыла, какъ заплакала.
Пощупаль я овцу:
Овца была ужъ мертвая...
Волчица такъ ли жалобно
Глядѣла, выла... Магушка,
Я бросилъ ей овцу!..

Хорошіе товарищи.

Шли мы разъ съ однимъ крестьянскимъ мальчикомъ Сеней по лѣсу. Идемъ, разговариваемъ между собою.

Вдругъ какъ вскрикнетъ мой Сеня!

Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ близко отъ насъ, въ кустахъ показалась огромная желтовато-сѣрая волчья голова. Мы остановились въ страхѣ: „Вотъ, думаемъ, бросится!“ Но сѣрая голова не подвигалась къ намъ, и я замѣтилъ, что глаза смотрѣли не злобно, а даже какъ-то испуганно и устало.

— Смирный,—сказалъ Сеня,—сытый, видно: зубовъ не скалитъ.—Ай, батюшки! — воскликнулъ онъ вдругъ, — да вѣдь нѣтъ ихъ, глянька! Пустая пасть, право, пустая!

Нагнувшись ближе, я увидалъ, что пасть, дѣйствительно, была пуста. Глаза все такъ же жалобно глядѣли на насъ.

— Эге! Старичокъ, значить,—беззубый! То-то онъ и смирный такой! — сказалъ я.

Волкъ еще разъ пугливо оглянулся на насъ и, видя, что мы его не трогаемъ, потрусилъ прочь. Мы увидали, что онъ прихрамываетъ и тяжело передвигаетъ ноги.

— Какъ только онъ живетъ?—сказалъ я, глядя ему вслѣдъ.—Что ѣсть? Вѣдь безъ зубовъ онъ никакого звѣрка добыть не можетъ, а ягодами, какъ медвѣдь, питаться тоже не можетъ.

Вечерѣло. Мы подходили къ лѣсной сторожкѣ.

— Зайдите отдохнуть, чайку выпить!—крикнулъ намъ съ порога мой знакомый лѣсникъ.

Я влѣзъ, сгибаясь, въ его маленькую хатку. Сѣли на деревянную лавку и, пока самоварчикъ пыхтѣлъ въ углу, рассказали лѣснику про встрѣчу съ волкомъ.

— Да, есть тутъ такой: вовсе старый,—сказалъ лѣсникъ.—Давно бы ужъ околѣлъ, кабы товарищи не кормили.

— Какъ товарищи?!—воскликнули съ удивленіемъ мы съ Сеней.

— Да своя же, значить, братія: волки же. Вы не смотрите, что злой звѣръ: до своихъ-то они жалостливые. Старикъ вѣдь ужъ дряхлый, давно помирать пора, а жалѣютъ, кормятъ. Я самъ разъ видѣлъ.. Право! Обхожу, это, разъ лѣсъ, а день былъ жаркій; измаялся, вспотѣлъ. Легъ на траву отдохнуть да и заснулъ. И крѣпко, видно, заснулъ. Проснулся,—не пойму, гдѣ я. Лѣсъ кругомъ густой, кусты переплелись. Солнышко низко ужъ спустилось. Слышу, шорохъ какой-то. Кто тамъ? Приподнялся тихонько, гляжу. Старикъ волкъ этотъ самый лежитъ неподалеку, голова такая сѣрая, будто сѣдая; такъ жалостно смотреть. А подлѣ стоитъ молодой, крѣпкій. Сусликовъ ли, кротовъ ли, какихъ-то звѣрюгъ маленькихъ убитыхъ принесъ и положилъ подлѣ старика. Самъ не ѣсть, глядитъ. И не злые глаза, — не такъ глядятъ, какъ на насъ. „Ѣшь, моль, дѣдушка!“ — говоритъ будто. А тотъ еще жалостнѣй да ласковѣй взглянулъ: хочеть ѣсть,—не откусить.

„Такъ вѣдь молодой-то что сталъ дѣлать? Отрывать сталъ мясо да кусками ему и бросать, какъ волчица волченку. Такъ и накормилъ вѣдь. Поди-

вился я тогда немало, — не шелохнулся, пока старикъ всего не съѣлъ, а молодой не убѣжалъ.

„Когда всталъ я и пошелъ, старикъ увидалъ меня, испугался; а не бѣжить: силъ нѣтъ, видно, — только жметъ такъ жалобно.

„Ну, хоть и было на мнѣ тогда ружье, а не тронулъ я его. Коли тебя, молъ, другіе такъ жалѣютъ, пожалѣю и я тебя, — поживи ужъ, сколько осталось, старичокъ! Оно, видно, всякому умирать-то не хочется. Богъ съ тобой!

Куропатка.

По лѣсистому склону холма спускалась куропатка-мать со своимъ выводкомъ. Она вела своихъ малютокъ внизъ, къ сверкавшему чистому ручью; ея малюткамъ былъ всего одинъ день отроду, но онѣ уже двигались довольно быстро, и она въ первый разъ повела ихъ пить.

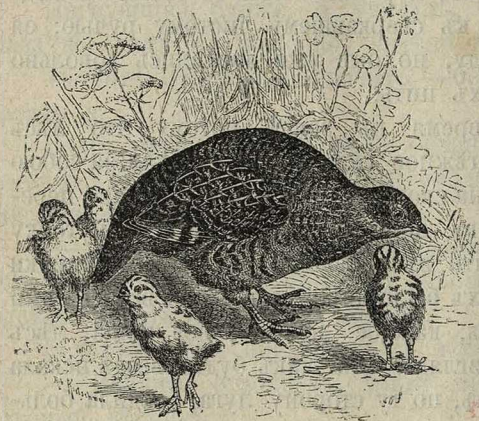
Она шла медленно, припадая все время къ землѣ, потому что лѣсъ былъ полонъ враговъ, и издавала тихое нѣжное кудахтанье, увлекая за собою маленькіе клубки пестраго пуха, которые на своихъ тоненькихъ ножкахъ переваливались вслѣдъ за нею. Они жалостно попискивали, если хоть чуточку отставали, и казались такими хрупкими, что въ сравненіи съ ними и синички казались большими и очень сильными. Ихъ было двѣнадцать, и за всѣми ними смотрѣла куропатка-мать, и каждый кустъ, каждое деревцо, вся чаща, лѣсъ и даже самое небо не ускользали отъ ея взгляда. Она какъ будто вездѣ искала враговъ. А врагъ уже былъ недалеко: тамъ, по ту сторону луга, бродила большая злодѣйка-лиса. Она шла той же дорогою и черезъ какую-нибудь минуту навѣрное замѣтила бы ихъ или напала бы на ихъ слѣдъ. Терять времени нельзя было.

«Крррр! крррр!» (прячьтесь! прячьтесь!) произнесла мать тихимъ, твердымъ голосомъ, и крошки, немногимъ крупнѣе жолудя и не старѣе одного дня, разбѣжались въ разные стороны, чтобы спрятаться. Одна нырнула подъ листъ, другая скрылась между двумя корнями, третья залѣзла подъ пучокъ берестяной коры, четвертая въ ямку и такъ далѣе, пока всѣ не попрятались. Осталась лишь одна, которая, не найдя себѣ прикрытія, растянулась на широкой желтой щепкѣ и хорошенько прикрыла глаза, увѣренная, что теперь ее никто не увидитъ. Онѣ перестали испуганно пищать, и кругомъ водворилась тишина.

Куропатка-мать полетѣла прямо навстрѣчу звѣрю, безстрашно опустилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, упала на землю и захлопала крыльями какъ будто раненая, искалѣченная, издавая стоны. Не пощады ли она просила у кровожадной, жестокой лисы? О, нѣтъ! Не такъ она глупа. Мы часто слышимъ о хитрости лисицы, но посмотрите, какой глупой она окажется въ сравненіи съ куропаткой-матерью. Возбужденная такой близкою и неожиданною добычей, лисица порывисто бросилась на куропатку, но куропатка хлопнулась чуть-чуть подальше, и лисица не схватила ее. Тогда лиса сдѣлала прыжокъ и ужъ на этотъ разъ навѣрное поймала бы ее, если бы

между ними не очутилось какое-то деревцо, и куропатка съ трудомъ протаскилась дальше за бревномъ, но злой врагъ зашелкалъ зубами и перескочилъ черезъ бревно. Тутъ куропатка, прихрамывая уже не такъ сильно, сдѣлала еще одинъ неуклюжій прыжокъ впередъ и покатила внизъ по склону, а лисица, напряженно слѣдившая за нею, почти ухватила ее за хвостъ. Однако, какъ это ни странно, хотя она дѣлала быстрые скачки, куропатка двигалась еще быстрѣе ея. Это было просто необычайно: куропатка съ поломанными крыльями, а быстроногая лисица не сумѣла поймать ее, хотя гналась за нею вотъ уже цѣлыхъ пять минутъ! Мало того, казалось, силы куропатки прибывали по мѣрѣ того, какъ лиса расходовала свои.

Когда обѣ онѣ удалились на четверть мили отъ холма, птица вдругъ самымъ необъяснимымъ образомъ совершенно оправилась и, взлетѣвъ вверхъ,

Куропатка.

съ насмѣшливымъ шумомъ понеслась назадъ. Пораженная неожиданнымъ оборотомъ дѣла, лисица тутъ только сообразила, что ее одурачили, и, что еще хуже, она вспомнила, что это не въ первый разъ сыграли съ нею такую штуку, а въ чемъ тутъ штука, ей было невдомекъ, и сконфуженная лиса медленно поплелась назадъ въ лѣсъ.

Между тѣмъ куропатка сдѣлала большой кругъ и окольнымъ путемъ вернулась къ своимъ пушистымъ мячикамъ-птеникамъ, которыхъ она оставила запрятанными въ лѣсу; она направилась къ той самой травкѣ, которую топтала

въ послѣдній разъ, и тутъ постояла съ минуту, чтобы полюбоваться своими послушными малютками. Даже звукъ ея шаговъ не заставилъ ихъ шелохнуться, а расположившійся на щепкѣ удалецъ, который, кстати сказать, устроился вовсе не такъ плохо, потому что его желтенькое тѣлце такъ хорошо сливалось съ цвѣтомъ желтой щепки, что его трудно было и замѣтить на ней, все время не шевелился и даже теперь оставался неподвиженъ и только еще крѣпче закрылъ свои глазки. Наконецъ, мать произнесла:

«Крипть!» (дѣтки сюда!) и моментально, какъ въ волшебной сказкѣ, всѣ малютки оставили свои норки, а куропаточка, лежавшая на щепкѣ, самая большая изъ всего выводка, открыла, наконецъ, свои большіе глазки и прибѣжала подъ защиту широкаго хвоста матери, издавая тоненькій: «пицъ, пицъ!», котораго недругъ не разслышалъ бы на разстояніи трехъ шаговъ, но который донесся бы до матери и на вдвое большемъ разстояніи. Въ то же время присоединились и остальные клубочки пуха, и всѣ были очень счастливы и, какъ имъ казалось, очень шумны.

Солнце стало припекасть. Чтобы добраться до воды, необходимо было перейти черезъ дорогу. Послѣ тщательнаго осмотра, нѣтъ ли гдѣ еще враговъ, мать собрала своихъ крошекъ подъ тѣнь своего широкаго раскидистаго хвоста, защищавшаго ихъ отъ солнца, и привела ихъ къ чащѣ шиповника у ручья.

Сперва птенчики не умѣли пить, но, подражая всѣмъ движеніямъ матери, скоро этому научились. Они стояли рядомъ вдоль ручья, двѣнадцать коричневыхъ и золотистыхъ клубочковъ на двадцати четырехъ крѣпкихъ ножкахъ съ розовыми пальчиками, опускали головки въ воду и пили.

Потомъ мать повела ихъ на дальній конецъ луга, гдѣ находился большой муравейникъ; она забралась на самую вершину муравейника, осмотрѣлась кругомъ и стала съ силою разрывать землю своими когтями и учить своихъ дѣтей находить и ѣсть жирныя бѣлыя куколки муравьевъ.

Послѣ этого всѣ осторожно побрели вверхъ вдоль ручья и расположились на песчаномъ берегу въ хорошо защищенномъ мѣстѣ, гдѣ и отдыхали весь день на пескѣ. Стараясь подражать во всемъ матери, птенчики лежали на боку, какъ и она, разрывали песокъ своими крошечными ножками и хлопывали крылышками, хотя покамѣстъ имъ, собственно говоря, еще нечѣмъ было хлопать; вмѣсто крыльевъ у нихъ были только маленькіе наросты, откуда со временемъ вырастутъ крылья.

Ночью мать повела ихъ въ чащу неподалеку и здѣсь среди хрупкихъ и сухихъ листьевъ, по которымъ нельзя было ступить безъ шума, и подъ густо переплетавшимися шиповниками, которые защищали ихъ отъ враговъ въ воздухѣ, она устроила имъ постельку и долго любовалась на своихъ прикурнувшихъ малютокъ, чирикавшихъ во снѣ и такъ довѣрчиво прижавшихся къ ея теплomu тѣлу.

Ивановскій червячокъ.

Насталъ Ивановъ день, и свѣтлякъ зажегъ свой фонарикъ. Словно зеленая звѣздочка, блеститъ онъ въ темнотѣ и падаетъ съ травки на травку.

Поймаемъ его и положимъ въ стаканъ съ травою. Отчего же это свѣтлякъ потушилъ свой фонарикъ? Не задавили ли мы бѣдняка? Нѣтъ, онъ только испугался; а вотъ теперь опять засвѣтилъ попрежнему. Оставимъ же его на ночь въ покоѣ, а завтра рассмотримъ хорошенько.

Какъ некрасивъ этотъ червякъ днемъ! А ночью можно было подумать, что онъ брильянтовый. Его коричневое тѣлице сверху плоско, снизу выпукло и все состоитъ изъ одиннадцати колець. Колечки будто вдѣты одно въ другое. Подъ верхнимъ кольцомъ, какъ подъ щиткомъ, прячется головка съ черными усиками, съ большими черными глазками. Да это насѣкомое, а не червякъ: у него шесть черненькихъ ножекъ.

Видите ли вы эти бѣлыя пятнышки на заднихъ трехъ колечкахъ? Вотъ эти-то пятнышки и свѣтятъ въ темнотѣ.

Крылышекъ нѣтъ у нашего свѣтляка—это самочка; но у самца есть и крылышки и темныя твердыя надкрылья, какъ у всякаго жучка. Самчикъ также свѣтитъ; но онъ летаетъ отлично и его поймать не легко.

Самочка свѣтляка приклеиваетъ свои крошечныя яички къ травинкѣ. Изъ яичекъ выходятъ личинки, онѣ очень похожи на мать и тоже свѣтятся. На зиму личинки прячутся въ разныя убѣжища и цѣпѣнбуютъ. Слѣдующей весной онѣ превращаются въ куколки, а къ Иванову дню жучокъ уже готовъ и зажигаетъ свой фонарикъ.

Медвѣжья семья.

1. Въ большихъ лѣсахъ Пермской губерніи, въ самой глухой чащѣ жила большая медвѣдица. Дики и дремучи были эти лѣса, на цѣлыя сотни верстъ тянулись они въ длину и въ ширину. Въ лѣсахъ были овраги глубокіе, крутые; въ нихъ человѣку страшно и заглянуть. Эти овраги переполнены дикой малиной, брусникой, черемухой, смородиной... И всѣ лѣса изрѣзаны были ручейками и рѣчками.

Вотъ какія неприступныя трущобы полюбилися нашей медвѣдицѣ. Еще бы! Тутъ она находила все, что любятъ медвѣди—лѣса, горы и овраги; обиліе ягодъ и грибовъ; ручейки и рѣчки, переполненные рыбой, и, наконецъ, прохладныя болота, куда такъ любятъ забираться медвѣди въ полуденный зной.

Много лѣтъ провела медвѣдица въ этихъ лѣсахъ. Тутъ она выросла, тутъ и сама воспитала многихъ медвѣжатокъ. Наша медвѣдица воспитывала своихъ дѣтей въ теченіе трехъ лѣтъ и только послѣ этого срока прогоняла ихъ отъ себя, и тѣ начинали жить своимъ умомъ. Такимъ образомъ жизнь матери проходила въ постоянныхъ хлопотахъ. Вотъ и теперь ей приходилось нянчиться съ двумя годовалыми медвѣжатами.

2. Къ зимѣ медвѣдица стала пріискивать уголокъ для зимняго помѣщенія. Въ одномъ изъ глухихъ овраговъ она вырыла въ горѣ углубленіе сажени въ три глубиною, натаскала въ него моху, листьевъ и травы; изъ всего этого сдѣлала мягкую постель, потомъ наносила къ пещерѣ хворосту. Берлога была готова. Завернула зима, и медвѣдица съ дѣтьми улеглась въ своемъ уютномъ жилищѣ.

Они не то спали, не то дремали, посасывая свои лапы. Ихъ никто не тревожилъ: человѣкъ не заходилъ въ такую глушь; звѣри издали чуяли запахъ медвѣдя и боялись приближаться къ ихъ жилищу.

Когда наступили сильные морозы, мать заложила хворостомъ входъ въ берлогу и, закупорясь совершенно, дремала въ ней безвыходно.

3. Въ мартѣ у нашей медвѣдицы родилось еще двое медвѣжатокъ. Они родились такими маленькими, что ихъ обоихъ можно было уложить въ шапку. Они были слѣпы и не знали, гдѣ лежать и кто около нихъ находится. Но съ ними была мать: она лизала своихъ дѣтокъ и уютно укладывала ихъ около себя, чтобы согрѣть бѣдняжекъ своимъ тѣломъ.

Малютки и точно озябли: на дворѣ стоялъ мартъ въ началѣ; было еще холодно; зима едва кончалась, и повсюду бѣлѣлъ еще снѣгъ.

У малютокъ была красивая шерсть: гладкая, густая, темно-коричневаго цвѣта; на шейкахъ шерсть была бѣлая, и казалось, что на звѣркахъ надѣты ошейники. Мордочки ихъ были сужены, съ тупыми концами; ушки маленькія, кругленькія; хвостики ихъ были коротенькіе, едва замѣтные. Вообще ребята были смѣшныя и неуклюжіе. Они громко и жалобно визжали... Но, наконецъ, материнскія ласки успокоили ихъ: они нашли себѣ пищу—молоко матери—и стали сосать, тихо взвизгивая.

4. Пока стояли холода, жизнь нашихъ медвѣдей была очень скучна и однообразна: всѣ лежать да дремлютъ, посасывая свои лапы. Изрѣдка мать

вылѣзала изъ берлоги, чтобы напиться. А съѣдобнаго зимою чего же найдешь? Развѣ удастся перехватить кое-какихъ кореньевъ.

Однако не все же быть зимѣ,—наступила и весна. Воздухъ потеплѣлъ; снѣгъ стаялъ; птички весело зачирикали; кое-гдѣ показалась травка... Все чаще и чаще выходила медвѣдица изъ своего зимняго убѣжища, но дѣтей съ собою не брала.

Медвѣдица съ медвѣжатами.

Четыре недѣли малютки были слѣпы, теперь они прозрѣли и съ любопытствомъ оглядывали все вокругъ себя. Съ каждымъ днемъ становились они сильнѣе. Спустя два мѣсяца, они стали ходить, и тутъ забавамъ, играмъ, шуткамъ, дракамъ не было конца.

5. Наконецъ, дѣти такъ подросли, что мать рѣшилась вывести ихъ на прогулку. Шли они тихо, не слѣша, останавливались на каждомъ шагѣ и

переворачивали по дорогѣ всякій сучокъ или камень. Мать показывала дѣтямъ, какъ добывать пищу: она придавила лапой какого-то жучка и съѣла его; поймала летѣвшую бабочку и отдала ее дѣтямъ. Вотъ была радость! Бабочка щекотала носы медвѣжатамъ, а тѣ фыркали и прыгали до тѣхъ поръ, пока отъ бабочки не осталось и слѣда.

Старшія дѣти нашли поле земляники. Медвѣжатки отвѣдали свѣжихъ ягодъ. На другомъ берегу болота виднѣлись маленькія сосенки. Медвѣдицѣ захотѣлось полакомиться свѣжими сосновыми побѣгами. Болото было узко, и медвѣдица безъ труда переправилась на другой берегъ. Тѣмъ временемъ старшія дѣти отыскиали въ травѣ птичье гнѣздо и занялись имъ; младшіе медвѣжата совсѣмъ растерялись: они желали слѣдовать за матерью, но войти въ болото боялись. Видя это, мать сердито рявкнула. Старшій медвѣженокъ оглянулся, бросился къ болоту и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже около матери... И какую же увѣсистую пощечину получилъ онъ за свою поспѣшность!.. Бѣднякъ догадался, за что онъ наказанъ; онъ тотчасъ же возвратился и перетащилъ съ того берега маленькаго Мишутку, а потомъ поплылъ за его младшей сестрицей. Медвѣдица все время молча слѣдила за нимъ. Какъ на горе, онъ уронилъ сестрицу въ воду... Тогда мать бросилась въ болото и задала ему новую трешку.

Такъ пріучала она старшаго Мишутку смотрѣть за маленькими и помогать имъ.

Подулъ вѣтерокъ. Вдругъ маленькій Мишка чуетъ, что запахло чѣмъ-то очень вкуснымъ. Мать и старшія дѣти сейчасъ же распознали, что пахнетъ медомъ. Надо искать улей. Скорымъ шагомъ отправились они на добычу; вотъ они приблизились къ старому гнилому пню, подъ которымъ жили осы. Увидѣли бѣдныя осы грабителей—подняли тревогу. Стали изо всѣхъ силъ защищать свое богатство—медъ, и съ ожесточеніемъ жалили разбойниковъ. Но медвѣди не смущались: они спокойно продолжали лакомиться медомъ. Косматый мѣхъ защищалъ ихъ отъ жалъ насѣкомыхъ.

Солнце поднялось довольно высоко; стало душно, и вотъ медвѣди направились къ берлогѣ.

Съ этихъ поръ прогулки повторялись ежедневно: вся семья выходила изъ берлоги подъ вечеръ, гуляла всю ночь до утренней зорьки и возвращалась домой, когда солнце начинало порядочно жарить.

6. Медвѣжата росли, здоровѣли и крѣпли. Про берлогу они забыли и думать: въ нее заглядывали только въ ненастье, а въ хорошую погоду и день и ночь проводили около болотъ: они ѣли тамъ бруснику, малину, черемуху, чернику и смородину. Попадался старый кедръ—дѣти влѣзали на него и сбивали сверху кедровыя шишки; потомъ эти шишки катали по землѣ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не вываливались орѣхи, которые медвѣжата съѣдали цѣликомъ со скорлупой.

Затѣмъ медвѣжата отправлялись къ рѣкѣ и ловили тамъ рыбу. Отъ рыбокъ переходили къ муравьямъ, тамъ—къ пчеламъ... Словомъ, цѣлое лѣто медвѣжата только и дѣлали, что жевали и жевали... Аппетитъ у нихъ былъ громадный.

А между тѣмъ съ каждымъ днемъ всего этого становилось меньше: ягоды

обирались, насѣкомыя исчезали, птички оперялись и покидали гнѣзда... Плохо приходилось медвѣжатамъ! Медвѣдица замѣчала, что ея дѣти часто голодаютъ.

«Экія худыя!—думалось ей, должно быть.—Съ такимъ жиромъ гдѣ имъ зимѣ переспать! Мясца вамъ надо, дѣтки, мясца, да вволюшку его накушаться». И медвѣдица рѣшила раздобыть мяса.

7. Разъ вечеромъ медвѣдица оставила медвѣжатъ однихъ и спѣшно пошла лѣсомъ. Прошла съ версту, поднялась на заднія лапы и стала обнюхивать воздухъ. Чуетъ—за лѣсомъ пасутся лошади. Выходитъ медвѣдица изъ лѣсу, видитъ—табунъ лошадей. Медвѣдица залегла въ травѣ на опушкѣ лѣса.

Вѣтеръ дулъ къ лѣсу. Лошади не чуюли врага и покойно щипали траву, изрѣдка пофыркивая. Долго поджидала медвѣдица свою добычу. Вотъ одна молодая лошадка отдѣлилась отъ табуна и мало-по-малу стала подходить къ лѣсу. Съ каждымъ шагомъ она приближалась къ смерти. Некому было спасти несчастную: по всему Уралу лошади и рогатый скотъ ходятъ безъ пастуховъ.

Разгорѣлись глаза у медвѣдицы, заревѣла она и кинулась на лошадку... Взялась лошадь на дыбы и полетѣла прочь стрѣлой... Долго продолжалась погоня. Нѣсколько разъ медвѣдица поднималась на заднія лапы, чтобы схватить лошадь за крестецъ, но та собирала послѣднія силы и прибавляла ходу. Но вотъ лошадь начала уставать; бѣгъ ея дѣлался неровнымъ; она часто спотыкалась; ноги отказывались служить... Въ одинъ мигъ медвѣдица очутилась возлѣ лошади, схватила ее за крестецъ, посадила на заднія ноги, вскочила ей на спину и съ яростью стала грызть загривокъ несчастной.

Медвѣдица оттащила свою добычу далеко въ лѣсъ, вырыла яму и закопала ее туда, а сверху набросала листьевъ и хворосту. Подъ утро она привела сюда своихъ медвѣжатъ, и они вмѣстѣ прикончили лошадь за одинъ присѣсть: только косточки обглодать голоднымъ воронамъ остались.

8. Что ни день, то крестьянамъ горе: у того медвѣдь овесъ помять, у другого медъ изъ улья повытаскалъ, тамъ корову зарѣзалъ, тутъ лошадь утащилъ... При всякой встрѣчѣ все тѣ же рѣчи. Зато къ зимѣ наши медвѣди такъ растолстѣли, что еле волочили ноги.

А между тѣмъ уже осенній вѣтеръ завывалъ по лѣсу; перепалили частые дожди; по утрамъ порядочно морозило; птички давно улетѣли въ теплые края, и слышалось лишь карканье воронъ и галокъ. Затихъ и опустѣлъ суровый лѣсъ. Мать устроила новую берлогу, гораздо лучше и больше прежней.

Давно уже медвѣдей стало клонить ко сну, они мало ѣли, больше пили. И вотъ въ срединѣ октября они залегли въ берлогу; младшіе медвѣжата легли у задней стѣнки, гдѣ было всего теплѣе, старшіе — передъ ними, а у входа залегла старая медвѣдица: она защищала своихъ дѣтей и грѣла ихъ своимъ тѣломъ. Когда всѣ улеглись какъ слѣдуетъ, медвѣдица закупорила входъ въ берлогу, и вся семья задремала.

Въ берлогѣ тепло; ее всю занесло снѣгомъ; только входъ отъ теплага дыханія звѣрей выдѣлялся желтымъ пятномъ на снѣгу.

9. Въ первыхъ числахъ ноября, раннимъ утромъ четверо крестьянъ вышли изъ деревни и направились къ лѣсу. Съ ними были ружья, рогатины,

острые ножи, лыжи и другія охотничьи принадлежности. Всякій бы догадался, что крестьяне эти идутъ на охоту и непременно на крупнаго звѣря. Одинъ охотникъ велъ на привязи двухъ мохнатыхъ осторожныхъ собаченокъ.

Дорога становилась все затруднительнѣе: даже собаки съ головой проваливались въ глубокій снѣгъ. Охотники надѣли на ноги лыжи.

Вотъ онъ и лѣсъ—тихий, угрюмый, непривѣтливый.

— Вонъ, братцы, берлога, — прошепталъ Оома, останавливаясь около оврага.

Всѣ взглянули въ одну сторону: сомнѣнья не было, — берлога виднѣлась шагахъ въ тридцати. Крестьяне принялись за дѣло; они расположились кругомъ берлоги; выбрали удобныя мѣста, приготовили ружья, переглянулись и спустили собакъ.

Собаки обнюхали одинъ бугоръ, потомъ другой, подбѣжали къ третьему и вдругъ оцетинились, поджали хвосты и громко залаяли, — нѣтъ, не залаяли, а словно застонали. Охотники замерли на мѣстѣ.

На собачій лай звѣрь отозвался изъ берлоги сердитымъ ревомъ; изрѣдка онъ высовывалъ изъ берлоги свою страшную лапу, стараясь захватить дерзкую собаченку; но опытные собаки зорко слѣдили за движеніями звѣря и ловко увертывались. Очевидно, звѣрь лѣнился встать и жалѣлъ разстаться съ належаемымъ мѣстечкомъ. Охотникамъ надоѣло ждать. Вдругъ одинъ изъ нихъ подкрался къ самой берлогѣ и, ткнувъ въ нее рогатиной, стремительно отскочилъ въ сторону.

— Берегись! — воскликнулъ Оома.

И въ ту же секунду, съ изумительною быстротой, изъ берлоги выскочилъ огромный бурый медвѣдь. Отряхнувшись, онъ ринулся на собакъ; собаки ловко извернулись и осадили звѣря. Раздался выстрѣлъ.

Звѣрь повернулъ голову, прижалъ уши, оскалилъ зубы и смѣло бросился на стрѣлявшаго. Новый выстрѣлъ; кровь брызнула изъ передней лапы медвѣдя. Онъ заревѣлъ, сталъ на дыбы и пошелъ на охотника.

— Спаси, Господи! — прошепталъ онъ, хватаясь за рогатину. — Вѣдь это медвѣдица!

— Знать медвѣдица, коли пошла на человѣка: медвѣдь бы убѣжалъ. Вѣрно въ берлогѣ дѣти, — говорили охотники. — Помоги Богъ несчастному Кузмѣ!

Сильнымъ ударомъ лапы медвѣдица переломила рогатину и кинулась на выстрѣлившаго охотника; въ одну минуту двое его товарищей прибѣжали ему на помощь; одинъ выстрѣлилъ въ голову звѣря, другой ударилъ его топоромъ. Медвѣдица рывкнула, какъ-то сразу осѣла и, обливаясь кровью, перевалилась на спину и издохла.

Охотники звалили ее на сани; скоро послѣ того они вытащили изъ берлоги и медвѣжатъ, перевязали ихъ, положили на тѣ же сани и повезли продавать въ городъ на рынокъ.

А на мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно жила цѣлая медвѣжья семья, осталась одна пустая, разоренная берлога...

Мишенька.

Мы гостили лѣто у крестной матери въ деревнѣ. У нея изъ рожка выкармливались два медвѣженка. Какіе они были забавные, неворотливые, веселые, какъ весело было играть съ ними! Они были до того ручные, что даже спали на кровати у нашего брата, пока не подросли.

Одинъ изъ медвѣжатъ мѣсяца черезъ два послѣ нашего пріѣзда околѣлъ, а другой жилъ около двухъ лѣтъ.

Мишенька ходилъ за нами какъ собака. Особенно онъ любилъ ходить съ нами въ лѣсъ. И какъ онъ рѣзвился въ лѣсу!

Когда Мишка подросъ, его начали бояться люди и чужія домашнія животныя, хотя Мишенька былъ такой ручной, ласковый не только со своими, но и со всѣми, кто бы ни пришелъ къ намъ. Мишенька ко всѣмъ хотѣлъ приласкаться, со всѣми поиграть (мы всѣ его очень избаловали), а его испугаются и съ крикомъ бросаются въ сторону. Это медвѣженку очень нравилось, и онъ привыкъ мало-по-малу такъ пугать людей. Мишеньку посадили на цѣпь.

И надо было видѣть, какъ онъ, стоя на заднихъ лапахъ, подзывалъ къ себѣ, чтобы приласкали его. Если къ нему подходили, онъ терся объ ноги, лизалъ руки, обнималъ своими сильными лапами. Но отъ его ласкъ часто приходилось плохо, особенно намъ—дѣтямъ. Онъ такъ крѣпко обхватывалъ лапами, такъ царапалъ своими когтями, что мы со слезами убѣгали отъ него.

Часто по праздникамъ приходили крестьяне посмѣяться надъ Мишкой, приносили ему лакомства—орѣхи, пряники, конфеты. Тогда Мишенька былъ въ восторгѣ и съ наслажденіемъ уплеталъ все, что ему давали. Частенько и дразнили бѣднаго звѣря: покажутъ ему издали лакомства, а отдавать не отдаютъ. Мишенька тянется, встаетъ на заднія лапы, реветъ, грызетъ ненавистную цѣпь.

Но всего счастливѣе бывалъ медвѣженочъ, когда его спускали съ цѣпи и брали съ собой въ лѣсъ. Но теперь уже зорко приходилось слѣдить за нимъ, чтобы онъ, играя, не напугалъ кого-нибудь изъ прохожихъ.

Во дворѣ же у насъ онъ никому не дѣлалъ больно. Овцы и коровы свободно проходили мимо него. Куры и индюшки со своими цыплятами бродили по двору, а Мишка по цѣлымъ часамъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ даже научился подманивать ихъ къ себѣ: возьметъ въ лапы песку и сыплеть понемножку; куры думаютъ, что это зерна и бросаются клевать. Это очень развлекало медвѣженка, когда онъ сидѣлъ на цѣпи. Съ лошадыю, около конюшни которой Мишка былъ привязанъ, и съ большой дворовой собакой, Соболькой, Мишка былъ въ большой дружбѣ.

Такъ прошло два года. Мишка былъ добръ и ласковъ, но сталъ уже такъ силенъ, что даже домашніе стали избѣгать его ласкъ.

Разъ какъ-то Мишка одинъ сорвался съ цѣпи и убѣжалъ въ деревню. Тамъ, вѣроятно, играя, онъ ободралъ овцу. Съ тѣхъ поръ, какъ Мишка попробовалъ крови, еще ненавистнѣе стала ему его цѣпь, и иногда онъ какими-то недобрыми глазами посматривалъ на куръ и на овецъ. Вскорѣ Мишенька сорвался съ цѣпи еще и еще разъ, напалъ на овцу, съѣлъ курицу, даже бросился

разъ на знакомаго мужика, который хотѣлъ было его поймать и привести домой. Къ счастью, близко былъ мужъ моей крестной, котораго Мишенька очень слушался и любилъ. Онъ только крикнулъ на Мишку, и тотъ тихо побрелъ за хозяиномъ на дворъ и только изрѣдка сердито оглядывался на мужика.

Такъ изо дня въ день Мишеньку всё больше и больше боялись. И, наконецъ, Мишеньку пристрѣлили. Какъ мы просили, чтобы его не убивали, какъ мы жалѣли медвѣженка и плакали, когда принесли шкуру убитаго звѣря!

Раненый орелъ.

(Разсказъ лѣсничаго).

Обходя однажды по службѣ свой участокъ, я увидѣлъ орла, попавшаго одной лапой въ лисій капканъ. Вся его лѣвая лапа была раздроблена, такъ какъ орелъ, вѣроятно, сильно бился, стараясь ее высвободить. Мнѣ стало жалъ бѣдную птицу, я не убилъ ее, а понесъ домой и сталъ ее лѣчить. Несмотря на то, что орелъ сильно бился и всячески сопротивлялся, я положилъ въ лубки его разбитую лапу, туго забинтовалъ ее и полилъ спиртомъ.

На слѣдующій день, когда я подошелъ къ нему, чтобы перемѣнить повязку, я не встрѣтилъ уже сопротивленія и могъ спокойно сдѣлать все, что нужно. Орелъ точно понималъ, что я желаю ему добра, и спокойно вынесъ перевязку. На третій день, увидѣвъ меня издали, онъ уже самъ протянулъ мнѣ больную лапу и терпѣливо переносилъ сильную боль. Онъ очень привязался ко мнѣ и всегда дружелюбно встрѣчалъ меня. Когда его лапа совсѣмъ зажила, я выпустилъ его на волю.

Е ж ъ.

Колючій ежъ только сверху покрытъ острыми иглами; снизу у него мягкая шерсть, а пятипалыя лапки и конецъ мордочки покрыты короткими волосами. Цвѣтъ его сѣробурой колючей шкурки такой, что его очень трудно отличить въ лѣсу отъ валежника и камней.

Мордочка у ежа вытянута какъ свиное рыльце и кончается чернымъ, круглымъ, очень чуткимъ носомъ, который постоянно движется и нюхаетъ; носъ у ежа всегда мокрый, какъ у собаки. Круглые черные глазки ежа смотрятъ бойко; зубы у него мелкие и острые, какъ и у всѣхъ животныхъ, которыя питаются насѣкомыми. Закругленные небольшіе уши хорошо слышатъ; они торчатъ впередъ, если ежъ спокоенъ; если же ежъ чего-нибудь испугается, онъ тотчасъ же превращается въ настоящій колючій шаръ: иглы торчатъ во всѣ стороны, и голова, и лапы, и маленькій голый хвостикъ сложены вмѣстѣ и совершенно незамѣтны. Тогда его и силой въ кожаныхъ рукавицахъ нельзя развернуть, потому что подо всей кожей, гдѣ иглы, у него есть толстыя, сильныя мышцы, или мускулы. Когда ежъ испугается, эти мускулы вмѣстѣ съ иглами и кожей натягиваются и закрываютъ всего ежа.

Если взять ежа осторожно двумя руками съ боковъ, то пальцы попадаютъ подъ мускулъ, который и наощупь толстый и плотный. Самое же тѣло подъ нимъ мягкое и нѣжное.

Иглы—главная защита ежа; стоит ему услышать какой-нибудь непривычный шумъ, или самъ онъ сразбѣгу наступить на вѣточку и она хрустнетъ, или съ дерева упадетъ шишка—онъ свертывается въ клубокъ и лежитъ неподвижно. Если же дѣйствительно въблизи есть какая-нибудь опасность, онъ лежитъ такъ очень долго. Когда ежа трогаютъ, онъ нарочно вздрагиваетъ и преобильно колетъ своими иглами. Ни одинъ звѣрь, кромѣ хитрой лисицы и нѣкоторыхъ очень умныхъ собакъ, да еще филина, не умѣетъ за него взяться; поэтому враговъ у него мало. Если въблизи есть вода, лисица тихонько катитъ туда лапами колючій шаръ, который въ водѣ разомъ развертывается; хитрая лисица хватается бѣднаго ежа за морду и уноситъ его.

Е ж ъ.

Ежъ живетъ въ садахъ и лѣсахъ и ѣстъ всякую живность, какая ему подѣ силу: червей, слизняковъ, жуковъ, лягушекъ, змѣй и мышей.

Про ежа говорятъ, будто онъ крадетъ яблоки изъ садовъ, насаживаетъ ихъ на иглы и уноситъ въ логовище; можетъ-быть, это и правда, но онъ ѣстъ ихъ только съ голода, позднюю осенью, когда пропали уже всѣ лягушки и насѣкомыя, да и то если яблоко упало на землю, потому что лазать по деревьямъ ежъ не можетъ: лапы у него не гибкія и слабыя, а когти тупые, приспособленные для рытья.

Ежъ охотится ночью, а днемъ спитъ, свернувшись клубкомъ, забравшись подѣ заборъ или подѣ корни деревьевъ. Бѣгаетъ онъ всегда рысью, ступаетъ тяжело, всей ступней; на бѣгу всю ступню выворачиваетъ, громко топаетъ; онъ можетъ бѣгать довольно скоро, но часто останавливается, подымаетъ голову, осматривается, нюхаетъ землю, что-то подбираетъ, жуетъ и опять бѣжитъ прямо, опустивъ морду, какъ бѣшеная собака.

Лѣтомъ въ особо устроенномъ гнѣздѣ, гдѣ-нибудь въ ямкѣ подъ корнями деревьевъ рождаются отъ трехъ до шести, рѣдко до восьми, маленькихъ ежатъ съ едва замѣтными бѣлыми иглами. Ежата сосутъ сначала молоко, а потомъ мать приноситъ имъ слизней и все, что ей удастся поймать; ежата растутъ быстро и скоро начинаютъ выходить съ матерью на охоту.

Полевыхъ и лѣсныхъ мышей ежъ ловить, какъ собака: раскапываетъ мышиную норку, засовываетъ голову и тутъ же съѣдаетъ добычу. Змѣй ежъ не боится; даже самыя ядовитыя змѣи ему не опасны. За одно истребленіе ядовитыхъ змѣй мы должны беречь ежа, не считая той пользы, которую онъ приноситъ, уничтожая множество насѣкомыхъ и мышей.

За лѣто ежъ сильно отъѣдается и жирѣетъ. Съ наступленіемъ холодовъ онъ выбираетъ какое-нибудь углубленіе подъ корнями деревьевъ или подъ заборомъ и устраиваетъ гнѣздо. Онъ наполняетъ его листьями, которые приноситъ воткнутыми на свои иглы, для чего передъ этимъ валяется въ листьяхъ. Онъ перестаетъ ѣсть и пить, такъ что желудокъ его остается пустымъ и, наконецъ, зарывшись въ листья и свернувшись клубкомъ, крѣпко засыпаетъ на всю зиму, потому что пропадаетъ его главная ѣда — лягушки, черви и насѣкомыя. Ничто не можетъ разбудить его, кромѣ тепла. Кровь его холодѣетъ, сердце едва бьется, и дыханіе незамѣтно. Онъ просыпается весной, когда вновь появляются насѣкомыя.

Тутъ-то и попадаютъ ему на зубы наши знакомые враги — майскіе жуки, только-что выползшіе изъ своихъ глубокихъ норъ.

Зябликъ въ неволѣ.

Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ я жилъ у дѣдушки и ставилъ ловушки маленькимъ птичкамъ, населявшимъ лѣсъ моего дѣдушки.

Я ставилъ ловушки и на поляхъ, шагахъ въ двадцати другъ отъ друга, вдоль тропинокъ или по берегамъ лужъ, гдѣ чаще всего бывали птицы.

По утрамъ и по вечерамъ множество птицъ слеталось на лужи, чтобы напиться. Сядетъ птичка на ловушку, а болтъ (затычка) упадетъ — и бѣднаяжка останется въ плѣну, повиснувъ въ воздухѣ на ушибленныхъ лапкахъ.

Въ одну изъ моихъ прогулокъ съ дѣдушкой я услышалъ пронзительные крики, и когда я пошелъ на нихъ, то увидѣлъ птичку въ жестокой борьбѣ съ ловушкой. Ростомъ птичка была почти съ воробья, но она била крыльями такъ бѣшено и сильно, что едва не опрокинула ловушки. Спина птички была каштановаго цвѣта, верхъ головы и клювъ синіе, глазки быстрые, черные; шея, грудь и бока имѣли чудный зеленый цвѣтъ, хвостъ какъ вилка и на каждомъ крылышкѣ по бѣлому пятну.

— Это зябликъ, — сказалъ дѣдушка.

Я взялъ его за крылышки, чтобы освободить отъ ловушки; зябликъ до крови ударилъ меня клювомъ. Дѣдушка замѣтилъ, что ножки зяблика не были сломаны, одна только была слегка оцарапана. Птичка мнѣ такъ понравилась, что мнѣ ужасно захотѣлось посадить ее въ клетку и сдѣлать ручной. Я умолялъ дѣдушку, чтобы онъ позволилъ мнѣ взять птичку — и получилъ это позволеніе.

— Но только, — сказать мнѣ дѣдушкѣ, — тебѣ не удастся воспитать птичку по-своему, потому что она уже очень стара и дика.

Я, разумѣется, не повѣрилъ дѣдушкѣ. Я завернулъ зяблика въ платокъ, а дома помѣстилъ его въ плотно закрытую корзинку, надѣясь, что къ слѣдующему дню приготовлю клѣтку.

Въ эту ночь я почти не спалъ: все думалъ о своемъ плѣнникѣ. Я зналъ, что зяблики удивительно музыкальны и что если съ терпѣніемъ учить ихъ, то они будутъ чудесно пѣть. Стоило мнѣ закрыть глаза, какъ я уже слышалъ это пѣніе.

Утромъ я побѣждалъ къ корзинѣ. Мой зябликъ спалъ не лучше меня: онъ дико бился о стѣнки корзины.

Всѣ свои денежные сбереженія я потратилъ на клѣтку, въ которой зато было все: и корытце для воды, и ящикъ, куда я насыпалъ коноплянаго сѣмени. Я переселилъ птичку и ожидалъ, когда она привыкнетъ къ своему новому жилью. Но плѣнникъ и не думалъ приручаться: онъ впѣпился въ засовъ клѣтки, махалъ безпрестанно крыльями, перекувырнулъ ящикъ съ сѣменемъ и смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ.

«Вѣрно сѣмя ему не нравится», подумалъ я, и побѣждалъ въ поле, чтобы принести ему свѣженькой зеленой травки. Вернувшись, я увидѣлъ, что лихорадочное волненіе моего плѣнника удвоилось: онъ продолжалъ бѣшено биться о клѣтку, поранилъ свою прекрасную головку, сломалъ большія перья на хвостѣ, — пухъ съ его груди леталъ по воздуху.

Иногда, изнемогшій, разбитый, измученный, онъ забивался въ уголъ, открывалъ свои глубокіе черные глаза, и мнѣ казалось, что своимъ безнадежнымъ, отчаяннымъ взглядомъ онъ молилъ меня: «Да отпусти же меня! отпусти!..» Но я точно оглохъ и ушелъ отъ него, думая, что ночью онъ успокоится. Утромъ я снова побѣждалъ къ клѣткѣ. На полу ея, неподвижный, съ закрытыми вѣками, съ растрепанными перьями, уже похолодѣвшій, лежалъ зябликъ, вытянувъ ножки среди разбросанныхъ зеренъ и травки.

Дикая гордая птичка, презирая неволю, рѣшила лучше умереть съ голода.

У меня сердце сжалось: вѣдь на моей совѣсти лежала эта мучительная смерть птички. И вотъ теперь, когда много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, я все-таки не могу безъ боли слушать и видѣть зябликовъ: мнѣ вспоминается тотъ загубленный мною несчастный плѣнникъ, и я мучаюсь угрызѣніемъ совѣсти.

Горе и радость мышки.

Мышка жила въ лѣсу. Подъ высокимъ деревомъ она вырыла себѣ норку. Это ея жилье, тутъ она живетъ и сюда спасается отъ бѣды. Дождемъ падаютъ въ лѣсу орѣхи и сѣмена съ деревьевъ, кустовъ и травъ. Мышка сидитъ въ тѣни красиваго перистаго папоротника, держитъ передними лапками орѣшекъ, разгрызаетъ скорлупу острыми зубами и лакомится сладкимъ маслянистымъ ядрышкомъ. Не правда ли, счастливая жизнь? Но не все въ жизни радости: бываетъ и горе. Лисица и хорекъ рыщутъ по лѣсу; недалеко и ежъ. Въ воздухѣ днемъ высматриваетъ добычу ястребъ, а по ночамъ тихо летаетъ между деревьями

сова. Даже подь земли мышка не совсѣмъ въ безопасности: тутъ грозитъ ей встрѣча съ кротомъ.

Лѣто еще самая счастливая пора для мышки; но не то зимою. Когда снѣгъ прикрываетъ опавшія сѣмена, а набранные припасы почти съѣдены, мышкѣ нерѣдко приходится испытывать голодъ. Въ лѣсѣ являются дровосѣки. Деревья падаютъ подь ихъ топорами. Весною даже коряги вырываются изъ земли и либо увозятся на топливо, либо сжигаются на мѣстѣ для удобренія новины, то-есть новаго поля. Затѣмъ плугъ взрываетъ почву, а борона разрыхляетъ земляныя глыбы. Никто и не догадается, что на этомъ мѣстѣ былъ лѣсъ. Мышка лишена своего прежняго жилища.

Но нѣтъ, говорятъ, худа безъ добра. Земледѣлецъ разсѣиваетъ по полю хлѣбныя зерна, и мышкѣ накрытъ богатый столъ. Ей не нужно уже отыскивать отдѣльныхъ зернышекъ, какъ прежде, въ лѣсу. Онѣ лежатъ цѣлыми кучками. Изъ нихъ вырастаютъ стебли съ колосьями, которые такъ и гнутся отъ множества зеренъ. Мышка можетъ ѣсть сколько ей угодно. Но и тутъ мышкѣ бѣда. Нерѣдко дождь льетъ ручьями, а теперь уже ни деревья ни мохъ не задерживаютъ его; вода легко протекаетъ въ землю и заливаетъ норку испуганной мышки. Мокрая, продрогшая, мышка едва спасается отъ ужасной смерти.

Лѣсная мышъ.

Засверкала въ полѣ коса—и попадали снѣжные колосья. Снопы развозятся по домамъ. Мышка хитро забирается въ снопъ и переселяется въ домъ земледѣльца. Тутъ-то насталъ для нашей мышки такой пиръ, какой ей и не грезился. У нея вдоволь и хлѣба, и пирожнаго, и масла, и сала. Но между этими лакомствами стоитъ и мышеловка, въ которой сидитъ пойманная жадная товарка мышки и предостерегаетъ отъ угрожающей и ей опасности. Труднѣе всего избѣжать отравленной пищи. Вдобавокъ ко всѣмъ этимъ бѣдамъ, за мышами охотится еще домашняя кошка, да и собака ей помогаетъ. Увеличились удовольствія мышки, но настолько же увеличились и опасности.

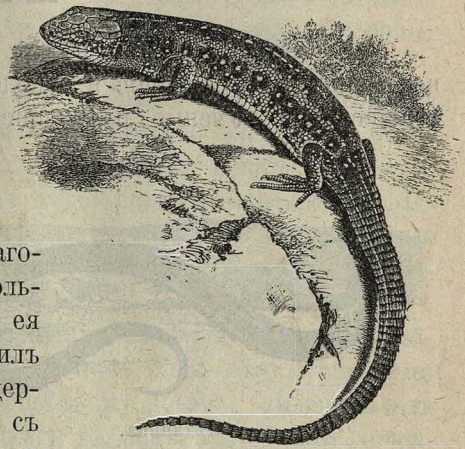
Раздаются человѣческіе шаги. Перехитрили мышку! Норка ея заткнута; сильная рука схватываетъ бѣдняжку; она кусается и царапается, но ничего не помогаетъ. «Мышка!» радостно кричатъ дѣти. Мышка попадаетъ въ клѣтку изъ проволоки. Каждый день даютъ ей бѣлаго хлѣба и молока. Никто и ничто не грозитъ ей: ни лисица, ни сова, ни кошка, ни мышеловка, ни отрова.

Мышкѣ не нужно собирать запасовъ на зиму; нечего ей бояться холодовъ и дождей.

Неужели же и теперь она не вполне счастлива?.. Нѣтъ, какое ужъ тутъ счастье! Не можетъ она повидаться съ своими товарищами. Скучно ей одной. Ее угощаютъ сахаромъ, а ея крошечныя дѣти остались въ подпольи безъ матери и навѣрное умрутъ отъ голода. Нельзя и побѣгать ей на волѣ, сиди да сиди взаперти. Къ тому же мышку начинаютъ мучить ея собственные зубы. Они требуютъ крѣпкой, жесткой пищи; безъ нея они становятся все длиннѣе и длиннѣе и чтобы хоть немного стереть ихъ, мышка принуждена грызть и кусать желѣзные прутья своей клѣтки.

Моя ящерица.

Была у меня маленькая сѣрая ящерица. Поймалъ я ее въ чудесный солнечный день на лѣсной полянкѣ, когда она чуть не попала на завтракъ большому ужу.

Ящерица.

Ящерица испуганно смотрѣла на меня своими сѣренькими глазками, билась въ моей рукѣ и старалась проскользнуть между пальцами. Но я держалъ ее крѣпко и благополучно донесъ домой. Дома я досталъ большую стеклянную банку, насыпалъ на дно ея песку, набросалъ камешковъ, а сверху украсилъ этотъ стеклянный домикъ кускомъ свѣжаго дерева. Не забывъ я поставить туда скляночку съ водою, впустилъ въ банку нѣсколько мухъ и завязалъ ее сверху тонкою кисеей.

Моя маленькая плѣнница не могла пошевелиться отъ страха. Но наконецъ голодъ пересилилъ страхъ. На другой день я не досчитался въ банкѣ двухъ мухъ.

Каждый день я перемѣнялъ своей ящерицѣ дернъ и воду и кормилъ ее мухами, червяками и мясомъ. Но особенно ей нравились бѣлыя капустныя бабочки. Она поворачивала голову въ сторону моей руки, открывала ротъ съ своимъ раздвоеннымъ язычкомъ и прыгала, какъ собака, за лакомою пищей.

Ящерица стала привыкать ко мнѣ и какъ будто даже полюбила меня. Она садилась на мою руку, часто спокойно спала у меня на плечѣ. Когда я чесалъ ей шейку, она съ удовольствіемъ вытягивала головку и довольно щурилась.

Въ одно утро я нашелъ въ домикѣ своей любимицы пять продолговатыхъ бѣлыхъ яичекъ. Она снесла ихъ и положила въ песокъ между камнями на солнцѣ. Теперь я особенно осторожно сталъ перемѣнять ей дернъ и воду, не трогая яичекъ.

Прошло недѣль шесть, яички лопнули. Изъ нихъ вышло пять крошечныхъ юркихъ ящерицъ, очень похожихъ на свою мать. Вся маленькая семья взбиралась теперь на камни и нѣжилась на солнцѣ.

Но меня ждало большое горе. Какъ-то разъ я вынесъ стеклянный домикъ на лужайку передъ домомъ. Поставилъ я его на траву, а самъ побѣждалъ за кормомъ.

Когда я вернулся, домикъ моихъ ящерицъ лежалъ на боку, разбитый въ мелкіе дребезги. Ни большой ящерицы, ни ея дѣтей я не нашелъ...

Потомъ я узналъ, что мой стеклянный домикъ былъ опрокинутъ собакой. Гоняясь за курицей, она налетѣла на банку и разбила ее... Вблизи была канава съ водою. Вѣрно ящерицы и упали туда. Я искалъ ихъ очень усердно, но нигдѣ не нашелъ. Впрочемъ, я зналъ, что они не могли утонуть: нѣсколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ ящерицы плавали по водѣ. Должно быть, мои питомцы переплыли канаву и скрылись гдѣ-нибудь въ саду.

Мѣдѣница.

Въ нашихъ лѣсахъ водится еще одно маленькое пресмыкающееся животное, наполовину ящерица и наполовину змѣя. Называется оно мѣдѣницей или веретенницей. Ученые люди причисляютъ ее къ ящерицамъ; но другіе, незнающіе люди, называютъ ее змѣей, потому что съ виду она со-

Мѣдѣница.

всѣмъ похожа на змѣю: такая же длинная и круглая и покрыта чешуею, и у ней такъ же, какъ у змѣи, нѣтъ ногъ. Изъ рта мѣдѣницы высовывается узкій раздвоенный языкъ. И голова и хвостъ мѣдѣницы почти одинаковой толщины и отличаются другъ отъ

друга только тѣмъ, что на головѣ блестятъ два глаза. Все туловище мѣдѣницы не толще пальца; верхняя сторона его темно-сѣрая, брюшко темное.

Лѣтомъ въ солнечный день мѣдѣница почти весь день лежитъ, свернувшись кольцомъ, и грѣется на солнцѣ; весь день она почти ничего не ѣстъ и только вечеромъ отправляется на добычу. Ёстъ она то же, что и ящерица—разныхъ насѣкомыхъ, червяковъ, улитокъ; такъ же, какъ и ящерица, мѣдѣница приноситъ большую пользу, уничтожая разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, но человѣкъ плохо знаетъ своихъ друзей среди животныхъ и часто платитъ имъ за ихъ услуги жестокой неблагодарностью. Мѣдѣница самое безвредное и беззащитное существо на свѣтѣ, но въ народѣ ее считаютъ за змѣю и притомъ за очень ядовитую змѣю, и потому люди нещадно преслѣдуютъ мѣдѣницъ и убиваютъ ихъ при встрѣчѣ.

Если ты увидишь въ лѣсу мѣдѣницу, то не бойся ея: она не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда, но только не бери ее въ руки; если мѣдѣницу берутъ въ руки, она такъ пугается, что на нее находитъ столбнякъ и она ломается на двѣ части; хвостъ еще долгое время послѣ того движется и изгибается въ стороны, точно живой, а передняя часть туловища спѣшитъ поскорѣе скрыться въ травѣ. Черезъ нѣсколько недѣль хвостъ у мѣдѣницы снова отрастаетъ. Вотъ

какъ удивительно устроено все на свѣтѣ: у маленькой беззащитной мѣдьяницы нѣтъ ни крѣпкихъ сильныхъ зубовъ, ни когтей, ни быстрыхъ ногъ, чтобы спастись отъ того, кто на нее нападаетъ; а всюду кругомъ нея такъ много враговъ, и вотъ природа дала ей такой чудесный способъ спастись изъ бѣды.

Осенью, когда наступаютъ ненастные и холодные дни, мѣдьяницы заползаютъ по нѣскольку вмѣстѣ въ норки и, свернувшись колечкомъ, засыпаютъ тамъ на всю долгую, холодную зиму. Только весною съ наступленіемъ теплыхъ дней мѣдьяница просыпается и снова выползаетъ изъ своей норки на свѣтъ Божій.

Разсказы о жизни муравьевъ.

1. Есть на свѣтѣ такія животныя, которыя и жнутъ, и косятъ, и удобряютъ землю, и пахутъ, и устраиваютъ запасы на черный день,—словомъ, продѣлываютъ на свой ладъ всѣ дѣла, какъ и любой земледѣлецъ. Особенно искусны въ этихъ дѣлахъ муравьи.

Муравьи всѣмъ извѣстны. Живутъ они муравейниками. Въ иномъ муравейникѣ насчитываются сотни тысячъ муравьевъ, сколько жителей въ большомъ городѣ. Отъ вершины муравейника во внутрь идутъ покатыя дорожки; ихъ пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ узкіе проходы-перекрестки. Въ иныхъ мѣстахъ расположены маленькія комнатки, въ другихъ — просторные покои, но всѣ ходы сходятся въ одной просторной комнатѣ посреди муравейника.

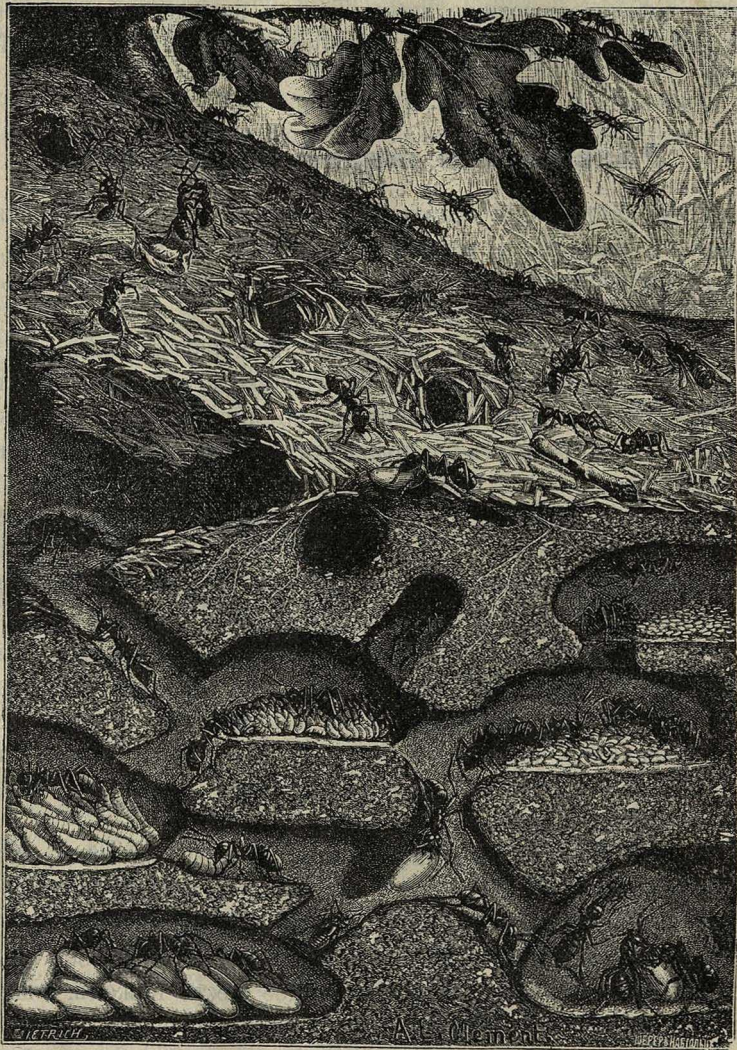
2. Въ маленькихъ комнаткахъ, въ углубленіяхъ сложили муравьи въ рядкѣ свои яички, личинки и куколки. Личинки и куколки—это муравьиныя дѣтки; муравей, прежде чѣмъ станетъ настоящимъ муравьемъ, выдерживаетъ три превращенія. Сперва онъ является на свѣтъ въ видѣ крошечнаго яичка. Изъ этого яичка черезъ пятнадцать дней вылупляется личинка, то-есть родъ маленькаго прозрачнаго червячка, у котораго нѣтъ даже лапокъ, только ротъ, да и тотъ непохожій на ротъ настоящаго муравья. Черезъ нѣсколько времени личинка покрывается шелковымъ кокономъ.

Вѣроятно вы видали такъ называемыя муравьиныя яйца, эти-то яйца и есть куколки муравьевъ. Эти куколки лежатъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока подъ оболочкой кокона не окрѣпнетъ настоящій муравей. Когда же насекомое достаточно окрѣпнетъ, оно разрываетъ свой покровъ, или свои пеленки, и на свѣтъ является крошечное существо, имѣющее шесть ножекъ, очень выпуклые глаза, длинныя челюсти и длинныя усики. Это маленькое существо ужъ настоящій муравей, но только еще очень блѣднаго цвѣта, и такой слабый, что еле ходитъ, пошатываясь.

Въ каждомъ муравейникѣ живутъ муравьи нѣсколькихъ сортовъ. Одни муравьи—самцы и самки: они заботятся только о томъ, какъ бы плодиться. Другіе муравьи, живущіе въ томъ же муравейникѣ, рабочіе. Тѣло ихъ устроено иначе: класть яички и плодиться они совсѣмъ не могутъ; ихъ дѣло строить муравейники, таскать тяжести, кормить самокъ и самцовъ, ухаживать за личинками и за яичками. Словомъ, на муравьяхъ-рабочихъ лежатъ всѣ домашнія дѣла.

3. У нѣкоторыхъ породъ муравьевъ рабочіе муравьи занимаются хлѣбопашествомъ. Одна порода муравьевъ такъ и называется земледѣльцами. Живутъ муравьи-земледѣльцы въ теплыхъ странахъ Европы и Америки.

Муравьи-земледѣльцы вырываютъ свое гнѣздо въ землѣ. Это гнѣздо устраивается весьма хитро и замысловато. Въ немъ много разныхъ ходовъ и пере-

Муравейникъ въ разрѣзѣ. Видны ходы и комнатки въ подземной части муравейника; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ лежатъ личинки и куколки муравьевъ.

ходовъ и много разныхъ комнатокъ. Эти комнатки выкопаны въ землѣ одна надъ другой. Бываетъ, что самыя нижнія комнатки вырыты сажени полторы подъ землей. Нѣкоторыя комнатки служатъ для муравьевъ житницами. Въ нихъ муравьи складываютъ про запасъ разныя зерна и сѣмена. Эти зерна и сѣмена они сами собираютъ; на это дѣло у нихъ идетъ много труда. Муравьи-рабочіе

ходятъ за сѣменами иной разъ очень далеко и отыскиваютъ ихъ и по лѣсамъ и по лугамъ.

Чтобы удобнѣе было ходить и носить сѣмена и зерна, муравьи устраиваютъ себѣ особыя дороги въ травѣ: они выгрызаютъ траву и убираютъ ее въ сторону. Дороги свои муравьи держатъ въ чистотѣ. Если тамъ вырастетъ какая-либо травка, муравьи ее сейчасъ же сгрызутъ и уберутъ. Дороги идутъ къ муравейнику, а надъ самымъ муравейникомъ муравьи-земледѣльцы расчищаютъ круглую площадку, сажени три въ поперечникѣ. Они не только ее расчищаютъ, но и выравниваютъ, такъ что она выглядитъ словно утопанной. На этой площадкѣ муравьи тоже не даютъ расти никакой травѣ, кромѣ одной, которую они очень любятъ. Трава эта называется муравьинымъ рисомъ. Она всегда растетъ у окраины площадки. Ее-то муравьи и воздѣлываютъ. Они очищаютъ ее отъ другихъ сорныхъ травъ; они каждый годъ собираютъ съ муравьиного риса всѣ плоды. Весь урожай его они складываютъ въ свои житницы. Нѣкоторые очевидцы рассказываютъ даже, что муравьи сами сѣютъ свой рисъ.

Словомъ, у этихъ муравьевъ есть и своя нива, а для этой нивы—свое время жатвы.

Эти муравьи собираютъ въ свои житницы сѣмена разныхъ травъ, не одного только муравьиного риса. Очевидецъ рассказываетъ, какъ они это дѣлаютъ. „Захотѣлъ я посмотрѣть, какъ муравьи собираютъ сѣмена,—говоритъ очевидецъ. — Для этого я воткнулъ въ землю около муравейника нѣсколько колосьевъ, каждый колосъ вершковъ десять высотой. Муравьи тотчасъ же полѣзли на эти колосья и стали усердно собирать сѣмена. На каждомъ колосѣ работали штукъ по двѣнадцати муравьевъ, а то и больше. Они отгрызали сѣмена и бросали ихъ внизъ, на землю. Тамъ подхватывали ихъ другіе муравьи и уносили въ житницы.

Когда зерна лежатъ въ житницахъ, муравьи-земледѣльцы внимательно присматриваютъ за ними. Они боятся, какъ бы сѣмена не отсырѣли и какъ бы не проросли. Если сѣмена отсырѣютъ, муравьи вытаскиваютъ ихъ изъ муравейника на свѣтъ и кладутъ на солнце, чтобы они просохли.

4. Еще болѣе замѣчательная порода муравьевъ живетъ въ Южной Америкѣ. Муравьи этой породы называются муравьями-*листогрызами*. Они большими толпами взбираются на деревья; каждый муравей выбираетъ тамъ себѣ листокъ, садится на этотъ листъ и своими челюстями отрубаешь отъ листа довольно большой кусочекъ. Дѣлаетъ онъ это очень быстро и ловко: каждый отгрызанный кусокъ листа кажется словно вырѣзанъ ножницами. Отрѣзавъ кусокъ листа, муравей беретъ его въ ротъ и съ большими усилиями тащитъ по дереву внизъ, на землю.

Лишь только муравьи дойдутъ съ своею ношей до муравейника, къ нимъ навстрѣчу бѣгутъ оттуда другіе муравьи-работники. Они принимаютъ отъ муравьевъ-носильщиковъ отгрызанные листочки и крошатъ ихъ на самые мелкіе куски. Эти мелкіе куски они уносятъ къ себѣ въ гнѣздо подъ землю. И вотъ что замѣчательно: собранныхъ листьевъ муравьи не ѣдятъ. Они раскладываютъ эти листочки въ своихъ подземныхъ житницахъ; на листочкахъ тамъ вырастаютъ особенные грибы. Этими-то грибами муравьи и питаются.

Муравьи собираютъ только такіе листья, на которыхъ растутъ нужные имъ грибы.

5. Есть среди муравьевъ и скотоводы. Многія породы муравьевъ держатъ у себя всѣмъ извѣстныхъ букашекъ: травяныхъ вшей. Травяная вошь, или тля, ростомъ меньше муравья. Тли выбрасываютъ изъ своего брюшка особую жидкость, сладковатую на вкусъ. Муравьи очень любятъ эту жидкость. Ради нея они и держатъ у себя травяныхъ вшей. Муравьи даже доятъ ихъ. Лишь только муравей замѣтитъ травяную вошь, онъ подбѣгаетъ къ ней и начинаетъ щекотать своими усиками ея брюшко. Тогда тля извергаетъ изъ себя прозрачную капельку сладкаго сока. Муравей жадно глотаетъ этотъ сокъ.

Муравьи очень заботятся о своихъ травяныхъ вшахъ. Они устраиваютъ имъ даже особыя помѣщенія. Нѣкоторыя травяныя вши живутъ на стебляхъ растеній. Вокругъ этихъ стеблей муравьи строятъ какъ бы трубу; между стеблемъ и трубой остается еще свободное мѣсто, гдѣ и сидятъ травяныя вши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ труба расширяется, чтобы имъ было просторнѣе. Словомъ сказать, травяныя вши для муравьевъ то же, что для людей коровы, и муравьи устраиваютъ для своихъ коровъ настоящіе хлѣва.

Муравьи ухаживаютъ за травяными вшами и, когда нужно, кормятъ ихъ. Они даже разводятъ травяныхъ вшей. Когда травяныя вши кладутъ яички, объ этихъ яичкахъ заботятся муравьи. Если съ муравейникомъ случится какая-либо бѣда, муравьи спасаютъ изъ него не только своихъ личинокъ, но и яички травяныхъ вшей. Бываетъ такъ, что травяная вошь положить свои яички гдѣ-нибудь на стеблѣ или на листкѣ, муравьи возьмутъ эти яички и отнесутъ къ себѣ въ муравейникъ, гдѣ имъ не страшны осенніе и зимніе холода. Когда изъ яичекъ весною выйдутъ маленькія вши, муравьи выносятъ ихъ на свѣтъ.

Для своихъ коровушекъ муравьи подыскиваютъ пастбища посытнѣе. Они сажаютъ травяныхъ вшей всегда на такія растенія, которыми сами питаются.

Не однѣ травяныя вши выбрасываютъ изъ себя сладкій сокъ. Есть и другія маленькія животныя, которыя дѣлаютъ то же. Муравьи пользуются и ими. Напримѣръ, они держатъ у себя въ муравейникахъ нѣкоторыхъ гусеницъ.

6. Много пришлось бы еще рассказывать, чтобы передать все, что извѣстно о муравьяхъ, но и сказаннаго довольно, чтобы знать, какъ они живутъ, что дѣлаютъ, какіе они заботливые, смысленные, трудолюбивые.

Жалко становится разрывать и разорять ихъ гнѣзда безъ всякой пользы для себя и для другихъ, когда считаешь о нихъ, когда познакомишься съ ними.

Разорить муравейникъ все равно, что, ради злой потѣхи, подпалить деревню. Подумайте, сколько горя людямъ принесъ бы такой пожаръ! Подумайте, сколько тяжелой заботы, безпокойства, страха и горя приносить муравью разрушеніе его жилища!

Разказы о муравьяхъ.

I.

Нѣсколько муравьевъ ползли одинъ за другимъ по проведенной ими дорожкѣ. Человѣкъ взялъ одного изъ муравьевъ, посадилъ его около дорожки и накрылъ комочкомъ глины, такъ что была видна только голова муравья, и онъ не могъ ползти. Другіе муравьи проходили мимо и ничего не замѣчали. Но одинъ изъ нихъ наткнулся на товарища, увидѣлъ его въ бѣдѣ и сталъ помогать ему выйти изъ-подъ глины, но ничего не могъ подѣлать. Тогда онъ побѣжалъ прочь и вернулся назадъ уже съ двадцатью муравьями. Эти муравьи подбѣжали къ глинѣ и стали откусывать отъ нея маленькіе кусочки; скоро они разобрали всю глину и освободили товарища.

II.

Подрались два муравья изъ разныхъ муравейниковъ. Одному изъ нихъ крѣпко досталось, такъ крѣпко, что онъ и двинуться не могъ.

Подбѣжалъ къ нему товарищъ изъ его же гнѣзда, внимательно осмотрѣлъ бѣднаго страдальца, увидѣлъ, что у него пораненъ усикъ, выпустилъ изъ своего рта прозрачную капельку и примочилъ ею больное мѣсто; потомъ бережно поднялъ товарища и понесъ по хворостинкѣ къ водѣ; опустилъ его въ воду на нѣсколько секундъ, поднялъ снова, заботливо понесъ его назадъ и положилъ на солнцѣ, чтобы тотъ обсохъ и поправился.

III.

Муравьи привыкли лазить на одно дерево: тамъ они находили себѣ пищу. Чтобы узнать, что муравьи станутъ дѣлать, одинъ человѣкъ намочилъ холстъ въ табачномъ настоѣ и этимъ холстомъ обернулъ стволъ дерева. Муравьи, которые спускались съ дерева, дошли до холста и повернули назадъ; они полѣзли на нижнія вѣтки: эти вѣтки свѣшивались низко надъ землею,—оттуда муравьи попадали прямо на землю. Тѣ муравьи, которые лѣзли на дерево, также повернули назадъ отъ холста и сошли на землю; тутъ они взяли по комочку земли, пошли снова къ холсту и стали прилѣплять къ нему эти комочки, одинъ комочекъ за другимъ, и дѣлали такъ до тѣхъ поръ, пока перешли черезъ весь холстъ. Такъ они устроили земляной мостъ, и по этому мосту стали ходить взадъ и впередъ всѣ муравьи.

IV.

Близъ желѣзной дороги муравьи построили себѣ муравейникъ. Чтобы ходить за пищею, имъ приходилось переходить черезъ рельсы, а по рельсамъ постоянно ходили вагоны и давили много муравьевъ. Тогда муравьи прокопали ходъ подъ рельсами и ходили уже по этому ходу. Человѣкъ, который видѣлъ все это, заложилъ ходъ камешками и думалъ, что муравьи снова полѣзутъ черезъ рельсы. Но муравьи остановились передъ рельсами и начали рыть новый ходъ, а когда вырыли, то пошли по этому ходу.

Осиротѣлая мать.

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На деревѣ гнѣздо.
Горить и стонетъ дерево,
Горятъ и стонуть птенчики:
«Ой, матушка! гдѣ ты?
А ты бы насъ похорила,
Пока не оперились мы:
Какъ крылья отрастимъ,
Въ долины, въ рои тихія
Мы сами улетимъ!»

До тла сторѣло дерево,
До тла сторѣли птенчики,
Тутъ прилетѣла мать.
Ни дерева, ни гнѣздышка,
Ни птенчиковъ!.. Поетъ-зоветъ...
Поетъ, рыдаетъ, кружится,
Что крылышки свистятъ!
Настала ночь, весь міръ затихъ,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвыхъ не докликалась
До блага утра!..

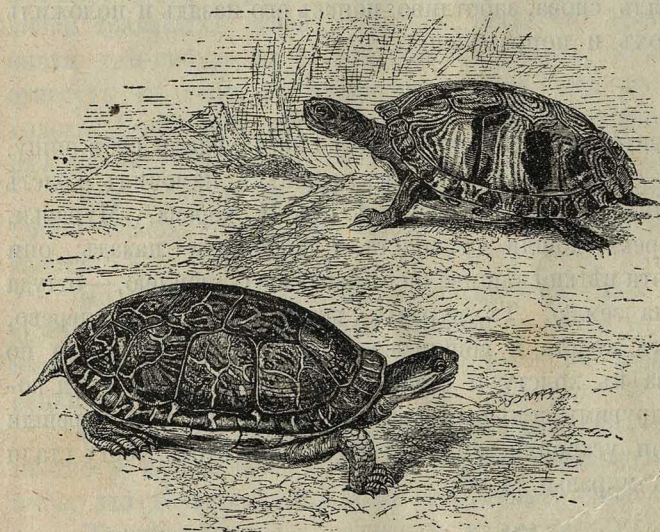
Черепаха.

I.

Одинъ разъ я пошелъ гулять съ собакой. Подлѣ лѣса она начала искать, вытянула хвостъ, подняла уши и стала принюхиваться. Я думалъ, что она

ищетъ куропатку, фазана или зайца; но собака не пошла въ лѣсъ, а въ поле. Я шелъ за ней и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидаль то, что она искала. Впереди нея бѣжала небольшая черепаха. Голая темносѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута какъ шестикъ; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была

Черепахи.

только одна скорлупа. Собака схватила ее и стала грызть, но не могла прокусить ея, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнял черепаху у собаки и рассмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа, и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то черное и живое. Я положилъ черепаху на траву и пошелъ дальше, но

собака не хотѣла ея оставить, а схватила ее и понесла въ зубахъ за мною. Вдругъ собака взвизгнула и пустила черепаху. Черепаха у нея во рту выпустила лапу и паранула у собаки ротъ. Собака такъ разсердилась на нее за это, что стала лаять и опять схватила ее и понесла за мною. Я опять велѣлъ бросить, но собака не слушалась меня. Тогда я отнял у нея черепаху и бросилъ.

II.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей онѣ выводятъ яйцами, и яйца кладутъ на землѣ и невысиживаютъ ихъ, а яйца сами, какъ рыба икра, лопаются—и изъ нихъ выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладетъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи—это ея ребра. Только у людей и у другихъ животныхъ ребра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи ребра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ ребра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи ребра сверху, а мясо подъ ними.

Олененокъ.

Три дня бродилъ Емеля по лѣсу съ Лыскомъ, и все напрасно: оленя съ теленкомъ не попадалось. Старикъ чувствовалъ, что выбивается изъ силъ, но вернуться съ пустыми руками не рѣшался: онъ боялся огорчить своего больного внука Гришутку,—вѣдь онъ обѣщался раздобыть для него желтенькаго олененка. Лыско тоже приунылъ и совсѣмъ отоцалъ.

Приходилось заночевать въ лѣсу у огонька третью ночь.

Только на четвертый день, когда и охотникъ и собака совсѣмъ выбились изъ силъ, они совершенно случайно напали на слѣдъ оленя съ теленкомъ. Это было въ густой еловой заросли на скатѣ горы. Прежде всего Лыско отыскалъ мѣсто, гдѣ кочевалъ олень, а потомъ разнюхалъ и запушенный слѣдъ въ травѣ.

«Матка съ теленкомъ, — думалъ Емеля, разглядывая на травѣ слѣды большихъ и маленькихъ копытъ, — сегодня утромъ былъ здѣсь... Лыско, ищи, голубчикъ!»

День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ. Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и шорохъ... Лыско упалъ въ траву и не шевелился. Въ ушахъ Емели стоятъ слова больного внука: «Дѣдко, добудь теленка... и непременно чтобы былъ желтенькій». Вотъ и matka... Это былъ великолѣпный олень — самка. Онъ стоялъ на опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю. Кучка жужжавшихъ насѣкомыхъ крутилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

«Нѣтъ, ты меня не обманешь», думалъ Емеля, выползая изъ своей засады. Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдилъ за его движеніями.

«Это matka меня отъ теленка отводитъ», подумалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно пробѣжалъ

нѣсколько сажень далѣе и опять остановился. Емеля снова подползъ съ своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся, какъ только Емеля хотѣлъ стрѣлять.

«Не уйдешь отъ теленка», шепталь Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человѣка съ животнымъ продолжалась до самаго вечера. Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятавшагося олененка; старый Емеля и сердился и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь все равно, она не уйдетъ отъ него! Сколько разъ ему приходилось убивать такимъ образомъ жертвовавшую собою мать. Лыско, какъ тѣнь, ползъ за хозяиномъ и, когда тотъ совсѣмъ потерялъ оленя изъ виду, осторожно ткнулъ его своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ: въ десяти саженьяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости, стоялъ тотъ самый

желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше.

Охотникъ съ замедленнымъ сердцемъ взвелъ курокъ винтовки и прицѣлился въ голову маленькому животному...

Еще одно мгновеніе — и маленький олененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ, но именно въ это мгновеніе старый охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ защищала теленка его мать, припомнилъ, какъ мать его любимца внучка Гришутки спасла сына отъ волковъ своимъ тѣломъ, отдавъ за него свою жизнь... Ребенокъ спасся какимъ-то чудомъ. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своимъ тѣломъ, и Гришутка остался живъ.

Вспомнилъ все это старый Емеля и точно что оборвалось у него; онъ опустилъ ружье. Олененокъ попрежнему ходилъ около куста, ошипывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнулъ — маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротою молніи.

— Ишь, какой бѣгунъ!.. — говорилъ старикъ, задумчиво улыбаясь. — Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Вѣдь убѣжалъ, Лыско, нашъ олененокъ-то. Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрасти... Ахъ ты, какой шустрый!..

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна. На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ.

— А... дѣдо, принеси теленка? — встрѣтилъ его Гриша, ждавшій все время старика съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ, Гришуха... видѣлъ его...

— Желтенькій?

— Желтенькій самъ, а мордочка черная. Стоитъ подъ кустикомъ и листочки ошиповываетъ... Я прицѣлился...

— И промахнулся?

— Нѣтъ, Гришуха: пожалѣлъ малаго звѣря... матку пожалѣлъ... какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ стреканетъ въ чащу — только его и видѣлъ. Убѣжалъ, пострѣлъ этакій!..

Старикъ долго рассказывалъ мальчику, какъ онъ искалъ теленка по лѣсу три дня, и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся, вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

И когда они легли спать, больной мальчикъ, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришуха...

— Желтенькій?

— Весь желтенькій, только мордочка черная да копытца.

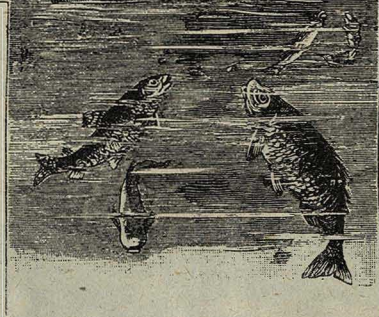
Мальчикъ такъ и уснулъ, и всю ночь видѣлъ маленькаго желтаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу съ своею матерью; а старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

Въ зимній день. (Олени).

Дѣти кормятъ рыбокъ.

VI. У рѣки, у пруда и на болотѣ.

Мальчикъ на рѣкѣ.

Не шелохнеть вѣточка,
Не дрожить листокъ...
Молча свѣсилъ голову
Съ берега цвѣтокъ;
Свѣсилъ и задумался...
А изъ-за камней
Выплыло на солнышко
Стадо окуней.

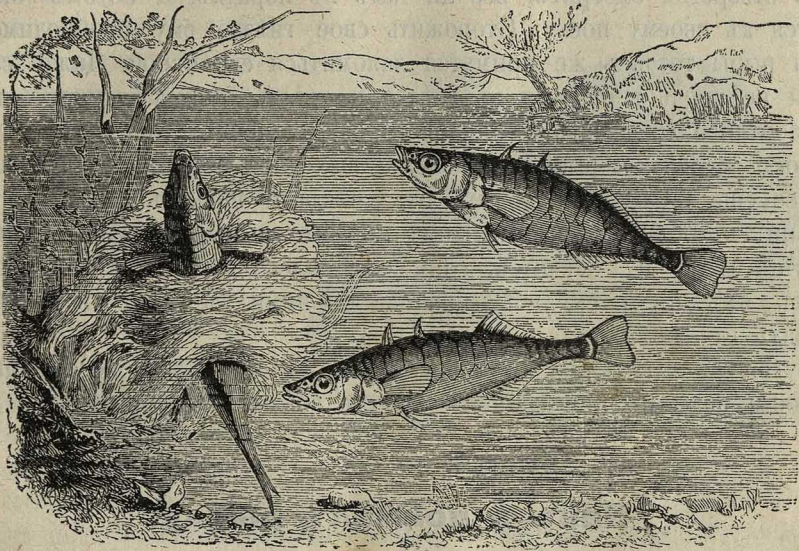
Съ русою головкою —
Радостень и милъ —
Мальчикъ рыбокъ Божіихъ
Крошками кормилъ,
И глядѣлъ задумчиво,
Зорко вдоль рѣки:
Тамъ, рѣзвясь, купались
Въ рѣчкѣ кулики...

А вдали сосновый боръ
На горѣ шумѣлъ,
И подъ небомъ радостно
Жаворонокъ пѣлъ.

Рыбы гнѣзда.

Колюшка — очень хорошенькая маленькая рыбка, которая водится въ нашихъ рѣкахъ и прудахъ. Ее легко отличить отъ другихъ рыбокъ, потому что у нея плоскіе, сплюснутые бока, и хвостъ не раздвоенный, а какъ бы усѣченный сзади. Спина и брюхо ея усажены острыми колючками, или иглами, которыя въ обыкновенное время плотно прижимаются къ тѣлу; но какъ только колюшка почувуетъ опасность, она тотчасъ же поднимаетъ свои иглы и принимаетъ грозный видъ, отъ того-то она и называется колюшкой.

У другихъ животныхъ забота о дѣтяхъ лежитъ обыкновенно главнымъ образомъ на матери. У колюшекъ же мать не обращаетъ никакого вниманія на дѣтей, и они находятся на попеченіи отца. Колюшка-отецъ даже устраиваетъ для своихъ дѣтей подводныя гнѣзда. Онъ долгое время шныряетъ во

Колюшки и ихъ гнѣздо.

всѣ стороны и выскидываетъ подходящее мѣстечко для гнѣзда. Наконецъ, мѣстечко найдено. Тогда онъ начинаетъ сносить туда остатки растений, обрывки листьевъ, нити водорослей; все это онъ аккуратно складываетъ вмѣстѣ, и изъ этого образуется мягкая подстилка. Затѣмъ онъ переплетаетъ всѣ эти нити и скрѣпляетъ ихъ слизистою жидкостью, которую выделяетъ. Но сплетенный такимъ образомъ коврикъ слишкомъ легокъ; онъ безъ труда можетъ отдѣлиться отъ земли и всплыть наверхъ. Колюшка-отецъ это понимаетъ и поэтому отыскиваетъ маленькіе камешки и кладетъ ихъ на коврикъ, чтобы прикрѣпить его ко дну рѣки. Онъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ мы, когда кладемъ что-нибудь тяжелое на листки бумаги, чтобы они не разлетѣлись. Но это еще не все: колюшка находитъ, что одного коврика недостаточно, и накладываетъ на него второй такой же, потомъ третій, и такъ далѣе, пока наконецъ не получится прочное донышко для гнѣзда. Затѣмъ онъ принимается выводить

стѣны вокругъ этого донышка, оставляя въ серединѣ пустое мѣсто для входа. Наружную сторону стѣнокъ онъ сплетаетъ довольно небрежно, но зато внутреннюю отдѣливаетъ необыкновенно тщательно; онъ сплетаетъ ее изъ самыхъ мягкихъ водорослей и изъ самаго тонкаго ила. Подымаясь, стѣны все болѣе и болѣе сближаются другъ съ другомъ. Когда гнѣздо готово, оно имѣетъ видъ мячика, съ кулакъ величиною. Мячикъ этотъ внутри пустой и имѣетъ съ одной стороны довольно большое круглое отверстіе для входа, а прямо, противъ него, другое маленькое отверстіе неправильной формы.

Во время этой работы колюшка замѣчательно хорошеетъ: блѣдная окраска ея измѣняется, спина окрашивается въ изумрудно-зеленый цвѣтъ, а животъ и щеки дѣлаются красными.

Въ построенномъ такимъ образомъ гнѣздѣ колюшка-мать мечетъ икру и затѣмъ уходитъ изъ него, и больше не показывается. Отецъ остается у входа въ гнѣздо и все время сторожить икру. Иногда онъ просовываетъ свою голову въ отверстіе, смотритъ, все ли тамъ въ порядкѣ, и потомъ опять возвращается къ своему посту. Сторожить свое гнѣздо ему необходимо, иначе сосѣднія рыбы тотчасъ же примутся лакомиться его икрой. Даже сама мать была бы не прочь вернуться въ гнѣздо и съѣсть своихъ будущихъ дѣтей. Но отецъ заботливо стережетъ и охраняетъ свое семейство отъ всякихъ опасностей. Когда маленькія рыбки, наконецъ, выходятъ изъ икры, онъ нѣкоторое время все еще не выпускаетъ ихъ изъ гнѣзда и держитъ ихъ тамъ, пока они не окрѣпнутъ достаточно. Даже когда молодыя рыбешки начнутъ уже выплывать изъ гнѣзда и, случится, слишкомъ далеко отплывутъ отъ него, отецъ забираетъ ихъ въ ротъ, возвращается съ ними къ гнѣзду и выплевываетъ ихъ назадъ въ гнѣздо.

Другіе сорта колюшекъ устраиваютъ такія же гнѣзда не на днѣ, а на поверхности воды и прикрѣпляютъ ихъ къ водянымъ растеніямъ.

Какъ я поймалъ рыбку.

У насъ въ деревнѣ нѣтъ ни рѣчки ни пруда. Разъ отецъ повезъ въ село къ мельнику зерно, намолотъ муки, и взялъ меня съ собою. Когда мы приѣхали на мельницу, я пошелъ играть съ дѣтьми мельника.

Мельниковъ сынъ Андрей сказалъ мнѣ:

— Хочешь, пойдемъ удить рыбу? Мнѣ тятя вырѣзалъ славную большую удочку. Я и тебѣ удочку достану.

Я никогда не видалъ, какъ ловятъ рыбу, и мнѣ очень хотѣлось попробовать. Мы пошли къ пруду и сѣли на бережку.

Андрей далъ мнѣ въ руки удочку, насадилъ на крючокъ червяка, забросилъ крючокъ въ воду и сказалъ:

— Смотри, какъ рыба станетъ клевать, тащи скорѣй.

Мы просидѣли не долго. Вдругъ Андрей закричалъ:

— Тащи, тащи скорѣй, клеуетъ!

Я выдернулъ удочку: на ней билась небольшая рыбка... Я взялъ ее въ руки. Крючокъ попалъ рыбкѣ въ ротъ и вышелъ изъ глаза. Изъ глаза текла

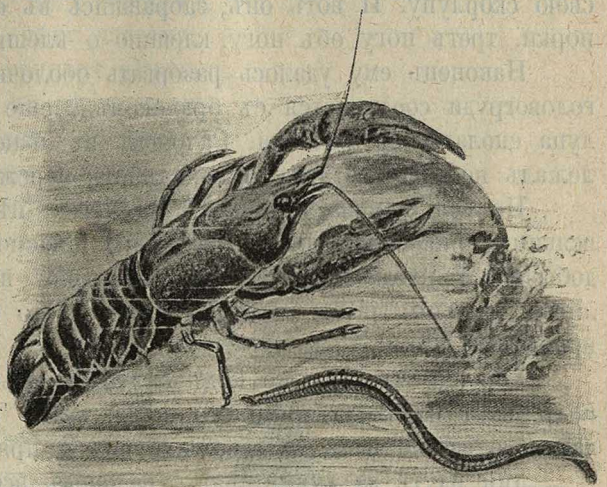
кровь. Мнѣ стало жалко рыбку, я снялъ рыбку съ крючка и пустил въ воду. Андрей сталъ меня бранить, зачѣмъ я пустил рыбку. Но я былъ радъ, что бросилъ рыбку опять въ прудъ.

Рачонокъ.

Весна. Вскрылась рѣчка Кемка. Изъ подводной норки между кореньевъ ольхи выползъ черный уса́тый рачонокъ, выползъ и поглядѣлъ на міръ Божій своими вытаращенными, точно удивленными глазами. А вѣдь хорошо, очень хорошо и привольно кругомъ! Рачонокъ чувствуетъ себя бодрымъ и сильнымъ,—не то что годъ тому назадъ. Прошлой весной онъ вылупился изъ икринки и сначала жилъ неотлучно при матери: онъ былъ такимъ крохотнымъ, слабенькимъ, всего-то онъ трусилъ и радъ-радешенекъ былъ забиться на зиму въ уютную теплую норку. Но за зиму онъ много выросъ и окрѣпъ: теперь скорлупа на немъ тверже камня, клешни и челюсти цѣпки и сильны, чутье остро, хитрости и смѣлости у него не занимать стать.

Весело сталъ поживать нашъ рачонокъ въ прозрачной водѣ родной Кемки. Днемъ, пока свѣтило солнце, рачонокъ тихо, смирно сидѣлъ или у себя въ норкѣ, или гдѣ-нибудь подъ корягой, пошевеливалъ усиками да глазами таращилъ: глядѣлъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

Ночью же, когда въ водѣ становилось темно и холодно, нашъ рачонокъ оживлялся и отправлялся на добычу. Раки—ночные животныя: ночью они лучше видятъ и лучше чувятъ; скоро нашъ рачонокъ познакомился на охотѣ съ другими раками, узналъ отъ нихъ, какъ и гдѣ лучше скрываться на день, узналъ, гдѣ водится больше добычи, узналъ, что отъ родимой норки далеко забираться опасно и что въ случаѣ опасности надо зарываться головою въ песокъ, а хвостомъ мутить воду, а не то, такъ живѣе шмыгнуть подъ камень или подъ корягу и притаиться тамъ, ждать, пока минуетъ бѣда... Но какъ ни уменъ и ни находчивъ былъ нашъ рачонокъ, ему все же частенько приходилось голодать, питаться кое-какими мушками, а это при его прожорливости—самая жалкая їда. Зато для всего рачьяго народа рѣчки Кемки наступалъ настоящій праздникъ, когда въ рѣку попадало мертвое животное: крыса, кошка, собака. Вѣдь падаль—самая любимая пища раковъ: они жадно облѣпляли ее со всѣхъ сторонъ и жадно въ нее впились...

Р а к ъ.

Дни шли за днями, ясные майскіе дни. Пришелъ іюнь. На лугахъ цвѣли колокольчики, ромашка; на припекѣ краснѣла земляника; на поляхъ заколосилась рожь. Въ Кемкѣ вода теплѣе стала, словно молоко парное... Для жителей рѣчки настало привольное житье: добычи было множество. Мошкара столбами вилась надъ рѣкой и легко становилась добычей уклеекъ; то и дѣло падали въ воду и тонули неосторожные жуки; червячковъ, личинокъ всякихъ развелась цѣлая тьма. Все шло хорошо да ладно, какъ вдругъ нашъ рачонокъ загрустилъ, захворалъ; захворалъ онъ не одинъ: многіе изъ его товарищей тоже заболѣли и бродили по дну рѣки печальные, страдающіе. Что же такое случилось съ ними? Они линяли.

Нездоровье раковъ съ каждымъ днемъ все усиливалось. Нашъ рачонокъ пересталъ ѣсть, пересталъ выходить изъ норки; его одолѣвало одно желаніе, которое не давало ему покоя: ему хотѣлось поскорѣе сбросить съ себя старую свою скорлупу. И вотъ онъ, забравшись въ самую глубь своей темной, узкой норки, третъ ногу объ ногу, клешню о клешню, работаетъ изо всѣхъ силъ...

Наконецъ ему удалось разорвать оболочку въ томъ мѣстѣ, гдѣ щитокъ головогруды соединяется съ брюшкомъ... еще одно усиліе, и вся старая скорлупа сползла съ рачонка. Рачонокъ въ изнеможеніи упалъ и долго-долго лежалъ неподвижно: онъ отдыхалъ отъ пережитыхъ страданій.

Но вся шкурка рачонка была мягка, нѣжна и такъ чувствительна ко всякимъ прикосновеніямъ, что рачонку опасно было выходить изъ дома за добычей. У входа въ норку его караулили щука, налимъ, судакъ,—прожорливыя, сильныя рыбы, которыя знаютъ, что онъ теперь безпомощенъ, и рады проглотить его.

Хорошо, что ему не подѣ силу выбраться изъ дома! И слышитъ рачонокъ, какъ плаваютъ мимо его норки взадъ и впередъ жадныя рыбы, чавкаютъ зубастою пастью,—дрожитъ онъ и прячется поглубже въ свою норку.

Дни идутъ за днями; нашъ рачонокъ все голодаетъ и труситъ, труситъ и ждетъ не дождется, когда окрѣпнуть его скорлупа, клешни и хвостъ. Вотъ онъ и дождался наконецъ, совсѣмъ выздоровѣлъ!

Снова почувствовалъ себя нашъ рачонокъ бодрымъ и сильнымъ; его зрѣніе и слухъ сдѣлались очень остры; нашъ рачонокъ рѣшается теперь отправиться за добычей.

Выползли изъ своихъ норокъ и сосѣди нашего рачонка, тѣ, которые линяли въ одно время съ нимъ. Правя хвостомъ, загребая воду клешнями, будто веслами, плывутъ наши путешественники все впередъ да впередъ, все дальше и дальше. Мѣстность незнакомая. Тихо и темно. Въ эту теплую, ясную ночь Кемка неподвижно спитъ въ цвѣтушихъ берегахъ, отражая въ себѣ блѣдныя звѣздочки небесныя.

Долго ли, коротко ли плыли раки... какъ вдругъ темныя воды рѣки озарились ослѣпительнымъ свѣтомъ. Пораженные, ослѣпленные раки на минуту пріостановились и потомъ стремительно потянулись къ огню... А огонь этотъ была смоляная лучина, зажженная рыбакомъ.

— Эвона, сколько ихъ! Послышался голосъ надъ водою.

Шумъ, плескъ... взволновалась спокойная Кемка.

Испуганный говоромъ и плескомъ воды, нашъ рачонокъ сначала было

попусту заметался, но, по счастью, скоро вспомнилъ, что нужно дѣлать въ случаѣ опасности: живехонько зарылся онъ въ песокъ головой, замутилъ хвостомъ песокъ да такъ и замеръ...

Свѣтъ скрылся. Стало опять тихо и темно. Рачонокъ выползъ изъ песку. Гдѣ же всѣ его товарищи? Онъ поплавать взадъ и впередъ, заглянулъ подъ коренья, подъ камни, — нигдѣ ни одного! Въ темнотѣ плаваютъ окуни, ерши и другія рыбы, а раковъ не видно... Понялъ тогда рачонокъ, что переловили ихъ люди и унесли съ собою; въ ужасѣ забрался рачонокъ подъ первый попавшійся камень и, огорченный и запуганный, просидѣлъ тамъ до другой ночи...

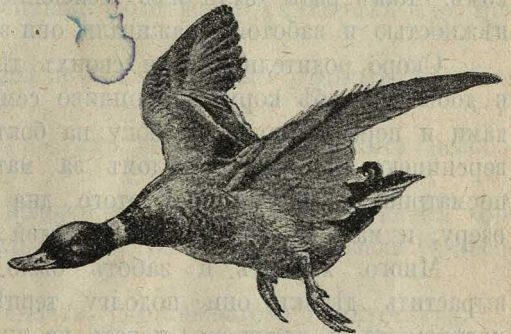
Утка съ утятами.

По полю, полю чистому,
По лѣсу, лѣсу частому,
Течетъ, струится рѣченька.
Плыветъ по рѣчкѣ уточка,
Вся пестрая, красивая,
Съ утятами плыветъ.
Въ лѣсу стрѣлокъ высматривать:
Стрѣлокъ и видѣтъ уточку,
Да дѣтокъ пожатьтъ.

У т к и.

1. Восточный край неба блѣднѣлъ; наконецъ показалось солнце. Все пробудилось и ожило: цвѣты, привѣтливо улыбаясь, подняли головки, закружились въ кустахъ бабочки и мошки, защебетали птицы. Пробудились и сѣрыя утки на озерѣ, отряхнули онѣ съ крыльевъ капельки росы, поплескались въ водѣ и, весело крикая, выплыли изъ камышей.

Какъ онѣ красивы, какъ сверкаютъ на солнцѣ ихъ перышки! Впереди плыветъ селезень; голова и половина шеи у него точно изъ зеленого бархата съ золотистымъ отливомъ; вокругъ шеи идетъ бѣлая полоска. Онъ плыветъ спокойно, словно скользить по водѣ, легко и свободно разрѣзая воду своею темнокрасною грудью, и струи воды расходятся отъ него длинными полосами по ту и другую сторону, и далеко тянутся вслѣдъ за нимъ по озеру. Его круглая головка съ широкимъ плоскимъ клювомъ нѣсколько наклонена на бокъ, а свѣтло-бурые глаза смотрять важно и смѣло. Слѣдомъ за нимъ плыла утица; она была не такъ нарядна и не было въ ней той важности и осанки, какою отличался селезень, но зато глаза ея глядѣли ласковѣе.

Переплыли они озеро и, подплывши къ берегу, окунули головы въ воду и стали отыскивать себѣ въ прибрежномъ илѣ кормъ; онѣ жадно ловили и глотали головастики, червяковъ, улитокъ и мелкихъ рыбокъ, щипали молодую травку, глотали водяной мохъ, разныя водныя растенія, даже набивали себѣ зобъ тиною и жидкой грязью. Ихъ клювы были отлично приспособлены къ тому, чтобы ловить добычу: они были покрыты такой чувствительной кожей, что, до чего онѣ имъ ни дотронутся, сейчасъ же узнаютъ, что имъ нужно изо рта выпустить, что удержать; добыча никогда не выскользнетъ изъ утиного клюва, потому что края его усажены зубчиками; схватить утка червяка и крѣпко держать его во рту, вода вытекаетъ между зубчиками, а добыча остается. Утоливъ голодь, утки рѣзвились и играли; купались въ озерѣ, купыркались, ныряли и плескались водой, или выходили на берега и, поджавъ подъ себя короткія, блѣдно-красныя ноги, сидѣли въ травѣ и грѣлись на солнцѣ, то дремали, то охорашивались, поправляя клювомъ смятыя перья.

2. Нѣсколько дней прожили утки на озерѣ, и вотъ задумала утица свить гнѣздо и вывести дѣтокъ. Близъ берега, подъ развѣсистымъ кустомъ ивняка она выбрала для гнѣзда кочку, густо обросшую камышомъ и осокою, наносила на нее сухой травы, а внутри гнѣздо устлала своими перышками и пухомъ. Все это она дѣлала украдкой отъ селезня; говорятъ, что если селезень узнаетъ о гнѣздѣ ранѣе вывода дѣтей, то онъ разоряетъ его.

Нанесла утица сѣро-зеленоватыя яйца и стала высиживать дѣтей. Болѣе трехъ недѣль она терпѣливо сидѣла на гнѣздѣ, почти не слетая съ него; только разъ въ сутки, и то на самое короткое время, отправлялась она куда-нибудь поблизости за кормомъ. И за это время она очень похудѣла...

Наконецъ, изъ яицъ вылупились птенчики, покрытые желтоватымъ пушкомъ. Какъ рады были ихъ появленію и мать и отецъ! Съ какой любовью, пѣжностью и заботой ухаживали они за ними!

Скоро родители повели своихъ дѣтокъ къ водѣ, чтобы учить ихъ нырять и добывать себѣ кормъ; торопливо семеня своими слабыми маленькими ножками и переваливаясь съ боку на бокъ, утята потянулись одинъ за другимъ вереницею къ озеру слѣдомъ за матерью. Селезень шелъ позади и зорко посматривалъ кругомъ. Съ этого дня все семейство каждый день ходило къ озеру, и мать съ отцомъ учили дѣтей добывать кормъ.

Много хлопотъ и заботъ было у старыхъ утокъ, чтобы воспитать и вырастить дѣтокъ; они подолгу терпѣливо учили ихъ отыскивать и ловить наѣдомыхъ и лягушекъ, искать на днѣ озера, въ тинѣ червяковъ и улитокъ. А съ какимъ самоотверженіемъ защищали они во время опасности своихъ птеничковъ! Если родители видѣли вдали хищнаго звѣря или человѣка, они тотчасъ же особеннымъ голосомъ предупреждали дѣтей объ опасности. Птенчики скоро научились понимать каждое ихъ предостереженіе и послушно скрывались подъ растенія или въ ямку, гдѣ и оставались, не шевелясь, до тѣхъ поръ, пока за ними не прилетала ихъ мать. Тогда они въ одну минуту собирались вокругъ нея.

Утатамъ было безопасно разгуливать въ густыхъ камышахъ; высокіе жесткіе стебли спасали и скрывали ихъ отъ преслѣдованія многихъ враговъ. Но бѣда, если какой-нибудь глупенькій утеночекъ, незамѣтно отбившійся

отъ матери и стада, вздумалъ бы переплыть не заросшую ничѣмъ заводь,— гибель ждала его тамъ и сверху и снизу: въ водѣ, снизу—зубастая пасть щуки, а сверху—острые когти хищной птицы...

3. Шелъ июнь мѣсяцъ. Утята начали уже оперяться. Они теперь хорошо плавали, ныряли и сами находили себѣ пищу, но летать еще не могли.

Было ясное утро. Тихій вѣтерокъ рябилъ поверхность озера. Утки успѣли уже хорошо позавтракать.

Кругомъ озера тишина... Утка-мать, а за нею и дѣти вышли на берегъ и, пригрѣтыя теплымъ солнышкомъ, присѣли въ густой травѣ. Одинъ только селезень нырялъ еще у берега, въ камышѣ, отыскивая себѣ пищу.

Изъ села въ это время къ озеру шли два мальчика. Впереди ихъ бѣжала большая сѣрая собака Валетка.

Вдругъ Валетка остановилась, потянула въ себя воздухъ и зорко посмотрѣла на озеро. На берегу она увидала утокъ. Долго и жадно глядѣла Валетка на утокъ; потомъ, вытянувшись во всю длину своего тѣла, она стала осторожно пробираться между кустовъ.

Утки не видѣли опасности; онѣ спокойно сидѣли на берегу: однѣ опирались свои нѣжныя перышки, а другія, присѣвъ въ травѣ, щурились, глядя на яркое солнышко... А Валетка, скрытый тѣнистыми кустами и высокой травой, незамѣтно приближался къ нимъ... Вдругъ онъ сдѣлалъ два огромные прыжка и сильными лапами схватилъ и прижалъ къ землѣ двухъ птенчиковъ; остальные—кто куда могъ—разсыпались въ разныя стороны... Утка-мать съ испугу взлетѣла къ верху,—однако тотчасъ же опустилась въ озеро и стала звать своихъ дѣтей. Но на зовъ ея послышался жалобный пискъ двухъ утятъ подъ лапами Валетки...

Слѣдя за собакою, мальчики поспѣшно подбѣжали къ Валеткѣ и съ трудомъ отняли у нея ея добычу.

— Ахъ вы, милые, милые!—ласкали и гладили дѣти отнятыхъ у собаки утятъ.

Несчастные плѣнники дрожали въ ихъ рукахъ и старались освободиться...

Налюбовавшись утятами, дѣти положили бѣдныхъ птенчиковъ въ корзинку и, чтобы они не могли выскочить, сверху покрыли и завязали ее носовымъ платкомъ.

Валетка отыскала еще одного утеночка, спрятавшагося въ кустахъ...

Довольные своею добычей, мальчики свистнули Валетку и отправились домой.

Утята лежали въ корзинкѣ, не шевелясь, и при каждомъ толчкѣ боязливо прижимались другъ къ другу.

А на озерѣ, откуда дѣти унесли малыхъ утятъ, долго и жалобно мать-утка звала своихъ птенчиковъ, испуганныхъ внезапнымъ появленіемъ собаки. Но не всѣ они явились на ея зовъ...

4. Долго горевала и тосковала бѣдная мать по утеряннымъ птенчикамъ, долго тужилъ отецъ. Съ этого времени утки стали еще осторожнѣе и рѣдко выходили на берегъ, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ оставили это озеро и переселились въ другое мѣсто, болѣе уединенное и безопасное.

Прошло красное лѣто, приближалась осень. Небо покрылось темными тучами. Иногда цѣлые дни, съ утра до вечера, шли дожди—стояло ненастье. Но утокъ не страшили дожди: онѣ смазывали свои перья жиромъ, который вырабатывается у нихъ подъ кожей въ двухъ железахъ близъ хвоста,—и вода скатывалась съ нихъ, не намачивая перьевъ. Холодные вѣтры также были для нихъ нечувствительны: мягкій и теплый пухъ подъ перьями грѣлъ ихъ, какъ пушистый мѣхъ грѣетъ звѣрей въ холодную зиму... Однако скоро настали и для нихъ тяжелые дни и заставили ихъ призадуматься.

Осень становилась суровѣе и суровѣе. Холода по утрамъ сковывали прозрачнымъ льдомъ ручьи и рѣчки. Всѣ насѣкомыя и водныя животныя попрятались въ норы и ямки, зарылись глубоко въ землю, въ иль и тамъ окоченѣли, рыбы уходили въ глубь рѣки. Трава пожелтѣла и завяла. Съ трудомъ теперь удавалось уткамъ отыскивать себѣ пищу...

Повсюду въ воздухѣ раздавались печальные голоса крикливыхъ журавлей и гусей; длинными вереницами тянулись они одинъ за другимъ по небу къ югу.

Собрались и наши утки оставить сѣверные холодные края, подговорили себѣ товарокъ съ сосѣднихъ рѣкъ и озеръ и съ наступленіемъ вечера большой стаей поднялись къ небу. Шумно свистя крѣпкими крыльями, летѣли онѣ треугольникомъ; впереди всѣхъ путеводительницею стаи летѣла старая бывалая утка, съ силою разрѣзывая крыльями воздухъ; когда же она утомлялась, то отлетала назадъ, гдѣ летѣть легче, а ея мѣсто занимала другая утка, также уже бывалая въ далекихъ путешествіяхъ.

Утки летятъ очень быстро; онѣ могутъ пролетѣть въ часъ болѣе 60 верстъ...

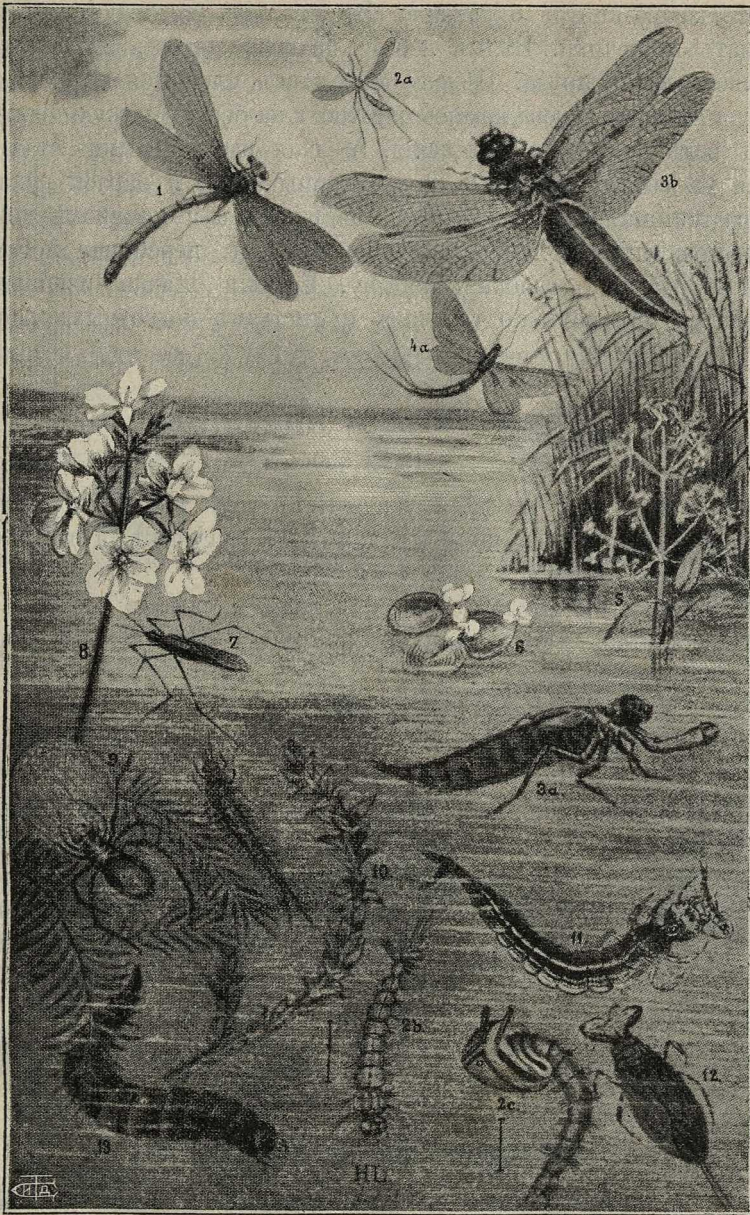
Утомленные и усталыя, наши путешественницы къ полуночи опустились въ прибрежные камыши, чтобы отдохнуть и немного подкрѣпить себя пищею, а рано утромъ снова пустились въ путь.

Зиму утки проводятъ у береговъ Средиземнаго моря; нѣкоторыя изъ нихъ перелетаютъ даже Средиземное море и зимуютъ у сѣверныхъ береговъ Африки, а съ наступленіемъ весны снова прилетаютъ къ намъ.

На мельницѣ.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рождъ дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ:
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.
О мельникъ и рѣчи нѣтъ:
Въ пыли, въ мукѣ, и лысь и сѣдъ.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила, слѣпила гнѣздышко,
Дѣтми обзавелась.
Поетъ, пока не выгнали,
Чужой-то кровъ—не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.
Въ ночь темную подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

Жизнь въ пруду.

Жизнь въ пруду и около пруда.

Хорошо на пруду въ ясное лѣтнее утро. Легкій вѣтерокъ тихо шелеститъ листьями деревьевъ и рябитъ поверхность воды. Солнечные лучи сверкаютъ яркими искорками въ водѣ. Все радуется хорошему утру; повсюду жизнь и движеніе. Надъ водою порхаютъ пестрыя бабочки, летаютъ красивыя стрекозы, золотистыя мухи. Изрѣдка пронесется ласточка и полакомится ко-

маромъ или какою-нибудь букашкою. Въ кустахъ заливаются птички, а на лугу трещать кузнечики. Бѣлый лебедь, красиво согнувъ свою длинную шею, гордо плыветъ вдоль пруда. Цѣлое стадо утокъ плещется въ водѣ, отыскивая добычу. Гуси, тяжело переваливаясь, щиплютъ на берегу мягкую, влажную траву.

И въ водѣ не меньше движенія. Мелкая рыба цѣлыми стаями играетъ и рѣзвится на солнцѣ, крупные окуни, карпы, лещи и караси гуляютъ между водными растеніями. Тысячи водныхъ насѣкомыхъ и личинокъ двигаются по разнымъ направленіямъ. Хищный жукъ-плавунецъ, перебирая ногами, несется въ водѣ и съ жадностью ловитъ добычу. Конскія півки извиваются змѣйками, а улитки ползаютъ по стеблямъ и листьямъ подводныхъ растеній.

Мальчики и лягушки.

(Б а с н я).

Мальчики играли у пруда и увидали въ водѣ много лягушекъ. Они набрали камней и принялись швырять камни въ лягушекъ. Дѣтямъ было очень весело.

Одна лягушка высунула голову изъ воды и сказала:

— Перестаньте, дѣти, камнями швырять: вамъ это забава, а намъ смерть.

Каждый изъ васъ видалъ лягушку. По виду она некрасива и потому ее многіе не любятъ. Часто ребята, когда увидятъ ее на берегу или на срединѣ болота, бросаютъ въ нее камнями или комьями сухой земли. Но какое зло сдѣлала эта лягушка ребятамъ? Никакого. А если бы они знали, что лягушка приноситъ большую пользу человѣку, то, можетъ-быть, они и не стали бы ее бить. Лягушка питается насѣкомыми, которыя поѣдаютъ много полезныхъ растеній. Значитъ, лягушка не только не вредна, но даже полезна человѣку. Ну, сталъ ли бы ты обижать того человѣка, который дѣлаетъ тебѣ добро, избавляетъ тебя отъ бѣды? Конечно, нѣтъ. Точно такъ же мы должны не уничтожать, а, напротивъ того, сохранять жизнь всѣхъ животныхъ, которыя приносятъ намъ пользу.

Превращенія лягушки.

Весною въ лужахъ и болотахъ мы навѣрное найдемъ съ вами много лягушечьей икры. Какъ красива она, если, положивъ ее въ стаканъ съ водой, посмотрѣть на нее противъ свѣта!.. Каждая круглая икринка, величиною въ большое конопляное сѣмечко, состоитъ изъ двухъ половинокъ: изъ нижней—бѣловатой и черной—верхней, и каждая икринка лежитъ внутри, въ самой серединѣ студенистаго, почти совершенно прозрачнаго, какъ стекло, шарика, величиною съ крупную горошину. Стекланные шарики съ чернѣющими внутри бисеринками-икринками кучками и лентами плаваютъ въ водѣ болотца всюду, куда только можетъ проникнуть вашъ взоръ.

Вы, навѣрное, видѣли не разъ черныхъ головастиковъ съ серебристою грудью, которыхъ такъ много лѣтомъ въ каждой канавкѣ и въ старыхъ лу-

жахъ. Всѣ они были когда-то черными икринками, всѣ они лежали сначала въ студенистыхъ шарикахъ.

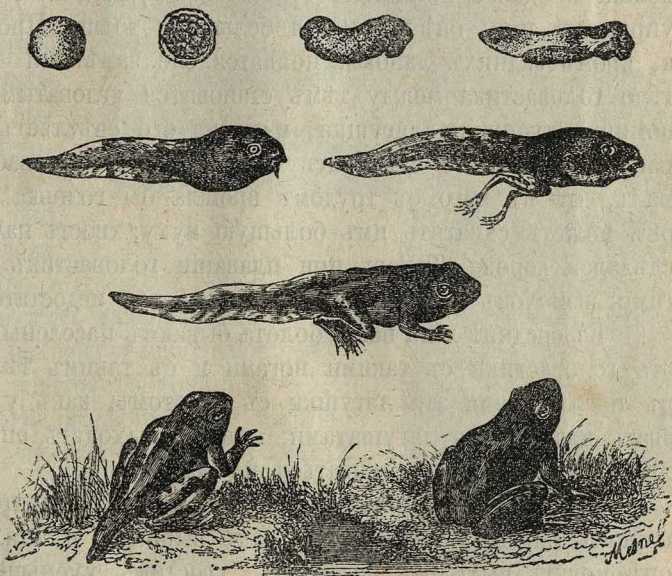
Но вотъ маленькое созданье почувствовало, что оно можетъ двигаться, почувствовало голодь и пробуетъ выйти изъ своей прозрачной тюрьмы. Да и тюрьма теперь ужъ не та, что была раньше: студень, разбухая отъ воды, дѣлается жиже и жиже и еле уже держится. Попробовалъ головастикъ вильнуть хвостикомъ, началъ биться въ своей прозрачной камеркѣ, проѣлъ себѣ въ стѣнкахъ щелку и вырвался на свободу! Солнце теперь уже грѣетъ сильнее, деревья распустились, и земля покрылась свѣжей зеленью. Жизнь въ болотахъ совершенно проснулась; вѣдь прошелъ уже мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ лягушки метали икру. Наши крошки-головастики, величиной съ овсяное зерно, найдутъ теперь въ водѣ много пищи, много мелкихъ плавающихъ растеньицъ, которыя можно рассмотреть лишь въ увеличительное стекло.

Какъ забавно трепещутъ головастики своими хвостиками, когда плаваютъ! На маленькихъ отмеляхъ, возлѣ береговъ они сотнями собираются отдыхать и нѣжиться на солнцѣ. Ихъ тутъ такъ много, что быстрымъ взмахомъ руки мы можемъ захватить цѣлую горсть. Неужели эти черненькія

созданища, бьющіяся теперь у насъ на ладони, могутъ превратиться въ лягушекъ?.. У нихъ есть большой плоскій хвостикъ, нѣтъ ногъ, но всего удивительнѣе—это два пучка жабръ у передняго конца ихъ тѣльца, два пучка тонкихъ, гребенчатыхъ листочковъ, которыхъ совершенно нѣтъ не только у лягушки, но и у взрослого головастика.

Когда головастики подрастутъ, эти жабры мало-по-малу у нихъ исчезаютъ, головастики уже не могутъ проводить все время подъ водой, какъ рыбы, а должны время отъ времени выплывать на поверхность, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, совсѣмъ какъ лягушки.

Дни бѣгутъ за днями, дно болотца покрывается тиной, берега зарастаютъ осокой и другими травами, поверхность воды затягивается разными плавающими водяными растеніями; подъ горячими лучами солнца вода въ болотцѣ все болѣе и болѣе убываетъ. Мелкія лужи уже совсѣмъ готовы повисохнуть. Плохо придется головастикамъ въ этихъ лужахъ: немногіе изъ нихъ, забившись въ тину, переживутъ тяжелые дни и дождутся дождливой осени. Да и

Превращенія лягушки.

въ большихъ болотахъ головастики не въ безопасности: не засуха, такъ другіе враги постоянно подстерегаютъ ихъ здѣсь. Голодные кулики бѣгаютъ по берегу, высматривая добычу, утки зорко слѣдятъ за головастиками, а въ самой глубинѣ, того и гляди, попадешь въ крѣпкія челюсти личинки жука-плавунца. Чѣмъ старше головастикъ, тѣмъ чаще ему приходится всплывать на поверхность, чтобы запастись воздухомъ, и тѣмъ чаще онъ подвергается опасности...

Наконецъ съ головастиками начинаютъ дѣлаться удивительныя вещи: по сторонамъ хвоста, возлѣ его начала, у нихъ вырастаютъ двѣ маленькія, тоненькія ножки. Для головастика онѣ пока совсѣмъ лишнія, онъ все еще плаваетъ хвостикомъ, и ножки болтаются сзади безъ всякой пользы; но ножки не долго остаются безъ движенія, мало-по-малу головастикъ начинаетъ управлять ими; онѣ дѣлаются больше и толще. Пройдетъ еще нѣсколько дней, и, кромѣ заднихъ лапокъ, появятся еле замѣтныя переднія ножки. Круглое тѣло головастика между тѣмъ становится угловатымъ, все болѣе и болѣе напоминая туловище лягушки, и цвѣтъ его свѣтлѣетъ. Всѣ четыре лапки быстро растутъ; глаза его сдѣлались больше; ротъ головастика раньше былъ такъ малъ, что въ него съ трудомъ прошла бы головка тонкой булавки, а теперь онъ можетъ схватить имъ большую муху; хвостъ началъ замѣтно уменьшаться, сдѣлался короче. Теперь при плаваніи головастикъ помогаетъ себѣ уже ногами: взмаховъ одного хвоста оказывается недостаточно.

Къ срединѣ лѣта наши болота бываютъ населены престранными животными: это головастики съ такими ногами и съ такимъ тѣломъ, какъ у лягушки, и въ то же время это лягушки съ хвостомъ, какъ у головастика. Вѣрнѣе называть ихъ теперь лягушатами; они не выходятъ еще на берегъ, потому что хвостъ мѣшаетъ имъ двигаться по землѣ.

Между тѣмъ время идетъ да идетъ, и природа дѣлаетъ свое дѣло; у нашихъ лягушекъ лапы уже такъ выросли и стали такими сильными, что онѣ могутъ выходить на берегъ, хвостикъ уменьшился наполовину, онъ уже не мѣшаетъ имъ прыгать, но все-таки хвостатыя лягушата не рѣшаются уходить далеко отъ берега и при первой опасности стремительно бросаются въ воду. Въ это время стоитъ только осторожно подойти къ болоту и вдругъ зашумѣть. Какая поднимается суета! Какъ градъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ кочекъ посыпятся въ воду наши трусишки, запрыгаютъ, заскачутъ, зарыбятъ водяную гладь...

Оставимъ ихъ еще на недѣлку и посмотримъ, что будетъ... Хвостъ ихъ совсѣмъ укоротится и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ; лягушата распрыгаются изъ болота и разбредутся по всему околотку, населяя вновь появившіяся отъ осеннихъ дождей лужи и канавы. Теперь въ нихъ уже и не узнать нашихъ головастиковъ: они сдѣлались заправскими лягушками.

Такъ постепенно и медленно дѣлаетъ природа свое удивительное дѣло.

У ж ъ.

Горный ручей образуетъ маленькій водопадъ. Съ пѣною и плескомъ стремится онъ между каменными глыбами и успокаивается въ свѣтломъ и прозрачномъ, какъ зеркало, прудѣ.

По косогору растутъ густые кусты папоротника. Верхніе листы свѣжи и зелены, красиво вырѣзаны зубцами, нижніе отъ старости сдѣлались коричневыми, посохли и склонились къ землѣ. Они прикрываютъ отверстіе небольшой норы. Въ ея темной глубинѣ виднѣется что-то свѣтлое; вотъ оно движется: показывается голова

змѣи. Она кругла, какъ яйцо, и нѣсколько приплюснута. По сторонамъ блестятъ маленькіе глаза. Впереди закрытаго рта находится небольшое отверстіе, черезъ которое проходитъ тонкій и длинный, мягкій и глубоко раздвоившійся языкъ. Онъ живо поворачивается направо и налево, какъ будто ощупывая воздухъ. Вдругъ онъ спрятался и снова показался. Надъ округленнымъ рыльцемъ замѣтны двѣ ноздри. Ушей вовсе не видно. Между тѣмъ они есть, но только скрыты подъ кожей. Тѣло все покрыто блестящею чешуею. Верхняя часть его синевато-сѣрая. Тотчасъ за головою находится съ каждой стороны по большому желтому пятну. По этимъ пятнамъ мы узнаемъ, что это обыкновенный ужъ.

Намъ вовсе не слѣдуетъ пугаться его. Обыкновенный ужъ совсѣмъ не ядовитъ, а потому мы можемъ спокойно разсматривать его. Если даже мы дотронемся до него, то онъ едва ли укуситъ насъ, много-много если онъ sprysнетъ вонючимъ сокомъ. И если онъ, разсердясь, схватитъ тебя за палець, то укушеніе будетъ не чувствительнѣе укола булавки и вреда отъ него не будетъ.

Между тѣмъ ужъ постепенно совсѣмъ выползъ изъ норы. Лѣсная мышь сдѣлала эту нору и жила въ ней, пока ужъ не напалъ на нее и не завладѣлъ ея жилищемъ. Всю зиму провелъ ужъ въ спячкѣ. Теперь онъ медленно ползетъ по бѣлому песку; ему славно на тепломъ солнечномъ свѣтѣ. Его чешуйчатая спина блеститъ, какъ полированная сталь, бока его желты и покрыты черными пятнами. Весь ужъ длиною около аршина съ четвертью, а толщиною около

У ж ъ.

полвершка. Между шеей, грудью и животомъ нельзя замѣтить никакой разницы, впрочемъ, можно различить, что тотчасъ по окончаніи головы тѣло становится нѣсколько тоньше, а посрединѣ тѣло потолще. Хвостъ къ концу постепенно суживается. Нигдѣ не видно и слѣда ногъ, а между тѣмъ ужъ быстро двигается впередъ. Какъ же онъ двигается безъ ногъ?

Во всю длину тѣла ужа проходитъ рядъ костей, то-есть позвоночный столбъ, какъ у всѣхъ животныхъ, у которыхъ есть кости. Черви не имѣютъ костей, вотъ чѣмъ отличается ужъ отъ червя, на котораго онъ такъ похожъ своимъ наружнымъ видомъ. Позвонки его хребта чрезвычайно подвижны, въ особенности они легко поворачиваются и вправо и влево; и каждый изъ нихъ имѣетъ два ребра. У птицъ и млекопитающихъ реберъ меньше. У змѣй же ихъ чрезвычайно много. У птицъ и у звѣрей ребра срослись спереди съ грудною костью; у змѣй же нѣтъ вовсе грудной кости. Этимъ она рѣзко отличается отъ своей сосѣдки, лягушки, у которой есть грудная кость, но нѣтъ вовсе реберъ. Всѣ ребра змѣй двигаются и своими концами прикрѣплены къ чешуѣ. Когда змѣя ползетъ, она опирается на концы реберъ.

Змѣя очень сильна, она стибаетъ тѣло въ бокъ, устремляетъ его быстро впередъ, когда хочетъ двигаться скорѣе; она ловко скользитъ по камнямъ, извивается по вѣткѣ дерева, а теперь, глядите, съ быстротою молніи она очутилась у воды. Ужъ охотно купается, плаваетъ, красиво извиваясь по поверхности воды, съѣдаетъ мимоходомъ водяного жука и потомъ свертывается отдохнуть на тепломъ пескѣ.

Лягушки, сидящія въ водѣ, должны беречься этого сосѣда, потому что ужъ питается главнымъ образомъ лягушками... Когда ужа мучить голодъ, онъ ныряетъ внизъ такъ же ловко, какъ сами лягушки, и съѣдаетъ попавшихся ему навстрѣчу. Для насъ непонятно, какъ онъ можетъ ихъ ѣсть, не имѣя лапъ для того, чтобы придерживать свою добычу. Но и здѣсь природа устроила все очень разумно. Зубы змѣй заострены какъ булавки и верхушками обращены назадъ; ими нельзя ни жевать, ни откусывать, но зато ими чрезвычайно удобно схватывать пищу. Когда ужъ схватитъ лягушку, то для нея уже нѣтъ спасенья.

Ротъ ужа открывается очень широко и сильно растягивается, поэтому ужъ можетъ проглатывать крупную добычу, а на нѣбѣ у него находится много зубовъ, которые помогаютъ ужъ при глотаніи большого куска. Пищеводъ у него широкъ и равняется длиною желудку. Но все-таки проглатываніе большой добычи продолжается нѣсколько часовъ.

Въ самое жаркое время года, въ августѣ мѣсяцѣ, ужъ-самка ищетъ подходящаго мѣста—груды сухихъ листьевъ, рыхлой земли, влажнаго мха, или навозной кучи, и кладетъ тутъ отъ 15 до 36 бѣловатыхъ яицъ. На нихъ нѣтъ крѣпкой и хрупкой скорлупы, какъ на птичьихъ яйцахъ, но они окружены толстою, грубою кожей. Всѣ они соединены, какъ бусы на шнуркѣ, слизистымъ киселемъ. Ужъ больше не заботится о положенныхъ яйцахъ. Молодые ужата выводятся теплотой солнца или навоза. По выходѣ изъ яйца дѣтенышъ ужа или другой какой-нибудь змѣй совершенно сходенъ съ взрослыми своими родителями.

Съ перваго дня существованія маленькіе ужи должны заботиться сами о себѣ, проворно ловить жуковъ, червей и другихъ насѣкомыхъ, пока они не станутъ способны справляться съ лягушками, тритонами и рыбами, которыхъ ужи тоже частенько ловятъ. Какъ рассказываютъ, при случаѣ ужи лакомятся молокомъ въ погребяхъ крестьянокъ. Вообще же ужи пьютъ мало и только изрѣдка лакомятъ своимъ длиннымъ, тонкимъ язычкомъ немного воды. Насытившись какъ слѣдуетъ добычею, они могутъ нѣсколько мѣсяцевъ голодать и оставаться въ покоѣ въ своемъ убѣжищѣ.

Тритонъ.

Лѣтомъ каждый прудъ, каждое болото, даже каждая канавка это цѣлый отдѣльный маленькій мірокъ, гдѣ копошатся миллионы живыхъ существъ.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ обитателей такихъ лужъ— это *тритонъ*, самый безвредный, мирный звѣрекъ, который не въ состояніи сдѣлать никакого вреда даже маленькому ребенку.

Тритоны всю зиму спятъ, спрятавшись подъ камнями, подъ корнями деревьевъ или въ земляныхъ норкахъ. Весной же, когда ласковое солнышко пригрѣетъ немного воду, они тотчасъ же просыпаются, отправляются въ воду и начинаютъ проворно плавать взадъ и впередъ въ маленькомъ болотѣ. При этомъ они бьютъ по водѣ своимъ хвостикомъ, выползаютъ даже на берегъ и отыскиваютъ себѣ пищу въ сырой травѣ или во мху. Какъ и всѣ другія животныя, тритоны тоже принаряжаются къ своему весеннему празднику. Оранжевый цвѣтъ, которымъ окрашено ихъ брюшко, дѣлается ярче и живѣе, а у самца въ это время вырастаетъ на спинкѣ зубчатый кожистый гребешокъ.

Тритонъ.

Весной же тритоны кладутъ свои яички. У этихъ яичекъ нѣтъ скорлупокъ, какъ у куриныхъ яицъ; это просто маленькіе комочки слизи, немного болѣе булавочной головки. Тритоны прикрѣпляютъ свои яички къ листьямъ растений, а вода и солнце выводятъ изъ нихъ уже сами дѣтенышей. Такъ какъ яички совсѣмъ прозрачны, то ихъ можно разсматривать въ увеличительное стекло, и мы хорошо можемъ разглядѣть, какъ вырастаетъ и развивается въ яичкѣ новое животное. Сначала это просто маленькій шарикъ, потомъ шарикъ удлинняется и скоро уже становится можно отличить голову отъ хвоста. Черезъ

двѣ недѣли изъ яйца выползаетъ крохотный звѣрокъ и уже пробуетъ немножко плавать. Но это сначала ему еще трудно дается, и онъ долженъ часто садиться на листокъ и отдыхать.

Молодой тритонъ въ полногя величиной и притомъ онъ такой нѣжный и прозрачный, что внутри его можно видѣть всѣ части его тѣла: сердце, которое медленно начинаетъ биться, и внутренности. У молодого животного еще нѣтъ глазъ; но на томъ мѣстѣ, гдѣ они должны вырасти, находятся два маленькія возвышенія. Сначала у молодого тритона нѣтъ также и рта, такъ что онъ долженъ довольствоваться тою пищей, которая сохранилась еще въ его тѣлѣ отъ яйца; дышитъ онъ маленькими жаберными листочками, прикрѣпленными по бокамъ головы; ногъ у него тоже еще нѣтъ, и онъ передвигается, ударяя по водѣ хвостомъ.

Дня черезъ два, какъ только у тритона откроется ротъ и вырастутъ глаза, онъ начинаетъ ѣсть и ѣсть безъ перерыва цѣлое лѣто. Пищи лѣтомъ въ водѣ для него всегда сколько хочешь. Тутъ плаваютъ большіе комки лягушачьей икры, тамъ длинныя шнурки черепашихъ яицъ. Тритонъ охотно также ѣстъ рыбью икру и личинки комаровъ, мухъ, стрекозъ и разныхъ водяныхъ жуковъ, которые тысячами копошатся въ мутной болотной водѣ. Мельчайшія водныя животныя-инфузоріи и крохотныя улитки въ такомъ множествѣ плаваютъ вокругъ, что тритону стоитъ только раскрыть ротъ, и онъ уже сами попадутъ въ него.

Отъ такой обильной пищи молодой тритонъ съ каждымъ днемъ вырастаетъ все больше и больше и все болѣе становится похожимъ на своихъ родителей. Жабры, которыми онъ дышитъ, становятся длиннѣе, а спереди, на груди, вырастаютъ двѣ переднія лапки. Сначала лапки похожи на два маленькія острія, или двѣ вѣточки; потомъ на каждой лапкѣ показываются два пальца, дѣлящіеся каждый, въ свою очередь, на два, такъ что всего на каждой лапкѣ по четыре пальца. Черезъ нѣсколько дней вырастаютъ также заднія лапки. На нихъ сначала также по два пальца, потомъ по четыре и, наконецъ, вырастаетъ еще пятый.

По мѣрѣ того, какъ тритоны вырастаютъ, ихъ жабры становятся все меньше. Въ груди же въ это время у нихъ развиваются легкія такія же, какъ и у насъ; ими они могутъ дышать только такимъ же воздухомъ, которымъ и мы дышимъ, и потому тритоны должны по временамъ подниматься на поверхность воды. Если бы тритонъ очень долго остался подъ водой, онъ задохнулся бы, какъ и человѣкъ.

Нерѣдко бываетъ, что въ пруду живетъ какая-нибудь хищная рыба, и тритону тогда плохо—она можетъ съѣсть его. Если же у него откусятъ только лапку, то это еще очень небольшая бѣда для него—онъ продолжаетъ спокойно жить и недѣли черезъ двѣ лапка вновь вырастаетъ.

Нѣсколько разъ въ году тритонъ мѣняетъ кожу по мѣрѣ того, какъ она ему становится тѣсной, такъ же какъ это дѣлаетъ и лягушка. Молодая кожа всегда въ это время уже выросла подъ старой. Но какъ только животное сбросило старую кожу, оно ее тотчасъ же само и съѣдаетъ, какъ какое-нибудь лакомство, и въ болотѣ, гдѣ живутъ сотни тритоновъ, никогда не встрѣтишь ихъ старой кожи.

Въ нашихъ странахъ водятся четыре породы тритоновъ. Самый обыкновенный изъ нихъ—въ четверть аршина длиной; другіе же меньше. Разныя породы отличаются также другъ отъ друга по цвѣту и по формѣ кожанаго гребня на спинѣ. Тритоны вообще очень милыя, добродушныя и довѣрчивыя животныя.

Н а в о л ѣ.

Озеро дремлетъ въ тиши,
Воздухъ прозраченъ и чутокъ...
Вотъ пронеслось въ камыши.
Стадо испуганныхъ утокъ.
Вздрогнулъ высокій тростникъ.
Тронутый стаей утиной,
Свистнулъ носатый куликъ,
Взвился бекасъ надъ трясиной,—

Люди явились—бѣда!..
Рыба метнулась съ испугомъ
И зарыбила вода,—
Кругъ разбѣжался за кругомъ.
Что вы?.. Напрасенъ испугъ:
Я не охотникъ, повѣрьте...
Къ вамъ прихожу я какъ другъ,
А не съ орудіемъ смерти.

Вольную долю свою
Пейте вы полною чашей...
Въ сердцѣ любовь я таю
Къ жизни и радости вашей.

Невидимые строители.

Тиха и спокойна поверхность стараго озера. Задумчиво склонилась надъ ней толстая ива, свѣсивъ свои длинныя, гибкія вѣтви почти до самой воды. Тихо въ знойный полдень... Воздухъ недвижимъ, не шелеститъ листь, не колыхнется водяной камышъ, только хоръ и жужжаніе насѣкомыхъ, не умолкающее ни на минуту, нарушаетъ общую тишину... Они снуютъ и въ воздухѣ и въ травѣ,—рады жаркому дню.

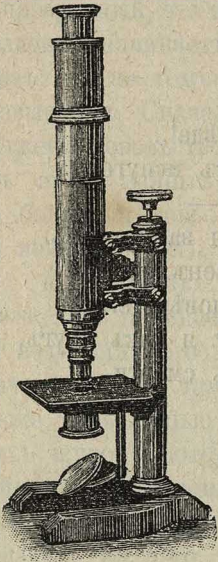
Поглядите въ воду... Вотъ стайка старыхъ карасей спряталась въ тѣнь подъ широкими глянцоватыми листьями желтыхъ кувшинокъ. Имъ жарко. Они стоятъ неподвижно, какъ будто спятъ, отдыхаютъ, но вокругъ нихъ и въ водѣ и по дну двигается и копошится цѣлая масса мельчайшихъ, едва замѣтныхъ насѣкомыхъ. Всѣхъ ихъ вызвало къ жизни и дѣятельности солнечное тепло,—тотъ самый зной, который заставилъ попрятаться и птицъ, и звѣрей, и даже рыбъ. Онъ пробуждаетъ цѣлый міръ мельчайшихъ существъ, и этотъ міръ втихомолку, незамѣтно для насъ, дѣлаетъ свое великое дѣло.

Вотъ этотъ камень, что у васъ подъ ногами, эта плита простого сѣраго известняка,—дѣло этихъ маленькихъ тварей; кусокъ мѣла, которымъ пишутъ на классной доскѣ, тоже построенъ ими, этими мелкими невидимыми тружениками.

Каждый изъ нихъ можетъ сдѣлать очень немного, но ихъ тысячи, миллионы, и всѣ они вмѣстѣ совершаютъ огромную работу. Они окружаютъ насъ, наполняютъ собою воздухъ, воду и даже почву. Ихъ работа идетъ постоянно.

Кто же эти невидимые труженики и какъ живутъ они вокругъ насъ?

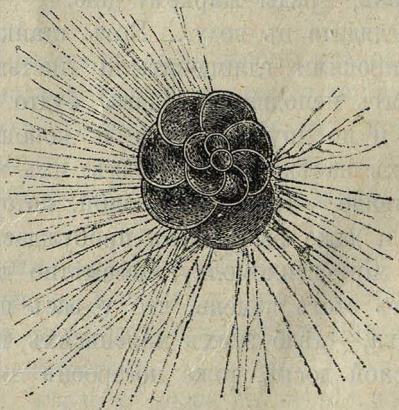
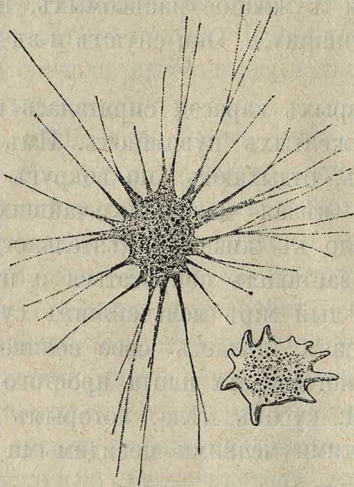
Зачерпнемъ банкою со дна озера ила съ водою и захватимъ въ ту же банку немного зеленой тины. Поставимъ нашу банку на окно и подождемъ, пока успокоится вода и осядетъ на дно банки вся муть. Теперь всмотритесь внимательно въ воду. Вы увидите, что вода не совершенно чиста. Вмѣстѣ съ водою и иломъ вы зачерпнули множество маленькихъ тварей, которыя плавають теперь въ вашей банкѣ. Однѣ изъ нихъ такъ мелки, что кажутся вамъ едва замѣтными бѣлыми точками, но по движенію ихъ то въ ту, то въ другую сторону вы отличаете ихъ отъ мельчайшихъ соринкокъ. Это не соръ, а живыя существа. Они плавають, отыскиваютъ другихъ, еще болѣе мелкихъ животныхъ, или растенія, которыя служатъ имъ пищей. Они чувствуютъ тепло и свѣтъ, растутъ, размножаются и умираютъ. Тѣхъ, которыя крупнѣе, вы сразу замѣтите, какъ только посмотрите въ воду; но все же и они не настолько велики, чтобы ихъ можно было разсмотрѣть простымъ глазомъ.

Микроскопъ.

Для разсматриванія ихъ употребляютъ хорошее увеличительное стекло или лупу, а если и этого мало, то берутъ нѣсколько такихъ стеколъ, вдѣланныхъ въ одну трубку. Такая трубка увеличиваетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ одно стекло. Она называется «микроскопомъ».

Если разсматривать капельку такой воды съ соромъ въ микроскопъ, то вашимъ глазамъ представится удивительная картина. Мельчайшія песчинки покажутся вамъ довольно крупными, полупрозрачными, бурыми и бѣлыми камешками, мелкія соринки, кусочки травы — настоящими

Корненожки.

щепками, невзрачная тина — очень красивыми зелеными нитями, переплетающимися другъ съ другомъ.

А между всѣмъ этимъ соромъ и нитями тины вы увидите, какъ плавають, вертятся и ползаютъ какія-то странныя существа. Они совсѣмъ не по-

хожи на животныхъ, васъ окружающихъ, на такихъ, къ которымъ привыкъ вашъ глазъ.

Вотъ, напримѣръ, маленькій комочекъ полупрозрачныхъ песчинокъ, такихъ крошечныхъ, что даже въ микроскопъ онѣ кажутся мелкими. Но этотъ комочекъ не остается неподвижнымъ. Понаблюдайте за нимъ нѣкоторое время, и вы замѣтите, что онъ медленно передвигается то въ ту, то въ другую сторону. Его что-то двигаетъ. Вы не замѣчаете причины его движенія, потому что она находится внутри комочка песчинокъ. Внутри комочка заключено одно изъ удивительныхъ животныхъ, которое мы называемъ «корненожкою». Вы сейчасъ узнаете, почему его такъ называютъ. Комочекъ песчинокъ это только раковинка корненожки, сама корненожка живетъ внутри этой раковинки.

Какъ стѣны вашей комнаты сложены изъ кирпичей, такъ и стѣнки раковинки этой корненожки сложены изъ песчинокъ. Животное само для себя построило домикъ-комнатку, въ которой оно проводитъ всю свою жизнь. Оно слѣпило, какъ будто клеимъ, одну песчинку съ другою и притомъ не кое-какъ, не въ безпорядкѣ, а такъ аккуратно, какъ камни въ хорошей мостовой. Сквозь полупрозрачныя стѣнки раковинки просвѣчивается зеленоватое тѣло животного. На одномъ концѣ ея небольшое окошечко или простое отверстіе, сквозь которое животное можетъ выдвигать свои ноги и руки, и при помощи ихъ медленно переползаетъ съ мѣста на мѣсто и схватываетъ свою пищу.

Не думайте однако, что эти ноги и руки похожи на ноги или лапы какихъ-нибудь изъ извѣстныхъ вамъ животныхъ. Въ сущности говоря, у маленькаго существа нѣтъ ни ногъ ни рукъ, точно такъ же, какъ нѣтъ у него ни головы, ни рта, ни сердца, ни желудка, ни вообще какихъ-нибудь внутреннихъ. Все оно ни больше ни меньше, какъ крошечный комочекъ или капелька слизи, капелька полужидкаго, тягучаго и клейкаго вещества, въ родѣ яичнаго бѣлка—вотъ и все. Но эта капелька, находящаяся внутри раковинки, не мертвая, она живетъ, можетъ измѣнять свою форму, двигаться, принимать и переваривать пищу. Она сама построила для себя раковинку, сама отыскивала на днѣ озера песчинки, подбирала ихъ и склеивала одну за другою. Какъ же живетъ эта капелька, которую я назвалъ корненожкой, какъ она питается и какъ строить свою раковинку?

Я сказалъ, что лапы корненожки не похожи на ноги другихъ животныхъ—это просто выступы, которые, по желанію корненожки, вытягиваются изъ ея тѣла. Они высовываются изъ окошечка раковинки, раздѣвляються, какъ корни какого-нибудь растенія, и замѣняютъ ей руки и ноги. Захочетъ она,—и снова втянетъ ихъ въ себя, спрячетъ въ раковинку, а на мѣстѣ ихъ выпуститъ новые выступы. Вотъ почему это животное и получило названіе «корне-ножка»: ноги ея похожи на корни. Но эти выступы такъ же жидки, какъ и само тѣло животного.

Попадется корненожкѣ подъ такую ногу что-нибудь съѣдобное, сейчасъ же нога прилипаетъ къ предмету, облипаетъ его со всѣхъ сторонъ, и черезъ двѣ-три минуты мелкая крупинка пищи оказывается уже внутри полужидкой ноги. Корненожка «проглотила» ее. Теперь эта крупинка мало-по-малу переходитъ изъ ножки внутрь самаго тѣла животного и тамъ переваривается. Она раство-

ряется, измѣняется, превращается въ такое же слизистое вещество, изъ котораго состоитъ тѣло корненожки, и исчезаетъ изъ глазъ.

Если вмѣсто нея подъ руку корненожки попадетъ песчинка, то и она такимъ же родомъ переходитъ внутрь тѣла животнаго, но ее корненожка только проглатываетъ—переварить твердый камень она не можетъ, и черезъ двѣ-три минуты она снова выталкиваетъ его изъ своего тѣла. Изъ такихъ-то проглоченныхъ песчинокъ, выступающихъ снова на поверхность животнаго, и строится раковинка корненожки. Липкое вещество, выделяющееся на поверхности тѣла животнаго, смачиваетъ песчинки, склеиваетъ ихъ другъ съ другомъ, какъ известъ склеиваетъ кирпичи каменныхъ стѣнъ.

Вы видите, какъ просто устроено это животное, какъ оно обходится безъ рта, безъ рукъ и безъ ногъ. Любое мѣсто на поверхности его тѣла можетъ служить ему ртомъ, любой выступъ—рукою. Но какъ же оно двигается? Казалось бы, что такое животное совсѣмъ не можетъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, а между тѣмъ оно ползаетъ, пролѣзаетъ между соринками ила, всползаетъ по травинкамъ и ниточкамъ тины на поверхность воды. И все это дѣлается при помощи тѣхъ же выступовъ тѣла, которыми оно захватываетъ и проглатываетъ пищу и песчинки. Они служатъ ему то руками, то ногами. Вытянетъ корненожка такую длинную ножку, прилѣпится кончикомъ ея къ какому-нибудь камешку или другому предмету и снова втягиваетъ ее внутрь себя, притягиваетъ къ этому предмету свое крошечное тѣльце.

Такъ медленно, не торопясь, двигается корненожка по дну. Торопиться ей некуда. Пищи и свѣжей воды вокругъ нея вволю, тепла—тоже, а больше ей ничего и не надо. Такъ проходитъ вся ея жизнь. Вотъ почему такія животныя называются «простѣйшими».

У самыхъ простыхъ корненожекъ, которыхъ называютъ «амѣбами», нѣтъ даже раковинки, этого домика, куда бы онѣ могли прятаться. Амѣба—это простой комочекъ слизи, не покрытый даже раковинкой. То сожмется она въ круглый комочекъ, то вытянется, то выпуститъ изъ своего тѣла во всѣ стороны множество отросточковъ, станетъ похожею на звѣздочку. Она двигается такъ же, какъ и корненожки съ раковинками, и точно такъ же захватываетъ свою пищу.

Переваривая эту пищу, амѣба растетъ и мало-по-малу достигаетъ такой величины, дальше которой она не можетъ расти. Тогда происходитъ въ ней очень удивительное измѣнение: она разрывается на двѣ части, изъ одной крупной амѣбы получаются двѣ совершенно такихъ же, только вдвое меньшей величины. Онѣ расползаются въ разныя стороны, и каждая изъ нихъ начинаетъ жить отдѣльно, ползаетъ, отыскивать пищу, ѣсть и расти. Они вырастаютъ тоже въ крупныхъ амѣбъ, и снова разрываются, или, какъ говорятъ «дѣлятся». Если хватаетъ пищи и воды, то число амѣбъ быстро растетъ и черезъ два-три дня изъ одной амѣбы получаются десятки и сотни тысячъ такихъ же точно амѣбъ. Въ моряхъ, на просторѣ, гдѣ для всѣхъ хватаетъ пищи и мѣста, корненожки размножаются съ страшною быстротою. Ихъ пустые раковинки покрываютъ мѣстами морское дно слоемъ въ нѣсколько аршинъ толщиною. Представьте же себѣ, изъ какой массы корненожекъ могъ образоваться такой слой, если каждая раковинка не больше самой мелкой песчинки.

Комары.

Нѣсколько дней тому назадъ я съ дѣтьми отправился побродить въ сосѣдній лѣсокъ. Тамъ, на опушкѣ лѣса была канава, въ которой почти все лѣто держалась вода. Въ ней мы замѣтили маленькихъ, черныхъ какъ уголь головастиковъ, повидимому только-что вылупившихся изъ икры. Миша сбѣгалъ домой за банкой, и мы наловили съ полсотни этихъ лягушечьихъ дѣтенышей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы захватили съ собою зеленой водяной тины, которую ѣдятъ головастики. Дома мы пересадили все это въ большую банку изъ-подъ варенья, прибавили чистой воды и тутъ только замѣтили, что въ банкѣ плавали еще какіе-то крошечные червячки. Это были личинки комаровъ. Выставивъ дыхательную трубочку въ воздухъ, онѣ держались у самой поверхности воды. Если испугать ихъ, онѣ быстро изгибаютъ свое тѣло и падаютъ на дно, но вскорѣ опять всплываютъ, чтобы подышать.

Хотя личинки комаровъ и живутъ въ водѣ, но дышать онѣ атмосфернымъ воздухомъ, то-есть тѣмъ, который окружаетъ землю и которымъ мы дышимъ, а не тѣмъ, который растворенъ въ водѣ и которымъ дышатъ рыбы. Между личинками было и нѣсколько куколокъ, которыя отличаются тѣмъ, что у нихъ двѣ дыхательныя трубочки, и находятся онѣ на передней части тѣла, а у личинокъ только одна и на самомъ кончикѣ хвоста.

Я накрылъ банку кисеей, чтобы будущіе комары не улетѣли безъ нашего вѣдома. Куколки очень скоро превращаются въ комаровъ, и потому, когда послѣ обѣда мы пришли посмотреть банку, подъ кисеей оказался уже вылетѣвшій комаръ. Другой на нашихъ глазахъ началъ вылупляться. Куколка всплыла на поверхность, кожица ея на спинѣ лопнула и раскрылась. Изъ нея выползъ комаръ. Пока крылья его были мокры и сложены, онъ плавалъ въ своей кожицѣ, какъ въ лодочкѣ. Затѣмъ онъ обсохъ, полетѣлъ и сѣлъ на кисею.

Комары сносятъ свои яички только въ стоячей водѣ и притомъ тамъ, гдѣ она защищена отъ вѣтра, напримѣръ, въ канавахъ, бочкахъ съ водой, лужахъ и маленькихъ прудахъ. Стоячую и даже гнилую воду комары любятъ потому, что въ ней личинки ихъ находятъ больше пищи,—именно, разныхъ крошечныхъ животныхъ, главнымъ образомъ инфузорій. Кромѣ того, маленькіе пруды, каналы и лужи лучше защищены отъ вѣтра, котораго очень боятся вылупляющіеся комары: когда они съ необсохшими еще крыльями плаваютъ на поверхности воды въ своей кожицѣ, то вѣтеръ очень легко можетъ опрокинуть ихъ, а разъ комаръ упалъ въ воду, онъ погибаетъ. Поэтому, если лѣтомъ дуютъ частые и сильные вѣтры, то комаровъ бываетъ меньше.

Сидѣвшіе подъ кисеей два комара замѣтно отличались другъ отъ друга. У одного на головѣ были два усика, похожихъ на перышки, а у другого усиковъ не было, но зато было длинное и острое жало. Комаръ съ усиками—это самецъ; онъ не можетъ жалиться, а комаръ съ жаломъ—самка. Когда комары совсѣмъ окрѣпли и крылышки ихъ обсохли, я приподнял кисею, и они улетѣли.

Какъ бобры строятъ себѣ жилища.

Бобры всегда живутъ гдѣ-нибудь у воды. Бобръ—звѣрокъ довольно большой, длиною немного больше аршина. У него очень острые зубы и плоскій широкій хвостъ. Бобръ отлично плаваетъ, на заднихъ лапахъ у него между пальцами перепонка, какъ у утки. Хвостъ служитъ бобру въ водѣ вмѣсто руля. Свои жилища бобры строятъ на водѣ или поблизости отъ воды. Ни одно животное не умѣетъ такъ хорошо и умно строить, какъ умѣютъ бобры.

Жилье свое бобры устраиваютъ изъ сучьевъ: они нагрызаютъ сучьевъ, собираютъ ихъ въ одно мѣсто и складываютъ изъ нихъ круглый шалашъ. Щели между сучьями они забиваютъ землей и иломъ. Шалашъ выходитъ изъ этого матеріала отличный. Его справедливѣе даже назвать настоящимъ домомъ, а не шалашомъ.

Бобры строятъ очень большіе дома. Встрѣчались такіе дома, которые были сажени двѣ въ поперечникѣ да больше сажени высотой. Они на полсажени выходятъ изъ-подъ воды. Снаружи въ этотъ домъ не видно никакого хода, а внутри онъ двухъэтажный. Одинъ этажъ надъ водой, другой—подъ водой. Въ верхнемъ этажѣ бобры живутъ сами и своихъ дѣтей кормятъ, а въ нижнемъ у нихъ кладовая. Тамъ они складываютъ про запасъ на зиму пищу. Изъ своего жилья бобры устраиваютъ два крытыхъ хода: черезъ одинъ ходъ они таскаютъ пищу,—этотъ ходъ у нихъ всегда бываетъ отлогій, чтобы легче было тащить черезъ него тяжести. Другой ходъ въ жилище бобровъ—извилистый; черезъ этотъ ходъ бобры ходятъ сами; черезъ него они спасаются отъ враговъ. Оба хода ведутъ подъ воду. Бобръ всегда устраиваетъ свое жилье такъ, чтобы ему можно было уйти въ воду; тамъ бобра поймать невозможно.

Бобры строятъ свои жилища въ озерахъ и рѣкахъ. Они выбираютъ такія мѣста, гдѣ вода не очень мелка. Бобры не любятъ такихъ мѣстъ, гдѣ вода стоитъ то очень высоко, то очень низко. Бобрамъ нужна вода всегда ровная. Такую воду они умѣютъ устраивать и сами. Какъ люди насыпаютъ плотины, когда имъ нужна для мельницъ ровная вода, точно такъ дѣлаютъ и бобры. Они умѣютъ перегораживать рѣки и строить плотины. Свои плотины они дѣлаютъ изъ сучьевъ, ила и камней. Сучья бобры наръзаютъ сами, своими зубами. Зубы у нихъ острые: бобры могутъ подгрызть дерево толщиною въ футъ слишкомъ. Молодые побѣги и кора идутъ бобрамъ въ пищу, а изъ толстыхъ сучьевъ они дѣлаютъ плотину. Сначала они втыкаютъ въ рѣчное дно хворостъ, потомъ наваливаютъ еще сучьевъ. Поэтому рѣчное теченіе не можетъ унести сучьевъ. Затѣмъ бобры засыпаютъ сучья камнями и землею.

Бобры устраиваютъ свои плотины очень умно; они всегда держатъ воду на такой высотѣ, какая имъ нужна. Когда вода подыметъ выше, чѣмъ нужно, бобры устраиваютъ въ плотинѣ выходъ для воды: лишняя вода этимъ путемъ выходитъ, а остается лишь сколько нужно. Когда воды и безъ того мало, напримѣръ, въ жаркое время, тогда бобры совсѣмъ закрываютъ выходъ для воды.

Если вода въ рѣкѣ течетъ очень быстро, то бобры устраиваютъ еще плотину; тогда одна плотина защищаетъ другую.

Бываетъ, что отъ жилища бобровъ лѣсъ далеко; тогда бобры принимаютъ за новое дѣло: они копаютъ каналы отъ своего пруда прямо къ лѣсу. Такія каналы бываютъ въ полсажени шириной да въ полсажени глубиной. Берега у нихъ крутые, а дно ровное, потому что бобры убираютъ изъ нихъ хворостъ и корни деревьевъ. Бобру приходится копать землю передними лапами; такимъ способомъ работа подвигается не скоро; но бобры трудолюбивы: путешественники видѣли каналы, продѣланные бобрами, длиною въ шестьдесятъ пять саженъ.

Такъ устраиваютъ свои жилища бобры. Вы видите, они умѣютъ строить и деревянные дома, и земляныя плотины; мало того, они умѣютъ копать каналы, и по этимъ каналамъ они сплавляютъ изъ лѣса сучья и кору въ свое жилье.

Бобры за работой.

VII. Жизнь животных по временамъ года.

ВЕСНА.

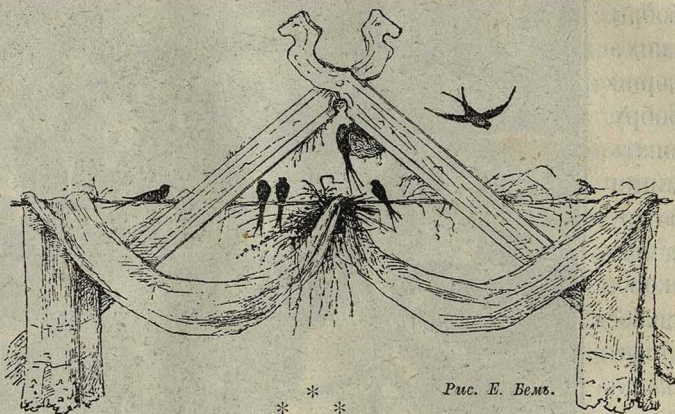

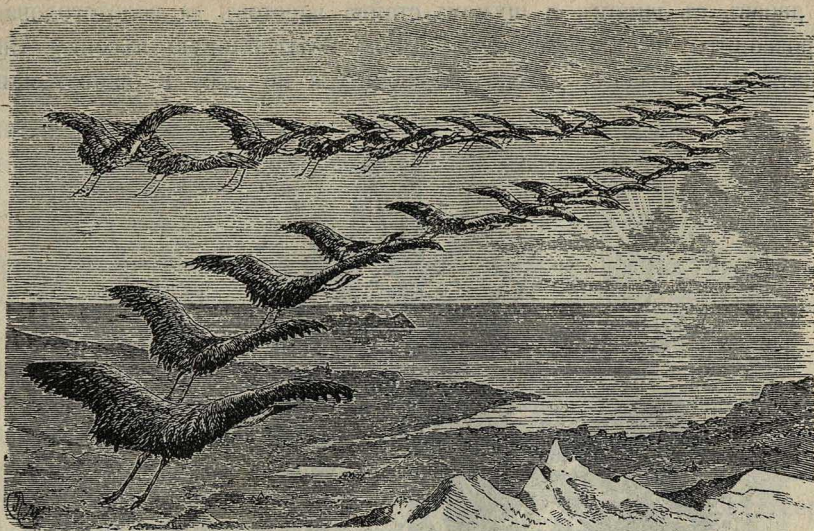
Рис. Е. Вемь.

Ласточка примчалась
Изъ-за синя моря,
Съла и запѣла:
«Какъ февраль ни злился,
Какъ ты, мартъ, ни хмурься,
Будь хоть снѣгъ, хоть дождикъ —
Все весною пахнетъ!»

Первая пчелка.

Только-что на проталинахъ весеннихъ показались ранніе цвѣточки, какъ изъ царства воскового, изъ душистой келейки медовой, вылетаетъ первая пчелка. Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ о красной веснѣ развѣдать: скоро ли будетъ гостя дорогая, скоро ль луга зазеленеютъ, распустятся клейкіе листочки, зацвѣтетъ черемуха душиста?

Весна наступаетъ.

Полюбуйся! Весна наступаетъ,
Журавли караваномъ летятъ,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ.

Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ плывутъ;
По полямъ и лугамъ полосами
Другъ за дружкой тѣни бѣгутъ.

Скоро гости сюда соберутся,
Сколько гнѣздъ понавѣютъ,—посмотри!
Что за звуки, за пѣсни полюбятся
День-денской, отъ зари до зари!

Прилетѣть птицъ.

Ранняя весна. На поляхъ еще мѣстами бѣлѣетъ снѣгъ; въ особенности въ лощинахъ, куда его намело зимою выше роста человѣческаго. Въ лѣсу, подъ деревьями, снѣгъ лежитъ еще почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугамъ; черезъ рѣчку же еще ходятъ, хотя и съ большою опаской: ледъ порядочно уже посинѣлъ, и у береговъ выступила вода.

Бѣлоносые грачи уже недѣли двѣ какъ прилетѣли — возвратились изъ своей зимней отлучки въ теплые края — и, досыта нассорившись и нашумѣвши, въ березовой рощѣ, изъ-за старыхъ, прошлогоднихъ гнѣздъ, переважно разгуливаютъ теперь по задворкамъ, около навозныхъ кучъ, отыскивая себѣ скудное пропитаніе.

Уже дня три, какъ появились первые жаворонки, и все еще продолжаютъ прилетать по утрамъ, разсыпая въ воздухѣ, надъ полями, свои серебряныя, веселящія душу пѣсни.

Въ лѣсу же пока еще тихо. Правда, синицы да корольки попискиваютъ иногда довольно оживленно въ чащѣ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей; изрѣдка побарабаниваетъ дятель по сухому суку; пронесется, временами, надъ вер-

пинами деревъ съ гикомъ и шумомъ стайка клестовъ, да золотоголовая овсяночка прозвонить на лѣсной опушкѣ свою незатѣйливую пѣсенку. Звонкихъ же, раскатистыхъ пѣсень, далеко раздающихся по лѣсу и оживляющихъ его

особеннымъ весеннимъ оживленіемъ, пока еще не слышно. Дни стоятъ хотя и ясные и довольно теплые (на солнцѣ), однако по ночамъ еще порядочно морозить. Но вотъ небо понахмурилось; съ юга-запада потянулъ теплый, влажный вѣтерокъ; заморосилъ, словно сквозь сито, мелкій дождичекъ, то обра-

чиваясь туманомъ, то снова накрапывая, какъ днемъ, такъ и ночью — все одинаково. Будемъ теперь насторожѣ: въ это время, — въ такіе теплые, пасмурные дни, — весна приближается быстрыми шагами, и спѣшать къ намъ ея пернатые, быстрокрылые вѣстники, съ богатымъ запасомъ звонкихъ и задорныхъ пѣсенъ въ своей крошечной грудкѣ.

Утро. Дождь пересталъ моросить. Въ сыромъ, слегка туманномъ воздухѣ полная тишина и тепло. Пробежимся къ опушкѣ лѣса и присядемъ вонъ на томъ старомъ пнѣ...

Теперь — слушать и слушать.

«Чи-чи, чиви-чиви, чимъ-чимъ!» доносится издали, съ поля, оживленная болтовня нѣсколькихъ десятковъ воробьевъ, обсыпавшихъ, словно мухи, большую кучу хвороста, около одиноко стоящаго на пригоркѣ гумна.

«Тирли-рли-рли-рлю-ю-ю, тирли-рли-рю-ю-ю!» льется сверху серебромъ пѣсня жаворонка, неподвижной точкой чернѣющаго среди сѣрыхъ туманныхъ облаковъ.

«Чакъ-чакъ-чакъ, чакъ-чакъ!» торопливо пронеслась надъ лѣсомъ пара передовыхъ дроздовъ-рябинниковъ.

Нѣсколько минутъ полной тишины... Только по вершинамъ сосенъ и елей пролетѣлъ таинственный шопоть, произведенный легкимъ порывомъ набѣжавшаго вѣтерка.

Но чу!.. «Пинкъ-пинкъ, пинкъ-пинкъ-пинкъ!» раздалось неподалеку, въ сторонѣ... Сердце такъ и екнуло: неужто онъ, долгожданный?!.. Не синица ли?.. Вѣдь она, плутовка, иногда точь въ точь такъ же «пинкаетъ»...

Нѣтъ, не синица; вонъ на самой маковкѣ высокой ели, стоящей на опушкѣ, чернѣется птичка. «Пинканье» доносится несомнѣнно оттуда, и птичка сидитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ; егоза же синица ни за что не усидѣла бы такъ долго на одномъ мѣстѣ, да и на вершину она рѣдко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижнимъ вѣткамъ да по кустамъ... «Пинкъ-пинкъ, пинкъ-пинкъ!..» Вотъ птичка снялась съ вершины дерева и пролетаетъ неподалеку отъ насъ, описывая въ воздухѣ дуги и издавая время отъ времени нѣжное, негромкое «йю-йю». Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что это одинъ изъ передовыхъ зябликовъ. «Здравствуй, милая птичка! Радуетъ твоему прилету!» Вотъ уже и пропала — юркнула въ лѣсъ между вершинами... «Фить-фирлить, фить-фить-фють-фють-фють-фють-ля-ля-ля-ля-ля, ви-йю!» громко раздалось съ той стороны, въ которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лѣсу звучная, задорная и красивая пѣсенка зяблика. Не пройдетъ и двухъ-трехъ дней, какъ зазвучитъ эта пѣсенка повсюду — въ садахъ, лѣсахъ и роцахъ — и оживить ихъ своими свѣтлыми, какъ лучи весенняго солнца, звуками, послѣ томительно-долгой осенней и зимней тишины.

Прилетѣли зяблики — лѣсъ ожилъ.

Дѣдушка Мазай и зайцы.

Старый Мазай разболтался въ сараѣ:

«Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ

Впятеро больше бы дичи велось,

Кабы сѣтями ея не ловили,

Кабы силками ея не давили.

Зайцы вотъ тоже, ихъ жалко до слезъ!

Только весеннія воды нахлынуть,—

И безъ того они сотнями гибнуть,—

Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,

Ловятъ, и топятъ, и бьютъ ихъ баграми.

Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами

Въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки

Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ—

Бѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.

Вижу одинъ островокъ небольшой—

Зайцы на немъ собралися гурьбой.

Съ каждой минутой вода подбиралась

Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось

Меньше аршина земли въ ширину,

Меньше сажени въ длину.

Тутъ я подѣхалъ: лопочуть ушами,

Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,

Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!

Прыгнули зайцы мои,—ничего!

Только усѣлась команда косяя,

Весь островочекъ пропалъ подъ водой.

«То-то!—сказалъ я:—не спорьте со мною!

Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»

Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.

Столбикъ—не столбикъ, зайчишко на пнѣ,

Лапки скрестивши, стоитъ горемыка;

Взялъ и его—тягота не велика!

Только-что началъ работать весломъ,

Глядь, у куста копошится зайчиха—

Еле жива, а толста какъ купчиха!

Я ее, дуру, накрылъ зишуномъ,—

Сильно дрожала... Не рано ужъ было.

Мимо бревно суковатое плыло;

Сидя, и стоя, и лежа пластомъ,

Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.

«Взялъ бы я васъ, да потопите лодку!»

Жаль ихъ однако, да жаль и находку:

Я зацѣпился багромъ за сучокъ

И за собою бревно поволокъ...

Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
«Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились,
Тутъ мои зайчики точно взбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапы встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимъ и рощу и кусты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ и «съ Богомъ!» сказать..
Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось—
Сильно измокли, ослабли, въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выпались, плотно набѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ—и дали стречка!

А и с т ь .

Смотрите! старый аистъ нашъ
Вернулся къ намъ на крышу.
Какъ громко клювомъ онъ стучить!
Давно его я слышу.
Опять весна вернулась къ намъ,
Простились мы съ зимою:
Нашъ милый старый аистъ намъ
Принесъ весну съ собою.
Какъ рады, аистъ, мы тебѣ,
Нашъ старый другъ, любимый!
Не покидай же больше насъ,
Живи въ гнѣздѣ всю зиму!

Д р у з ь я .

На крышѣ нѣмецкой школы аистъ свилъ себѣ гнѣздо и поселился въ немъ съ своей подругой. Скоро у нихъ завелись птенчики. Одинъ птенчикъ выпалъ изъ гнѣзда, и учитель нашелъ его у дверей школы; птенчикъ былъ еще малъ; онъ ушибся и очень ослабѣлъ.

Учитель поднялъ птенчика, внесъ его въ домъ, кормилъ и ухаживалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока аистъ не поправился. Тогда учитель отнесъ его

въ поле, недалеко отъ дома, и оставилъ тамъ; старые аисты, отецъ и мать, нашли своего птенца и кормили его.

Мало - по - малу у птенца окрѣпли крылья, и онъ могъ вернуться въ свое гнѣздо; но каждый вечеръ до самаго отлета въ теплые края онъ слеталъ на лугъ и съ важностью разгуливалъ рядомъ съ пріютившимъ его учителемъ.

Деревенскіе мальчишки толпой бѣгали за обоими друзьями; ихъ удивляло, что учитель сумѣлъ сдѣлать аиста такимъ ручнымъ, что тотъ совершенно не боялся людей.

Гнѣздо аистовъ.

Безпокойная гостья.

Послушай-ка, что я тебѣ расскажу про маленькую обыкновенную муху. Когда наступила поздняя осень и повѣяло холодомъ, всѣ мухи свалились, точно мертвые. Однѣ упали за оконныя рамы, другія забились въ укромные уголки комнаты, а нѣкоторыя просто лежали въ складкахъ оконной занавѣски... Но не думай, что мухи умерли, онѣ только спали.

Вотъ вернулись ясные, весенніе дни, вернулось тепло, и оттаяла, согрѣлась озябшая земля. Проснулись съ тепломъ и мухи, расправили оцѣпенѣвшія крылышки, почистили лапками брюшко и отправились на развѣдки. Прежде всего имъ надо было выбрать удобное мѣстечко, гдѣ бы можно было вывести дѣтей. Птицы вьютъ гнѣзда на вѣткахъ деревьевъ и выводятъ тамъ своихъ птенцовъ, звѣри роютъ норы въ землѣ... Беззаботная муха не любитъ работать и не особенно-то долго выбираетъ. Попалась ей грязная навозная куча, забытая корка хлѣба, кусокъ мяса, — вотъ и готово отличное гнѣздышко. Здѣсь она усаживается и кладетъ маленькіе комочки бѣлыхъ продолговатыхъ яичекъ. Такихъ яичекъ каждая муха снесетъ больше сотни. Вотъ и вся ея забота о дѣтяхъ. Черезъ минуту она уже далеко, а о положенныхъ яичкахъ и думать забыла.

Прошелъ день, и яички лопнули. Изъ нихъ вышли на свѣтъ Божій маленькіе бѣлые червячки. На тѣлѣ у червячковъ есть вмѣсто ножекъ крохотныя бородавки. Съ страшной жадностью накидываются новорожденные червячки на пищу, служащую имъ и гнѣздомъ. Проходитъ недѣля, червячки

вытягиваются и становятся толстыми куколками, точь въ точь маленькіе бо-
чонки! И вдругъ куколки дѣлаются неподвижными, точно умираютъ.

Но ты ошибешься, если примешь ихъ за мертвыхъ. Куколки набира-
ются силъ для большой и трудной работы: онѣ растятъ себѣ крылышки и
лапки. Недѣлю и больше лежатъ онѣ неподвижно... Вдругъ въ одинъ день
кожица лопается и изъ-подъ нея показываются головки новорожденныхъ мухъ,
бѣлыхъ, точно вата.

Жалка, слаба и невзрачна новорожденная муха! Но она быстро растетъ,
начинаетъ темнѣть и дѣлается настоящей мухой. Вотъ расправила она свои
блестящія, прозрачныя крылышки, поднялась на воздухъ и преспокойно усѣ-
лась ко мнѣ на лицо. Маленькое надоедливое созданіе безцеремонно путе-
шествуетъ по моему лицу, проползаетъ по подбородку, щекочетъ шею... Я
отгоняю ее, но она спокойно перебирается мнѣ на руку. Я, крадучись, хочу
ее поймать, но не тутъ-то было! Муха видитъ такъ хорошо, что непременно
улетитъ раньше, чѣмъ я опущу свою руку. Да и не мудрено, что она такъ
чудесно видитъ. У нея не два глаза, какъ у насъ, а множество крохотныхъ
блестящихъ глазокъ, и всѣ они собраны вмѣстѣ, въ два пучка по обѣимъ
сторонамъ головы.

Назойливое созданіе ни минуты не посидитъ спокойно,—то она лѣзетъ
въ молоко, то въ сахарницу, то въ варенье, и едва взойдетъ солнышко, не
дастъ спать людямъ.

Вотъ поползла муха по оконному стеклу вверхъ. Что за чудо?—какъ
это она двигается такъ легко и свободно? А въ этомъ помогаютъ ей ея уди-
вительныя лапки съ двумя мягкими подушечками на концахъ. Когда муха
ползетъ вверхъ по стеклу, она плотно прижимаетъ свои лапки. Подушечки
плотно пристають къ стеклу и не позволяютъ мухѣ упасть.

Не легко живется и мухѣ на свѣтѣ; есть и у нея свои враги. Въ домахъ
люди изводятъ ее всѣми правдами и неправдами, на волѣ за ней охотятся
лягушки и птицы, да, кромѣ того, повсюду: и въ саду и въ домѣ, ждутъ на-
зойливую гостью цѣпкія сѣти паука. Изъ этихъ сѣтей неосторожной мухѣ
ни за что не вырваться, и она какъ разъ угодитъ на завтракъ голодному
пауку.

Но приходитъ осень, и близится время зимней спячки. Муха летитъ
вялая, сонная, едва двигаетъ усталыми крылышками, а потомъ и совсѣмъ
замретъ гдѣ-нибудь за оконною рамой, чтобы проснуться съ новою весной.

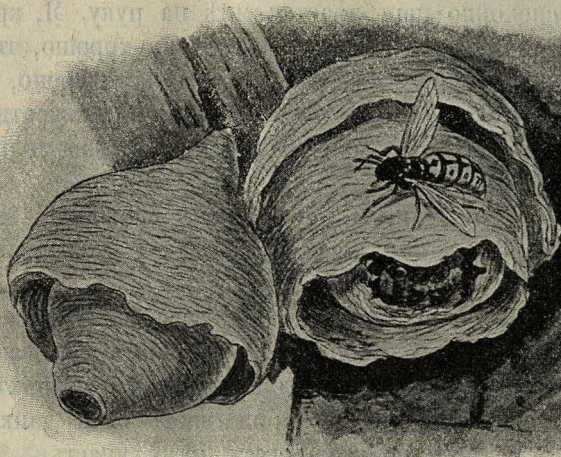
О с а.

Ранней весной часто можно видѣть большую осу, лѣниво пролетающую
надъ землей. Это самка, или королева; всю долгую зиму она проспала въ
уютной норкѣ, а съ первыми теплыми днями она отправляется отыскивать
мѣсто, гдѣ бы построить себѣ гнѣздо; гдѣ-нибудь на сухомъ солнечномъ мѣстѣ
она находитъ пустую, уже готовую норку, гдѣ жила раньше мышь или какое-
нибудь другое маленькое животное, и начинаетъ въ ней устраиваться.

Если же осѣ не удастся найти себѣ такой готовой норки, то она выка-

пываетъ ее сама своими ножками и крѣпкими челюстями. Много приходится ей работать для того, чтобы устроить себѣ жилье! Она дѣлаетъ въ землѣ узкій проходъ, а въ концѣ его—маленькое углубленіе; когда все готово, оса летитъ къ ближайшему столбу или плетню, выбираетъ дерево помягче, садится на него, и сдираетъ съ него волокна своими сильными челюстями, пока не наберетъ маленькаго клубочка тонкихъ стружекъ. Она примѣшиваетъ къ этимъ стружкамъ слюны изъ своего рта, пока не образуется вязкое тѣсто, и скатываетъ его въ шарикъ.

Потомъ она подкатываетъ этотъ шаръ къ норкѣ и приготовляетъ изъ него тонкій сѣрый листочекъ, точно изъ сѣрой бумаги или изъ тонкаго картона. Изъ этого картона оса дѣлаетъ маленькія ячейки, какъ пчела изъ воска.

Осиныя гнѣзда.

Ячейки осы съ виду совѣмъ такія же, какъ и медовые соты. Когда у осы готовъ цѣлый рядъ ячеекъ, она покрываетъ ихъ крышей изъ толстой бумаги, въ родѣ какъ бы зонтикомъ. Всѣ ячейки обращены своей открытой стороной внизъ.

Потомъ оса кладетъ въ ячейки яйца,—по одному яйцу въ каждую ячейку, прикрѣпляя каждое яичко къ стѣнкѣ своей клейкой слюной, такъ что яичко не можетъ выпасть. Потомъ оса начинаетъ строить подъ первымъ рядомъ второй рядъ ячеекъ подъ второй крышей. И сюда она кладетъ опять много яицъ.

Черезъ нѣсколько дней изъ яицъ въ верхнемъ ряду ячеекъ выходятъ молодыя личинки. Личинки не могутъ вылѣзть изъ своихъ комнатокъ и отправляться себѣ за пищей, и мать должна заботиться о нихъ. Мало ей времени остается на то, чтобы поѣсть самой! Ей приходится теперь то и дѣло летать взадъ и впередъ, чтобы добывать пищу для голодныхъ ртовъ своихъ малютокъ. Въ это время оса приноситъ много пользы плодовымъ деревьямъ и другимъ растеніямъ, потому что поѣдаетъ тлей, мухъ, личинокъ и многихъ маленькихъ насѣкомыхъ, которые объѣдаютъ листья и кору на растеніяхъ.

Въ первое время, когда личинки малы и слабы, оса передъ тѣмъ, какъ кормить своихъ дѣтей, мочить пищу у себя во рту, но скоро онѣ привыкають ѣсть твердую пищу, и тогда мать приносить имъ маленькіе куски сухой пищи. Кромѣ того, мать даетъ своимъ дѣтенышамъ также меду. Медъ осы приготавливають сами, или же таскають его у пчель.

Если оса найдетъ слишкомъ большую личинку, такъ что ей тяжело ее нести, она разрываетъ ее на два или на три куска и относитъ въ свое гнѣздо по частямъ. Оса никогда не забудетъ того мѣста, гдѣ она оставила часть добычи, хотя бы она и лежала далеко отъ гнѣзда. Она летитъ прямо туда, куда надо, и находитъ оставленные куски. Оса очень умное насѣкомое и хорошо знаетъ дорогу во всѣ стороны отъ своего гнѣзда.

Черезъ нѣкоторое время личинки внутри ячеекъ свивають на открытомъ концѣ своихъ маленькихъ жилищъ шелковую паутинку. Онѣ немного отдыхаютъ тамъ и превращаються въ куколокъ, изъ которыхъ выходятъ крылатые осы.

Потомъ онѣ прорываютъ паутину, сплетенную ими, и какъ только выучиваются летать, начинаютъ помогать матери работать. Онѣ кормятъ другихъ маленькихъ только-что родившихся братьевъ и сестеръ и строятъ много новыхъ ячеекъ. Въ концѣ лѣта подъ землей, на томъ мѣстѣ, гдѣ одна единственная оса построила свой первый домикъ, уже копошится цѣлый громадный городъ. Всѣ осы только и дѣлають теперь, что носить пищу личинкамъ въ гнѣздо. Нѣкоторыя изъ нихъ слѣдятъ за чистотой помѣщенія, и, когда какая-нибудь оса умираетъ внутри гнѣзда, остальные осы выносятъ ее наружу и кладутъ подальше отъ гнѣзда. Если мертвая оса очень велика, осы разрываютъ ее на куски и убирають по частямъ.

Жестоко и дурно убивать красавицу-осу, когда она залетаетъ къ намъ въ садъ или домъ: она отплачивается на такой смѣлый поступокъ, чтобы утащить кусочекъ съ нашего стола для своихъ голодныхъ дѣтокъ.

Да и не за что убивать осу, — она для насъ вовсе не врагъ, а вѣрный другъ. Если вслѣдствіе холодовъ ось становится меньше, то мухи и личинки, такъ вредящія растеніямъ, размножаются въ невѣроятномъ количествѣ. Въ поляхъ и лугахъ осы часто спасаютъ хлѣба и травы отъ нашествія вредныхъ насѣкомыхъ.

Осы любятъ спѣлые плоды и этимъ вредятъ, правда, нѣсколько плодовымъ садамъ, но еще больше любятъ онѣ насѣкомыхъ, ими осы кормятъ своихъ дѣтокъ, а такъ какъ другія насѣкомыя вредятъ растеніямъ гораздо больше, чѣмъ сами осы, то въ общемъ отъ ось все-таки больше пользы, чѣмъ вреда.

Вотъ что рассказывала одна моя знакомая про ось. Въ ея теплицѣ стояли рядомъ два персиковыхъ дерева. Одно изъ нихъ было уже покрыто прекрасными плодами; но на другомъ, болѣзненномъ и чахломъ, не было ни одного персика, оно все было усыяно тлями. И какое же дерево выбрали, вы думаете, осы? Онѣ сами любятъ плоды, но имъ нужно было кормить дѣтей, а тѣ не могутъ ѣсть плодовъ, и осы накинулись на дерево съ насѣкомыми.

Ни одна оса не подумала и дотронуться до персиковъ, пока чахлое дерево не было очищено отъ тлей. А когда все уже было кончено, моя знакомая приказала накрыть персики кисейнымъ мѣшкомъ, и осы не могли уже повредить имъ.

Люди обыкновенно страшно боятся, что ихъ ужалитъ оса. Они воображаютъ, что каждая подлетающая оса только о томъ и думаетъ, какъ бы ихъ ужалить. А у осы между тѣмъ слишкомъ много своего дѣла для того, чтобы она стала думать еще объ этомъ.

Жаломъ оса убиваетъ свою добычу—большихъ мухъ, пауковъ. Кромѣ того, она жалитъ, испугавшись чего-нибудь. Когда мы начинаемъ прыгать вокругъ нея и махать платками, она, конечно, пугается и можетъ насъ ужалить, но если вы будете сидѣть смирно, оса навѣрное не тронетъ васъ.

Не многія осы переживаютъ зиму, чтобы на будущій годъ построить себѣ гнѣзда и развести дѣтокъ. Первый сильный морозъ или даже холодный вѣтеръ убиваютъ почти всѣхъ осъ.

Скворушка.

Нѣтъ у насъ на Руси ни одной деревушки, гдѣ бы на воротахъ корявой избушки не торчала скворешница, да еще съ березовой вѣточкой. Гдѣ бѣдно, а лѣску много, привѣшена на шестикѣ осиновая, а не то и липовая дупляночка. А гдѣ побогаче да побойтѣе, тамъ и дуплышко дощатое, крыто тесомъ, какъ хоромина, а предъ входной круглой дырочкой есть и крыльчико лопаточкой.

Для кого же эти дуплышки? для кого эти хороминки? Все для друга, для любимчика, для скворушки болтливаго. Никого не любить такъ мужикъ, какъ этого скворушку.

Съ первымъ вѣянiемъ весны, какъ только появятся проталинки, издалека съ полудня другъ за другомъ летитъ разная птица. Первымъ является грачъ на навозѣ деревенской улицы. Черезъ день, черезъ два паритъ надъ проталинами невзрачная птичка—жавороночекъ; звонко гудитъ его пѣсня веселая, легкой трелью по полю раскатится и весельемъ въ душѣ отзовется.

Вслѣдъ за жаворонкомъ тянутъ съ юга на сѣверъ гуси, утки, гагары, нырки.

Вотъ летитъ стайка сомкнутой кучкой; поднялась уже надъ самымъ селомъ, встрепенулась, свернула въ сторонушку, закружилась, вскричала за разъ. Какъ горохъ, тутъ посыпались скворчки изъ той стайки въ родное село. Полетѣли къ скворешницамъ, заняли каждую дачку свою, оглянулись, отдохнули и маршъ на рѣку!

На припекахъ луга оголилися, зашныряли жуки и сверчки, зашагали скворчики въ зелени и пошли собирать свою дань. Понасытившись, вымылись въ лужицѣ, а затѣмъ по домамъ отдыхать. Отдохнувши же, пѣсенку грянули, а на утро опять работать.

Такъ-то съ ранней весны вплоть до осени и скворецъ и мужикъ заодно отправляются утромъ на пашню, а подъ вечеръ домой прибредутъ.

И работа у нихъ идетъ общая. Пашетъ пашню мужикъ, а скворецъ за сохой. Тотъ кидаетъ зерно, этотъ червя тащить. Мужикъ сѣно косить, — и скворецъ на луга. Мужикъ травку гребетъ, — онъ кузнечика ѣсть. Мужикъ стадо пасти, — а скворецъ тутъ какъ тутъ: межъ коровъ и овецъ онъ какъ свой за-

шагалъ; влѣзетъ на спину имъ, копошится въ шерсти, ищетъ въ травкѣ, въ землѣ. Что же ищетъ онъ тамъ? Говорятъ, что скворецъ ѣстъ улитокъ, червей, ѣстъ стрекозъ и жуковъ, ѣстъ кузнечиковъ, мухъ, — ѣстъ все то, что точить у крестьянина хлѣбъ.

Если бъ счесть мужику, что зерна-то ему тотъ скворецъ сохранить, такъ палаты бъ построилъ ему.

Какъ сдѣлать скворешникъ.

Весною птицы возвращаются изъ далекихъ странъ въ наши края. Вы должны приготовить имъ теплый и прочный домикъ. Живя на глазахъ человека и получая отъ него кормъ, птицы часто становятся совсѣмъ ручными. Онѣ полюбятъ васъ, привыкнуть къ вамъ, если вы съ любовью позаботитесь объ ихъ жилищѣ и пищѣ.

Сдѣлать домикъ для птицъ (скворешникъ) очень не трудно. Самый простой изъ нихъ вы видите на рисункѣ 1. Выпилите 4 доски длиною въ 8 вершковъ и шириною въ 4 вершка. Въ одной изъ этихъ досокъ продѣлайте круглую дырочку шириною вершка въ полтора. Вершка на 2 ниже просверлите буравчикомъ и круглымъ напильникомъ дырку и крѣпко вставьте въ нее жердочку такъ, чтобы она выдалась наружу. Сколотите всѣ четыре доски вмѣстѣ и придѣлайте къ нимъ дно и крышу (см. рис. 1). Крыша должна быть вдвое шире дна и выступать впередъ. Хорошо было бы, если бы переднюю стѣнку скворешника сдѣлать на полвершка ниже задней, а боковыя — спилить косо. Крыша

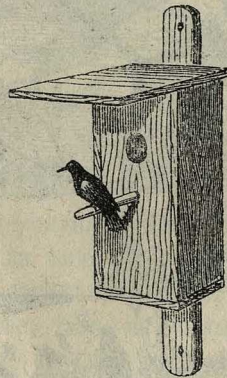

Рис. 1.

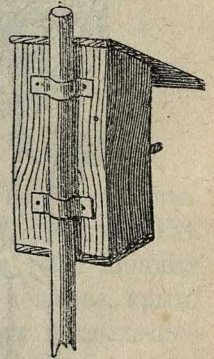

Рис. 2.

будетъ тогда покатая, дождевая вода не застоится на ней, скоро стечетъ внизъ и въ птичьемъ домикѣ не заведется сырости. Скворешникъ готовъ. Положите въ него сѣна или соломы. Достаньте длинный шестъ вышиною съ деревенскую избу. Прикрѣпите къ нему скворешникъ двумя кусками желѣза, какъ показано на рис. 2, и вбейте шестъ въ землю гдѣ-нибудь въ вашемъ саду или на дворѣ.

Шестъ слѣдуетъ такъ вбить въ землю, чтобы входъ въ скворешникъ былъ обращенъ къ югу. Скоро поселятся въ немъ птички, и, если въ палисадникѣ найдется достаточно корму, они привыкнутъ къ своему жилищу и полюбятъ его.

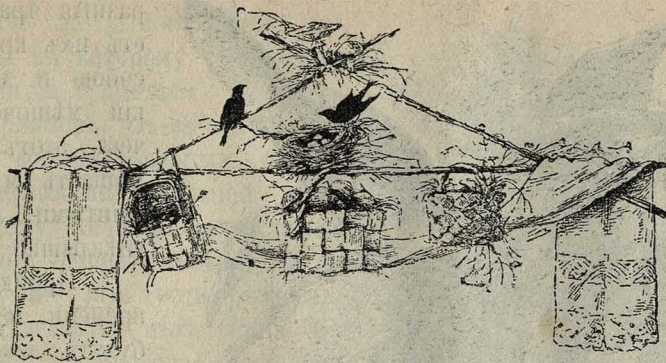

Рис. Е. Бемъ.

Маленькіе труженики.

Нѣсколько дней подъ рядъ шелъ дождикъ и смылъ со стѣны нашего дома гнѣздышко ласточки. Съ какимъ жалобнымъ щебетаніемъ носится вокругъ птичка! Гнѣздышко лежитъ теперь изломанное и разрушенное на дорожкѣ сада. А какъ трудилась надъ нимъ бѣдная ласточка прошлою весною!

Люди строятъ свои дома при помощи разныхъ инструментовъ, дерева, камней, гвоздей, извести, желѣза. У людей есть сила, и для того, чтобы умѣть строить, они много учатся. У птички для ея искусной работы есть только ея тоненькій клювъ и нѣжныя ножки. Весь матеріалъ птички—глина, соломинки, ниточки, пухъ или вата и прутики. Этихъ маленькихъ тружениковъ никто ничему не училъ, а какъ искусно они дѣлаютъ свои крохотные домики!

Наша ласточка тоже натаскала себѣ глины, соломинокъ и принялась выводить надъ своимъ окошкомъ свое новое жилище.

Однѣ изъ птицъ устраиваютъ свои домики просто въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, другія вьютъ изъ травы и прутиковъ маленькія корзиночки среди вѣтвей кустовъ или деревьевъ или просто въ полѣ, среди нескошеннаго луга.

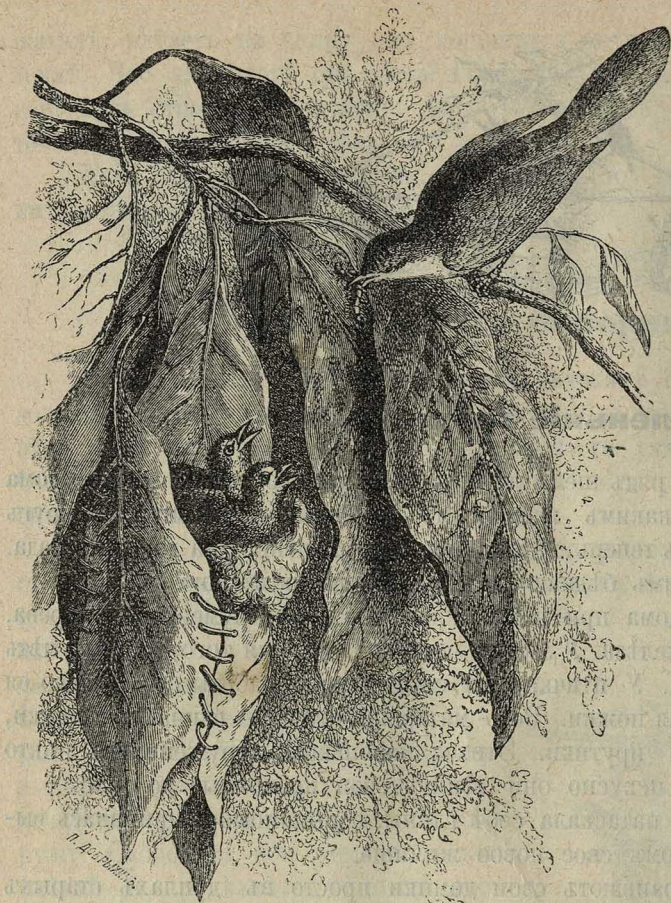
Въ теплыхъ странахъ живутъ крошечныя птички колибри, яркія, пестрыя, какъ разноцвѣтные камешки. Нѣкоторыя изъ нихъ величиною не больше нашего шершня. Своими тоненькими, какъ булабочки, клювиками и хрупкими ножками эти птички сплетаютъ свои хорошенькія гнѣздышки изъ ваты, кусочковъ нѣжнаго мха и сухихъ травъ.

Но еще удивительнѣе дѣлаетъ свое гнѣздо маленькая птичка портниха. Живетъ она также въ теплыхъ полуденныхъ странахъ, гдѣ жарче свѣтитъ солнце, ярче цвѣтутъ и сильнѣе благоухаютъ роскошныя цвѣты.

Маленькая зеленоватая портниха ютится въ цвѣточныхъ и фруктовыхъ садахъ, въ ароматной зелени живой изгороди, близко отъ людей. Тамъ трудолюбиво принимается она за постройку домика.

Хлопочетъ малютка, всюду набираетъ пушистой ваты и шерсти и, какъ настоящая пряжа, сучитъ изъ нихъ крѣпкія нитки. Когда онѣ готовы, птичка прокалываетъ своимъ острымъ клювикомъ края двухъ листочковъ, ловко продѣваетъ въ дырочки нити и сшиваетъ листочки снизу до половины. Понятно, почему эта птичка названа «портнихою».

Теперь надо выстлать гнѣздышко внутри, чтобы мягко и тепло было ея дѣткамъ. То тамъ, то сямъ собираетъ хлопотунья шерсть, конскій волосъ, вату,

Птичка портниха и ея гнѣздо.

„По гнѣзда, по яйца!“

Раннимъ утромъ на деревенской улицѣ—шумъ, крикъ и суета. То въ одномъ, то въ другомъ дворѣ отворяются ворота, и на улицу выбѣгаютъ овцы съ ягнятами, коровы, свиньи; онѣ мычатъ, хрюкаютъ; а за ними съ кнутами гонятся босоногіе ребята. Все это быстро движется по улицѣ, растетъ, растетъ и превращается въ стадо; стадо это уже ждетъ пастухи у околицы, принимаютъ его подъ свою команду и угоняютъ въ поле; а непрошенные пастухи-мальчишки остаются у околицы.

Тутъ сейчасъ же устраивается у нихъ сходка, и идутъ толки о томъ, что дѣлать.

Ни въ полѣ, ни въ лѣсу нѣтъ еще ничего съѣдобнаго: ни ягодъ, ни гороху, ни грибовъ. Остается одно—промышлять *яичницу*. Вотъ и толкуютъ они, гдѣ промышлять? Одни тянутъ въ лѣсъ, другіе—на болото, третьи—на рѣку, гдѣ и рыбки можно промыслить. Въ концѣ-концовъ дѣло улаживается; разбившись на партіи, разбойники отправляются изъ села на промыселъ. Много горя несутъ они въ птичій міръ. Какъ добрыя ищейки, осматриваютъ ребята поля и луга, берега рѣкъ и болотъ, опушки лѣсовъ и полянъ и всюду соберутъ свою дань. Тоскливо, невыразимо жалобно кричатъ птички, порхая надъ разоренными гнѣздами. А подъ берегомъ рѣчки, въ укромномъ

разныя травки, сплетаютъ ихъ крѣпко между собою и дѣлаютъ мягкій мѣшочекъ. Мѣшочекъ этотъ птичка помѣщаетъ между двумя сшитыми листьями, и гнѣздышко готово.

Пройдетъ немного времени, и на днѣ его будутъ лежать крохотныя бѣлыя яички съ красными крапинками, и выйдутъ изъ нихъ смѣшныя, жалкіе птенчики. Мягко, хорошо будетъ спать малюткамъ... Ласково станеть вѣтеръ качать, баюкать ихъ зеленую колыбельку-домикъ, шептать имъ тихія пѣсенки, приносить нѣжный аромат цвѣтущихъ деревьевъ...

уголкѣ, вьется уже дымокъ. Этотъ дымокъ—маякъ, къ которому съ разныхъ сторонъ сходятся грабители.

Изъ кармановъ, изъ-за пазухи выкладывается добыча: зеленя, бѣлыя, сѣрыя, пятнистыя яички разной величины. Каждому хочется похвастаться добычей; одинъ нашелъ много, у другого меньше, но зато есть рѣдкости, диковинки. Расскажамъ нѣтъ конца. Затѣмъ появляется сковорода, стащенная потихоньку у какой-нибудь слѣпой «бабушки», и начинается выпусканіе яицъ. Много ихъ собрано, но на сковороду попадетъ развѣ четвертая часть, потому что остальные насижены, и ихъ безжалостно бросаютъ въ рѣку. Яичница поспѣла, съѣдена, и ребята разбрелись на новые промыслы.

Не во всякой деревнѣ существуетъ этотъ промыселъ. Но гдѣ разъ набаловались ребята, тамъ окрестности опустошаются изъ года въ годъ.

Нужно ли говорить, какое это гадкое дѣло.

Не разоряйте гнѣздъ!

Весной многіе мальчики лазятъ по заборамъ и бродятъ по лѣсамъ, разыскивая птичьи гнѣзда. Это они дѣлаютъ или для того, чтобы воспользоваться яйцами, которыя они пьютъ, или для того, чтобы взять птенцовъ, которыхъ они потомъ уморятъ голодомъ, или просто изъ желанія разрушать.

Было бы гораздо лучше, если бы вы, найдя начатое гнѣздо, посмотрѣли осторожно, издали, какъ заботливо отецъ и мать собираютъ матеріалы для гнѣзда, какъ они носятъ мохъ, перья, пухъ, расправляютъ все это носиками, утаптываютъ ножками и вертятся въ гнѣздѣ, чтобы придать ему круглоту.

Затѣмъ попозже, когда мать станетъ высидывать яйца, вы увидали бы, какъ отецъ приноситъ ей ѣсть, чтобы она не

Рис. Е. Бемъ.

потревожилась сама, и поетъ около нея на вѣткѣ, чтобы повеселить ее. Еще позднѣе, когда птенцы выведутся, вы увидѣли бы, какъ родители прилетаютъ и улетаютъ, таща въ носикахъ мухъ, гусеницъ, червяковъ, и кормятъ своихъ малютокъ, а тѣ пищать и широко разѣвываютъ клювы, ожидая пищи.

Подъ конецъ вы увидѣли бы, какъ маленькіе, уже оперившіеся и окрѣпшіе, птенчики сидятъ на краю гнѣзда и пробуютъ перелетать съ вѣтки на вѣтку, увидѣли бы, какъ родители даютъ имъ первые уроки полета.

Да, вы получите несравненно больше удовольствія, наблюдая все это, нежели разоряя гнѣзда. Черезъ нѣсколько дней маленькія птички, которыми вы любовались, привыкнутъ къ вамъ и перестанутъ бояться. Тогда можно сколько угодно наблюдать за ними, а при случаѣ и оказать имъ защиту.

Птичка въ плѣну.

Кончилась власть суровой зимы, и вся природа проснулась къ новой жизни. Роща уже одѣлась въ свою новую, роскошную одежду, поля покрылись свѣжей зеленью. По лугамъ разносится веселый звонъ колокольчиковъ пасущагося стада, весело журчатъ свѣтлые ручейки, и маленький пѣвецъ уже весело заплѣлъ въ густой листвѣ деревьевъ свою простую пѣсенку. Въ ней поетъ онъ о своей свободѣ, о своей вольной волюшкѣ.

Счастлива птичка среди зеленыхъ вѣтвей! Весь великій міръ принадлежитъ ей, куда бы ни занесли ее легкія крылья. Она строитъ свое гнѣздо тамъ, гдѣ ей захочется. Но какъ грустно той птичкѣ, которую держать въ плѣну, въ тѣсной клѣткѣ! Полная муки и желаній, смотреть она оттуда и думаетъ: не принесетъ ли и ей весна свободу.

Возвратите же пѣвца его лѣсамъ! Легко полетитъ птичка черезъ горы и долины и изъ зеленой листвы зазвучитъ ея веселый голосокъ, ея радостная, ликующая пѣснь о свободѣ.

Птичка.

Птичка Божья много знаетъ
И заботы и труда,
Цѣлый день она летаетъ,
Носитъ прутья для гнѣзда.

Набираетъ мохъ, шерстинокъ,
Листьевъ, травки, мелкій пухъ,
Ищетъ червяковъ, личинокъ,
Ловитъ насѣкомыхъ, мухъ.

Много ей хлопотъ и дѣла,
Весело зато живетъ:
Отработала, присѣла
И поетъ себѣ, поетъ.
Къ лѣту въ гнѣздышкѣ тѣнѣ:
Дѣти малыя пищать.
Матери, отцу труднѣ:
Надо выкормить ребятъ.

Солнце встанетъ, ужъ заботу
Имъ вчерашнюю несетъ;
На всеневную работу
Птичка съ пѣснями идетъ.
Малыхъ дѣтокъ обучаетъ
И за кормомъ имъ летитъ,
Да и насъ не забываетъ,
Своей пѣснью веселитъ.

Майскій союзъ.

Едва наступаетъ весна, какъ всѣ финляндскіе школьники и школьницы начинаютъ готовиться къ веселому празднику. Праздникъ этотъ справляется обыкновенно перваго мая.

Съ ранняго утра въ этотъ день по улицамъ финляндскихъ городовъ и деревень начинаютъ тянуться длинныя шествія школьниковъ. Они идутъ одни за другими въ строгомъ порядкѣ. Всѣ школьники одѣты въ свое лучшее праздничное платье, несутъ цвѣты, музыкальные инструменты.

Куда же идутъ школьники? Что у нихъ за праздникъ?

Они идутъ за городъ. Тамъ они будутъ пѣть, бѣгать взапуски, играть въ разныя игры, совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Это — все члены «Майскаго союза», который составилъ для того, чтобы охранять птицъ отъ жестокости, не давать ихъ въ обиду.

Въ члены этого союза можетъ поступить каждый мальчикъ и каждая дѣвочка. Каждая школа можетъ составить свой отдѣльный кружокъ. Иногда нѣсколько школъ по сосѣдству собираются вмѣстѣ и составляютъ одинъ кружокъ. Кромѣ того, такіе же кружки устроены въ городахъ и селахъ Финляндіи для тѣхъ дѣтей, которыя почему-нибудь не ходятъ въ школу.

Каждый кружокъ дѣйствуетъ отдѣльно, но у всѣхъ у нихъ одна забота: охрана бѣдныхъ, беззащитныхъ животныхъ.

Вотъ что говорится въ уставѣ «Майскаго союза»:

1) «Мы хотимъ быть добрыми и милосердными. Мы никогда не будемъ по легкомыслію и злобѣ мучить какое-либо живое существо».

2) «Мы будемъ защищать невинныхъ и беззащитныхъ. Мы будемъ защищать всѣхъ безвредныхъ мелкихъ птицъ».

3) «Мы никогда не будемъ тревожить, ранить или убивать птицъ. Мы никогда не будемъ разорять ихъ гнѣздъ, никогда не будемъ похищать ихъ яицъ или птенцовъ».

4) «Мы будемъ насыпать имъ корму зимою и въ сильный холодъ спасти ихъ отъ замерзанія».

5) «Мы любимъ свободу и хотимъ, чтобы и другіе были свободны. Мы никогда не будемъ ловить птицъ сѣтями, силками и другими приманками и хитрыми пріемами. Мы никогда не будемъ держать ихъ взаперти въ клѣткѣ, развѣ только если онѣ родились въ клѣткѣ и если мы спасаемъ ихъ этимъ отъ гибели».

6) «Мы будемъ стараться освобождать бѣдныхъ узниковъ. Мы будемъ выкупать и выпускать на волю пойманныхъ мелкихъ птицъ, насколько хватитъ нашихъ средствъ»..

7) «Никогда неправда не будетъ совершена съ нашего согласія или оттого, что мы равнодушно допустимъ совершеніе ея. Мы будемъ противиться всякому коварству, жестокости и несправедливости. Мы будемъ всѣми средствами противоѣствовать насилію надъ птицами. Мы будемъ всегда заступаться за нихъ и горячо и убѣдительно просить обидчиковъ, чтобы они пощадили беззащитныхъ, которые требуютъ нашего заступничества».

Рис. Б. Бельг.

«Все это мы общаемъ во имя любви къ Богу и Его твореніямъ, изъ жалости къ птицамъ и изъ благодарности имъ за ихъ пѣніе и за охрану нашихъ полей».

Майскій союзъ, распространяется по всей Финляндіи, и всѣ школьники финляндскіе соединились вмѣстѣ для того, чтобы общими силами оберегать своихъ птичекъ.

Въ этомъ союзѣ участвуютъ теперь до 15 тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Летучая мышь.

Вотъ повѣяло весеннимъ тепломъ, растаялъ снѣгъ, пробилась первая травка, прилетѣли птицы, проснулся и маленькій, некрасивый, всѣми нелюбимый и для многихъ страшный звѣрокъ, проснулась летучая мышь. Проснулась она и въ сумерки вылетѣла расправить свои затекшія руки-крылья, поймавъ только-что появившихся насѣкомыхъ.

Всю долгую зиму висѣла наша летучая мышь внизъ головой, уцѣпившись задними ножками, плотно прижавшись къ своимъ сосѣдкамъ летучимъ мышамъ, которыхъ набралось въ это дупло или на этотъ чердакъ не одинъ десятокъ. Всѣ онѣ проспали всю зиму, ничего не ѣвши, и не умерли съ голоду, и не замерзли только потому, что за лѣто нагуляли много жиру, потому, что ихъ мѣхъ такъ густъ и тепелъ, ихъ кожистыя нѣжныя крылья закрыли ихъ тѣльца отъ зимняго холода.

Изголодалась за зиму летучая мышь, исхудала и летитъ теперь, и хватаетъ направо и налево насѣкомыхъ. Какъ тѣнь, быстро и неслышно проносятся она въ сумракѣ весенней ночи. Все ея маленькое, легонькое тѣлце приспособилось къ этому ночному, быстрому полету, къ ловлѣ насѣкомыхъ. На маленькой головкѣ мыши едва виднѣются плохо видящіе глазки, торчатъ огромныя чуткія уши, заднія ножки коротки, съ цѣпкими когтями, а переднія въ нѣсколько разъ длиннѣе всего тѣла звѣрка. Между длинными пальцами переднихъ ногъ идетъ тонкая перепонка. Перепонка эта прикрѣплена и къ тѣлу мыши, такъ что вмѣсто ноги у нея вышло сильное, огромное крыло. Разставить свои пальцы летучая мышь, растянеть перепонку, замахаешь передними лапками и полетитъ быстро, неслышно.

Летитъ она и своимъ чуткимъ ухомъ прислушивается, не летитъ ли гдѣ

какое насѣкомое, и чуть слышитъ неуловимое для человѣка шуршанье крыльевъ бабочки или мухи, она кидается въ ихъ сторону съ широко раскрытымъ ртомъ и своими острыми, частыми зубками крѣпко схватываетъ добычу. Челюсти ея такъ сильны и зубы такъ остры, что легко разгрызаютъ самыя крѣпкія надкрылья жуковъ; но въ то же время такъ мелки, что не страшны никому, кромѣ этихъ жуковъ и бабочекъ.

Ловить насѣкомыхъ летучей мыши помогаетъ не одинъ слухъ, а и ея чудное осязаніе: пробовали залѣпить летучей мыши глаза и пустить ее летать по комнатѣ, въ которой было растянута много шнурочковъ съ колокольчиками. Летучая мышь носилась по комнатѣ быстро, какъ зрячая, и ни одинъ колокольчикъ не брякнулъ: такъ чувствовала она своими крыльями близость веревки и остерегалась задѣть ее.

Летаетъ летучая мышь и ловить одно насѣкомое за другимъ. Много ей надо наловить ихъ, чтобы наѣсться: вѣдь она летаетъ всего нѣсколько часовъ въ короткую лѣтнюю ночь, да и то

только, когда нѣтъ ни дождя, ни вѣтра, значить далеко не каждую ночь. Надо ей и жиромъ запастись на всю долгую, многомѣсячную зиму, чтобы не умереть тогда съ голоду и холоду. Вотъ и носится она изъ стороны въ сторону, устанетъ, прицѣпится лапками, вздохнетъ минуту,

другую, а тамъ, глядишь, отпустилась, упала въ воздухъ, распустила свои крылья и скрылась въ ночной тьмѣ.

Много пользы приноситъ каждому деревенскому жителю летучая мышь, много водится ночныхъ насѣкомыхъ, губителей нашихъ огородовъ и садовъ, нашихъ посѣвовъ и лѣсовъ, и у всѣхъ ихъ чуть ли не единственный врагъ—летучая мышь. Такъ что каждый деревенскій житель порадоваться долженъ, если у него на чердакѣ заведется этотъ безобидный, некрасивый звѣрокъ.

У летучей мыши родится одинъ, много два дѣтеныша. Она кормитъ ихъ своимъ молокомъ. Гнѣздъ летучая мышь не строитъ, а дѣтенышей, пока они малы и не могутъ сами летать, носить всегда съ собой. Они висятъ у нея на груди, когда она летаетъ, висятъ и тогда, когда она спокойно виситъ внизъ головой, закрывшись своими огромными крыльями.

Летучія мыши.

Совушка.

Въ западной и южной Россіи водится маленькая сова, которую называютъ сипухой. Она любитъ жить поблизости отъ человѣческаго жилья и потому часто селится на колокольняхъ, чердакахъ, въ развалинахъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, она вьетъ гнѣзда такъ же и въ лѣсу, обыкновенно на сломанныхъ стволахъ, въ дуплахъ старыхъ деревьевъ.

Одинъ нѣмецкій ученый рассказываетъ слѣдующій случай о материнской любви сипухи. Одинъ его знакомый нашелъ въ сараѣ гнѣздо съ птенцами сипухи и перенесъ его къ себѣ въ комнату, которая находилась недалеко отъ сарая.

На другое утро онъ нашелъ снаружи на окнѣ кучку мертвыхъ мышей, которыхъ родители птенцовъ натаскали въ теченіе ночи для своихъ дѣтенышей. То же повторилось и на другой день, и такъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль родители продолжали заботиться о своихъ плѣнныхъ птенцахъ и каждую ночь приносили для нихъ корму. Этими мышами знакомый ученаго и кормилъ птенцовъ.

Однажды онъ открылъ окно комнаты, и тогда обѣ старыя сипухи, отецъ и мать птенцовъ, влетѣли даже въ комнату, гдѣ онъ ихъ и поймалъ. Позднѣе онъ выпустилъ опять на свободу какъ старыхъ сипухъ, такъ и вскормленныхъ имъ дѣтенышей.

Сипуха питается главнымъ образомъ мышами и крысами и только изрѣдка нападаетъ на маленькихъ птичекъ. Мыши же и крысы — очень вредныя животныя, потому что истребляютъ сложенный въ амбарахъ хлѣбъ

Сова кормить птенчиковъ.

и другіе запасы человѣка. Поэтому сипуха — одна изъ самыхъ полезныхъ птицъ. Между тѣмъ многіе считаютъ всѣхъ совъ вредными птицами и стараются при каждомъ удобномъ случаѣ истреблять ихъ. Другіе боятся совъ или относятся къ нимъ съ отвращеніемъ только потому, что онѣ, какъ ночныя животныя, прячутся днемъ въ развалинахъ и другихъ темныхъ уголкахъ и летаютъ ночью. Въ сказкахъ часто изображаютъ колдуновъ и злыхъ волшебниковъ въ сопровожденіи совъ и летучихъ мышей. И все только зато, что и тѣ и другія — ночныя животныя. Такимъ образомъ люди привыкаютъ бояться совъ и летучихъ мышей и относятся къ нимъ съ отвращеніемъ, какъ къ какому-то злымъ, противнымъ существамъ. Неразумный человѣкъ убиваетъ ихъ и тѣмъ не только совершаетъ напрасную жестокость, но и причиняетъ вредъ самому себѣ.

Искусственный гнѣзда для птичекъ.

Какъ печалень и непривѣтливъ былъ бы лѣсъ, какъ пусто и скучно было бы въ саду и въ полѣ, какъ грустно было бы и на улицахъ города, если бы множество птичекъ не оживляло ихъ своей суетливой жизнью, оглашая воздухъ своимъ пѣніемъ, чириканьемъ и щебетаньемъ!

Раньше, когда было больше лѣсовъ, когда города не были еще такъ тѣсно застроены и въ нихъ было больше садовъ съ старыми, развѣсистыми, дуплистыми деревьями, птицамъ было раздолье, и онѣ селились, гдѣ хотѣли, наполняя всѣ сады, лѣса и рощи, всюду внося жизнь и оживленіе и усердно работая надъ охраной нашихъ хлѣбовъ, кустовъ и деревьевъ.

Но теперь, когда города тѣсно застроились домами, а лѣса повыврублены, птичкамъ пришлось плохо: имъ негдѣ стало селиться, — сколько труда приходится иной разъ положить имъ для того, чтобы найти сносное мѣсто для гнѣздышка, и съ каждымъ годомъ это становится все труднѣе и труднѣе. Плохо приходится птичкамъ, и онѣ мало-помалу перестаютъ прилетать въ тѣ мѣста, гдѣ прежде онѣ водились во множествѣ. Вотъ для того, чтобы помочь имъ и приманить ихъ снова въ свои сады, огороды и рощи, гдѣ онѣ оказываютъ такую большую услугу, уничтожая разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, люди и придумали устраивать для птицъ искусственный гнѣзда, гдѣ онѣ могли бы удобно селиться и на кокоѣ выводить своихъ птенцовъ.

За границей такіа гнѣзда уже давно устраиваются, а теперь и у насъ въ Россіи уже во многихъ мѣстахъ стали ихъ заводить. Теперь во Владимірской губерніи вы не найдете ни одного двора въ городѣ, ни одной избы въ деревнѣ, гдѣ бы не было повѣшено

нѣсколькихъ скворешень; всѣ скворешни весной заселяются скворцами; скворцы привыкаютъ къ своимъ домикамъ, и изъ года въ годъ каждая пара весной летитъ въ свое старое жилище. Можетъ-быть, потому-то Владимірская губернія и славится такъ своими владимірскими вишнями и муромскими огурцами. Въ другихъ губерніяхъ такого обычая нѣтъ, зато и сады тамъ зачастую стоятъ голые, безъ листьевъ и не приносятъ плодовъ, огороды идутъ кое-какъ, а лѣса сохнутъ.

Хорошо было бы, если бы у насъ поскорѣ завелся повсюду обычай устраивать искусственный гнѣзда! У насъ въ Россіи дѣлаютъ пока домики только для скворцовъ — скворешни, но и для разныхъ другихъ птичекъ можно устраивать такіе же домики, гдѣ онѣ охотно стали бы селиться и выводить птенчиковъ. Устроить ихъ очень не трудно; если бы вы захотѣли только, каждый изъ васъ могъ бы самъ или при помощи родителей, старшихъ братьевъ или товарищей устроить такіа гнѣзда и помогать птичкамъ селиться.

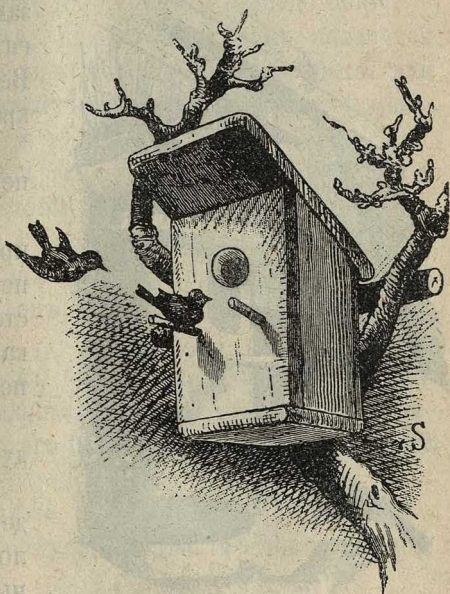

Рис. 1.

Вѣроятно, многіе изъ васъ умѣютъ пилить лобзикомъ и сколачивать доски гвоздями. Изъ неструганныхъ, правильно распиленныхъ дощечекъ надо сколотить ящичекъ съ крышей (смотри рис. 1); дощечки надо выбирать прочныя, сухія и безъ запаха: липовыя, тополевыя, сосновыя или еловыя. Сбивать дощечки надо какъ можно плотнѣе, даже лучше склеивать ихъ между собою, чтобы между ними совсѣмъ не было щелей, особенно въ крышѣ.

На передней стѣнкѣ вверху дѣлается круглое или продолговатое отверстіе—летка; подъ леткой помѣщается палочка такой длины, чтобы она проходила черезъ все гнѣздо до задней стѣнки. Между леткой и палочкой со внутренней стороны передней стѣнки прикрѣпляется небольшая дощечка, мѣшающая кошкѣ, запустившей лапу въ гнѣздо, достать оттуда птенцовъ.

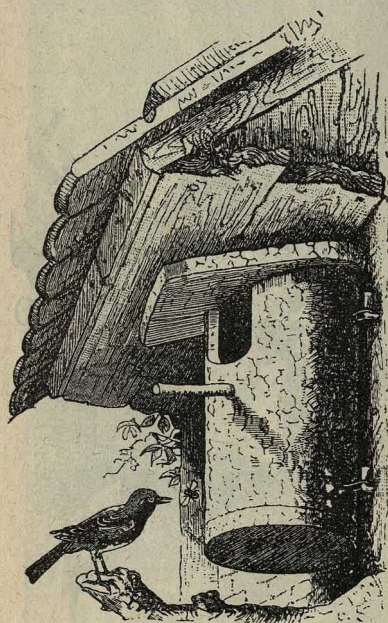

Рис. 2.

Крыша гнѣзда должна быть скошена назадъ или въ сторону, и дѣлать ее надо пошире гнѣзда, чтобы дождь не заливалъ въ летку. Весь ящикъ, не исключая и дна, нужно выкрасить темной, быстросохнущей краской.

Въ середину гнѣзда, на дно, надо положить перьевъ, соломы, мочалы, древесныхъ опилокъ.

Такія гнѣзда прибиваются гвоздями или привязываются крѣпкой бечевкой, а еще лучше пережженной, обмасленной проволокой къ шестамъ, стѣнамъ, стволамъ и вѣтвямъ деревьевъ—какъ можно крѣпче, чтобы ни ворона, ни кошка не распатали ихъ.

Переднюю стѣнку съ леткой всегда слѣдуетъ обращать къ югу или западу.

Если бы у васъ подъ руками оказалось дерево, пустое внутри, то изъ него можно было бы легко надѣлать очень хорошихъ и удобныхъ искусственныхъ гнѣздъ для птицъ: надо распилить его на обрубки, придѣлать къ каждому дну и крышу и сдѣлать летку,— все

какъ и въ тѣхъ гнѣздахъ, которыя сколачиваются изъ досокъ (смотри рис. 2).

Для защиты отъ кошекъ и другихъ мелкихъ хищниковъ хорошо окружить ящикъ снизу погуще колючими вѣтками, напримѣръ, терновникомъ.

Чистить гнѣздъ не надо, объ этомъ позаботятся сами птицы, но хорошо ихъ каждый годъ въ февралѣ мѣсяцѣ осматривать, не снимая, и исправлять, если что не ладно. Не забывайте также тогда положить въ каждое гнѣздо немного свѣжаго пуха, перьевъ и разнаго другого матеріала для устройства гнѣзда.

Въ первый разъ самое лучшее развѣсить гнѣзда съ осени, чтобы птицы успѣли за зиму присмотрѣться и привыкнуть къ нимъ.

Кромѣ такихъ, нарочно устроенныхъ домиковъ для птицъ, хорошо развѣсить на деревьяхъ въ саду, въ рощѣ и въ ближнемъ лѣсу ящики и корзинки, въ которыхъ птички могли бы пріютиться какъ въ гнѣздѣ. Для этого

могут пригодиться любой ящикъ, любая старая корзинка, любой цвѣточный или кухонный горшокъ или кувшинъ, лишь бы только внутренность ихъ была достаточно хорошо защищена отъ дождя.

Птички съ радостью займутъ эти приготовленные уголки и сторицею отплатятъ вамъ за нихъ своимъ милымъ щебетаньемъ и своей работой.

Можетъ-быть, въ первый годъ и не всѣ гнѣздовья, устроенныя вами, заселятся птичками; но зато ужъ, если они хоть разъ будутъ заняты, они никогда послѣ того не останутся пустыми, и тѣ птички, которыя вывелись и выросли въ искусственномъ гнѣздѣ, будутъ и на будущее время стараться занять опять такое же жильѣ.

Осенью, когда перелетныя птицы оставляютъ свои насиженные гнѣздышки и улетаютъ въ чужіе края, на ихъ мѣсто явятся другіе жильцы—разныя зимующія птички: синички, щеглы, снѣгири, овсяночки, и съ радостью займутъ готовыя гнѣздышки, гдѣ такъ хорошо и уютно въ суровую зимнюю пору.

Если въ саду, или поблизости въ роцѣ, или въ лѣсу вамъ попадутся дуплистыя деревья, то и ихъ тоже можно очень хорошо приспособить для жилья птичекъ-дуплогнѣздниковъ, то-есть такихъ птичекъ, которыя устраиваютъ свои гнѣзда въ дуплахъ деревьевъ.

Прежде всего нужно удалить изъ дупла всю труху до твердаго дна и сгладить внутреннюю поверхность стѣнокъ, чтобы въ нихъ не было ни занозъ ни выступовъ.

Если входъ въ дупло такъ узокъ, что даже синица не можетъ въ него пролѣзть, то его надо расширить; если же онъ слишкомъ просторенъ,—его надо сузить, обмазавъ по краямъ глиной.

Если отверстіе дупла направлено не въ бокъ, а вверхъ, то его надо непременно защитить отъ дождя и снѣга маленькимъ навѣсомъ. Но если отверстіе слишкомъ ужъ велико, то выгоднѣй его наглухо заколотить досками и продѣлать новое отверстіе съ боку.

Щели между деревомъ и крышей, такъ же, какъ и всякія другія щели, если онѣ есть въ дуплѣ, надо какъ можно лучше задѣлать глиной, а еще лучше стекольной замазкой.

Наконецъ все, что придѣлано, нужно выкрасить и снаружи и внутри темной, быстросохнущей масляной краской. Такія дупла надо готовить съ осени или еще лучше къ концу лѣта для того, чтобы краска успѣла совершенно высохнуть и запахъ отъ нея совсѣмъ пройти къ тому времени, когда дупло понадобится для заселенія.

Надо еще сказать, что такія дупла, приспособленныя для гнѣздовья птицъ, перестаютъ гнить, и все дерево спасается черезъ это отъ разрушенія.

Займутъ дуплогнѣздники всѣ эти дупла, а рядомъ съ ними, на землѣ, въ кустахъ, на вѣтвяхъ деревьевъ поселятся въ заготовленныхъ вами ящикахъ, корзинахъ и домикахъ другія птички. Среди нихъ, гдѣ-нибудь въ густомъ кустѣ смородины, советъ гнѣздышко и первый нашъ пѣвецъ—соловушка, и по вашему саду будутъ разноситься по вечерамъ его чудесныя пѣсни.

Л Ы Т О .

Мальчикъ и мотылекъ.

«Разскажи, мотылекъ,
Чѣмъ живешь ты, дружокъ?
Какъ тебѣ не устать
День-денской все порхать?»
— Я живу средь луговъ
Въ блескѣ лѣтняго дня,

Пыль съ душистыхъ цвѣтовъ—
Вотъ вся пища моя.
Но коротокъ мой вѣкъ;
Онъ не долѣе дня;
Будь же добръ, человекъ,
И не трогай меня.

Какъ лошадь жабу пожалѣла.

1. Дѣло было лѣтомъ, подъ вечеръ. Только-что прошла гроза. Тишина стояла кругомъ, солнце садилось, и заходящiе лучи его играли въ лужахъ; мокрые листья блестѣли на деревьяхъ. На дорогу откуда-то выползла жаба и сѣла на край лужи. Она подняла свою безобразную голову и стала смотрѣть на небо, словно любуясь имъ. Сидитъ жаба тихо, задумчиво, не чувствуетъ своего безобразiя, никого не боится и сама никому зла не желаетъ.

Увидѣли жабу дѣти, остановились и стали смѣяться.

— Пришибить ее, что ли?—сказалъ вдругъ одинъ мальчикъ.

Другой крикнулъ:

— Ухъ, гадина какая! Ишь, глазъ-то какъ она выпучила на насъ! По-годи, мы съ ней потѣху устроимъ, постой!

Наломали мальчики острых прутьиковъ, стали тыкать и колоть жабу. Попали они прутьикомъ въ глазъ, въ бокъ и изранили жабу.

Мальчики хохотали и чѣмъ больше мучили бѣдную жабу, тѣмъ больше распалялись жестокостью. Они возненавидѣли жабу за то, что она казалась имъ безобразной. Прыгала жаба отъ нихъ, старалась уползти, но дѣти не пускали,—швыряли ее назадъ. Одинъ мальчикъ все старался отрубить ей голову. Онъ опрокинулъ жабу на спину. Жаба барахталась-барахталась и, наконецъ, кое-какъ перевернулася и потащилась дальше, да тутъ свалилась въ глубокую колею. Не смогла искалѣченная жаба выкарабкаться изъ колеи, и поползла она медленно вдоль по мокрой рытвинѣ. Здѣсь ей показалось лучше: вода обмывала ея раны, и здѣсь, въ грязи, ей было покойнѣе, чѣмъ наверху съ людьми. Но мальчики слѣдили за жабой.

— Ванюха! а, Ванюха! Глянь-ка-сь! Опять потащилась, вишь—пятить глазища на насъ... Постой, я пойду, сыщу камень потяжелѣе, я ей погляжу!

И мальчикъ убѣждалъ выбирать камень, а остальные мальчики не спу-скали съ жабы глазъ, шли за ней по сторонамъ колеи и тормозили ее путьями.

2. По дорогѣ ѣхалъ мужикъ съ возомъ.

Телѣгу тащила старая, разбитая на ноги лошадь, напрягая свои дрожащія заднія ноги и спотыкаясь на переднія. Идетъ мужикъ съ боку, прикрикиваетъ и кнутомъ стегаетъ свою лошадь по худымъ бедрамъ, по побитой у сѣделки спинѣ. Возъ тяжелый, колея глубокая, вязкая. Скрипятъ несмазанные колеса, съ трудомъ подвигается впередъ усталая лошадь. Видятъ ребятишки, что наѣдетъ возъ на жабу,—не стали ея добивать, стали ждать, какъ ее колесомъ придавить.

Подѣхалъ возъ совсѣмъ близко; увидѣла лошадь жабу въ колѣѣ, остановилась, вытянула шею, стала обнюхивать. Мужикъ стегнулъ лошадь. Подняла лошадь голову, влегла въ хомутъ, подалась въ сторону и, напружившись изо всѣхъ силъ, стала выворачивать тяжелыя облипшія колеса изъ глубокой колеи.

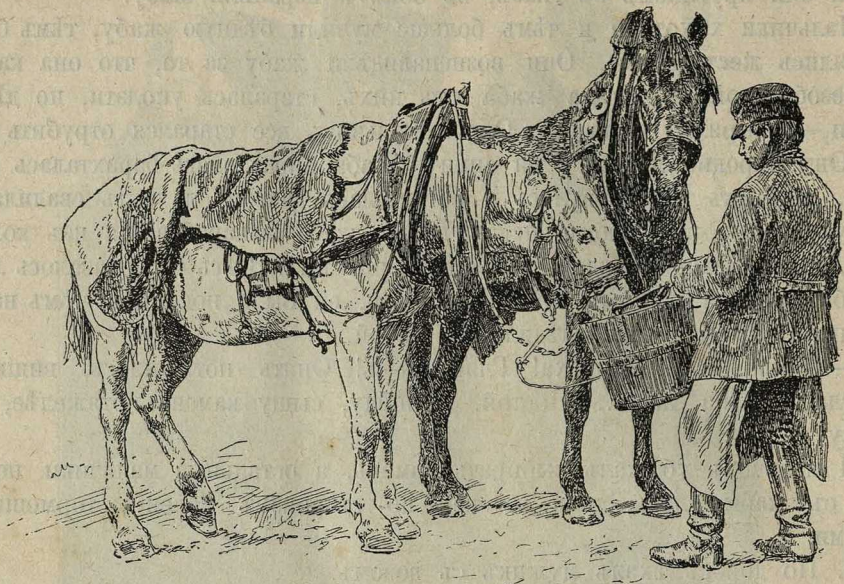
Нюютъ у лошади костлявыя плечи, стертые подковы скользятъ по мокрой глинѣ, не хватаетъ силъ выворотить тяжелую телѣгу.

— Куды!—крикнулъ мужикъ и ударилъ лошадь кнутомъ по мордѣ, чтобы завернуть назадъ.

Но лошадь напружилась изъ послѣднихъ силъ и, цѣпляясь дряхлыми ногами, кое-какъ выворотила колеса изъ колеи и объѣхала то мѣсто, гдѣ издыхала жаба.

— Пожалѣла...—протянулъ тихонько одинъ мальчикъ.

И всѣмъ мальчикамъ стало неловко и совѣстно.

Заботьтесь о ваших животныхъ въ лѣтнія жары!

Въ жаркое лѣтнее время, во время остановокъ, надо всегда позаботиться о томъ, чтобы поставить лошадей въ тѣнь, а не оставлять ихъ мучиться на солнечноиъ припежъ.

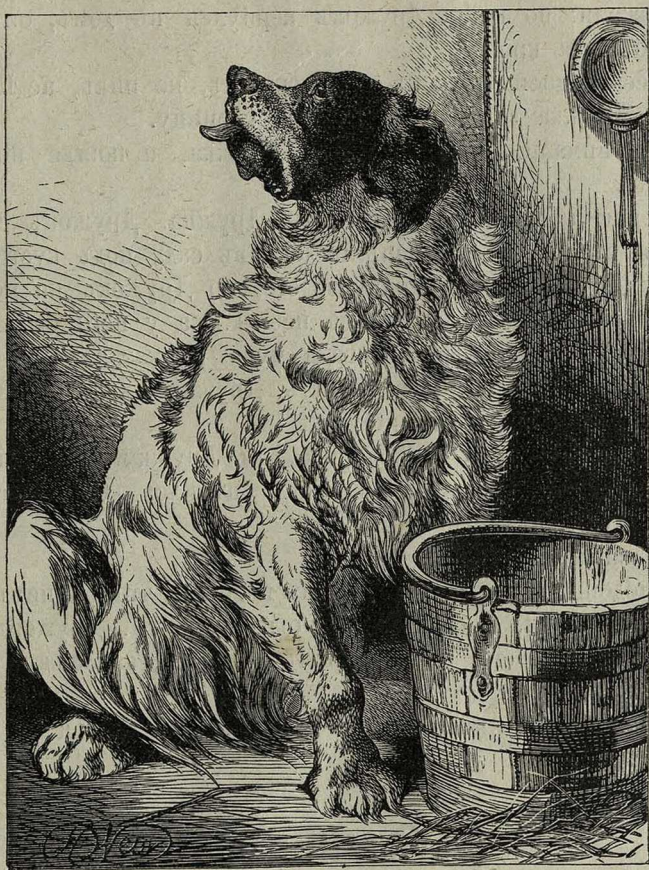
Добрый и заботливый хозяинъ не забудетъ во время сильной жары освѣжать отъ времени до времени мокрой тряпкой лобъ, виски, глаза, ноздри и ротъ своей лошади; это очень освѣжитъ ее и предохранитъ отъ мучительной головной боли.

Нѣкоторые хозяева надѣвають лѣтомъ на голову лошади особыя чепцы изъ холста, смачиваемые водой; за границей вы часто встрѣтите лѣтомъ лошадей, у которыхъ на голову надѣты маленькія соломенные шляпы, которыя всего лучше защищаютъ ихъ отъ солнца. Теперь и у насъ начинаютъ такъ дѣлать.

Въ жаркую лѣтнюю пору и человека, и скотину мучаетъ жажда. Всякій человекъ знаетъ по себѣ, какъ мучительно бываетъ терпѣть жажду. Не слѣдуетъ забывать, что и животные тоже часто хотятъ пить; они не могутъ намъ этого сказать, и часто сильно мучаются.

Заботливый хозяинъ не долженъ забывать брать съ собою въ дорогу ведро, чтобы почаще поить свою лошадь!

Коровъ въ знойную лѣтнюю пору надо загонять въ тѣнистыя прохладныя мѣста.

„Въ жаркую лѣтнюю пору не забывайте заботиться о томъ, чтобы у насъ всегда была вода для питья! Мы очень мучается тогда отъ жажды и можетъ даже заболѣть отъ этого!“

Бѣшенная собака (быль).

Баринъ купилъ легаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привезъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ, и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ; хвостъ у нея былъ опущенъ, ротъ былъ открытъ, и изо рта текли слюны. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидаль эту собаку и закричалъ:

— Дѣти! бѣгите скорѣе домой,—бѣшенная собака!

Дѣти услышали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо навстрѣчу.

Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали; но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скучать, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку по-смотреть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружокъ чуть не сбилъ ихъ съ ногъ и выбѣжалъ на дворъ, и легъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на нее. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюна. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй! Кто-то выпустилъ Дружка, — онъ совсѣмъ бѣшенный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружье и подошелъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, чтобы разсмотрѣть, что съ нимъ. Весь задъ у Дружка былъ въ крови, и обѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать ему ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и онъ изъ другого ружья до смерти убилъ собаку и унесъ ее.

Р ы б к а.

Жарко... а въ рѣчкѣ,
Въ прибрежной тѣни,
Рѣзвые рыбки
Стадами гуляютъ;
Въ свѣжихъ струяхъ
Такъ свободно онѣ
Ищутъ добычи
Иль вольно играютъ.
Вонъ посмотрите,
Какъ рыбка одна
Бойко рѣзвится
У самаго дна.
Рыбочка-рыбка,
Пожалуй, рѣзвись,
Только стального
Крючка берегись:

Съ удочкой мальчикъ
Подъ ивой сидитъ
И за лесою
Прилежно слѣдитъ.
Рыбкѣ не виденъ
Коварный крючокъ;
Лакомый вьется
На немъ червячокъ.
Быстро схватила
Насадку она,
Съ нею нырнула
До самаго дна.
Мальчикъ проворно
Бѣдняжку подсыгъ,
Дернулъ... Ну, рыбка,
Твой кончился вѣкъ!

Приемыши.

(Изъ жизни ласточекъ).

Мы жили въ городѣ, въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ. У оконъ нашего дома лѣпилось множество ласточьихъ гнѣздъ. Я всегда сидѣла у окна съ работой или книгой, и часто, бросивъ то и другое, подолгу засматривалась на ласточекъ; меня занимала ихъ хлопотливость. Сначала онѣ таскали грязь въ клювахъ и ловко лѣпили изъ нея полукруглыя гнѣздышки, а затѣмъ натаскивали въ нихъ перышки, пушокъ и мелкую травку. Жили онѣ между собою очень дружно и трудились безъ устали; каждая пара, кормя другъ друга, высиживала яйца, а потомъ, когда изъ яичекъ повывелись птенчики, для ласточекъ и вовсе настала страдная пора. Имъ нужно было наловить козявокъ, мошекъ, накормить птенчиковъ, обчистить ихъ, согрѣть, а затѣмъ наѣсться и самимъ.

Смотря на ласточекъ, я уставала считать: сколько разъ за день онѣ, бывало, прилетятъ къ гнѣзду и отлетятъ... Малютки вывелись слѣпыя, голенькія, безобразныя и при каждомъ шелестѣ и звукѣ жадно развѣвали свои желтые ротикъ. А когда они немного подросли и оперились, то стали высовывать черныя красивыя головки изъ гнѣзда, поводя крошечными носиками, ласково и любопытно посматривая темными блестящими глазками съ высоты на Божій свѣтъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ во время рабочей поры случилась съ ними невзгода. Настала сушь, жара,—гнѣзда ласточекъ, обсохнувъ на вѣтру, стали отставать отъ густо бѣленой стѣны и, раскачавшись, стали падать на землю, разбиваясь вдребезги, убивая при паденіи и птенцовъ. Однажды при сильномъ вѣтрѣ свалились внизъ нѣсколько гнѣздъ сразу и съ малютками. Ласточки, увидя это, заматались съ отчаяннымъ крикомъ, снуя въ воздухѣ туда и сюда. Сами онѣ не въ силахъ были помочь своей бѣдѣ: рукъ у нихъ нѣтъ, чтобы поднять упавшихъ птенчиковъ. Онѣ беспомощно кружились надъ разбитыми гнѣздами, жалобно чирикавая и поминутно разрѣзая воздухъ своими длинными острыми крылышками, порой касаясь ими убитыхъ птенчиковъ и покрывая ихъ крыльями, какъ бы желая защитить. Онѣ только словами не говорили, какъ имъ жаль погибшихъ дѣтокъ. Но зато эта жалость видна была въ каж-

Ласточки.

домъ ихъ движеніи... И мнѣ было жаль маленькихъ веселыхъ, трудолюбивыхъ птичекъ, въ отчаяніи летавшихъ подъ окнами.

Я выбѣжала на улицу, подобрала крошекъ, которыя при паденіи какимъ-то чудомъ остались живы (ихъ уцѣлѣло пять штукъ въ различномъ возрастѣ), принесла ихъ въ комнату и посадила на окно. Малютки жалобно чирикали, едва-едва переползая съ мѣста на мѣсто по окну, и пугливо прижимались другъ къ дружкѣ. Я пробовала покормить ихъ мушками, но онѣ ѣсть сами еще не умѣли: были очень малы. Какъ тутъ съ ними быть? Я заплакала отъ неудачи. Мнѣ жалко было ихъ матерей, которыя все продолжали кружиться надъ мертвыми птенчиками, да жаль было и осиротѣвшихъ беспомощныхъ малютокъ, которыя не могутъ сами ѣсть и неминуемо должны погибнуть. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ усилій накормить ихъ мнѣ подумалось: нельзя ли ихъ рассадить въ чужія гнѣзда. Не вскормятъ ли ихъ сами ласточки?..

Сказано—сдѣлано. Я тотчасъ же проворно встала на подоконникъ, взяла въ руку птенчика постарше и поднесла его къ отверстію чужого гнѣздышка. Птенчикъ, почуввъ знакомую обстановку гнѣздышка, крѣпко вцѣпился въ него мохнатенькими съ острыми коготками лапками, поспѣшно пробрался въ отверстіе гнѣзда и какъ-то громко радостно чирикнулъ. Такимъ образомъ я рассажала всѣхъ пять птенцовъ по разнымъ гнѣздамъ, въ каждое по одному,—и, поскорѣе затворивъ окно, сѣла къ нему въ тревожномъ ожиданіи: что выйдетъ изъ моихъ хлопотъ?.. Меня беспокоилъ и мучилъ вопросъ: примутъ ли малютокъ чужія матери?..

Немного погода, прилетѣла съ кормомъ въ клювъ одна ласточка къ гнѣзду, прицѣпилась къ нему, протянула было шейку, но, увидя въ немъ чужого птенчика, безпокойно крикнула, вспорхнула и не отдала корма дѣтямъ... Она стала порхать торопливо около гнѣзда, заглядывая въ него какъ-то бокомъ и не рѣшаясь сѣсть. При этомъ она все безпокойнѣе и безпокойнѣе кричала. На отчаянный крикъ этой ласточки начали появляться одна за другой ея сосѣдки. Тѣ также, порхая поблизости, подняли крикъ. Потомъ, кинувшись къ своимъ гнѣздамъ, онѣ торопливо заглянули въ нихъ. Найдя и тамъ въ свою очередь прибавленіе семейства, онѣ не сажались, но безпокойно сновали мимо съ громкимъ крикомъ. Наконецъ, ласточекъ собралась стая штукъ въ 50, и всѣ онѣ то въ волненіи летали, то тревожно сажались рядомъ на выступавшій каменный карнизъ надъ окнами, хлопотливо щебеча между собою, словно обсуждая что-то...

Вдругъ одна изъ ласточекъ, какъ видно, посмѣлѣе, быстро сорвалась съ карниза, схватила налету какую-то козявку, осторожно подлетѣла къ своему гнѣзду и, вытягивая шейку, сунула наскоро мошку въ разинутый ротикъ перваго попавшагося птенчика и отлетѣла прочь. Смотрю, а за нею тотчасъ же и другая и третья ласточки стали подлетать къ гнѣздамъ, и всѣ наперебой другъ передъ другомъ начали таскать мошекъ,—и уже не по одной и не по двѣ ласточки подлетали къ тому гнѣзду, гдѣ находились чужіе птенчики, но по четыре и по пяти за разъ; онѣ буквально облѣпили гнѣзда, и каждая изъ нихъ спѣшила заглянуть туда, а также и отъ себя доставить въ него приношеніе. Сперва мнѣ показалось, что ласточки клуютъ приемышей

и выпроваживаютъ ихъ вонъ, но потомъ, когда поулеглось у нихъ волненіе и я поближе присмотрѣлась къ нимъ, оказалось, что онѣ кормятъ одинаково какъ своихъ дѣтей, такъ и пріемныхъ. И такъ изо-дня въ день ласточки дружно, сообща, кормили птенчиковъ. Наконецъ, мои любимицы, оперившись окончательно, повylетѣли всѣ на волю.

Любо, бывало, посмотрѣть на нихъ, когда онѣ послѣ непрерывнаго труда отъ ранней зорьки вечеромъ усядутся всѣ рядышкомъ на каменномъ карнизѣ отдыхать. Озарить ихъ заходящее солнышко своими розовыми яркими лучами, — и сидятъ онѣ, эти труженицы, чистенькія, веселыя, и такъ ласково щебечутъ между собою, словно рассказываютъ другъ другу о мирно проведенномъ трудовомъ днѣ.

Наконецъ, нацѣбетавшись вволю, ласточки садутъ на гнѣзда и заснутъ, попрытавъ головки подъ крылышки, чтобы снова утромъ съ раннею зарею заняться отыскиваніемъ корма себѣ и дѣткамъ.

Перепелка.

Однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ; отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно, и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. Когда я ходилъ туда съ сестрой или горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: «пиль!» и изъ-подъ самага носа Трезора вскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю—точно она была раненая или крыло у нея надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею... онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ: онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подаль ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. Я подскочилъ.

— Что это, — говорю: — она раненая была?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ мнѣ отецъ, — она не была раненая; а у нея, должно быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать.

— Для чего же она это дѣлаетъ? — спросилъ я.

— А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потому бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла: ужъ слишкомъ притворилась, и Трезоръ ее поймалъ.

— Такъ она не раненая? — спросилъ я опять.

— Нѣтъ... но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно быть, давилъ зубомъ.

Отец хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягдташъ; но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако она не шевелилась.

Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку, и глядѣла на меня съ боку своимъ каримъ глазкомъ. И мнѣ вдругъ такъ жалъ ея стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: «За что же я умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла: маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше—и вотъ попалась! Бѣдняжка я! бѣдняжка!.. Несправедливо это! Несправедливо!..»

— Папаша!—сказалъ я,—да можетъ быть она не умретъ...—и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ.

Но отецъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ! Вотъ посмотри: у нея сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза.

Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза, я заплакалъ.

— Чему ты?—спросилъ отецъ и засмѣялся.

— Жалъ мнѣ ея...—сказалъ я.—Она долгъ свой исполняла, а ее убили! Это несправедливо!

— Она схитрить хотѣла, — отвѣтилъ мнѣ отецъ. — Только Трезоръ ее перехитрилъ.

«Злой Трезоръ!..» — подумалъ я. Да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ недобрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать, такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако, она не шевелилась.

— Напрасно, братъ, — сказалъ отецъ: — ея не воскресишь. Вишь, головка у нея болтается.

Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку, головка опять упала.

— Тебѣ все ея жалъ?—спросилъ меня отецъ.

— А кто же маленькихъ кормить будетъ?—спросилъ я въ свою очередь.

Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не безпокойся,—говорить:—самецъ-перепель, отецъ ихъ, выкормить. Да вотъ постой,—прибавилъ онъ:—никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ... Ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть.

И точно, въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ, лежали четыре птенчика, прижались другъ къ другу, вытянули шейки—и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышать... точно дрожать. А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ, только хвостики еще очень короткіе.

— Папа! папа!—закричалъ я благимъ матомъ,—отзови Трезора, а то онъ ихъ тоже убьетъ!

Отецъ крикнулъ на Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку... «Смотрите, молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!» Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу.

— Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку?—спросилъ я его.

— Изволь. Но что ты хочешь съ ней сдѣлать?

— Я хочу ее похоронить!

— Похоронить?!

— Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ, — я ей могилочку вырою.

Отецъ удивился.

— Чтобъ дѣтки къ ней на могилу ходили?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—а такъ... мнѣ хочется. Ей будетъ тутъ хорошо лежать возлѣ своего гнѣзда!

Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подаль мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку, подѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ

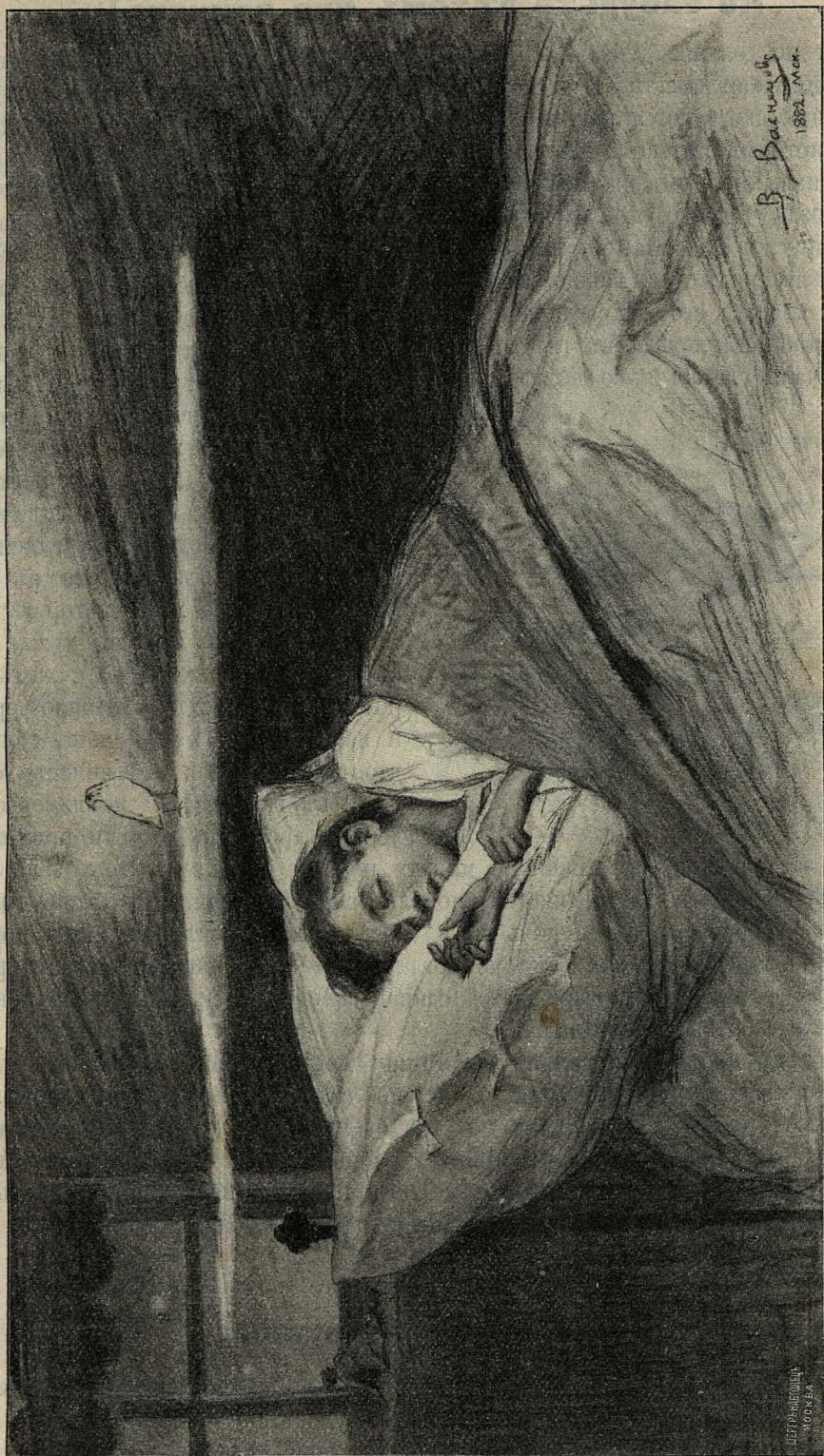

ямочку и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше, но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ,—и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у нея маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала!

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту, который хотъ и пожелтѣлъ, но не свалился. Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что ихъ отецъ старикъ увелъ ихъ; и когда въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ... И я подумалъ: «Нѣтъ! папа добрый!»

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ,—и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленький золотой вѣнчикъ; будто это ей въ награду за то, что она за дѣтей своихъ пострадала! (къ стр. 180).

Не забудьте лѣтомъ про птичекъ!

Вы не должны думать, что только зимою птицы голодаютъ и нуждаются въ нашей заботливости. Нужда случается съ ними и лѣтомъ, во время засухи, когда скрываются насѣкомыя. Тогда наступаетъ трудное время для всѣхъ птицъ, которыя питаются насѣкомыми.

Однажды лѣтомъ, раннимъ утромъ, къ моему окну подлетѣла самка чернаго дрозда и долго стояла на дорожкѣ, очевидно поджидая чего-то. Замѣтивъ птицу, я бросила ей изъ окошка горсть размоченнаго чернаго хлѣба. Если бы вы видѣли, съ какою жадностью накинута была бѣдная птичка на хлѣбъ и стала клевать его! Насытившись, птичка набрала въ свой клювъ сколько могла хлѣба и улетѣла въ гнѣздо къ своимъ птенцамъ. Тотчасъ же къ моему окну начали слетаться со всѣхъ сторонъ воробьи, реполовы, сѣрые дрозды, —

цѣлыя стаи птичекъ; они набросились на хлѣбъ, жадно ѣли его и потомъ улетали съ полными клювами и зобами къ своимъ гнѣздамъ, гдѣ томились голодомъ ихъ птенчики.

Тогда я поняла, что въ это жаркое и ясное лѣто, которому мы такъ радовались, великая нужда посѣтила птичье племя: по сухимъ дорогамъ, въ поляхъ было мало червей и насѣкомыхъ, и птенчики, только что вылупившіеся изъ яичекъ, голодали въ гнѣздахъ. Я поняла скорбь черной дроздицы, которая прилетѣла

ко мнѣ за помощью въ страшную минуту нужды; я поняла, что хотѣли сказать мнѣ ея черные глаза, неотступно глядѣвшіе на меня. Эта бѣдная голодная мать просила меня помочь ей и ея дѣткамъ, просила дать имъ поѣсть въ такое время, когда она сама не могла найти имъ пищи. Любовь говоритъ одинаковымъ языкомъ и выражается одинаковыми знаками; я хорошо поняла отчаяніе и любовь бѣдной птички.

Съ тѣхъ поръ я всегда готовила пищу моимъ пернатымъ любимцамъ въ жаркіе, сухіе дни ранняго лѣта, когда по гнѣздышкамъ сидятъ слабые, не оперившіеся птенчики. Слишкомъ грустно было бы думать, что они умираютъ съ голоду какъ разъ во время пышнаго расцвѣта природы, когда зеленѣютъ листья и цвѣтутъ душистые цвѣты, когда природа особенно привлекательна, а веселыя, звонкія пѣсни птицъ заставляютъ радоваться всѣхъ людей.

Оборвавшаяся дружба.

Я проводилъ то лѣто въ Павловскѣ особенно весело, потому что у меня нашелся новый отличный товарищъ для прогулокъ по полямъ и лѣсамъ, составлявшихъ для меня самое огромное наслажденіе.

Студентъ Броневскій былъ въ полтора раза старше меня,—мнѣ было тогда лѣтъ пятнадцать, а онъ былъ уже совсѣмъ мужчиною, съ красивой бѣлокурой бородкой и вьющимися кудрями, которые онъ отбрасывалъ назадъ въ художественномъ безпорядкѣ. Несмотря на разницу въ возрастѣ, мы очень подружились. Намъ сблизила и ранняя любовь моя къ книгамъ и, главное, страсть ко всевозможнымъ далекимъ прогулкамъ и экскурсіямъ по всѣмъ направленіямъ, по полямъ, деревнямъ, лѣсамъ и болотамъ.

Мы обыкновенно отправлялись въ путь на зарѣ, свѣжіе, бодрые, полные радости молодой жизни, весело шагая по росистому полю, любуясь на поднимавшееся солнце. А какъ чудесно было, послѣ нѣсколькихъ часовъ неутомимой ходьбы, устроить привалъ въ тѣни лѣсной опушки, растянуться на мшистомъ коврѣ, сладко жуя, съ волчьимъ аппетитомъ, ломоть хлѣба съ сыромъ! Какъ двѣ охотничьи собаки, мы избѣгаемъ, бывало, каждый разъ во всѣхъ направленіяхъ какую-нибудь рощу, лѣсокъ, лугъ, подробно осмотримъ встрѣчную деревушку, потолкуемъ съ какимъ-нибудь, показавшимся намъ особенно интереснымъ, мужикомъ, бабою, ребятишками... Всегда намъ ласково примутъ и напоятъ молокомъ,—а напиться холодного молока на завалинкѣ у избы въ знойный день, съ ломтемъ свѣжаго хлѣба, послѣ двѣнадцативерстнаго странствія—это было такое угощеніе, какого, конечно, не имѣетъ никакой царь въ мірѣ.

И только поздно, поздно, чрезъ совершенно стемнѣвшій паркъ, добирались мы до дому и съ блаженною усталостью сваливались въ постель.

Намъ на этихъ прогулкахъ было, собственно, трое: съ нами совершалъ всѣ путешествія,—съ еще большимъ, чѣмъ мы, удовольствіемъ,—чудесный песъ моего пріятеля, Гекторъ, великолѣпный сеттеръ, съ замѣчательно красивой мордой и прекрасными, добрыми и удивительно умными глазами. Мнѣ ужасно нравилась эта собака, и я все мечталъ о томъ, какъ хорошо бы имѣть такого славнаго, мохнатаго друга.

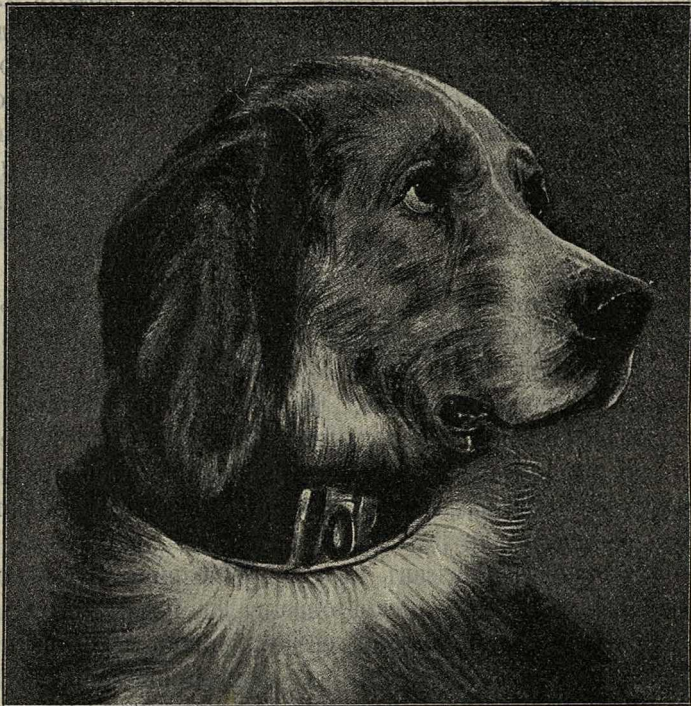
Гекторъ былъ очень привязанъ къ своему хозяину. Гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы онъ ни шелъ, Гекторъ всегда оказывался подлѣ него. На свистъ его онъ летѣлъ опрометью; всѣ приказанія его исполнялъ немедленно съ величайшею точностью. Но мнѣ не очень-то нравилось, какъ Броневскій, несмотря на все это, относился къ своей собакѣ. Онъ часто сердито кричалъ на нее, часто давалъ ей пинка ногою, а иногда ударялъ ее своей камышевой палкой за какой-нибудь пустякъ. Онъ былъ для меня большимъ авторитетомъ, и хотя мнѣ очень не нравилось его обращеніе съ такой собакой, но я только очень несмѣло раза два замѣтилъ ему, что онъ очень ужъ строгъ съ Гекторомъ. Но Броневскій презрительно сжималъ губы въ отвѣтъ и говорилъ, что это все глупости, сентиментальности, что собаку надо всегда хорошенько учить. Это мнѣ совсѣмъ не нравилось въ немъ, но, повторяю, я относился къ нему съ большимъ почтеніемъ и рѣшалъ въ концѣ концовъ, что, вѣроятно, ему лучше все это извѣстно.

Наступила осень. Скоро уже надо было переѣзжать въ Петербургъ, садиться за гимназическую скамью. Да и теперь уже пришлось уткнуться носомъ въ книгу. Мнѣ надо было готовить заданные на лѣто и запущенные уроки, и Броневскій тоже готовился къ осеннему университетскому экза-

мену. Путешествія наши стали рѣже, но зато если ужъ намъ удавалось вырваться, мы наверстывали потерянное, шагая съ удесyтеренною быстротою по трещавшему подъ ногами жнивью, жадно вдыхая чистый, прозрачный, бодрый воздухъ золотистаго осенняго дня.

Намъ оставалось прожить еще недѣли двѣ, и мы съ Броневскимъ намѣтили еще три интереснѣйшія путешествія, но уже первое изъ нихъ оборвалось внезапнымъ, неожиданнымъ образомъ.

Мы шли лѣсной дорожкой, между двухъ стѣнь позолотившихся березъ, и толковали о только-что прочитанной мною книгѣ. Броневскій по этому поводу рассказывалъ мнѣ, какъ всегда, разныя новыя для меня вещи, и я

слушалъ его съ величайшимъ интересомъ, распахивая ногами груды павшихъ красныхъ листьевъ. Гекторъ бѣжалъ за нами, но бѣжалъ какъ-то вяло, понуривъ морду, и не думалъ совершать тысячи круговъ вокругъ насъ по всѣмъ направленіямъ, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ. Иногда онъ даже останавливался и какъ-то тяжело вздыхалъ. Очевидно, ему нездоровилось.

Броневскій не обращалъ на него никакого вниманія. Но вдругъ въ кустахъ передъ нами что-то зашевелилось. Онъ крикнулъ:

— Гекторъ, пиль!—и махнулъ ему палкой по направленію къ кустамъ. Гекторъ потянулъ носомъ, но не бросился, какъ обыкновенно, а пошелъ къ кустамъ тою же вялою, понурою походкой. То, что зашевелилось въ кустахъ, очевидно, скрылось оттуда и прошумѣло гдѣ-то вдали уже отъ насъ.

— Пиль,—говорять тебѣ,—мерзкая собака! А, ты не слушаешься?!—и Бро-

невскій, покраснѣвъ отъ злости, бросился къ Гектору и сталъ бить его палкою по спинѣ, по бокамъ, даже по мордѣ, по этой доброй, чудной мордѣ, съ такой силою, что палка его, наконецъ, переломилась! Я бросился къ нимъ. Не помню ужъ, что я говорилъ Броневскому, что-то о томъ, что этого я никогда не ожидалъ отъ него, что порядочный человѣкъ не можетъ такъ мучить животное, что онъ не имѣетъ никакого права на это, что послѣ этого я не могу быть его другомъ и т. д. Помню только, что слезы у меня подступили къ горлу, и я говорилъ все это съ трясущеюся челюстью, и что Броневскій, съ еще болѣе побагровѣвшимъ лицомъ, закричалъ, что какъ смѣю я, мальчишка, дѣлать ему замѣчанія, что ему наплевать на мою дружбу, и тому подобное...

И мы повернулись другъ къ другу спиною и пошли въ разныя стороны, чтобы больше никогда уже не видаться.

Пройдя уже довольно далеко, я оглянулся и увидалъ, какъ Броневскій ожесточенно быстро шагаль своими длинными ногами, а рядомъ съ нимъ покорно бѣжалъ бѣдный, избитый Гекторъ, поджавъ хвостъ и еще понурѣе опустивъ морду.

О С Е Н Ь.

Тревоги маленькой куропатки.

Вы знаете, что мы, куропатки, живемъ выводками, что мы гнѣздимся на поляхъ, въ бороздахъ, откуда легко можно подняться при малѣйшей опасности: мы летимъ тогда вразсыпную.

Насъ было здѣсь очень много; превесело жилось намъ. Мы устроились на лужайкѣ, у опушки большого лѣса, гдѣ корму намъ было вдоволь; съ обѣихъ же сторонъ отъ нашего жилья было прекрасное убѣжище въ кустахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оперилась и выучилась бѣгать,

я чувствую себя вполне счастливой; одно только беспокоило меня немного—это грозное открытіе охоты, о которомъ наши матушки уже начали перешептываться между собою. Одинъ старый перепелъ изъ нашего

птичьего села говаривалъ мнѣ всегда по этому случаю:

— Не бойся, краснушка (меня зовутъ краснушкой изъ-за моего клюва и изъ-за моихъ лапокъ рябиноваго цвѣта). Будь только со мною въ день открытія охоты, и ты увидишь, что ничего съ нами не случится.

Мой пріятель уже старикъ, но еще очень пронырливый и бойкій, хотя на груди его уже видна подкова и перья мѣстами посѣдѣли. Въ молодости онъ былъ раненъ въ крыло, и такъ какъ отъ этого онъ сдѣлался тяжелымъ на полетъ, то прежде чѣмъ двинуться съ мѣста, онъ высматриваетъ и выжи-

даетъ время и ужъ никогда не попадется въ бѣду. Онъ часто водилъ меня къ опушкѣ лѣса. Тамъ стоялъ маленькій домикъ, притаившійся среди густыхъ дубовъ, тихій, какъ опустѣвшее звѣриное логовище, и постоянно запертый.

— Взгляни хорошенько на этотъ домикъ, малютка! — говорилъ онъ. — Когда ты увидишь, что изъ трубы поднимается дымъ, что двери и ставни отперты, тогда намъ будетъ плохо.

И я вѣрила старому перепелу; я знала, что онъ присутствуетъ не при первомъ открытіи охоты.

На слѣдующее утро, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, я слышала, какъ изъ борозды кто-то звалъ меня шопотомъ:

— Краснушка! Краснушка!

Это былъ мой пріятель — старый перепелъ. Онъ тревожно глядѣлъ по сторонамъ.

— Пойдемъ скорѣе, — сказалъ онъ, — и дѣлай то, что я.

Впросонкахъ я пошла за нимъ. Я не прыгала и не летѣла, а катилась и двигалась, какъ мышь.

Мы направились къ лѣсу, и мимоходомъ я замѣтила, что изъ трубы маленькаго домика выходилъ дымокъ; въ окнахъ былъ свѣтъ; передъ открытою дверью стояли охотники съ ружьями, а подлѣ нихъ прыгали собаки. Какъ разъ въ то время, какъ мы проходили, одинъ изъ охотниковъ сказалъ:

— Обойдемъ до завтрака поля, а послѣ пойдемъ въ лѣсъ.

Тогда я поняла, почему мой старый товарищъ повелъ меня прежде всего въ дубраву; но сердце все-таки билось при мысли о нашихъ бѣдныхъ друзьяхъ.

Вдругъ собаки бросились въ нашу сторону. Мы только-что подходили къ опушкѣ лѣса.

— Прижмись къ землѣ, прижмись къ землѣ! — сказалъ старикъ и самъ прижался къ землѣ.

Въ десяти шагахъ отъ насъ собаки подняли перепелку, перепугалась она, широко раскрыла клювъ, распустила крылья и улетѣла съ страшнымъ крикомъ. Я услышала ужасный шумъ, и вслѣдъ затѣмъ мы были окружены какою-то бѣлою пылью страннаго запаха и совершенно теплою, хотя солнце только-что взошло. Я такъ испугалась, что не могла больше бѣжать. Къ счастью, мы уже входили въ лѣсъ. Мой товарищъ спрятался за молодой дубъ; я усѣлась рядомъ съ нимъ; оттуда, изъ-за листьевъ, мы могли высматривать, что дѣлаютъ охотники.

Въ поляхъ шла страшная стрѣльба. При каждомъ выстрѣлѣ я закрывала глаза, совершенно ошеломленная; а когда я рѣшалась ихъ снова открывать, то видѣла все то же большое поле, гдѣ не было ни одного кустика; видѣла тѣхъ же страшныхъ собакъ, которыя бѣгали, обнюхивали каждую травку, рылись въ сѣнѣ и вертѣлись какъ бѣшенныя; видѣла я тѣхъ же охотниковъ, которые слѣдили за собаками, ругались, кричали, а ихъ ружья блестѣли на солнцѣ. Разъ мнѣ показалось, что изъ одного маленькаго облака дыма посыпались листья, хотя вокругъ не было ни одного дерева. Мой пріятель шепнулъ мнѣ, что это не листья, а птичьи перья; и правда, въ ста шагахъ отъ насъ одна несчастная сѣрая куропатка съ окровавленной головой упала въ борозду.

Когда солнце стало сильно печь и было очень высоко, стрѣльба вдругъ прекратилась. Охотники стали возвращаться къ маленькому домику. Неся на плечахъ ружья, охотники разговаривали между собою и спорили о выстрѣлахъ, а усталыя собаки шли за ними, высунувъ языки.

— Они будутъ завтракать,—сказалъ мнѣ товарищъ.—Позавтракаемъ и мы!

И мы пошли въ гречиху — въ прекрасное бѣлое поле въ цвѣту, около самаго лѣса. Красивыя птицы — фазаны темно-краснаго цвѣта — были тутъ же и постоянно прятались изъ боязни, что могутъ замѣтить ихъ красныя гребешки. Да! фазаны тогда не были такъ горды, какъ обыкновенно. Они тоже завтракали и съ волненіемъ спрашивали насъ, не застрѣленъ ли кто-нибудь изъ фазановъ. Между тѣмъ завтракъ охотниковъ, бывшій вначалѣ тихимъ, сдѣлался очень шумнымъ. Мы слышали, какъ они чокались стаканами, и какъ хлопали пробки отъ бутылокъ. Старикъ сказалъ, что пора намъ возвратиться въ убѣжище.

Можно было подумать, что лѣсъ спалъ въ эти часы. Тишина стояла въ маленькомъ болотцѣ, куда олени ходятъ пить. Въ загородкѣ для кроликовъ не было видно ни одной мордочки. Я тряслась отчего-то всѣмъ тѣломъ, и мнѣ казалось, что каждый листъ, каждая былинка могла бы послужить мнѣ убѣжищемъ отъ угрожающей опасности. Сколько мѣстечекъ, куда можно спрятаться: пустыя норы, кустарникъ, хворостъ, наконецъ рвы, — тѣ маленькіе лѣсные рвы, въ которыхъ такъ долго сохраняется дождевая вода. Признаться, мнѣ хотѣлось бы запрягаться въ одно изъ этихъ убѣжищъ, но мой покровитель предпочиталъ быть на просторѣ, имѣть возможность осматривать окрестность и чувствовать себя на свободѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ вѣрно рассчитывалъ: охотники входили въ лѣсъ.

О, я никогда не забуду этого перваго выстрѣла въ лѣсу!.. На корѣ деревьевъ оставались отъ выстрѣла слѣды, а листья рѣшетились, какъ отъ апрѣльскаго града. Какой-то кроликъ испуганно перескочилъ черезъ дорогу. Бѣлочка свалилась съ дерева и разроняла недозрѣвшіе орѣхи. Тяжело летя, пронеслись два-три жирныхъ фазана, а подъ низенькими кустиками, въ сухихъ листьяхъ, послышался шумъ: страшный выстрѣлъ разбудилъ, перепугалъ и взволновалъ все живущее въ лѣсу. Полевая мышка попрятались по своимъ норкамъ. Рогачъ, выйдя изъ дупла нашего дерева, остановился въ недоумѣніи и выкатилъ затѣмъ отъ ужаса свои большіе глупые глаза. И кузнечики, и шмели, и бабочки, и другія маленькія насѣкомыя метались во всѣ стороны... Одинъ маленькій чудакъ-кузнечикъ съ пурпуровыми крыльями подсѣлъ даже къ самому моему клюву; но я была въ такой тревогѣ, что и не воспользовалась его испугомъ.

Старый перепелъ былъ попрежнему спокоенъ. Онъ чутко прислушивался къ лаю собакъ и къ выстрѣламъ и дѣлалъ мнѣ знакъ, когда собаки приближались, и тогда мы отходили немного подальше и хорошенько прятались въ листья.

У меня и до сихъ поръ еще передъ глазами тѣ мѣстечки, по которымъ мы проходили; я прекрасно помню и загородку для кроликовъ со множествомъ норокъ у подножья пожелтѣвшихъ деревьевъ, и большую стѣну изъ дубовъ позади которой, казалось, всюду скрывается смерть, и маленькую зеленую тропинку, по которой наша маменька-куропатка не разъ водила весь выводокъ.

гулять по майскому солнышку, гдѣ мы прыгали и клевали красныхъ муравьевъ, осмѣлившихся вползти на наши лапки, и гдѣ мы встрѣчали тѣхъ маленькихъ напыщенныхъ фазановъ, тяжелыхъ какъ цыплята, которые не хотѣли играть съ нами.

Какъ во снѣ я увидѣла свою маленькую тропинку въ ту минуту, какъ ее переходила высокая лань на нѣжныхъ ножкахъ и съ широко раскрытыми глазами. Затѣмъ я увидѣла то болото, куда мы обыкновенно прилетаемъ партиями по пятнадцати или тридцати штукъ съ полей, чтобы напиться и усypать свои лоснящіяся перышки блестящими капельками воды... Посреди этого болота росли очень густые ольховые кусты, и на этотъ-то островокъ мы и усьлись. Собаки должны бы были имѣть волшебное чутье, чтобы отыскать насъ тутъ.

Мы уже были на немъ съ минуту, когда притадилась на трехъ лапахъ косуля, оставляя за собою кровавый слѣдъ на мху. Это было такъ грустно, что я спрятала свою голову подъ листья; но нельзя было не слышать, какъ бѣдная раненая, въ лихорадкѣ, задыхаясь, пила изъ болота...

День кончался. Выстрѣлы удалялись и становились рѣже. Затѣмъ все стихло: охота была окончена. Тогда мы осторожно вернулись на поле, чтобы узнать о нашихъ товарищахъ. Проходя мимо маленькаго домика, я увидѣла ужасное: на краю рва лежали рядомъ, одинъ подлѣ другого, рыжеватые зайцы и маленькіе сѣрые кролики съ бѣлыми хвостиками. Ихъ маленькія лапки, сложенные смертью, точно умоляли о пощадѣ; ихъ потускнѣвшіе глаза точно плакали. Тутъ же лежали и красныя и сѣрыя куропатки; у нѣкоторыхъ была на груди подкова, какъ у моего стараго друга, у другихъ же, — такихъ молодыхъ, какъ я, — былъ еще пушокъ подъ крыльями. Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе мертвой птицы! Въ крыльяхъ вѣдъ всегда столько жизни! Невольно вздрагиваешь, видя ихъ сложенными и холодными... Большой прекрасный олень, казалось, спокойно спалъ; его маленькій розовый язычокъ высывался изъ рта, словно желая еще лизать.

И охотники стояли тутъ же, наклонившись надъ этой бойней; они весело считали убитыхъ, тащили къ своимъ сумкамъ эти окровавленные лапы, эти растерзанные крылья, не обращая вниманія на свѣжія раны. Собаки, связанные для дороги, сжимали губы и рвались, какъ будто имъ еще хотѣлось броситься въ кусты.

Когда солнце заходило, и когда охотники отправлялись домой, и ихъ длинныя тѣни ложились на земляныя глыбы и на сырыя отъ вечерней росы тропинки, — какъ я проклинала ихъ тогда, какъ я ненавидѣла ихъ, — и людей, и собакъ, и всю эту шайку!.. Ни у моего товарища, ни у меня не хватило духу запѣть, по обыкновенію, прощальную пѣсенку кончавшемуся дню.

Дорогой мы встрѣтили несчастныхъ маленькихъ звѣрьковъ, убитыхъ случайно дробинками и оставленныхъ на добычу муравьямъ: полевыхъ мышекъ, съ мордочкой въ пыли, сорокъ, ласточекъ, убитыхъ дробью на лету; онѣ лежали на спинкѣ и вытягивали свои маленькія похолодѣвшія лапки къ ясной, холодной, сырой осенней ночи, которая такъ быстро спускается на землю! Но всего ужаснѣе было слышать, какъ на опушкѣ лѣса, на краю луга и въ рѣчномъ тростникѣ никто не отвѣчалъ на тревожные и грустные призывы осиротѣвшихъ птицъ.

Мальчикъ и птичка.

«Лети ко мнѣ, пѣвунья птичка,
Съ зеленой вѣтки! Безъ заботъ
Ты будешь жить въ нарядной клѣткѣ
И зерна кушать круглый годъ.
Какъ буду я тебя лелѣять,
Какъ буду я тебя любить!
Водицы свѣжей не забуду
Я по утрамъ тебѣ носить,
И сколько бѣлаго песочку
Тебѣ я, птичка, припасу!
Повѣрь: здѣсь лѣтомъ безопаснѣй,
Зимой теплѣе, чѣмъ въ лѣсу.
Тебя охотникъ не подстрѣлитъ;
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать!»
— Нѣтъ, нѣтъ! за клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье

Мнѣ угрожала гибель въ нихъ,
И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей!..
Дитя! твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣй!—
«Ты любишь, птичка, лѣсъ и поле,
И я люблю ихъ! Но куда—
Скажи—ты спрячешься, бѣдняжка,
Когда настанутъ холода?»

— Я полечу въ края иные,
Гдѣ вѣчно зелены луга,
И къ вамъ вернусь, когда растаютъ
Подъ вешнимъ солнышкомъ снѣга.—

«А какъ собьешься ты съ дороги
Да и замерзнешь гдѣ-нибудь?»

— Не бойся, другъ мой! птичку
вольной
Господь указываетъ путь!

Рис. Е. Взм.

Отлетъ ласточекъ.

По свинцовому небу ходятъ сѣрыя тучки. Свѣжо становится въ воздухѣ, особенно по утрамъ. Серебристый иней долго лежитъ на травѣ и на поблекшихъ листьяхъ. Пропали комары и не видно мошекъ, и мухи уже стали словно сонныя, да какія злыя: почуяли, видно, что и имъ конецъ близокъ!

Ранымъ-рано поутру, кутаясь въ кожухъ, наброшенный на плечи, вышелъ крестьянинъ на крылечко, взглянулъ на огородъ и остановился въ недоумѣнн: огромная старая ветла съ низу до верху вся усыяна была ласточками. Ласточки покрывали плетень огорода и кровлю сосѣдняго амбара, такъ что плетень и кровля казались совершенно черными. Прилетали отовсюду новыя и новыя стаи. Мало-по-малу птички усылись, успокоились. Мертвая тишина воцарилась между ними. И вдругъ всѣ, сколько ихъ было, защелкали, замахали крылышками, поднялись, сдѣлали нѣсколько круговъ въ воздухѣ и темнымъ облачкомъ понеслись къ югу, оглашая воздухъ своимъ крикомъ.

«Знать, въ дорогу собрались,—въ теплые края полетѣли,—подумалъ крестьянинъ.—Прощайте, лѣтніе гости, до новой весны! И намъ пора о зимѣ подумать: на крышу новой соломки надо подложить, завалинку около избушки приподнять и укрѣпить, соломой избушку укутать, дровецъ на зиму заготовить».

Осенній перелетъ птицъ.

Не вьюги и метели снѣжныя, не морозы лютые гонятъ отъ насъ птичекъ на зиму: улетаютъ онѣ отъ безкормицы, спасаются отъ голодной смерти. Пропадутъ осенью насѣкомыя, покроются снѣгомъ сѣмена растений и нечѣмъ кормиться птичкамъ.

Заволнуются птички, зачуявъ холодную осень, примутся летать, кричать, а тамъ, смотришь, собьются стаями и полетятъ стайка за стайкой въ иныя далекія земли, гдѣ тепло, гдѣ во время нашей зимы растутъ и цвѣтутъ всякія растенія.

Велика наша русская земля, велики ея лѣса, поля, степи, широкими, длинными лентами катятся по ней рѣки. А за русской землей лежатъ новыя земли, до облаковъ поднимаются тамъ высокія горы, далеко-далеко по нимъ разливаются глубокія моря.

Не одну тысячу верстъ надо пролетѣть птицамъ. Но не собьются онѣ съ дороги, не погибнуть и отъ голода: выбираетъ себѣ каждая стая двухъ-трехъ вожаковъ, которые хорошо знаютъ, гдѣ дорога безопаснѣе, ближе, гдѣ по пути больше корму. И старыя и молодыя птицы слушаются своего вожака, какъ цыплята насѣдку. По командѣ вожака стая спускается на кормежку, на водопой, на ночлегъ. Когда птицы заняты отыскиваніемъ корма, вожаки стоятъ поочередно насторожѣ.

Но много и опасностей встрѣчается на пути. Послѣ дождей хватить вдругъ ранній морозъ,—и много птицъ изъ стаи погибнетъ отъ голода. Во время перелета черезъ море застигнетъ стаю страшная буря, и обезсиленные птицы погибаютъ въ бушующихъ волнахъ. Много тысячъ птичекъ погибнетъ въ пути и отъ всякой хищной птицы, которая летитъ за ними слѣдомъ на свои зимовья. Подстерегаетъ птицу на перелетѣ и человѣкъ: ловятъ птицъ сѣтями и силками, бьютъ обезсилѣвшихъ палками.

Несчетное число птицъ погибаетъ въ пути, но большая половина все же доберется до своего зимовья. Тамъ, на чужбинѣ, наши птицы не поютъ пѣ-

сень, не выють гнѣзды, а только кормятся. Онѣ терпѣливо ждутъ конца нашей долгой зимы, когда имъ можно будетъ снова возвратиться въ родной лѣсъ или въ поле, гдѣ была ихъ колыбель—родимое гнѣздышко.

Ласточки.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Память онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Цвѣточковъ въ немъ огненный кустъ...

Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листь, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу—
Пустое гнѣздо подъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу:
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его,
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день, говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далеко, далеко, далеко!
О, если бы крылья и мнѣ!..

„Тираксъ“ и его друзья.

Осенью послѣ обѣда.

Стояла чудная осень. Въ такіе ясные осенніе дни хорошо гулять по полямъ и лугамъ, и дядя Ваня каждый праздникъ дѣлалъ послѣ обѣда большія прогулки съ своими племянниками. Окрестность была лѣсистая, и дѣти съ радостью бѣгали въ лѣсу и собирали оставшуюся ежевику. Но вотъ стала приближаться зима. Сильные вѣтры сорвали съ деревьевъ послѣдніе листья, и холодный осенній дождикъ пополамъ съ снѣжными хлопьями моросилъ съ утра до вечера.

— Можетъ-быть, погода разгуляется послѣ обѣда, — утѣшали себя дѣти въ одинъ изъ такихъ дней.

Но обѣдъ прошелъ, а облака только еще гуще собрались на небосклонѣ и еще сильнѣе подулъ холодный вѣтеръ. Дядя Ваня стоялъ на дворѣ въ домашней курткѣ и фуражкѣ и гладилъ «Тиракса» по мохнатой шерсти.

— Да, — говорилъ онъ, — вотъ и зима подошла. Прощай теперь всѣ осеннія прогулки! Не правда ли, старикъ?

— Дядя, — просили дѣти, — пойдемъ гулять, вѣдь вовсе не такъ холодно, если скоро итти. А вѣдь въ будущее воскресенье, можетъ-быть, вовсе уже плохо будетъ.

— Мы найдемъ себѣ занятіе и дома, — отвѣчалъ дядя, — въ лѣсъ же теперь, разумѣется, итти нельзя. Сегодня мы обойдемъ всю нашу усадьбу. Вы и здѣсь увидите много любопытнаго.

Съ этими словами дядя пошелъ по двору и остановился передъ конурой вѣрнаго «Тиракса».

— Станція первая, — скомандовалъ онъ, — только не для лѣнливыхъ! Принесите-ка сюда ваши столярные инструменты, нѣсколько гвоздей и хорошій кусокъ парусины. У васъ еще, навѣрное, все это осталось послѣ постройки садовой палатки. Ну, смотрите, — продолжалъ онъ, когда дѣти принесли все, — посмотрите, въ какомъ видѣ конура, гдѣ бѣдная собака должна прожить всю зиму. Не стыдно ли намъ, что у такого вѣрнаго друга нѣтъ хорошаго пріюта отъ холода и непогоды? Стоитъ только немножко подумать и потрудиться, и бѣдному животному будетъ много легче зимой. Ну, живѣе, Лева, поверни конуру такъ, чтобы въ нее не дулъ вѣтеръ. Ладно, теперь она на мѣстѣ. А ты, Оля, забей всѣ щели и дырки мохомъ, пока я буду исправлять крышу. Входи мы загородимъ плотной занавѣской изъ парусины, сверху мы ее прибьемъ гвоздиками и спустимъ внизъ до самой земли. Такъ. Отъ этого у «Тиракса» будетъ много теплѣе, потому что снѣгъ не станетъ засыпаться въ его конуру. Теперь принесите сухой соломы для подстилки, — у всякой собаки должна быть мягкая, сухая, теплая подстилка. Мѣнять ее нужно по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, а то собака можетъ заболѣть отъ нечистоты. У самаго входа мы поставимъ маленькую дощечку, чтобы въ конурку не заливались грязь и вода. Ну, какъ вы думаете, все готово теперь?

Дѣти кивнули головой.

— Нѣтъ еще, — возразилъ дядя: — нужно еще укрыть крышу соломой, землей и дерномъ. Вѣдь собака такъ же чувствуетъ холодъ и непогоду, какъ и мы сами. Она такъ же можетъ заболѣть отъ простуды, какъ и человѣкъ. Вы, можетъ-быть, думаете, что когда цѣпная собака жалобно воетъ по цѣлымъ ночамъ, такъ это только оттого, что она скучаетъ. Кромѣ скуки, бѣдное животное мучаетъ ревматизмъ и разныя другія простудныя болѣзни, которыми не трудно заболѣть, лежа цѣлую ночь на промерзлой землѣ, на холодномъ вѣтрѣ. Полусгнившій клочокъ соломы и развалившаяся конура не защищаютъ ее отъ непогоды, а отъ холода бѣдная собака не можетъ спать цѣлую ночь. Не удивительно, что такое несчастное созданіе, наконецъ, озлобится, сдѣлается недовѣрчивымъ и станетъ бросаться на людей. Обо всемъ этомъ вы, конечно, никогда не думали, потому что вы ничего не знали до сихъ поръ. Теперь же, я думаю, вы никогда не забудете того, что я вамъ сейчасъ говорилъ. Не забывайте также каждый день дать «Тираксу» часокъ-другой погулять на свободѣ. Въ это время всегда можно осмотрѣть его конуру, заткнуть всякую новую дырку, переменить подстилку и тому подобное. Чѣмъ теплѣе ему будетъ зимой, тѣмъ здоровѣе онъ будетъ. Да, забылъ сказать еще объ одномъ: не забывайте чистить также кругомъ конуры, мыть каждый день его посуду и ставить ему чистой воды. По крайней мѣрѣ разъ въ день нужно давать ему горячій обѣдъ, а недостаточно бросать только обѣдки или кости. Ну, теперь вы знаете, какъ нужно заботиться о «Тираксѣ» и чѣмъ можно заслужить его любовь. Теперь пойдемъ дальше.

Дядя Ваня открылъ дверь въ конюшню.

— Ну, дѣти, сюда! Скоро наступитъ сильная стужа, и время подумать также о нашихъ добрыхъ лошадакахъ. Кучеръ Иванъ не очень-то много смыслить, какъ нужно заботиться о нихъ, и бѣднымъ животнымъ часто приходится много терпѣть отъ этого. Недавно онъ возилъ въ городъ вашего отца и всю дорогу

ѣхалъ очень скорой рысью. Лошади пріѣхали всѣ въ мыль. Умный кучеръ сейчасъ бы прикрылъ ихъ попоной, а у Ивана они простояли добрыхъ четверть часа на морозѣ. При этомъ лошадямъ очень легко схватить ревматизмъ или воспаленіе легкихъ. Большое тоже мученіе для лошади—это мундштукъ. При всякой остановкѣ слѣдуетъ снимать его, чтобы лошадь отдохнула. Но обыкновенно на это не обращаютъ никакого вниманія, и бѣдняжки подолгу стоятъ съ нимъ. А то вотъ еще обратите вниманіе на шоры. Знаете ли вы, зачѣмъ ихъ надѣваютъ?

— Чтобы лошадь не пугалась,—отвѣчалъ Лева.

— А между тѣмъ лошади съ ними только скорѣе приучаются пугаться, и, кромѣ того, отъ нихъ часто болятъ глаза, и лошадь слѣпнетъ. Когда вы вырастите и у васъ будутъ свои лошади, никогда не надѣвайте имъ шоръ. А теперь пока слѣдите за тѣмъ, чтобы шоры не были слишкомъ тѣсны и не терли глаза нашимъ лошадамъ. Такъ имъ все-таки будетъ легче. Особенно заботьтесь, чтобы никогда не надѣвали лошадямъ узду съ мороза. Попробуйте сами, что значитъ дотронуться на морозѣ языкомъ или губами до металла.

— Я уже разъ попробовалъ,—сказалъ Лева,—мнѣ было очень больно, и кусочекъ кожи остался на желѣзѣ.

— Ну,—сказалъ дядя,—то же самое бываетъ и съ лошадыю. Подумайте только, что это происходитъ съ ней ежедневно, такъ что ранка и залѣчиться не можетъ, а дѣлается все больше и больше. Можете себѣ представить, какія муки должна выносить бѣдная лошадь. А вѣдь ничего не стоитъ только потереть узду чѣмъ-нибудь теплымъ передъ тѣмъ, какъ вложить ее въ ротъ лошади. Итакъ, дѣти, не забывайте присматривать за тѣмъ, чтобы нашимъ лошадямъ было хорошо. А Иванъ пойметъ ваши заботы и самъ не захочетъ отстать отъ васъ.

— Ну, какъ понравилась вамъ нынѣшняя прогулка, дѣти?—спросилъ дядя вечеромъ племянниковъ, садясь за ужинъ.—Бѣсть вамъ теперь, навѣрное, очень хочется, потому что вы поработали. Если вы будете дѣлать все, какъ я говорилъ вамъ сегодня, то я подарю вамъ что-нибудь хорошее къ Рождеству.

— Нѣтъ, дядя Ваня,—сказалъ Лева,—ты намъ не долженъ ничего дарить, потому что намъ и такъ уже стыдно передъ нашимъ добрымъ «Тиравсомъ», и передъ лошадками, что мы сами не подумали о нихъ до сихъ поръ.

Птички на рябинѣ.

Дѣдушка Игнатъ цѣлыми днями работаетъ въ саду. Онъ дугами сгибаетъ длинные тонкіе стебли малины и крѣпко привязываетъ ихъ верхушки мочалой къ сосѣднимъ стеблямъ у самой земли, чтобы они не торчали высоко, чтобы снѣжокъ могъ хорошенько укрыть ихъ и уберечь отъ мороза.

Много сухого листа сметаетъ онъ съ дорожекъ на клумбы, гдѣ маргаритки и анютины глазки жмутся другъ къ другу и дрожатъ отъ стужи; подъ листомъ имъ будетъ теплѣе и крѣпко заснутъ онѣ на всю зиму. Плотнo обертываетъ онъ соломой каждый розовый кустикъ, чтобы могъ онъ пережить суровую зиму.

Маленькому Мишѣ скучно сидѣть въ комнатѣ, его одѣли потеплѣе и выпустили въ садъ. Онъ ходитъ за дѣдушкой Игнатомъ и смотритъ, какъ тотъ подвязываетъ малину, окапываетъ яблони и кусты крыжовника. Но Миша не только смотритъ, онъ и самъ работаетъ: онъ набираетъ подъ ветлами, что растутъ вдоль забора, сухой листъ на свою маленькую тачку, везетъ его къ клумбамъ и высыпаетъ на кустики анютиныхъ глазокъ, которые дѣдушка не успѣлъ еще прикрыть. Анютины глазки навѣрно благодарны Мишѣ за его заботы и весной порадуютъ его новыми хорошенькими цвѣтами. Радъ и дѣдушка Игнатъ: ну, скоро ли бы онъ управился одинъ-то, безъ помощника?—дѣла много, а время не терпитъ, скоро ужъ и холода настанутъ.

Вотъ взялъ дѣдушка Игнатъ лѣсенку, поставилъ ее подъ рябиной, влѣзъ и сталъ обрѣзывать кисти красныхъ ягодъ. Миша стоитъ и держитъ корзинку; онъ старается держать ее какъ можно выше, чтобы дѣдушкѣ легче было бросать въ нее ягоды. Онъ очень радъ, что тоже можетъ трудиться, но ему гораздо больше хотѣлось бы самому влѣзть на лѣсенку,—да что толку!—онъ еще такъ малъ, что и съ лѣсенки не достанетъ ягодъ. А дѣдушка все рѣжетъ да рѣжетъ.

Вотъ ужъ Мишина корзина полна; ему ужъ давно стало тяжело держать ее; онъ поставилъ ее на землю и ловитъ руками красныя грозди, которыя бросаетъ ему дѣдушка, или бѣгаетъ кругомъ дерева и подбираетъ ихъ на землѣ.

— Ну, вотъ и будетъ съ насъ,—говоритъ дѣдушка. Онъ кряхтя спускается съ лѣсенки и, поднявъ ее одной рукой, а другой захвативъ корзинку, тихонько направляется къ дому. Миша бѣжитъ за нимъ; ему вовсе не нравится, что такъ скоро кончилась новая забава.

— Дѣдушка, а еще-то развѣ не будемъ собирать?—спрашиваетъ онъ.

— Да на что же намъ? Вонъ и такъ ужъ полная корзина,—отвѣчаетъ дѣдъ:—намъ вѣдь только хватило бы на варенье.

— Дѣдушка, а на деревьяхъ-то сколько осталось ягодъ! Давай лучше снимемъ ихъ, я буду ими играть!—говоритъ Миша.

— Довольно у тебя игрушекъ и безъ того,—отвѣчаетъ Игнатъ;—эти ягоды надо птичкамъ оставить. Лѣтомъ-то птички всегда сыты, онѣ и червячковъ поклюютъ, и мошекъ и зернышекъ разныхъ отыщутъ, а какъ наступятъ морозы, какъ прикроетъ землю снѣжокъ, такъ плохо имъ будетъ: и холодно, и голодно, вотъ онѣ и прилетятъ сюда, и обрадуются нашей рябинкѣ.

Пошелъ частый, холодный дождикъ. Миша убѣжалъ домой и все смотрѣлъ въ окно, не прилетятъ ли птички клевать рябинку.

И когда наступили морозы, много ихъ стало прилетать и садиться на вѣтки рябины. Онѣ обклеивали красныя ягодки, отыскивали ихъ на землѣ подъ деревьями и радовались, что нашли вкусное угощенье, и весело чиркали.

Каждый день прилетали онѣ, большія и маленькія, покушать рябинки, а Миша смотрѣлъ на нихъ въ окно и говорилъ имъ: «Здравствуйте, милыя птички!»

Холодно, сыро и пусто было въ поляхъ, но птички не горевали: онѣ

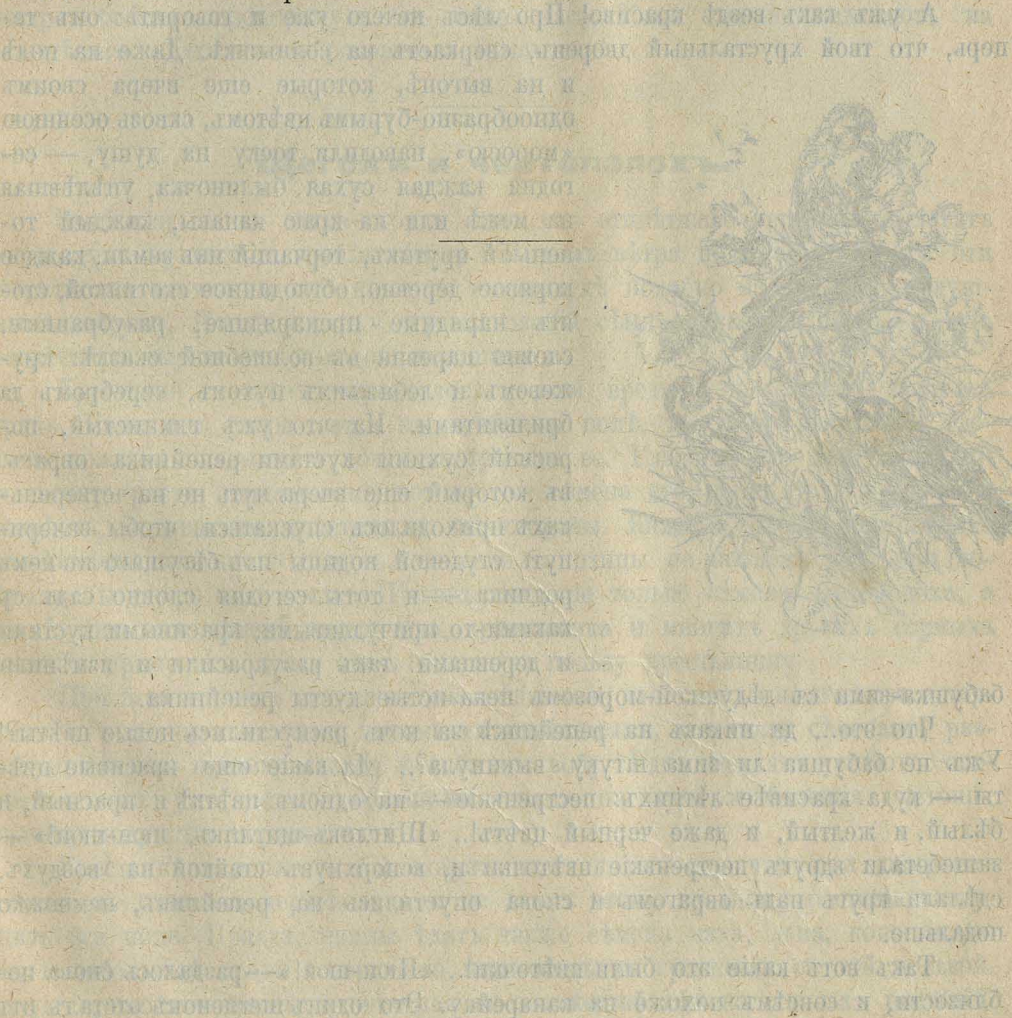
знали, что въ саду у дѣдушки Игната много оставлено на ихъ долю вкусныхъ ягодъ.

Когда же на вѣткахъ рябинъ не осталось больше ни одной ягоды, даже сморщенныхъ, даже темненькихъ не осталось, тогда птички грустно зачирикали, прилетѣвъ на опустѣвшія деревья, и стали совѣщаться между собою какъ имъ быть.

Видитъ Миша, сидятъ пичужки скучныя, нахохлились и жалобно попискиваютъ; собралъ онъ крошки со стола, пошелъ въ садъ и разсыпалъ ихъ подъ рябинками. Птички испугались, разлетѣлись въ разныя стороны, да потомъ смекнули, что бояться нечего, и принялись подбирать крошки.

Съ тѣхъ поръ Миша цѣлую зиму каждый день кормилъ своихъ маленькихъ гостей, а они весело чирикали у него подъ окномъ и приводили съ собою еще новыхъ бѣдныхъ, озябшихъ пичужекъ.

А когда снова наступила осень, Миша самъ заботился о томъ, чтобы не сняли всю рябину съ деревьевъ, чтобы побольше ея осталось для птичекъ на голодное зимнее время.

З И М А.

Щ е г о л ь.

За ночь выпалъ снѣгъ, и подморозило. Славно стало на улицѣ: вездѣ чистенько, бѣленько, ни грязи, ни слякоти; пройдешь, гдѣ хочешь — вездѣ твердо да крѣпко, только снѣгъ подъ ногами похрустываетъ.

А ужъ какъ вездѣ красиво! Про лѣсъ нечего уже и говорить: онъ теперь, что твой хрустальный дворецъ, сверкаетъ на солнышкѣ. Даже на полѣ и на выгонѣ, которые еще вчера своимъ однообразно-бурымъ цвѣтомъ, сквозь осеннюю «моросю», наводили тоску на душу, — сегодня каждая сухая былиночка, уцѣлѣвшая на межѣ или на краю канавы, каждый тоненькій прутикъ, торчащій изъ земли, каждое корявое деревцо, обглоданное скотинкой, стоять нарядные - пренарядные, разубранные, словно царевна въ волшебной сказкѣ: кружевомъ и лебяжьимъ пухомъ, серебромъ да брильянтами. На что ужъ глинистый, поросшій сухими кустами репейника оврагъ, въ который еще вчера чуть не на четверенькахъ приходилось спускаться, чтобы зачерпнуть студеной водицы изъ бѣгущаго въ немъ родника, — и тотъ сегодня словно садъ съ какими-то причудливыми, красивыми кустами и деревцами: такъ разукрасили и измѣнили

бабушка-зима съ дѣдушкой-морозомъ неказистые кусты репейника.

Что это... да никакъ на репейникѣ за ночь распустились новые цвѣты?! Ужъ не бабушка ли зима штуку выкинула?.. Да какіе еще красивые цвѣты — куда красивѣе лѣтнихъ: пестренькіе — на одномъ цвѣткѣ и красный, и бѣлый, и желтый, и даже черный цвѣтъ!.. «Щигликъ-щигликъ, пюи-пюи!» — защебетали вдругъ пестренькіе цвѣточки и, вспорхнувъ стайкой на воздухъ, сдѣлали кругъ надъ оврагомъ и снова опустились на репейникъ, немножко подальше.

Такъ вотъ какіе это были цвѣточки!.. «Пюи-пюи!» — раздалось снова поблизости, и совсѣмъ похоже на канарейку. Это одинъ щегленокъ отсталъ отъ

своихъ товарищей и манить ихъ къ себѣ назадъ: ужъ очень, должно быть, по вкусу пришлись ему сѣмена большой пушистой репейниковой головки, на которой онъ такъ искусно примостился. Воспользуемся его близостью къ намъ и полюбуемся на пестренькаго красавчика.

Что за прелестная птичка! Ростомъ поменьше воробья; мордочка (передняя часть головки) ярко-красная; щечки бѣлыя; темя и затылочекъ черные; крылья желтыя, съ черными и бѣлыми крапинами по заднему краю; хвостикъ черный и такъ же съ бѣлыми крапинами по его кончику; спинка желтовато-бурая; надхвостье бѣлое; грудка и брюшко бѣлыя, съ красновато-бурымъ налетомъ; клювикъ красновато-бѣлый, съ чернымъ кончикомъ; ножки буренькія.

«Пюи-пюи-щиглик!»—защебеталъ снова нашъ сосѣдь-щеголь, прикончивъ съ вкусной репейниковой головкой, и, видя, что его товарищи хотя и откликаются на его призывный крикъ, но, повидимому, вовсе не расположены къ нему вернуться, вспорхнулъ и полетѣлъ по направленію къ нимъ, издавая во время полета звуки: «щигликъ - пюи - пиклипликли!» Словно большая пестрая бабочка пропорхнулъ онъ мимо насъ. Какъ славно мелькаютъ на солнцѣ его желтыя полупрозрачныя крылышки!

Щеголь и чертополохъ.

Замѣчали ли вы когда-нибудь, какъ отъ отцвѣтшаго чертополоха летятъ въ воздухъ пушистыя, легкія сѣмена? Порывъ вѣтра подымаетъ вверхъ эти шерстистые клочки, и они плывутъ въ воздухѣ подобно маленькимъ воздушнымъ шарамъ. Послѣ долгихъ странствованій сѣмя опускается внизъ, и изъ него скоро вырастаетъ молодой чертополохъ.

Крестьяне считаютъ чертополохъ самой вредной изъ всѣхъ сорныхъ травъ. Если онъ разрастается въ хлѣбномъ полѣ, то скоро начинаетъ тѣснить рожь и пшеницу и почти заглушаетъ ее. Главное, что помѣшать чертополоху расти невозможно, потому что сѣмена его, лишь только растеніе созрѣетъ, отрываются и летятъ во всѣ стороны. Каждая головка чертополоха разсѣиваетъ такъ много сѣмянъ, что если бы птицы не поѣдали ихъ, они покрыли бы скоро всю землю. Щеголь ѣстъ не только сѣмена чертополоха, а кромѣ того еще сѣмена одуванчика, крестовника и многихъ другихъ сорныхъ травъ и приносить этимъ очень большую пользу крестьянину.

Щеглиха строить хорошенькое гнѣздышко для своихъ птенчиковъ и кормить ихъ сначала мелкими личинками насѣкомыхъ, а потомъ сѣменами, размягчивши ихъ предварительно у себя въ зобу. Едва щеглята успѣютъ опериться, они уже летятъ большими стаями на луга и большія пустоши, сплошь покрытыя чертополохомъ.

Крестьянинъ долженъ благодарить щегловъ за то, что они обираютъ сѣмена съ головокъ чертополоха и не даютъ этому вредному растенію заглушить все поле. Правда, щеглы ѣдятъ также сѣмена мака, льна, конопли, но этотъ небольшой вредъ совершенно ничтоженъ въ сравненіи съ той пользой, какую приносятъ щеглы, уничтожая во множествѣ сѣмена сорныхъ растеній.

Не надо позволять ребятам ловить этихъ полезныхъ птицъ и отрывать ихъ отъ работы, распугивая ихъ для своей забавы.

Есть такіе добрые люди, что вѣшаютъ неподалеку отъ своего дома пустыя клѣтки, открываютъ ихъ и насыпаютъ туда какой-нибудь пищи для птицъ. Имъ нравится, что птица и живетъ въ клѣткѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ улетаетъ и прилетаетъ, когда ей угодно.

Это, конечно, гораздо лучше, чѣмъ запирасть щегла въ жаркую комнату, гдѣ онъ не можетъ найти настоящаго корма, гдѣ ему нельзя летать или отыскать себѣ удобное мѣсто для гнѣзда.

Зимой птица рада убѣжищу и готовой пищѣ. Одинъ англійскій учитель, жившій въ деревнѣ, убѣшивалъ каждый годъ почти всю наружную стѣну своего дома клѣтками. Въ нихъ всегда лежала пища для щегловъ, летавшихъ близь дома.

Зимой въ морозъ они находили въ клѣткѣ уютный уголокъ, а весной — строили тамъ гнѣзда. Учитель говорилъ, что птицы приносили только пользу, а не вредъ въ саду, а ему было пріятно смотрѣть, какъ онѣ летали всюду, гдѣ имъ было угодно.

Нашъ сенбернардъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы переѣхали въ Оренбургскую степь. Лѣтомъ въ этой степи бываетъ очень жарко, дожди выпадаютъ рѣдко, трава высыхаетъ, вся степь чернѣетъ и, кажется, вымираетъ въ ней все живое. Зимой же въ Оренбургской степи бываютъ нерѣдко сильные холода, выпадаетъ много снѣгу: этотъ снѣгъ цѣлыми тучами переносится вѣтромъ, и вѣтеръ наметаетъ изъ снѣгу цѣлая гора. Такой сильный вѣтеръ называется бураномъ. Бѣда одинокому путнику, даже цѣлому обозу, если его застигаетъ въ степи буранъ: ему легко сбиться съ пути, заблудиться въ снѣжныхъ поляхъ и замерзнуть. А буранъ насыплетъ надъ несчастнымъ цѣлый холмъ снѣгу.

Жили мы въ этой степи далеко отъ города, далеко даже отъ деревни. Въ такомъ открытомъ мѣстѣ буранъ еще сильнѣе свирѣпствовалъ. Часто въ буранъ мы, выйдя изъ дома, не могли попасть въ кухню, которая была въ отдѣльной избѣ, саженьяхъ въ 10 отъ нашего крыльца. Тогда на помощь мы призывали свою большую сенбернардскую собаку, и она отыскивала намъ дорогу.

Сенбернардскія собаки родомъ съ горы Сентъ-Бернардъ, которая стоитъ на границѣ Италіи и Швейцаріи. Эта гора очень высока, на вершинѣ ея никогда не таетъ снѣгъ. Тамъ очень часто дуютъ сильные вѣтры, которые пронизываютъ путника, сбиваютъ его съ дороги и заносятъ снѣгомъ. Давно уже на вершинѣ этой горы построенъ монастырь. Съ наступленіемъ бурана монахи выходятъ изъ монастыря, обходятъ опасныя мѣста и помогаютъ выбившимся изъ силъ путникамъ.

Но въ буранѣ, когда при страшномъ ревѣ вѣтра не слышно криковъ о помощи, когда въ двухъ шагахъ ничего не видно, трудно было бы монахамъ отыскать несчастныхъ, не много бы могли они сдѣлать, если бы у нихъ не было ихъ замѣчательныхъ собакъ.

У сенбернардской собаки прекрасное чутье, тонкій слухъ, она хорошо знаетъ всѣ тропинки, всѣ ущелья и быстро разыскиваетъ того, кто нуждается въ ея помощи. Къ спинѣ собаки привязано теплое одѣяло, на груди ея виситъ боченокъ съ виномъ. Собака находитъ выбившагося изъ силъ, полузамерзшаго путника. Если путникъ еще не потерялъ сознанія, то онъ снимаетъ съ собаки одѣяло, завертывается въ него, выпиваетъ глотокъ вина и

Сенбернардскія собаки спасаютъ въ горахъ замерзшаго путника.

согрѣтый идетъ за собакой въ монастырь, гдѣ его ждетъ теплая комната и заботливый уходъ. Если же путникъ уже потерялъ сознаніе, то собака, отыскавъ его, бѣжитъ за монахами и приводитъ ихъ къ несчастному. Монахи уносятъ его въ монастырь и приводятъ тамъ въ чувство.

Нашего сенбернарда привезли къ намъ еще маленькимъ щенкомъ, но онъ никогда не могъ привыкнуть къ нашей лѣтней жарѣ. Лѣтомъ онъ забирался въ тѣнь и часами лежалъ неподвижно, тяжело дыша, высунувъ языкъ. Онъ, видимо, сильно страдалъ.

Съ наступленіемъ зимы собака оживала: она дѣлалась весела и съ радостнымъ лаемъ носилась по степи. Она всегда чувствовала приближеніе бурана, тревожно бродила по дому, прислушивалась къ чему-то. Съ первыми порывами вѣтра она выбѣгала на дворъ и никакими силами нельзя было удержать ее въ комнатѣ. Сенбернардъ взбирался на крышу амбара, чутко прислушивался къ вою вѣтра и громко, отрывисто лаялъ. Вѣтеръ дѣлался сильнѣе, поднималъ тучи снѣгу, тогда сенбернардъ соскакивалъ съ крыши и съ лаемъ носился по снѣговому полю, отыскивая сбившагося съ дороги путника. Многимъ людямъ помогла наша собака выбраться на дорогу и добрести до нашего дома. Раза два она даже прибѣгала за моимъ отцомъ, когда не могла одна помочь заблудившемуся.

Сенбернардъ былъ очень къ намъ привязанъ, особенно къ отцу, но, кажется, сильнѣе всего онъ любилъ маленькаго зайчонка, который жилъ у насъ одно лѣто. Собака полюбила его съ перваго дня; она ни на шагъ не отходила отъ зайца, зорко берегла его отъ другихъ собакъ; она ходила за нимъ какъ за своимъ щенкомъ, облизывала его. Когда зайчикъ ѣлъ, собака не подпускала къ нему никого, чтобы не помѣшали ему. Послѣ ѣды она оближетъ, бывало, зайчику мордочку и ляжетъ съ нимъ спать,—спять обнявшись. Если собака проснется раньше зайца, то ни за что не встанетъ, чтобы не разбудить его. Если кто зайчика возьметъ на руки, собака лаетъ, визжитъ, старается отнять и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не отпуститъ зайца.

И зайчикъ любилъ собаку, другъ безъ друга они скучали, особенно сенбернардъ безъ зайца.

Зайчонокъ прожилъ у насъ мѣсяца два и вдругъ заболѣлъ. Какъ ухаживалъ за нимъ сенбернардъ, какъ ласкалъ его, какими грустными глазами смотрѣлъ онъ на больного зайку!

Черезъ нѣсколько дней зайка умеръ. И какъ тосковала о немъ собака!

Не долго пережилъ своего любимца сенбернардъ. Въ ту же зиму онъ околѣлъ, прохворавъ нѣсколько дней. Мы всѣ до сихъ поръ съ любовью вспоминаемъ нашего друга.

Зима въ лѣсу.

Зима. Молчить лѣсъ. Холодный вѣтеръ мчится свободно по обнаженнымъ вѣтвямъ, качая верхушки мрачныхъ деревьевъ. Зелены только сосны да ели, и имъ, кажется, нипочемъ зимняя непогода... Тихо кругомъ; но минутами то смѣло потрескиваетъ морозъ, то жалобно гудитъ вѣтеръ и словно стонутъ вприсосны темныя деревья — не проснуться имъ теперь, они заколдованы снѣжной, суровой зимой,—все спитъ...

Но, чу!.. рѣзкій ударъ... еще и еще гулко пронесся по лѣсу. Есть, стало-быть, и не спящіе подъ бѣлымъ зимнимъ пологомъ. Вотъ снова твердый желѣзный ударъ,—это нашъ лѣтній знакомецъ, неустанный работникъ, красноголовый дятель хозяйничаетъ на свободѣ въ спящемъ лѣсу. Онъ долбитъ себя крѣпкимъ клювомъ мерзлую кору стараго дуба, добывая съ великимъ трудомъ свой завтракъ; на него любитъ, выпрыгнувъ изъ дупла, пушистая бѣлка.

Она расправила хвостъ, словно птица перепорхнула на сосѣднюю вѣтку, ушла на ней и не сводитъ черныхъ глазъ съ проворной пестрой птички.

Внизу бѣлымъ клубкомъ безшумно выкатился изъ снѣжныхъ кустовъ на тропинку заяцъ-бѣлякъ; на минуту онъ присѣлъ, поднялся на заднія лапки, поводитъ длинными ушами, обнюхалъ воздухъ, фыркнулъ и принялся передними лапками умывать смѣшную мордочку и охорашиваться. Треснуло отъ мороза дерево; гулко прокатился трескъ по лѣсу. Вздрыгнувъ заяцъ, сорвался съ мѣста, — неудержимо понесся по тропинкѣ и выкатился въ поле, гдѣ со страху забился въ сиротливый сухой кустъ полыни.

Жилища животныхъ зимою.

Зимою въ лѣсахъ и на поляхъ гораздо меньше птицъ и звѣрей, а насѣкомыя совершенно исчезаютъ. Всѣ перелетныя птицы улетаютъ отъ насъ на зиму въ южныя страны. А пѣвчія птицы еще въ началѣ осени спѣшать покинуть нашъ угрюмый, непривѣтливый край и перестаютъ тѣшить насъ своими звонкими и нѣжными пѣснями. Остаются зимовать съ нами только: галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики, да еще нѣкоторыя птицы. Воробьи тоже не покидаютъ своихъ теплыхъ гнѣздъ.

Дикіе звѣри хоть и не бѣгутъ отъ нашей суровой зимы, но отъ холода залѣзаютъ въ берлоги, норы и дупла. Иные изъ звѣрей на самое холодное время засыпаютъ, напримѣръ: лѣнливый байбакъ и косматый медвѣдь. Къ веснѣ они просыпаются, замѣтно истощенные отъ долгаго поста. Но сѣрый заяцъ не засыпаетъ. Зайцу самая лютая стужа не мѣшаетъ весело попрыгивать по снѣжной равнинѣ. Бѣлка собираетъ себѣ съ осени хорошій запасъ орѣховъ въ дуплѣ дерева. На зиму она засыпаетъ въ своемъ гнѣздѣ, но въ теплые дни просыпается и грызетъ орѣхи изъ своего запаса.

Лишь только наступаютъ осенніе холода, сурки, ежи, летучія мыши тоже забираются въ свои норы и засыпаютъ. Тѣло тогда у нихъ коченѣетъ, сердце бьется неслышно, они почти не дышатъ, свертываются клубкомъ и лежатъ неподвижно, какъ мертвые.

Летучія мыши не строятъ себѣ норъ на зиму, но забираются куда-нибудь на чердаки, въ подвалы, въ расщелины скалъ и висятъ тамъ внизъ головою, пока стоятъ холода. Спятъ зимою и змѣи, лягушки, ящерицы. Онѣ забираются на зиму куда-нибудь подъ камни, въ мохъ, подъ корни деревьевъ, и такъ далѣе — и тамъ обмираютъ. Онѣ спятъ то порознь, то кучей. Были случаи, что при проведеніи канавъ отрывали подъ корнями деревьевъ цѣлыя скопища змѣй. Животныя эти лежали какъ мертвыя, свернувшись клубкомъ.

О живучести лягушекъ рассказываютъ удивительныя вещи. Были случаи, что лягушку, спящую во мху, раннею весною покрывало водой; когда замерзала вода, замерзала и лягушка. Нѣсколько дней она находилась во льду, но когда ледъ таялъ, тогда лягушка опять оживала. То же рассказываютъ и о нѣкоторыхъ другихъ животныхъ.

Рыбы хотя зимою и не впадаютъ въ зимнюю спячку, а уходятъ въ глубокія мѣста, но, и онѣ могутъ замерзать и оживать.

Залегаютъ на зиму въ спячку и пѣявки, улитки, червяки, жуки, мухи и безконечное множество всякихъ другихъ маленькихъ животныхъ. Съ наступленіемъ холодовъ они прячутся кто куда успѣетъ и куда можетъ: въ щели, въ землю, подъ мохъ. Тамъ они и ждутъ цѣлые мѣсяцы наступленія теплыхъ дней.

Заяцъ-русакъ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводитъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы притти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади, скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ рассказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собачонка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озиими и пошелъ дальше. На деревнѣ было все тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачь ребенка въ избѣ да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ подымался надъ землею. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гумна, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выbralъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Теленочекъ.

Морозно. По дорогѣ, идущей между сосновымъ лѣсомъ, по глубокому, ярко освѣщенному полной луной снѣгу, пара топчихъ лошадокъ везутъ обитую рогожей кибитку. Ныряетъ кибитка по ухабамъ; скрипятъ полозья. Ямщикъ то и дѣло поправляетъ шапку. Его борода, волосы, брови, все покрыто бѣлымъ инеемъ. Удары кнута, скрипъ полозьевъ, раскаты саней, все такъ отчетливо, явственно слышно въ эту морозную, лунную ночь.

— Скоро ли, родненькой, село-то? — спрашиваетъ молодая женщина, сидящая въ кибиткѣ. Ея лицо блѣдно, большіе впалые глаза смотреть напряженно вдаль.

— Видишь, — сказалъ ямщикъ, оборотившись къ ней, — вонъ тамъ на бугоркѣ избы чернѣютъ.

— Вижу, родимый!

— Ну, вотъ, это оно самое село-то и есть.

— Славу Богу! — и женщина набожно перекрестилась. — Стеша, Стеша! — заговорила она такъ нѣжно и ласково, поддерживая дѣвочку подъ спину: — смотри-ка, вонъ и огонекъ мелькаетъ...

Ямщикъ круто повернулъ направо.

— Ну, соколики! — крикнулъ онъ лошадямъ. — Огонекъ, что ты видишь, желанная, — сказалъ ямщикъ, — это на постояломъ дворѣ свѣтится.

Кибитка остановилась у крыльца. Старикъ, двое ребятъ и женщина съ любопытствомъ смотрѣли на пріѣзжихъ. Лукерья, такъ звали пріѣхавшую женщину, и Стеша стали подниматься по лѣсенкѣ въ избу. Когда отворили дверь, теплый паръ, вырвавшійся изъ избы, окуталъ ихъ точно туманомъ.

Въ воздухѣ носился запахъ щей. Около печки сидѣло нѣсколько куръ. Въ то время, какъ женщина и дѣвочка раздѣвались, пропѣлъ пѣтухъ.

— Ишь утро почуялъ, — проговорили хозяева. — Милости просимъ! — обратились они къ пріѣзжимъ. — Не подать ли вамъ самоварчикъ?!

— Спасибо, родненькая, — сказала Лукерья хозяйкѣ, — обогрѣйте. На дворѣ морозъ лютый, — добавила она, ставя на столъ корзину.

Дѣвочка подошла къ курамъ и стала ихъ разглядывать. Въ углу, около самой двери, на соломѣ лежалъ теленокъ рыженькій, съ бѣлой лысиной. Стеша подошла и къ нему, приложила свою худую руку къ его мордочкѣ; онъ разомъ втянулъ ее къ себѣ въ ротъ. Дѣвочка не отдергивала руки.

— Стеша, — позвала ее мать, — иди, чайкомъ напою, завтра рано пойдемъ къ докторшѣ.

Не успѣла Стеша отойти, какъ теленокъ разомъ поднялся. Ноги у него были длинныя и худыя. Онъ весь дрожалъ.

— Его бы отвести къ маткѣ, — сказала, обращаясь къ матери Стеша: — она бы его согрѣла.

— Ну, иди и пей, — сказала Лукерья Стешѣ, подавая ей чашку и кусокъ сахару.

Дѣвочка откусила немного отъ куска сахару, отряхнула крошки въ чай и стала пить съ блюдечка.

— А все-таки лучше бы теленочка къ матери, она бы его согрѣла,— повторила Степа,—а то посмотри, какъ онъ дрожить.

Лукерья встала. Въ это время вошелъ въ избѣ ямщикъ. Она сейчасъ же налила ему кружку чаю и дала ломоть ситнаго.

 — Ты бы дѣвочку-то на печку положила спать,—сказала Лукерья хозяйка,—а сама вотъ тутъ на лавкѣ ляжешь.

Дѣвочка, окончивъ чай, накрыла чашу и на ея доннышко положила оставшійся маленькій кусочекъ сахару. Затѣмъ помолилась Богу и, пока мать приготавливала ей на печи постель, она снова подошла къ теленку и дала ему корочку хлѣба; онъ ее тотчасъ съѣлъ и, когда она отошла, онъ потянулся за ней.

— А гдѣ его matka?—спросила дѣвочка у хозяйки.—Почему онъ не съ ней?..

— Matka въ коровникѣ,—тамъ холодно, воть мы его сюда и взяли.

Попоемъ шесть недѣль молочкомъ, а тамъ и продадимъ мяснику.

— Чтобъ онъ его закололъ?!—проговорила съ ужасомъ Степа.

— Иди, ложись, Степенька,—сказала ласковымъ голосомъ Лукерья.

Дѣвочка съ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ направилась къ матери и, поднимаясь на печку, проговорила:

— Зачѣмъ убивать бѣднаго теленка, пускай бы онъ жилъ и ходилъ весной съ matкой въ поле, щипалъ бы траву и пилъ бы изъ рѣчки чистую воду...

Черезъ нѣсколько минутъ въ избѣ воцарилась тишина, которую только пѣтухъ нарушалъ своимъ пѣніемъ; но усталые отъ дневной работы люди не слыхали его громкаго голоса; не спала одна только Степа. Ей жаль было теленка, и она нѣсколько разъ будила мать и говорила ей:

— Не надо убивать!..

Сѣрый бродяга.

1. Холодно волку, бродягѣ сѣрому, голодно. Гудить-завываетъ вѣтеръ по лѣсу, замело снѣгомъ проѣзжія дороги, засыпало тропы пѣшеходныя, толстою корою льда затянуло воды рѣкъ и озеръ. Загнали морозъ и въюги все

Рис. Е. Бемъ.

живое по крытымъ дворамъ уютнымъ, по избамъ теплымъ; только сѣрый волкъ исхудалый бродить одинокій на волѣ, безъ крова и пріюта. Черезъ чащи лѣсныя заиндевѣвшія, черезъ поля и луга опустѣлые, изъ конца въ конецъ гоняетъ его голодъ лютой, неотвязчивой.

Коротокъ зимній день, долга морозная, зимняя ночь, и ни днемъ ни ночью нѣтъ покоя отоцалому бродягѣ. Гнететъ его одна забота, единое только помышленіе: чѣмъ бы раздобыться съѣстнымъ, чтобы хоть чуточку перехватить на голодные зубы, чтобы унять эту злую, болѣзненную рѣзь въ пустомъ желудкѣ, дотянуть, дожить кое-какъ до весны, до времени теплаго.

2. Бродитъ волкъ по снѣжнымъ сугробамъ, гдѣ шажкомъ, гдѣ рысцой, гдѣ вприпрыжку, да зубами пощелкиваетъ... Нѣтъ ему нигдѣ воровской поживы, нѣтъ нигдѣ куска хозяйскаго, для него припасеннаго.

Медвѣдь, «старшій въ лѣсу звѣрь»,—тотъ, небойсь, отѣлся за лѣто, залегъ въ берлогу теплую и спитъ; зима ему не въ тягость, а въ отдохновеніе. Завела себѣ и лисица хитрая норку уютную. Кроты, сурки, суслики—вся эта мелочь полевая, всѣ по домамъ устроились и съѣстнымъ запаслись. Одному волку не сладко живетъ зимою, на его только долю выпали всѣ напасти, всѣ бѣды зимняго времени.

И не найдется, знаетъ онъ, ни одной души доброй, кто бы пожалѣлъ его, кто бы протянулъ ему руку помощи: ужъ очень онъ всѣмъ досадить успѣлъ,—некому, да и не за что, добромъ помянуть его, разбойника.

Вотъ ему теперь «овечьи слѣзки и отливается».

Вотъ и ночь желанная наступила. Крѣпнетъ морозъ, искрится снѣжное поле при лунномъ свѣтѣ, потухли въ окнахъ огни... Тихо кругомъ, безлюдно.

Тронулся волкъ съ мѣста и пошелъ въ обходъ, гдѣ что плохо лежитъ выглядывать... Только добѣжалъ до выгона, завыли по дворамъ псы деревенскіе, чуютъ гостя недобраго. Всѣ на разные голоса заливаются: «Не подходи, молъ, близко: хозяина съ дубиною вызовемъ».

3. Тревожить, томить волка голоднаго это вытье,—не по сердцу оно ему, какъ вору трещетка сторожа, злость разбираетъ, зубы острые дробь выколачиваютъ,—эхъ, попалась бы ему теперь какая-нибудь собачонка досадливая, не побрезговалъ бы и собачьимъ мясомъ, за одинъ разъ и злобу-то свою и утробу насытилъ бы.

Хитры псы, сторожа деревенскіе, бывалые!

Ходить-бродить волкъ всю ночь попусту, ходить-бродить да зубами пощелкиваетъ.

Рано, до свѣту подымается людъ деревенскій да за работу принимается.

Уходить надо волку въ лѣсную трущобу по-добру, по-здорову... А голодь пуще томить, точно ножами рѣжетъ волчьи внутренности... Отощаль, обезсилѣль бѣдняга, въ глазахъ круги пошли зеленые, еле-еле ноги переступаютъ, бредеть,—спотыкается да на ходу снѣгъ подхватываетъ воспаленною пастью.

Кормленіе птицъ зимою.

Въ зимніе дни, когда древесные сучья покрыты инеемъ и земля тверда какъ камень, жалко видѣть бѣдныхъ нахохлившихся птицъ, сидящихъ подъ ку-

стами, страдающихъ отъ голода и покорно ожидающихъ неизбѣжной смерти. Какъ не пожалѣть ихъ, какъ не притти къ нимъ на помощь?

Одно изъ моихъ лучшихъ удовольствій — это кормить зимою птицъ. Я желала бы, чтобы всѣ мои читатели могли съ такимъ же удовольствіемъ наблюдать за своими пернатыми друзьями, какъ наблюдаю за ними я черезъ большое окно, сидя за своимъ письменнымъ столомъ. Подъ окномъ собираются большія стаи разныхъ птицъ; этого добила я долгимъ и терпѣливымъ ухаживаніемъ за ними въ продолженіе многихъ лѣтъ. Нельзя сразу приручить птицъ. Прежде всего нужно внимательно изучить, какую пищу употребляетъ каждая порода птицъ; потомъ

надо заботиться о томъ, чтобы кормленіе происходило всегда въ одно и то

же время, и, наконецъ, слѣдуетъ быть всегда спокойнымъ въ своемъ обращеніи, чтобы не напугать робкаго гостя.

Я увѣрена, что много есть любителей птицъ, которые кормятъ ихъ въ холодные дни; но мнѣ хочется подѣлиться своими наблюденіями съ тѣми изъ моихъ читателей, которые не знаютъ, какъ привлечь къ себѣ и приручить маленькихъ пернатыхъ друзей.

Грачи, сойки, галки и сороки любятъ жолуди и буковые орѣшки. Какъ легко набрать ихъ осенью и приготовить пищу для голодныхъ птицъ въ зимнее время, когда онѣ съ трудомъ находятъ себѣ кормъ!

Черные и сѣрые дрозды ѣдятъ охотно крошки чернаго хлѣба и овсяную крупу; этотъ кормъ годится, кажется, для всѣхъ маленькихъ птицъ. Жиръ и сало въ разныхъ видахъ привлекутъ къ вашему окошку множество синичекъ. Подъ моимъ окномъ всегда виситъ на гвоздикѣ маленькая плетеная корзина, наполненная кусками бараньяго жира. Сюда слетаются синицы, эти красивыя пичужки; сюда же прилетаютъ и поползни, чтобы полакомиться орѣшками. Они уносятъ орѣшки на сосѣднія деревья и тамъ запрятываютъ ихъ въ щели коры, и потомъ долбятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не разобьютъ скорлупы.

Въ сильные морозы я всегда выставляла подъ окошкомъ корытце съ водою. Однажды я замѣтила, что скворцы, позавтракавъ подъ моимъ окномъ овсяною крупю, отправились на лужайку и стали быстро клевать крупинки инея; очевидно, онѣ замѣняли имъ воду.

Говорятъ, что коношлянка получила свое имя потому, что любитъ клевать коношляное сѣмя. Кажется, зяблики тоже охотно ѣдятъ его. Всѣ маленькія птички любятъ канареечное сѣмя.

Надѣюсь, что многіе изъ моихъ читателей попытаются кормить зимою птицъ. Грустно думать, что онѣ могутъ умереть голодною смертію, между тѣмъ какъ мы такъ легко можемъ прокормить ихъ. Навѣрное, въ теплые лѣтніе дни онѣ заплятутъ намъ сторицею своими звонкими пѣснями и милою довѣрчивостію.

Забойтесь о ва- шихъ домашнихъ животныхъ въ зимнюю стужу!

Во время остановокъ въ морозъ покрывайте лошадей попонами, вѣдь и имъ такъ же, какъ и людямъ, бываетъ холодно, и онѣ тоже могутъ простудиться и заболѣть!

„И въ морозъ не забудьте насъ, цѣпныхъ собакъ: устройте намъ теплыя будки!“

Савраска.

Съ хозяиномъ дружно старался, на зимушку хлѣбъ запасалъ, во стадѣ ребенка давался, травой да мякиной питался, а тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались и сковывалъ землю морозъ, съ хозяиномъ ты отправлялся съ домашняго корма въ извозъ. Не мало и тутъ доставалось: возилъ ты тяжелую кладь; въ жестокую бурю, случалось, измучась, дорогу терять. Слыхалъ ты въ январскія ночи метели пронзительный вой и волчи горящія очи видать на опушкѣ лѣсной.

Рис. Е. Велл.

Съ работы.

— Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте, дѣтки!

Выпить бы. Эки стоять холода!

«Инь ты забылъ, что намедни послѣдки

Выпилъ съ десятникомъ?»

— Ну, не бѣда!

И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный.

Ты обряди-ка Савраску, жена;

Поголодалъ онъ весною, сердечный,

Какъ подобрались сѣна.

Экъ я умаялся!.. Что, обрядила?

Дай-ка горяченькихъ щецъ.

«Печи я нынче, родной, не топила:

Не было, знаешь, дровецъ».

— Ну и безъ щей поспѣдаю я, грѣшный.

Ты овсеца бы Савраскъ дала,

Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,

Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче намъ съ бревнами было,—

Портится путь... Инь и хлѣбушка нѣтъ?

«Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,

Завтра сулили чѣмъ свѣтъ!»

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный.

Кинь подъ Савраску соломы, жена!

Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,

Триста четыре бревна!..

Какъ дядя рассказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ.

У насъ былъ старый старикъ Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая; онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами.

Насъ было четыре брата, и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смиренныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ; ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «Ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ, и онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ-подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣ пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да еще и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ-подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришелъ мой чередъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изъ всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ итти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а шелъ шагомъ и то все заворачивалъ назадъ. Я злился на лошадь и изъ всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами. Я старался бить ее въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ все не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

— Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?

Я обидѣлся и сказалъ:

— Какъ же, я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуйста, мнѣ хлысть покрѣпче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20 лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышитъ, да и стара. Вѣдь она какая старая? Все равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что же вамъ не жалко бы было?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьку: и слѣзъ съ лошади. И когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ,—я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ.

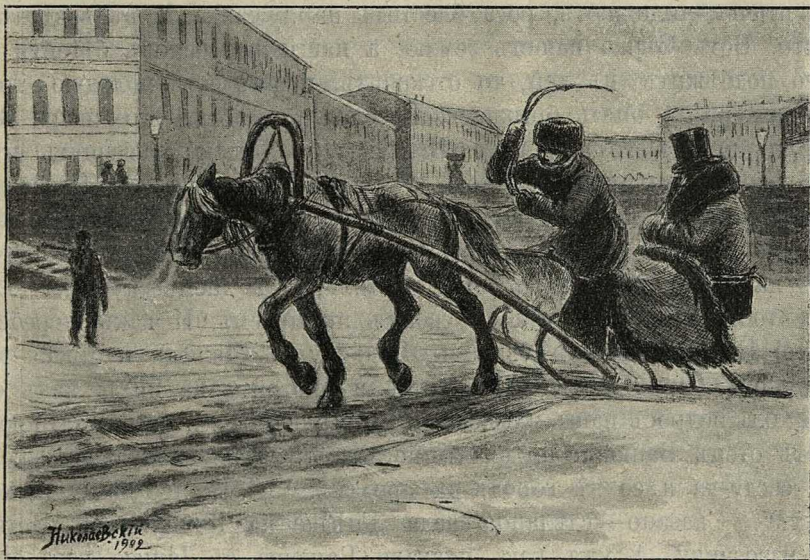
Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

VIII. Въ городѣ.

Бѣдный Гнѣдко.

— Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчикъ, какъ онъ бьетъ лошаду!.. Въ самомъ дѣлѣ, она бѣжить очень плохо... Отчего жъ это? Ахъ, бѣдный Гнѣдко, да онъ хромаетъ!..

— Извозчикъ, извозчикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь, ты ее до смерти убьешь...

— Что нужды,—отвѣчаетъ извозчикъ,—ужь или мнѣ или ей умереть! нынче праздникъ.

— То-то и есть, что праздникъ, любезный; ты подгулялъ, да и не посмотрѣлъ, что лошадь потеряла подкову; отъ того она поскользнулась и зашибла ногу. Чего мудренаго, что она не можетъ бѣжать? Она, бѣдная, что шагнетъ, то ей больно; тутъ не побѣжишь. А ты знаешь, что тебѣ надо будетъ платить за ея лѣчение, за подкову, да еще хозяинъ будетъ

тебя бранить. Такъ тебѣ хочется, во что бы то ни стало, выручить свои деньги; теперь же благо праздниѣ, ѣзды много, платяѣ дорого... Да бѣдная лошаѣка въ чемъ виновата? Виноватъ-то ты, глупый мальчикъ; зачѣмъ ты не посмотрѣлъ за нею, зачѣмъ не видалъ, когда она потеряла подкову?

Но онъ не слушаетъ насъ, онъ уже далеко. Вонъ онъ на Невѣ и все погоняетъ бѣдную лошаѣку, а лошаѣ все спотыкается и что шагнетъ, то ей больно. Бѣдная лошаѣка! Какое ей мученье!

А еще ребятишки бѣгутъ за санями да смѣются и надъ лошаѣкой и надъ извозчикомъ. А онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошаѣкѣ.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ! Какъ онъ не запретить извозчику мучить бѣдную лошаѣку! Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ шляпу на глаза и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А мнѣ что за дѣло?—бормочетъ про себя толстый господинъ;— я спѣшу на обѣдъ. Пусть извозчикъ убьетъ свою лошаѣ, — не моя лошаѣ, мнѣ что за дѣло.

Какъ вы думаете объ этомъ, мои друзья? Будто оттого, что это не его лошаѣ, такъ и надобно ему смотрѣть равнодушно на ея мученье?

Бѣдный Гнѣдко! Какъ мнѣ жаль его! Я давно знаю эту лошаѣку. Я помню, какъ она была еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто. Вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжитъ къ ней, то отскочитъ, пощиплетъ молодую травку и опять къ матери, и опять брыкнетъ. Веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой; его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчешутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломкою. Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало вмѣсто того, чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положить въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребеночекъ-то зналъ ихъ! Бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смотреть на нихъ, какъ собачка. Въ такой холѣ подросъ нашъ жеребеночекъ, выровнялся и сталъ статною лошаѣкою. Вотъ отецъ Ванюши подумалъ, погадалъ: „Жалко такую лошаѣ въ соху запречь; сведу-ка я ее въ городъ да продамъ; мнѣ за нее цѣну двухъ лошаѣй дадутъ“. Сказано — сдѣлано: свели Гнѣдка на Конную, въ Петербургъ, продали извозчику. А ужъ какъ плакали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извозчика беречь ихъ Гнѣдка, не заставляя его возить тяжести, не мучить его!.. Они возвратились домой очень печальные: чего-то имъ не доставало. Отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдка хорошія деньги, дѣти же горько плакали.

Но въ этихъ разговорахъ мы прошли всю улицу... Посмотрите, посмотрите: что это тамъ столпился народъ!.. Пойдемъ!

— Ахъ, это нашъ бѣдный Гнѣдко! Посмотрите: онъ упалъ и не можетъ больше встать; прохожіе помогаютъ извозчику поднять его: они подни-

муть, онъ опять упадетъ. Какъ нога у него вспухла! Самъ извозчикъ теперь плачетъ навзрыдь. «По дѣломъ ему!» скажете вы. Нѣтъ, не говорите этого: онъ ужъ самъ видитъ свою вину и уже довольно наказанъ. Какъ онъ покажется на глаза хозяину? Да и что дѣлать теперь съ лошадыю? Оставить ее на улицѣ нельзя; сама она итти не можетъ; надо нанять другую лошадь съ санями и на сани взвалить бѣднаго Гнѣдка! Но на это нужны деньги, а у извозчика ихъ нѣтъ: толстый господинъ разсердился, зачѣмъ лошадь упала, и не заплатилъ ничего... Бѣдный Гнѣдко! Онъ не можетъ шевельнуться, зарылъ голову въ снѣгъ, тяжело дышитъ и поводитъ глазами, какъ бы прося о помощи. Бѣдный, онъ не можетъ даже кричать, потому что лошади не кричатъ, какъ бы жестоко они ни страдали. «Злой извозчикъ! Зачѣмъ ты такъ измучилъ бѣднаго Гнѣдка?» Но перестанемъ упрекать его, хотя онъ и много виноватъ, а лучше дадимъ ему денегъ, пусть онъ найметъ товарища свезти Гнѣдка на квартиру, да прибавимъ совѣтъ: впередъ не ѣздить на хромоѣ лошади и не требовать отъ больной, чтобы она бѣжала какъ здоровая. На-дняхъ пошлемъ узнать, лучше ли нашей бѣдной лошади?»

Кирѣевскія собаки.

Шарикъ и Жучка были бездомовныя собаки; они были очень дружны между собою. Жучка, — маленькая черненькая собаченка, — всегда виляла своимъ тоненькимъ хвостикомъ, какъ будто отдавала почтеніе Шарикѣ — собакѣ втрое больше ея ростомъ, съ косматою шерстью и пушистымъ хвостомъ.

Собаки эти жили на окраинѣ города, въ глухомъ переулкѣ. Никто не зналъ, откуда взялись эти собаки, никто и за своихъ ихъ не признавалъ. Когда было сухо и тепло, онѣ такъ и почевали на улицѣ; въ дождь же или холодную погоду онѣ забирались подъ крытыя ворота дома, въ которомъ находилась овощная лавочка.

Съ самаго ранняго утра вплоть до темной ночи Шарика и Жучку можно было видѣть сидящими у дверей этой овощной лавочки; они не пропускали ни одного покупателя, входящаго или выходящаго изъ лавочки; одного проводятъ глазами, за другимъ бѣгутъ. Знали ихъ и покупатели овощной лавочки, — кто пройдетъ мимо, какъ будто и не замѣчая собакъ; кто скажетъ словцо или свистнетъ, а старикъ Кирѣичъ, живущій въ этомъ же домѣ, каждый вечеръ, когда шелъ въ лавочку за покупкой себѣ ужина, останавливался, гладил Жучку и трепалъ Шарика по лохматоѣ головѣ, и заводилъ разговоръ:

— Ну, что, шельмы этакія, — караулите? да чего караулить-то! — хлѣбца, чай, дожидаетесь. А я вотъ сейчасъ...

И, выходя изъ лавки, онъ бросалъ имъ горбушечку чернаго хлѣба. Лакомилъ старикъ собакъ и болѣе вкуснымъ, но то бывало не часто...

Старикъ Кирѣичъ давно уже жилъ въ одномъ и томъ же домѣ, нанимая уголокъ въ одной изъ квартиръ подвального этажа; онъ собиралъ клочки бумаги, которую вымѣняли на улицу вмѣстѣ съ соромъ изъ городскихъ лавокъ, и продавалъ ихъ.

Рано, бывало, проснется Кирѣичъ, возьметъ мѣшокъ и, покрестившись на всѣ стороны за воротами, тихими шагами бредетъ за добычей. Шарикъ и Жучка до тѣхъ поръ провожаютъ старика, пока онъ не прикрикнетъ на нихъ: «Пошли вы домой!..» И собаки, оглядываясь назадъ, бѣгутъ въ свой переулочъ.

Къ вечеру Кирѣичъ отнесетъ набранную бумагу въ складъ, гдѣ ее покупаютъ, получить нѣсколько копеекъ и отправляется домой на покой. А ужъ Шарикъ съ Жучкой дожидаются его въ концѣ переулка; они знаютъ, что Кирѣичъ несетъ имъ что-нибудь въ карманѣ. Издалека увидятъ собаки старика и вперегонки, виляя хвостами, бросятся къ нему навстрѣчу; такъ и облапять старика, тотъ только руками отмахивается. «Ахъ вы, косматки! ахъ вы, дураки этакіе!» — ворчитъ старикъ, вытаскивая изъ кармана кусочки ветчины, хлѣба или косточки, которыя онъ подобралъ на улицѣ вмѣстѣ съ клочками бумажекъ, выброшенными изъ лавочъ. «Это вотъ тебѣ, — у тебя зубы покрѣпче, — скажетъ Кирѣичъ, бросая кости Шарiku. — А тебѣ, Жучка, что осталось, — помягче тутъ...» Жадно схватятъ собаки добычу, и не успѣетъ старикъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, ужъ онъ бѣгнетъ за нимъ и провожаютъ его сначала до овощной лавочки, а потомъ и до самаго крыльца его квартиры на заднемъ дворѣ.

Однажды, дѣло это было зимою, что-то понездоровилось старику; провалялся онъ день, провалялся другой, а на третій день кое-какъ перемогся и побрелъ съ мѣшкомъ на работу: надо же было кормиться!

День былъ съ утра морозный, а подъ вечеръ поднялась вьюга. Черезъ силу ходилъ Кирѣичъ, собиралъ бумагу и едва дотащилъ собранное до склада; получивъ деньги, онъ тихо-тихо пошелъ домой.

Очень запоздалъ въ этотъ день Кирѣичъ; было уже совсѣмъ темно, когда, едва передвигая ноги, дошелъ онъ до своего переулка, вотъ только немного подняться на горку — и дома! Кряхтя, держась ближе стѣнѣ, сталъ онъ подниматься и вдругъ почувствовалъ, что въ глазахъ у него заходили сначала красные и зеленые круги, а потомъ потемнѣло; виски словно клещами сдавило, и подкосились ноги. Обезсиленный, онъ присѣлъ у какого-то крылечка и забылся. Въ переулкѣ не было ни души: рано забрались въ свои гнѣзда обитатели окраины.

Посидѣвъ немного, Кирѣичъ очнулся, собралъ послѣднія силы и пошелъ дальше. Вотъ близко и ночлежъ. Кругомъ темно: лавочка уже заперта; идетъ онъ и только думаетъ, какъ бы поскорѣе добраться до койки. А вотъ и Шарикъ съ Жучкой встрѣчаютъ его, чуть съ ногъ не валяютъ, а больному старику не до нихъ. Кое-какъ, по стѣнкѣ, ощупью прошелъ Кирѣичъ темныя ворота, вошелъ во дворъ, а дальше не знаетъ, куда итти: въ глазахъ туманъ, ноги въ колѣняхъ подгибаются... Пошатываясь, пошелъ онъ прямо. Мелкій снѣгъ, поднимаемый вѣтромъ съ земли и сметаемый съ крышъ, застилаетъ ему путь; подъ ногами что-то скользкое. Вотъ словно кто толкнулъ его, и старикъ упалъ на снѣгъ и больше уже не могъ подняться. А Шарикъ съ Жучкой вертятся около него, лижутъ ему лицо и руки и не отходятъ отъ него.

Рано утромъ дворникъ зачѣмъ-то случайно выпелъ изъ сторожки и нашелъ Кирѣича лежащимъ на дворѣ около колодца, наполовину занесеннымъ

снѣгомъ; рядомъ съ нимъ, плотно прижавшись къ нему съ боковъ, лежали Шарикъ и Жучка. Шарикъ положилъ свою лохматую голову на грудь Кирѣичу, а лапами плотно обнялъ старика. Жучка лежала съ другого бока. Кирѣичъ былъ безъ чувствъ. Дворникъ доложилъ объ этомъ хозяину, а тотъ поторопился отправить Кирѣича въ больницу. Наняли извозчика, положили старика и повезли...

Въ больницѣ Кирѣичъ началъ поправляться; лежать ему было хорошо, но какъ онъ попалъ туда,—вспомнить онъ не могъ; и только послѣ узналъ онъ объ этомъ, когда дворникъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней пришелъ навѣстить его и рассказать ему.

— Ну, дядя,—говорилъ дворникъ,—кабы не Шарикъ съ Жучкой, замерзнуть бы тебѣ; а то они вотъ какъ хорошо укрыли тебя отъ холода,—еще бы день пролежалъ и не замерзъ! И докторъ то же говорилъ: собаки спасли старика.

Выписавшись изъ больницы, Кирѣичъ опять пришелъ въ свою прежнюю квартиру и зажилъ по-старому; только къ Шарiku и Жучкѣ онъ сталъ еще добрѣе: каждый день онъ заходилъ въ лавочку, покупалъ на копейку печенки или хлѣба и дѣлилъ поровну Шарiku и Жучкѣ. Собаки еще болѣе привязались къ старику и въ переулкѣ ихъ уже называли не иначе, какъ «Кирѣевскими».

Собака пожарнаго.

«Эй, дайте дорогу! Я—Бобъ, собака лондонскаго пожарнаго». Эти слова были вырѣзаны на дорогомъ ошейникѣ Боба. Но откуда же у Боба такой ошейникъ и почему давать ему дорогу?

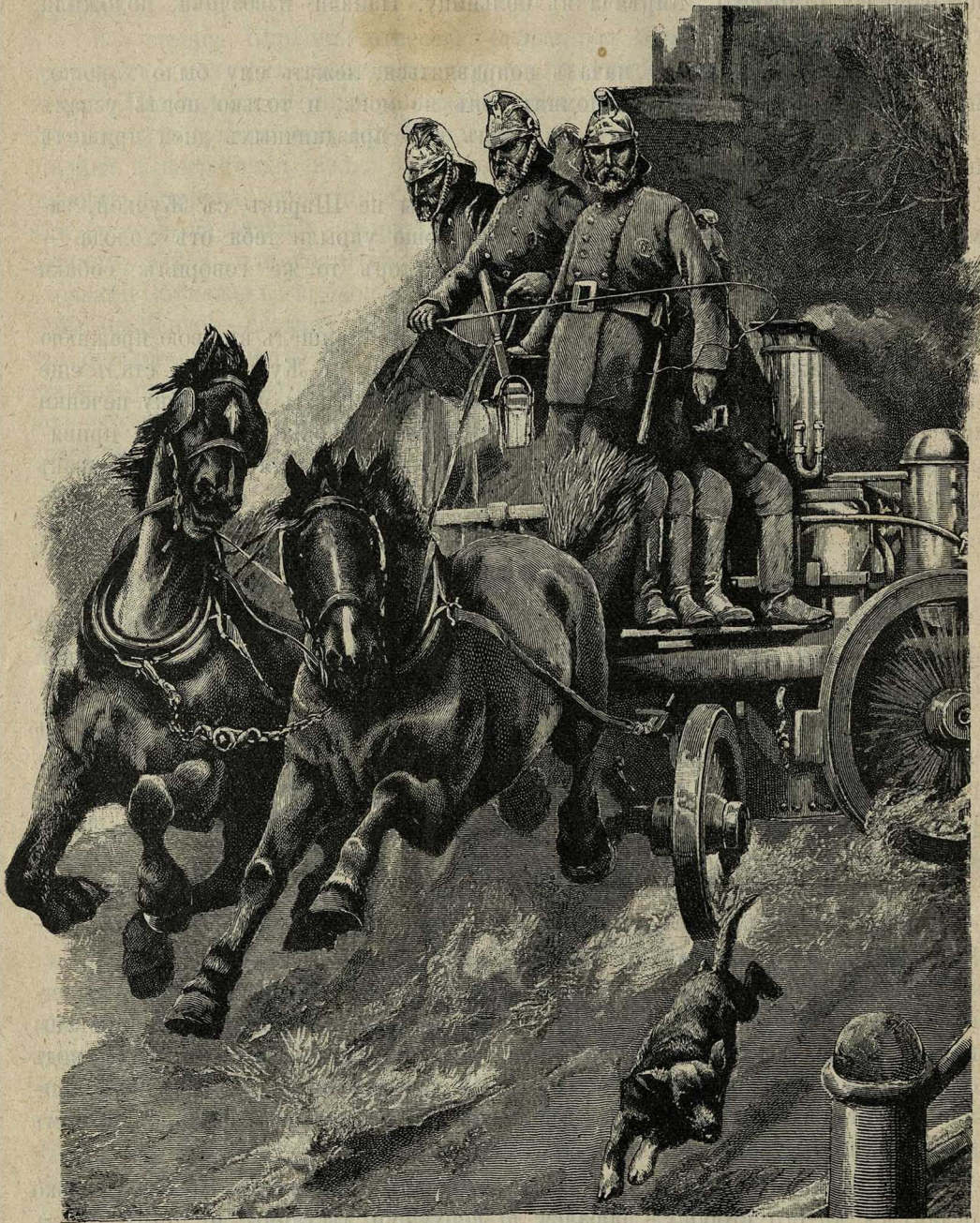
Бобъ былъ простая дворняга, добрая, смѣлая собака. Онъ жилъ въ частномъ домѣ Соутваркской пожарной дружины и работалъ на пожарахъ вмѣстѣ съ пожарными. Бывало только раздастся сигнальный колокольчикъ, какъ Бобъ ужъ на ногахъ. Выѣдутъ машины, а Бобъ летитъ впереди ихъ.

На пожарѣ Бобу много работы и хлопотъ: онъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, заглядывая во всѣ уголки, и чутко прислушивается, нюхаетъ, стараясь раз-
узнать, не остался ли гдѣ кто живой, не нужна ли кому помощь.

Однажды Бобъ съ его хозяиномъ были на пожарѣ. Пожарные, увѣренные въ томъ, что всѣ люди спасены, спокойно тушили огонь, ломали стѣны и крышу. Но Бобъ не былъ спокоенъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ подъ однимъ изъ оконъ и отрывисто лаялъ. На его лай никто не обращалъ вниманія. Тогда собака подбѣжала къ одной изъ приставленныхъ къ окнамъ лѣстницъ и быстро начала взбираться по ней.

— Бобъ, Бобъ, куда ты? Назадъ!—кричалъ его хозяинъ. Но Бобъ только оглянулся въ его сторону, добрался до верхушки лѣстницы и прыгнулъ въ окно. Пламя языками уже вырывалось со всѣхъ сторонъ, и пожарные со страхомъ ждали, что вотъ-вотъ потолокъ рухнетъ и задавить любимую всѣми собаку, или что она задохнется отъ дыму.

Но черезъ нѣсколько секундъ Бобъ снова появился въ окнѣ и началъ спокойно спускаться по лѣстницѣ. Въ зубахъ его былъ котенокъ. Для него-то Бобъ лѣзъ въ огонь, для него онъ жертвовалъ своей жизнью.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пожарные были вызваны на очень сильный пожаръ. Въ объятomъ пламенемъ домъ въ ужасъ металось нѣсколько чело-

вѣкъ большихъ и маленькихъ. Съ огромнымъ трудомъ и опасностью для жизни пожарные спасли вѣхъ, какъ имъ это казалось. Но Бобъ зналъ лучше ихъ, что помощь еще нужна. Стоя у одной изъ дверей въ нижнемъ этажѣ, онъ скребся въ нее лапами, лаялъ, визжалъ. Его нѣсколько разъ отгоняли, но онъ снова подбѣгалъ къ дверямъ и скребся въ нихъ. Наконецъ хозяинъ его сообразилъ, что Бобъ не станетъ напрасно такъ долго стоять у двери. Онъ вмѣстѣ съ другимъ пожарнымъ выломалъ дверь и въ комнатѣ въ кроваткѣ увидаль ребенка. Хозяинъ Боба на рукахъ вынесъ малютку, а Бобъ прыгалъ около него и радостно лаялъ.

Бѣдный Бобъ и погибъ, исполняя свои обязанности: его переѣхали, когда онъ бѣжалъ на пожаръ, и задавили до смерти.

Птицы на дворѣ.

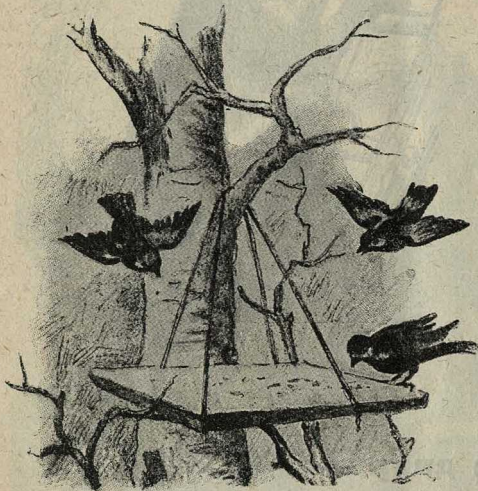
Дайте крошекъ отъ обѣда!
Вѣдь въ ненастномъ ноябрѣ
Мучить холодъ, мучить голодъ
Бѣдныхъ птичекъ на дворѣ!

Настала зима; засыпало все снѣгомъ. Ни въ полѣ, ни въ огородѣ, ни на гумнѣ нечего достать воробью. Но это еще не бѣда; онъ уменъ и изворотливъ; онъ подкараулитъ, когда выкинуть соръ, поищетъ тамъ корму и поѣстъ. Привезутъ сѣно на дворъ—онъ и въ немъ покопается и также найдеть, чѣмъ заморить червячка. Выбросятъ навозъ изъ конюшни—онъ и въ навозѣ пороется. Вотъ его бѣда, когда наступятъ морозы и разгуляются вьюги. Воетъ вьюга день, другой, третій, бьетъ въ глаза снѣгомъ, заметаетъ все. Тутъ горѣ не одному воробью. День впроголодь, на другой день вовсе голодень, а на третій и зернышка не видалъ. Летитъ бѣдняжка на почлегъ подъ крышу сарая и задремлетъ горькимъ сномъ.

На смѣну вьюгѣ пришелъ лютый морозъ и сковаль все, что можно сковать. Все ежится, все прячется; съежился и сонный воробей, распыжилъ перышки, спряталъ головку подъ крыло; снятся ему сладкія зернышки, вкусныя гусеницы, а морозъ дѣлаетъ свое дѣло. Когда взойдетъ солнышко, загляните въ сарай, поставьте лѣсенку и посмотрите подъ крышей: въ укромныхъ уголкахъ одинъ, два, три,—цѣлый десятокъ замерзшихъ воробьевъ,—бѣдныя птички!

Если вамъ сколько-нибудь жалъ этихъ несчастныхъ, — подумайте о нихъ заранѣе. Гдѣ бы вы ни жили, изъ любого окна вы можете видѣть воробья, особенно зимой. Въ окнахъ есть форточки. Вашъ чай, завтракъ,

обѣдъ, ужинъ не обойдется безъ того, чтобы на столѣ не остались кусочки и крошки хлѣба, которые потомъ попадутъ въ помойную яму. Собирайте эти крошки, эти жалкіе кусочки и выбрасывайте ихъ каждый день въ форточку, а еще лучше, если за окномъ вы придѣлаете полочку, и будете каждый день сметать съ нея снѣгъ и сыпать на нее кормъ птичкамъ. Если около вашего дома есть садикъ или на дворѣ есть нѣсколько деревьевъ, хорошо развѣшать на нихъ небольшія полочки съ закраинами, чтобы кормъ съ нихъ

Кормовой столикъ для птицъ.

не сыпался и не сдувался вѣтромъ (см. рисунокъ), и сыпать на нихъ какого-нибудь корма для птицъ. Хорошимъ кормовымъ столикомъ для нихъ можетъ служить также снопъ невымоленного овса, укрѣпленный на длинной палкѣ и воткнутый гдѣ-нибудь въ саду. Землю около кормовыхъ столиковъ хорошо посыпать варенымъ картофелемъ, кусочками хлѣба, кухонными остатками, чтобы галки и вороны кормились здѣсь и не отбивали бы кормъ у маленькихъ птичекъ.

Попробуйте устроить такіе кормовые столики, и вы увидите, какъ птички отовсюду будутъ стаями слетаться къ вамъ на окно и въ вашъ садикъ, и вы шутя прокормите зимою десятокъ-другой

добрыхъ друзей, которыхъ сгубилъ бы морозъ и голодъ. Придетъ весна, и они сторицей отплатятъ за эту услугу.

Голодная птичка.

Слышишь, мама? у окошка
Кто-то жалобно пищить!
Посмотри! Тамъ птичка-крошка
Вся озябшая сидитъ!
Въ полѣ нѣтъ теперь ужъ мошекъ—
Вѣрно, птичка голодна?
Вѣрно, ждетъ, что хлѣбныхъ крошекъ
Брошу я ей изъ окна?

Отвори окно ей, мама!
Пусть она сюда влетитъ!
Посмотри, съ какой мольбою
На меня она глядитъ!
Птичка милая, лети же
Смѣло въ комнатку мою!
Я тебя здѣсь отогрѣю,
Накормлю и напою!

Домашняя мышь.

Домашняя мышь веселый, живой и проворный звѣрокъ; по землѣ бѣгаетъ она очень быстро, лазаетъ мастерски, хорошо прыгаетъ и можетъ дѣлать безъ усталости множество прыжковъ кряду; по гибкому и тонкому стебельку она взбирается до самой верхушки; если же стебелекъ гнется и не держитъ

ея, то она перелѣзаетъ на другую его сторону и, не задумываясь ни на минуту, медленно спускается внизъ.

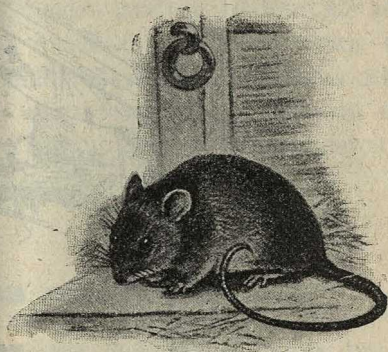
Хвостъ очень помогаетъ мышкѣ при лазаньи. Всякій изгибъ, всякое движеніе тѣла мыши очень красивы; на нее даже и тогда занятно смотрѣть, когда она просто сидитъ спокойно на мѣстѣ; но стоитъ ей только подняться на заднія лапки и начать мыться и охорашиваться, и она становится еще милѣе. Она можетъ подняться совсѣмъ на заднія лапки, какъ человѣкъ, и даже пройти такъ нѣсколько шаговъ, при этомъ только изрѣдка опираясь о землю хвостомъ. Мышь умѣетъ и плавать, хотя въ воду бросается очень неохотно, только въ случаѣ крайней необходимости. Слухъ и обоняніе у нея необыкновенно тонки, зрѣніе тоже хорошее, при чемъ ночью, кажется, она видитъ еще лучше, чѣмъ днемъ.

Нравъ у мыши очень милый; я увѣренъ, что всякій, кто только станетъ изучать жизнь животныхъ, полюбитъ этого славнаго звѣрка; мышка добродушна, умна, весела и очень довѣрчива; если человѣкъ не хочетъ ей зла, она скоро пойметъ это и скоро до того свыкнется съ видомъ человѣка, что начинаетъ бѣгать по комнатѣ, не обращая на него вниманія, и скоро дѣлается совсѣмъ ручною. Мышь очень любопытный звѣрокъ: она любитъ всюду совать свой носикъ, все разсмотрѣть и обнюхать, все-то ее занимаетъ, до всего ей дѣло.

Мыши очень любятъ музыку; иногда музыка заставляетъ ихъ даже забывать свой природный страхъ. Бывало, что, слышавъ музыку, мыши выползали изъ своихъ норъ и подолгу сидѣли, притаившись на полу, и, казалось, съ удовольствіемъ слушали.

Всѣ мыши большія лакомки; стоитъ имъ только завестись въ кладовой, какъ онѣ уже обшарятъ всѣ уголки, всего отвѣдаютъ и выберутъ себѣ непремѣнно самые лучшіе куски. Стоитъ только мыши пронюхать что-нибудь съѣстное, и она ужъ, во что бы то ни стало сумѣетъ добраться до него; ей нипочемъ для этого проработать безъ усталы нѣсколько ночей кряду, прогрызть толстыя, крѣпкія двери, перебраться черезъ всевозможныя заставы и преграды, лишь бы только добраться до лакомаго куска; тогда она не только наѣстся досыта и накормитъ своихъ дѣтей, но возьметъ еще съ собой и про запасъ.

Домашняя мышь размножается необыкновенно быстро; 5 или 6 разъ въ годъ у нея родится отъ 5 до 8 дѣтенышей, такъ что каждая мышь приноситъ въ годъ около 30 мышей. Мышь выбираетъ себѣ для гнѣзда уютный уголокъ, выстилаетъ его помягче всѣмъ, что только удастся собрать: сѣномъ, соломой, изгрызенной бумагой и лоскутами, перьями; часто бываетъ, что мышь устраиваетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь въ корзинѣ, въ углу въ ящикѣ, въ выѣденномъ хлѣбѣ и даже въ карманѣ какого-нибудь стараго, давно ненадѣвавшагося пальто.

Только-что появившіеся на свѣтъ мышата удивительно малы, голы и безпомощны; мать нѣжно заботится о нихъ и часто жертвуетъ ради нихъ своей жизнью.

Разъ какъ-то нашли мышиное гнѣздо; въ немъ была мать съ 9 мышатами; старая мышь легко могла бы убѣжать и спастись, но она не захотѣла разстаться съ своими малютками и не тронулась съ мѣста; маленькихъ мышатъ начали сгребать на лопату; мать не тронулась; тогда безжалостные люди свалили и ее на лопату и понесли ихъ всѣхъ — мать и дѣтенышей, по высокой лѣстницѣ внизъ, на дворъ, на трескучій морозъ; много разъ старая мышь могла спрыгнуть съ лопаты и спастись, но она не сдѣлала этого и осталась погибать вмѣстѣ съ своими малютками.

Рис. Е. Бемъ.

Мышата.

Помню, когда-то перебирали у насъ въ чуланѣ разный хламъ и въ старомъ валенкѣ нашли гнѣздо съ маленькими, слѣпыми розовыми мышатами. Мы съ сестрой не могли на нихъ налюбоваться и хотѣли ихъ непременно выкормить. Мы упросили маму оставить мышатъ и съ любовью занялись своими питомцами. Сколько труда стоило намъ вливать въ ихъ маленькіе ротки по капелькѣ молока! Какіе они были маленькіе, безпомощные!

На другой день пріѣхала къ намъ наша бабушка. Она такъ испугалась, что мы ласкаемъ мышей, сказала, что мы поганимъ себя, велѣла выбросить нашихъ бѣдныхъ, незащитныхъ, слѣпыхъ друзей, насъ же вымыла освященною водою. Какъ же плакали мы о мышаткахъ!

Тараканы.

У насъ во многихъ домахъ, особенно въ кухняхъ и пекарняхъ, часто живутъ тараканы; они въ несмѣтномъ количествѣ населяютъ крестьянскія избы, которыя нечисто содержатся. Днемъ они прячутся по щелямъ, а вечеромъ изъ всѣхъ дыръ и щелей съ шуршаніемъ выбирается цѣлое полчище таракановъ. Они бойко бѣгаютъ по потолку и стѣнамъ, спускаются внизъ и

начинають грабить нашу провизію. Они подбираются къ горшкамъ съ кашей, къ чашкамъ съ остатками щей, поѣдаютъ корочки и крошки хлѣба, а подъ утро сытые возвращаются въ свои родныя щели.

У таракана двѣ пары крыльевъ, но они короткія, такъ что не закрываютъ всего брюшка; у молодыхъ таракановъ крыльевъ вовсе не бываетъ. Тараканы размножаются яичками, но они не кладутъ одиночныхъ яицъ; тараканиха носить ихъ всюду съ собой въ особомъ мѣшечкѣ, въ родѣ чемоданчика, который прикрѣпленъ у нея къ заднему концу тѣла.

Когда придетъ время маленькимъ таракашкамъ выползати изъ яичекъ, то мать ихъ забирается въ щель, задними ножками отрываетъ свой чемоданчикъ и прогрызаетъ въ немъ нѣсколько отверстій, изъ которыхъ и выползають маленькіе тараканчики, въ видѣ маленькихъ бѣлыхъ червячковъ. Мать ухаживаетъ за ними и подгоняетъ ихъ къ заранѣ приготовленнымъ крошкамъ чего-нибудь съѣстнаго.

Маленькіе тараканчики быстро крѣпнуть и растутъ; мать водить ихъ отъ щели къ щели и учить добывать себѣ пищу. Черезъ каждыя 10 или 12 дней тараканчики линяють, то-есть выползають изъ своей старой кожи, какъ изъ чехла, а подъ старой кожей у нихъ уже раньше образовалась мягкая нѣжная кожица. Послѣ шести линій тараканъ дѣлается уже взрослымъ и у него вырастають крылья. У таракановъ, значитъ, личинка не превращается въ куколку,—такое превращеніе называется *неполнымъ*.

Какъ собака научила человѣка.

1. У одного ученаго была прекрасная собака, небольшого роста, на тоненькихъ ножкахъ и съ очень умной мордочкой. Она любила, чтобы съ ней играли, и ласково терлась о ноги хозяина, когда онъ гладилъ ея волнистую шерсть.

Ученый былъ человѣкъ занятой и серьезный, а потому и не могъ выучить своего Кудлайку ни служить, ни давать лапку. Впрочемъ, это не мѣшало Кудлайкѣ очень любить своего хозяина и внимательно слѣдить своими умными черными глазками за каждымъ его движеніемъ.

И ничего Кудлайка не пропускалъ безъ вниманія: телѣга ли проѣдетъ по улицѣ, разнощикъ ли закричитъ подъ окномъ,—сейчасъ песикъ наклонитъ голову на-бокъ и кожу на лбу соберетъ въ складки, какъ будто думаетъ: что это за шумъ?

Выползетъ ли тараканъ изъ щели, и его не пропуститъ Кудлайка, подойдетъ, осторожно тронетъ лапкой, иногда перевернетъ на спину и потомъ удивленно смотреть, какъ перепуганный тараканъ спѣшитъ, торопится домой—въ свою щель.

Но больше всего любилъ Кудлайка, когда хозяинъ его вставалъ изъ-за стола, потягивался, выпрямляя уставшую спину, и говорилъ: „Кудлайка, гулять!“

И тогда Кудлайка начиналъ прыгать, визжать, лаять и, какъ стрѣла, летѣлъ внизъ по лѣстницѣ. Выбѣжавъ на улицу и сбѣлавъ нѣсколько прыж-

ковъ, онъ вдругъ становился степенной и благоразумной собакой и важно шель впереди, посматривая отъ времени до времени—идуть ли за нимъ.

По утрамъ онъ обыкновенно ходилъ вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ въ булочную за хлѣбомъ. Булочникъ, очень любившій собакъ, отдавая ученому проданный хлѣбъ, давалъ и Кудлайкѣ каждый разъ два сухаря, и Кудлайка постоянно съѣдалъ одинъ сухарь въ булочной, а другой приносилъ домой, гдѣ, развалившись передъ печкой, уничтожалъ его съ большимъ удовольствіемъ.

2. Разъ какъ-то, идя въ булочную, ученый увидалъ тощую-претощую собачонку, которая лежала, прижавшись около водосточной трубы. Она смотрѣла очень грустно и дрожала отъ холода, тѣмъ болѣе, что шерсть у нея во многихъ мѣстахъ вылѣзла.

Идя въ булочную, Кудлайка только слегка покосился на собаку, но когда шель обратно, держа въ зубахъ большой сухарь, то, подходя къ ней, остановился; остановился и ученый и сталъ смотрѣть, что будетъ дальше.

Кудлайка пошелъ было впередъ, но потомъ вернулся, подошелъ къ собакѣ и осторожно положилъ передъ ней свой сухарь. Посмотрѣвъ на хозяина, онъ вильнулъ раза два хвостомъ, какъ бы приглашая итти дальше, и такъ же важно и степенно отправился домой.

— Баринъ добренькій, подайте Христа ради, два дня не ѣвши...—раздался вдругъ дѣтскій голосъ около ученаго, когда онъ уже подходилъ къ дому.

Ученый обернулся. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ лѣтъ десяти, одѣтый въ грязные лохмотья, и протягивалъ руку за милостыней.

— Убирайся, негодный мальчишка!—заворчалъ ученый.—Чѣмъ по улицамъ бѣгать да попрошайничать, шель бы лучше въ школу да учился бы.

И ученый хотѣлъ войти къ себѣ, но тутъ взглядъ его случайно упалъ на Кудлайку, который, обезпокоенный сердитымъ голосомъ хозяина, озабоченно глядѣлъ на него, наклонивъ на-бокъ свою умную мордочку.

Ученый вдругъ вспомнилъ, какъ Кудлайка только-что отдалъ сухарь чужой собакѣ. И вспомнивъ про это, ученый вдругъ остановился и внимательно посмотрѣлъ на мальчика.

— Ты въ самомъ дѣлѣ голоденъ?—спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, торопливо заговорилъ:—Ну, иди, иди за мной; проходи вотъ сюда, не бойся, смѣлѣе, вотъ сюда; можетъ-быть и найдется чѣмъ тебя накормить.

И всѣ трое вошли въ домъ.

Въ гололедицу.

Мнѣ нужно было итти очень далеко, на другой конецъ столицы. На дворѣ была гололедица. Дулъ сухой, пронзительный, ледяной вѣтеръ. Прохожіе шли, какъ можно плотнѣе запахивая шубы. Но вѣтеръ забирался и за воротъ и въ рукава, рѣзалъ лицо своими ледяными порывами. Оборванные бѣдняки, съ протянутой посинѣвшей рукой, попадавшіеся по закоулкамъ, тряслись отъ холода, сжимаясь въ комокъ въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ.

Но больше всѣхъ страдали бѣдныя животныя. Напряженно скользя по

обледе́нѣлой, чуть покрытой снѣгомъ мостовой, извозчи́чи лошади безпре-
станно спотыкались, скользили и падали, больно ушибаясь о мостовую.

Нѣкоторые извозчики старались ѣхать осторожнѣе, шагомъ, объѣзжая осо-
бенно обледе́нѣвшія мѣста; другіе гнали во всю. Часто случалось, что лошадь
падала на бѣгу со всего размаха, и тогда извозчикъ принимался бить ее,
заставляя встать, а сѣдокъ бранился за задержку.

Прохожіе одинъ за другимъ проходили мимо. Какое имъ было дѣло до
упавшей лошади и до всѣхъ лошадей, падавшихъ и калѣчившихся въ этотъ
день на улицахъ столицы! Они привыкли смотре́ть на лошадь какъ на ра-
бочую машину. Я видѣлъ и въ эту гололедицу, какъ съ однимъ извозчикомъ
ѣхало трое челове́къ, и они торопили извозчика, бранили его, а тотъ не-
щадно билъ лошадь, подгоняя ее бѣжать по этой ужасной дорогѣ.

А до ломовыхъ лошадей и подавно никому не было дѣла! Надрывается
лошадь, стараясь уцѣпиться шипами подковы за обледе́нѣлую землю, надры-
вается стараясь сдвинуть возъ, наѣхавшій на оголившійся камень, надрывается,
втаскивая его въ гору, валится съ ногъ отъ головокруженія въ лѣтній зной,—
кому какое дѣло! Она вѣдь не челове́къ, а скотина, да къ тому же и не моя,
не я за нее платилъ, не я за нее и отвѣчаю!—И разсуждая такъ, прохо-
жій равнодушно спѣшитъ мимо.

На одномъ изъ перекрестковъ передо мной упала лошадь, запряженная
въ возъ съ большими кулями. Бѣдное животное билось о землю, тяжело дыша,
старалось и не могло встать. Подвыпившій старикъ - ломовой, вмѣсто того,
чтобы поскорѣй распрячь лошадь, ругался и билъ ее кнутомъ, и только тогда,
когда окончательно убѣдился, что побои ничему не помогутъ, что у лошади силъ
нѣтъ встать, онъ принялся распрягать ее, но лошадь и тутъ не сразу встала.
Видно было, что она слишкомъ сильно ушиблась. Наконецъ, она съ боль-
шимъ трудомъ поднялась и встала, тяжело дыша и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Вотъ едва-едва нагоняетъ меня конка. Лошади съ трудомъ тащатъ вагонъ по обледенѣлымъ рельсамъ. Тутъ и тамъ стоятъ мужики, скалываютъ

ледъ, сметають снѣгъ. Но трудъ ихъ дѣлаетъ только возможнымъ двигать вагонъ по рельсамъ, и плохо облегчаетъ работу лошадей. А вагонъ биткомъ набить—всякій хочетъ поскорѣй укрыться отъ пронзительнаго вѣтра за стѣнами вагона.

Передъ подъемомъ на мостъ припрягли еще двухъ лошадей. Звенить непрерывно во всю мочь звонокъ, кучеръ машетъ кнутомъ, мальчуганъ на передней парѣ лошадей сыплетъ удары то той, то другой изъ нихъ. Лошади

несутся вскачь. Но подъемъ крутъ, вагонъ тяжелъ, силъ не хватаетъ. И лошади останавливаются въ изнеможеніи. Бьются лошади, дергаютъ, топчутся на одномъ мѣстѣ,—вагонъ ни съ мѣста. Кучеръ еще больше ругается, сильнее звонить, еще чаще сыплются удары плети.

Я прохожу мимо, но не выдерживаю и подхожу къ кондуктору.

— Да что жъ вы не попросите пассажировъ выйти изъ вагона?—говорю я.

— Да что жъ говорить! развѣ они выйдутъ! — отвѣчаетъ кондукторъ, сердито махнувъ рукой.

— Господа, ужъ если вамъ лошадей не жалко, то выйдите хоть для того, чтобы вагонъ съ мѣста сдвинулся,—говорю я, входя въ конку.

Пассажиры неохотно, одинъ за другимъ, встаютъ и ворча выходятъ изъ вагона. Лошади дернули и съ пустымъ вагономъ легко взобрались на гору.

Жутко у меня на душѣ. Думается обо всемъ, что видѣлъ сегодня, вспоминается рассказъ одного изъ кондукторовъ, когда-то слышанный мной, о томъ, что рѣдкая лошадь выдерживаетъ четыре-пять лѣтъ такой работы, что всѣ онѣ или надрываются отъ непомѣрной тяжести или разбиваютъ себѣ копыта и колѣни. Жутко на душѣ и хочется крикнуть всѣмъ равнодушно сидящимъ въ вагонахъ конокъ, всѣмъ ѣдущимъ съ извозчиками, всѣмъ возящимъ тяжести: «Подумайте о тѣхъ, кто работаетъ на васъ, пожалуйте ихъ, облегчите ихъ трудъ!»

На волю.

Яшу послали отнести заказъ.

Это было весной, въ самое вербное гулянье. Снѣгъ давно весь растаялъ, и повсюду стояли лужи, въ которыхъ съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ купались голуби.

Миновавъ темный переходъ, Яша вышелъ къ наружному фасаду Гостиного двора и вдругъ остановился, пораженный невиданной имъ дотоле картиной. Вербный торгъ былъ въ самомъ разгарѣ, толпа народа, медленно колыхаясь, подобно волнующемуся морю, сплошь застилала все видимое пространство и была такъ густа, что Яша съ его огромной картонкой еле-еле могъ протискиваться сквозь нея. Яркіе лучи солнца весело освѣщали пеструю картину, придавая ей праздничный видъ, а надо всѣмъ, какъ бы неудержимо стремясь къ небу, колыхались гроздь красныхъ и синихъ воздушныхъ шаровъ.

Вдоволь налюбовавшись на всякія диковинки, Яша, наконецъ, пробрался ближе къ мостовой, гдѣ стояли птичники, предлагавшіе свой живой товаръ, да такъ и застрялъ тамъ около клѣтокъ.

Изъ всѣхъ тварей мальчикъ больше всего любилъ птицъ. Яша на минуту забылъ о дѣлѣ, по которому его послали, и остановился, разинувъ ротъ, передъ грудями клѣтокъ, въ которыхъ бились, взлетая грудью къ солнцу, маленькія разноперыя плѣнницы. Какихъ-какихъ тутъ только не было птицъ! Былъ тутъ и задумчивый красногрудый снѣгирь, и глазастый сѣроокрасный клѣсть, продѣлывавшій разныя штуки своими цѣпкими лапками и расщепленнымъ толстымъ клювомъ; была веселая нарядная синичка, гордившаяся своимъ

опереньемъ передъ сосѣдкой, скромной пѣночкой; былъ маленькій сѣрый пухлякъ, грустно прикорнувшій на жердочкѣ и должно быть сильно тосковавшій по родимому сосновому лѣсу; было множество чижиговъ, шумно и беззаботно прыгавшихъ по крохотнымъ клѣткамъ и разсыпавшихъ скорлупу конопляныхъ сѣмянъ.

Около клѣтокъ толпилось особенно много народу. Большинство глазѣло и слушало птичій пискъ и верещанье, но нѣкоторые покупали маленькихъ плѣнницъ и тутъ же выпускали ихъ на волю.

Въ особенности вниманіе Яши привлекъ одинъ богатый господинъ, пріѣхавшій съ дѣтьми на парѣ своихъ лошадей. Этотъ господинъ купилъ десятка три птицъ, и дѣти выпускали ихъ по очереди. Яша видѣлъ, какъ одинъ за другимъ вылетали чижики и снѣгири, высоко взлетали къ солнцу и чуть замѣтными точками пропадали въ блѣдно-голубомъ небѣ. Сердце Яши радостно билось за птичекъ; онъ былъ увѣренъ, что каждая сейчасъ же полетитъ въ родную сторону и найдетъ свой домъ; онъ все ждалъ, когда дойдетъ очередь до того пухляка, который попрежнему грустно сидѣлъ на жердочкѣ и даже не клевалъ корма. Но дѣтямъ, должно быть, наскучила забава, они стали проситься домой. Господинъ расплатился съ продавцомъ, лакей усадилъ всѣхъ въ коляску, и она помчалась по Невскому.

Понутивъ голову, Яша отошелъ отъ птицъ и, вспомнивъ, что и такъ потерялъ много времени, почти бѣгомъ пустился на Лиговку.

И всю дорогу онъ не переставалъ думать о томъ, что станетъ съ бѣдной сѣрой птичкой, и отчего господинъ, выпустившій столько птицъ на волю, не выпустилъ и этого пухляка, который несомнѣнно тосковалъ болѣе другихъ.

Вечеромъ Яшѣ посчастливилось: ему удалось раздобыть цѣлый гривенникъ — и на другой день онъ уже опять былъ на вербномъ гуляньѣ. Тутъ было все то же, что и вчера; опять такъ же, какъ вчера, лучи солнца освѣщали пеструю толпу гулявшихъ. Тамъ и тутъ, въ разныхъ концахъ слышались выстрѣлы изъ дѣтскихъ пистолетовъ, пискъ, крикъ, кудахтанье, и попрежнему высоко надъ головами, словно готовясь каждую минуту улетѣть въ небо, плавно колыхались гроздья воздушныхъ шаровъ.

Но сегодня Яша уже не глазѣлъ по сторонамъ. Крѣпко сжимая въ кулакѣ гривенникъ, онъ неудержимо стремился къ тому мѣсту, гдѣ расположились торговцы птицами.

Протискавшись съ трудомъ къ самымъ клѣткамъ, Яша глазами сталъ искать своего пухляка и нашелъ его въ прежней клѣткѣ, попрежнему грустно сидѣвшимъ на жердочкѣ.

— Дяденька! а, дяденька! — заговорилъ мальчикъ, притрогиваясь къ рукаву старика торговца. — Дяденька, что стоитъ птичка?

— Какая тебѣ птичка? — сердито повелъ на него глазами старикъ.

— А вотъ эта сѣренькая... пухлякъ...

— Пухлякъ? Эта птичка дешева! Что же съ тебя?.. Давай двугривенный.

— Дяденька, у меня двугривеннаго нѣтъ.

— А нѣтъ, такъ нечего зря лѣзть! Проваливай!

— У меня только гривенникъ, дяденька!

— Гривенникъ не велики деньги! Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Бери птицу!

Сердце мальчика забилося от радости, когда старикъ засунулъ руку въ клѣтку и, поймавъ пухляка, передалъ его въ дрожащія Яшины руки. Птичка была такъ мала и такъ худа, что Яша боялся раздавить ее. Съ осторожностью пронесъ ее нѣсколько шаговъ, Яша раскрылъ ладонь, давая возможность пухляку вспорхнуть и улетѣть. Но не тутъ-то было. Птичка и не думала улетать! Она преспокойно сидѣла на ладони, отогрѣваясь ея тепломъ. Мальчикъ сдѣлалъ: «иши!»—птичка повернула головку, посмотрѣла на него и осталась сидѣть.

«Бѣдный, онъ озябъ,—думалъ мальчикъ;—вотъ отогрѣется на рукѣ и полетитъ».

Миновавъ Троицкій мостъ, Яша направился черезъ Александровскій паркъ. Снѣга нигдѣ не было. Теплый вѣтерокъ мягко шелестилъ гибкими сучьями деревьевъ, на которыхъ готовились развернутыя разбухшія почки. По лужайкамъ, кое-гдѣ на пригрѣвѣ, сквозь сухую прошлогоднюю траву пробивалась новая, зеленая, среди которой уже кудрявилась кропива.

Яша присѣлъ отдохнуть на скамейку. Кругомъ него не было ни души. Солнце ласково грѣло спину мальчику. Онъ вспомнилъ о деревнѣ, объ отцовскомъ домѣ, и ему стало грустно. Вотъ бы теперь уѣхать туда! Какъ тамъ хорошо, привольно! Поди-ка, уже пахать начали, огороды раздѣлывать. И скворцы, поди, прилетѣли, хлопчатъ, гнѣзда выютъ!

Какая-то птичка чирикнула надъ головою Яши въ вѣтвяхъ старой липы, и мальчикъ почувствовалъ, что пухлякъ зашевелился на его ладони.

«Вотъ теперь попробоватъ выпустить!» подумалъ Яша и раскрылъ ладонь.

Сѣренькая птичка съ удивленіемъ озиралась вокругъ и вдругъ чирикнула въ отвѣтъ той, которая сидѣла на липѣ. Затѣмъ пухлякъ отряхнулся, вытянулъ маленькую головку и совершенно неожиданно спорхнулъ съ руки на ближайшую вѣтку. Яша поднялъ голову и слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Сѣренькая птичка, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поднималась все выше и выше, и все громче и громче становилось ея чириканье, словно она благодарила мальчика за дарованную ей свободу. Солнечный лучъ пронизалъ густые сучья дерева, откуда-то пролетѣлъ теплый вѣтерокъ, пахнулъ въ лицо Яши, и мальчикъ увидѣлъ, какъ сѣренькая птичка, достигнувъ верхушки дерева, взмахнула своими маленькими крылышками и потонула въ голубоватой дали.

Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— На волю! Улетѣла на волю!—шептало онъ, и ему казалось, что все вокругъ него шептало это чудное слово:—на волю!

* * *

Вчера я отворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей...
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетаю,
Какъ бы молилась за меня.

Спасень!

И на морскомъ берегу было въ этотъ день почти такъ же жарко, какъ и въ самомъ городѣ. Мальчикъ просилъ пить, и нянька пошла къ ближайшему дому за водой, спокойно оставивъ мальчугана, игравшаго съ ньюфаундлендомъ Джекомъ на пескѣ, довольно далеко отъ берега.

На дачѣ нянька заболталась съ прислугою. Мальчикъ соскучился ждать. Ему захотѣлось еще сильнѣе пить, и онъ отправился къ водѣ. Наклонившись, мальчикъ потерялъ равновѣсiе и упалъ въ море. Въ этомъ мѣстѣ у самого берега было очень глубоко. Одна минута, и забарахтавшійся отчаянно мальчикъ исчезъ бы навсегда въ морскихъ волнахъ...

Въ это время Джекъ, который хотя и лежалъ на прежнемъ мѣстѣ, уткнувъ морду между лапами, однако зорко слѣдилъ за мальчикомъ своими умными глазами, въ одинъ прыжокъ очутился у берега, кинулся въ воду и вытащилъ моментально мальчугана. Вытащивъ, онъ принялся лаять изъ всѣхъ силъ, зова на помощь.

Вотъ уже бѣгутъ люди, и ньюфаундлендъ ждетъ ихъ, тяжело дыша отъ напряженiя, держа на своихъ лапахъ, у своей груди, спасенное имъ дитя.

Осторожные любимцы.

Разсказъ арестанта.

Наши арестанты очень любили животныхъ, и если бѣ имъ это позволили, они съ охотою развели бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. Но этого не позволяли ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускало.

Въ острогѣ во все мое время перебивало однакоже случайно нѣсколько животныхъ. Была у насъ лошадь—Гнѣдко, были собаки, гуси, козель Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орелъ.

Покупка Гнѣдка, случившаяся лѣтомъ въ острогѣ, заняла и развлекала арестантовъ. У насъ при острогѣ полагалось всегда имѣть лошадь. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно; лошадка была очень добрая, но поизносившаяся.

Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили, но Гнѣдка не воскресили.

Въ самый Петровъ день поутру, послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы, какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ своего кармана покупали себѣ лошадь и имѣютъ полное право купить новаго Гнѣдко.

Наконецъ выбрали и купили. Это была славная лошадка: молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Разумѣется, тотчасъ же вынесли хлѣбъ съ солью и съ честью ввели новаго Гнѣдко въ острогъ.

Въ этотъ же день запрягли Гнѣдко возить воду, и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезетъ свою бочку.

Скоро Гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало, какъ водовозъ Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота, а Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, косить на него глазами. «Пошелъ одинъ!» крикнетъ ему Романъ,—и Гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, доведетъ до кухни и остановится. «Умникъ Гнѣдко!—кричатъ ему:—одинъ привезъ!.. Слушается!..»

— Ишь, въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ Гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головой и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непременно тутъ же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно приговариваетъ: «Знаю я тебя, знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!»

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣбъ. Какъ-то пріятно было смотреть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбравшія подачку.

Не помню, какимъ образомъ появилась у насъ въ острогѣ собака Бѣлка. Это было престранное созданіе: ее кто-то переѣхалъ телѣгой, и спина ея была вогнута внутрь, такъ что, когда она, бывало, бѣжить, то казалось издали, что бѣгутъ два какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, сращенныхъ между собою. Кромѣ того, вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый!

Обиженная судьбой, она видимо рѣшилась смириться: никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше изъ хлѣба, за казармами; если жъ увидить, бывало, кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія перекувырнется на спину: «дѣлай, дескать, со мной что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться». Пырнетъ ее кто-нибудь изъ арестантовъ въ сердцахъ сапогомъ, Бѣлка даже и визжать не смѣла, а если ужъ слишкомъ принимало ее до боли, то какъ-то заглушенно выла.

Точно такъ же перекувыркивалась она и передъ всякой собакой; бывало, перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой, вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. И обыкновенно свирѣпый песъ немедленно укрощался и оставлялъ собачонку.

Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, затрепетала и начала громко визжать отъ удивленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидить издали и визжить болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ разорвали собаки.

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ и кому они, собственно, принадлежали, не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ, повадась цѣлымъ кагаломъ ходить вмѣстѣ съ нами на работу.

Только, бывало, загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распутивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ калитки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только-что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!» говорятъ, бывало, встрѣчающіеся. «Да какъ это вы ихъ обучили?» — «Вотъ вамъ на гусей!» прибавлялъ другой и подавалъ подаеніе. Несмотря на всю ихъ преданность, къ какому-то разговорню ихъ всѣхъ перерѣзали.

Тожѣ не знаю, откуда у насъ взялся и кто принесъ козла Ваську, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ у насъ его полюбили, и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Это было премилое и прешаловливое созданье. Онъ бѣжалъ на кличку, вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ.

Этого Ваську всѣ ужасно любили. Наконецъ выросъ прекрасный большой козель, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчающейся публики. Всѣ знали осторожнаго козла Ваську. Иногда, если работали, напримѣръ, на берегу, арестанты нарвутъ, бывало, гибкихъ таликовыхъ вѣтокъ, достанутъ еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську; рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается, бывало, Васька въ острогъ, всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими.

Проживалъ еще у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орелъ, изъ породы степныхъ небольшихъ орловъ—кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и развѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромя, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла.

Сначала приходили часто глядѣть на него, наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили и забыли, и однакожъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ.

Мнѣ случилось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылять вдоль палъ шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же, изъ всѣхъ силъ, хромя и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ошетиनिвшись, тотчасъ же приготавлился къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его; онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, прозвительнымъ взглядомъ. Одинокое и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ.

Наконецъ арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось въ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла. «Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ» говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то,—поддакивали другіе.

— Знать, онъ не такъ, какъ мы,—прибавилъ кто-то.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ...

Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, за-

жавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орель. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получали свободу.

— Ишь, собачье мясо, добро ему творишь, а онъ все кусается!—говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокой осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ потемнѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орель пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его!—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!—прибавилъ другой.—Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжить себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится!—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло—воля. Волю почуваль.

— Слобода значить...

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то? Маршъ!—закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу...

IX. Въ звѣринцѣ.

Лѣсъ въ городѣ.

Быть-можетъ, ты живешь въ большомъ городѣ и не разъ съ грустью думалось тебѣ: «Какъ охотно пошелъ бы я въ зеленый лѣсъ, полный бабочекъ, бѣлокъ и птицъ,—но какъ же мнѣ попасть въ него? Вокругъ меня только дома, школы, больницы, тѣнистые, но тѣсные бульвары, а лѣса нѣтъ на много верстъ кругомъ!»

Этотъ недостатокъ лѣса чувствуютъ въ городѣ не только дѣти, но и взрослые люди. Проработавъ цѣлую недѣлю въ душной комнатѣ — инструментами ли, перомъ ли, въ свободный праздничный день хотѣлось бы увидать хоть кусочекъ зеленого лѣса, порадоваться на деревья, кусты, на зеленую траву, но больше всего на многочисленныхъ обитателей лѣса, на ихъ шумную и суетливую жизнь.

Поэтому-то многіе и держать у себя въ домѣ различныхъ пѣвчихъ птицъ, запирая ихъ въ клѣтки; другіе держатъ гусеницъ и ждутъ, когда изъ нихъ

Левъ въ клѣткѣ.

Выйдутъ бабочки; заводятъ ящерицъ, мѣдяницъ и змѣй, ухаживаютъ за ними,

устанавливая имъ изъ камней, вѣтвей и моха уголки, приучаютъ ихъ и любятъся на ихъ продѣлки, или держать въ акваріумѣ*) различныхъ рыбъ.

Что уже издавна устанавливали себѣ люди въ маленькомъ видѣ собственными средствами, то почти въ каждомъ большомъ городѣ мы можемъ найти въ гораздо большемъ видѣ въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ. Въ густомъ тѣнистомъ саду, посреди города, среди его камней, пыли и духоты, человѣкъ поселилъ обитателей лѣса. Въ зоологическихъ садахъ есть не только животныя, которыя водятся въ нашихъ лѣсахъ, но и такія, которыхъ привозятъ изъ другихъ земель.

Какихъ-какихъ только животныхъ тамъ нѣтъ! Тигры и львы, слоны и верблюды, громадные жирафы и маленькія мышки собраны здѣсь и разсажены по клѣткамъ. Съ высокихъ деревьевъ на тонкихъ цѣпочкахъ свѣшиваются пестрые попугаи, въ большихъ клѣткахъ прыгаютъ и кривляются обезьяны. По всему саду разносится громкій крикъ, свистъ животныхъ и пѣніе разнообразныхъ птицъ. Для каждаго животного устроено особое помѣщеніе; нѣсколько разъ въ день всѣхъ животныхъ кормятъ.

Но, какъ ни старались люди сдѣлать ихъ жизнь удобной и пріятной въ зоологическомъ саду, животныя все же никогда, какъ бы ни хорошо былъ ихъ кормъ, какъ бы ни заботились о нихъ люди, не могутъ привыкнуть къ неволе. Послѣ свободной пустыни, необъятной степи, дремучаго огромнаго лѣса—очутиться въ тѣсной желѣзной клѣткѣ, гдѣ только можно дѣлать два шага впередъ и два назадъ,—о, какъ это ужасно для всякаго свободного существа!

Въ неволѣ.

Въ высокой клѣткѣ за запоромъ
Пустыни гордый царь живетъ;
Онъ грезить волей и просторомъ,
Онъ знойной ласки солнца ждетъ.
Съ рыканьемъ гордымъ левъ стремится
Врагу навстрѣчу... но кругомъ
Желѣзо крѣпкое рѣшетки
Съ тяжелымъ запертымъ замкомъ!

Какъ живетъ левъ у себя на родинѣ.

Безмолвная тишина царствуетъ въ африканскомъ лѣсу; на темномъ небесномъ сводѣ блестятъ далекія звѣзды, и ни одинъ листокъ, ни одна травка не шелхнется; все точно замерло и притаилось.

Но вотъ изъ далекой лѣсной чащи раздался страшный протяжный ревъ и прокатился по всему лѣсу, это подаль свой голосъ царь пустыни; второй и третій левъ отозвались на него, и весь лѣсъ содрогнулся отъ этихъ грозныхъ рыканій; въ ужасѣ закричали сонныя обезьяны, тревожно откликнулись

*) Стекланный ящикъ съ водой, гдѣ держать рыбковъ.

антилопы; все мелкое звѣрье встрепенулось и шарахнулось во всѣ стороны прятаться и спасаться отъ бѣды неминучей. Львы проснулись, потянулись разъ-другой; расправили лапы и отправились на свою страшную ловитву...

Льва не даромъ называютъ царемъ звѣрей за его красоту и силу: онъ величественно красивъ, статенъ и силенъ; особенно хороша его огромная косматая голова, украшенная роскошной гривой, переходящей съ головы на шею, на спину, на бока и на грудь и ниспадающей до колѣнъ. Въ его полныхъ огня глазахъ нѣтъ той злобы и свирѣпости, что у тигра, и во всѣхъ его чертахъ видна важность и покой. Глаза льва по головѣ не велики и зрачки у нихъ не щелями, какъ у нашей кошки, а круглые.

Стройное, сильное, словно вылитое изъ стали тѣло льва заканчивается сильнымъ хвостомъ, легко сгибающимся съ ногъ звѣря и человѣка; на концѣ хвоста—густой пучокъ черныхъ волосъ, а въ этомъ пучкѣ на самомъ концѣ есть роговой шипъ, точно коготь. Ланы у льва огромныя, вооруженныя страшными когтями. Все тѣло покрыто гладкою короткою красновато-желтою или желтобурою шерстью. У львицы гривы нѣтъ, но она тоже очень красива, величественна и сильна.

Львы выбираютъ себѣ для жилья лѣсистыя долины по близости отъ рѣкъ; тамъ, гдѣ-нибудь въ хорошо защищенномъ мѣстѣ, левъ вырываетъ себѣ логово и остается въ немъ нѣсколько дней, пока не переведетъ здѣсь всей добычи; когда добычи становится мало, левъ уходитъ въ другое мѣсто; онъ идетъ только ночью, а днемъ прячется по дорогѣ, тамъ, гдѣ застанетъ его утро, но только всегда въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ.

Львы живутъ въ одиночку; они даже не собираются помногу въ одномъ и томъ же околоткѣ; у каждого льва свой охотничій округъ, и потому изъ-за добычи они не ссорятся.

Левъ бросается на добычу и бьетъ ее только тогда, когда чувствуетъ голодь. На человѣка левъ нападаетъ вообще рѣдко; замѣчательно то, что левъ почти никогда не трогаетъ дѣтей.

Весной у львицы родится отъ одного до шести дѣтенышей. Маленькіе львята рождаются полосатыми и очень похожи на кошекъ; они рождаются зрячими и ростомъ не больше нашей кошки. Львица нѣжно любитъ своихъ дѣтенышей; мило видѣть, какъ славные маленькіе звѣрки играютъ между собою, какъ котята, а мать съ величайшей нѣжностью смотритъ на ихъ игры и сама играетъ съ ними.

Львы живутъ подолгу; даже въ неволѣ львы доживаютъ лѣтъ до 70, хотя вообще въ неволѣ они скоро старѣются и утрачиваютъ свою красоту, какъ бы ни былъ хорошъ за ними уходъ.

Левъ и собачка.

Въ одномъ городѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ. Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собачонку и принесъ ее въ звѣринецъ. Его пустили смотрѣть, а собачонку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на сѣденье.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголь клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ ее. Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостомъ. Левъ тронулъ ее лапой и перевернулъ. Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки. Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мясо, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ легъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ; левъ не трогалъ ея, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и просилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но, какъ только стали звать собачку, чтобы взять ее изъ клѣтки, левъ оцетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ. Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть и все нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ ее лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, оцетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ легъ подлѣ мертвой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мертвую собачку, но левъ никого не подпускалъ къ ней. Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку;

но левъ тотчасъ разорвалъ ее на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мертвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

Двѣ обезьяны.

Сидятъ въ звѣринцѣ двѣ обезьяны въ одной клѣткѣ. Одна прыгаетъ по клѣткѣ, лазить по рѣшеткѣ, рѣзвится. Другая прижалась въ задній уголъ, вся съежилась, опустила голову, сложила переднія руки и дрожитъ какъ въ лихорадкѣ.

Человѣкъ бросилъ обезьянамъ моркови. Здоровая обезьяна схватила морковку и начала проворно грызть: хруститъ морковь на зубахъ обезьяны. Больная подползла къ здоровой, прижалась къ ней. А та протянула руку съ морковкой, суетъ морковь въ руку больной, подносить ей ко рту. Не принимаетъ больная обезьяна морковки,—не до ѣды ей! Прижалась тогда здоровая къ больной, обняла ее лѣвою рукою, гладить, а сама ѣстъ свою морковку.

Какъ поймали обезьянку.

1. Огромный индѣйскій лѣсъ неподвижно застылъ, объятый полуденной жарой. Тихо стояли густыя магноліи и высокія пальмы, переплетенныя ползучими растеніями. Было такъ тихо, только изрѣдка пролеталъ, жужжа, золотистый жукъ и вдругъ падалъ на землю, ударившись о дерево, да кой-гдѣ въ травѣ шипѣла змѣя и, свернувшись клубкомъ, вытягивала голову вверхъ, поджидая себѣ добычи.

Но вотъ издали послышались звуки,—будто кто-то топоромъ прорубалъ себѣ сквозъ чащу дорогу. Змѣя вытянула еще выше голову, чтобы посмотрѣть въ чѣмъ дѣло; но увидѣвъ толпу людей, шипя, уползла поскорѣе въ чащу.

Звуки топора становились все яснѣе. Вотъ наконецъ въ прорубленномъ проходѣ появилось нѣсколько индѣйцевъ; ноги и грудь ихъ были голы и расписаны разноцвѣтной краской. На головѣ ихъ колыхались чудесныя перья райскихъ птицъ и попугаевъ. За ними шло двое европейцевъ, одѣтыхъ съ головой въ сѣрые полотняные балахоны.

— Теперь надо итти тихо,—сказалъ вожатый индѣецъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ,—я видѣлъ слѣдъ марышекъ...

— А я слышу ихъ крики,—замѣтилъ другой.

Европейцы стали прислушиваться, но не могли уловить ни одного звука. Однако, они послѣдовали совѣту индѣйца, взяли въ руки ружья, чтобы они не задѣвали за вѣтви, и шли такъ тихо, что даже сухіе листья не шелестѣли у нихъ подъ ногами.

Скоро въ чащѣ деревьевъ показался просвѣтъ, откуда доносились чьи-то веселые крики.

Уже солнце начало склоняться къ закату и въ воздухѣ посвѣжѣло, когда охотники подошли къ хорошенькой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ магноліями, пальмами и апельсинными деревьями.

По травѣ, навстрѣчу людямъ, подвигалось цѣлое стадо обезьянъ мар-
тышекъ.

Впереди шелъ вожакъ, самая высокая изъ обезьянъ, съ большимъ хо-
ломъ на головѣ и съ важнымъ, озабоченнымъ видомъ оглядывался во
всѣ стороны, обнюхивалъ воздухъ, какъ бы отыскивая, нѣтъ ли здѣсь непри-
ятеля. Но люди стояли за деревьями такъ тихо, что совершенно обманули
осторожность опытнаго старика. Онъ подошелъ къ маленькому ручейку, про-
текавшему посреди поляны, и, еще разъ осмотрѣвшись, бросился на землю,
какъ бы говоря:

— Играйте, рѣзвитесь, я буду сторожить васъ.

Обезьяны.

Общество, слѣдовавшее за нимъ, послушалось этого приказанія и весело
бросилось вразсыпную по лужайкѣ. Кто полѣзъ на дерево искать плодовъ,
кто легъ въ тѣнь, предоставивъ товарищу очищать свою шерсть отъ колючекъ,
набившихся туда во время прогулки; матери сѣли въ кружокъ, пустивъ дѣ-
тей играть между собой въ середину.

Наиболѣе чистоплотныя подводили своихъ дѣтишекъ къ ручью и, не-
смотря на ихъ сопротивленіе, умывали имъ рожицы и лапки; а потомъ кор-
мили въ награду.

2. Но вдругъ у ручейка послышался тревожный предостерегательный крикъ:
то старый вожакъ вдругъ увидалъ одного изъ европейцевъ, который, увлечен-
ный любопытствомъ, вдругъ высунулъ голову изъ-за толстаго пальмоваго ствола.
Мгновенно стихли веселые крики. Мартышки замерли на секунду, а по-
томъ начали прыгать съ деревьевъ стремглавъ, одна за другой, не забывая,
впрочемъ, захватить съ собой побольше апельсиновъ.

Дѣти также бросили свои игры и бѣжали къ матерямъ. Матери прятали ихъ поспѣшно подъ мышку, другіе забрасывали ихъ себѣ за спину, приготовляясь къ бѣгству.

Когда все собрались, вожакъ опять сталъ впереди стада, и обезьяны исчезли такъ скоро, что европейцы не успѣли даже замѣтить, въ какую сторону онѣ убѣжали.

— Вотъ досада!—сказалъ одинъ изъ нихъ:—смотрѣли, смотрѣли, а ни одной не поймали.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, изъ-подъ апельсиннаго дерева послышалось жалобное завываніе. Охотники увидали тамъ крошечную обезьянку. Вѣроятно, мать впопыхахъ позабыла о ней, малютка отстала отъ взрослыхъ и теперь жалобно пищала, призывая родителей.

Черезъ минуту въ отвѣтъ на ея призывъ раздался тревожный крикъ, и на сосѣднемъ деревѣ появилась мать, спѣшившая къ своему дѣтенышу. Она поспѣшно прыгала съ одной вѣтки на другую, обвиваясь хвостомъ вокругъ каждой, для безопасности.

Вотъ уже обезьяна совсѣмъ подбѣжала къ малюткѣ, вотъ уже она протянула къ нему руки, — какъ вдругъ изъ-за кустовъ грянулъ выстрѣлъ, и бѣдная мать со стономъ схватила за грудь, а затѣмъ брызнули на траву и красныя капли крови.

Шатаясь, она все-таки тихонько подошла къ своему ребенку, взяла его въ дрожавшія руки; но тутъ силы измѣнили обезьянѣ. Она слегка приподнялась, осторожно посадила дитя обратно на вѣтку и сѣла около.

Въ это время къ дереву подошли европейцы.

Мать укоризненно посмотрѣла на нихъ, заложила руку свою въ рану и, вынувъ оттуда окровавленные пальцы, показала ихъ своему убійцѣ.

«Вотъ, — говорилъ ея помертвѣвшій взоръ, — вотъ вы меня убили и дитя мое оставите сиротой! Зачѣмъ понадобилось вамъ это?»

Охотники со стыдомъ потупились.

— Никогда больше не стану стрѣлять въ обезьянъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—бѣдняжка такъ похожа на человѣка!

Но умирающая, будто понимая, что онъ говорить, и не довѣряя ему, покачала нѣсколько разъ головой, глубоко вздохнула, потянулася и умерла.

Малютка съ крикомъ вспрыгнула на грудь матери и жалобно плакала до тѣхъ поръ, пока охотники не унесли ее съ собой.

Затѣмъ люди удалились; а черезъ нѣкоторое время къ трупу мартышки подошли ея товарищи. Они обступили ее, толкали, брали за руку; но убѣдившись, что она уже мертва, съ криками сожалѣнія подняли ее себѣ на плечи и унесли куда-то далеко въ чащу, которая должна была стать ея преждевременной могилой. Маленькую обезьянку увезли на корабль далеко-далеко отъ родного лѣса и продали въ звѣринецъ.

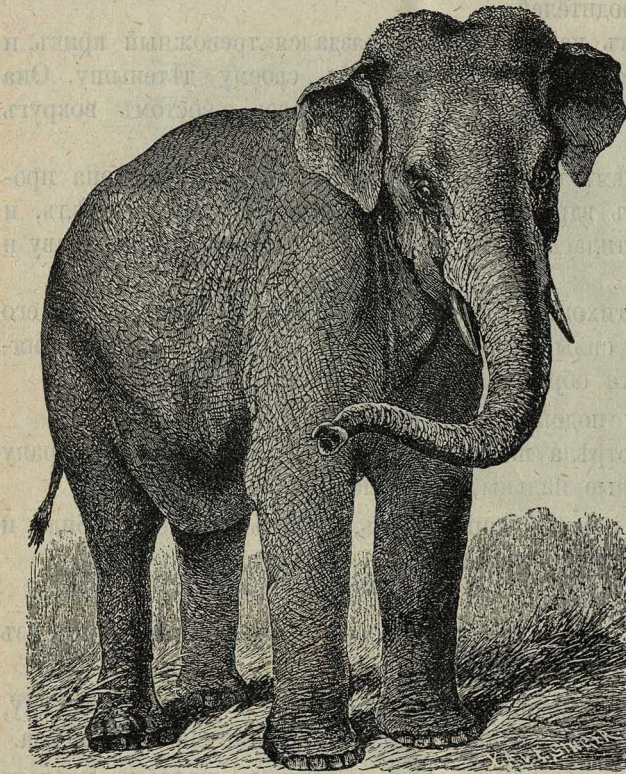
Слонъ въ неволѣ.

Чтобы познакомиться съ настоящимъ слономъ, надо видѣть его не въ звѣринцѣ, а на родинѣ. Въ неволѣ слонъ не похожъ на самого себя. Посмотрите, какъ печальны умные глаза этого великана, когда его показывают и заставляютъ для забавы выдѣлывать разные штуки.

Видно, не хорошо здѣсь слону. И правда, въ звѣринцѣ и тѣсно, и душно, и голодно. Не то на родинѣ. Тамъ обширные непроходимые лѣса растутъ по берегамъ безконечныхъ глубокихъ озеръ. Тамъ разстилаются необозримыя

привольныя равнины, на которыхъ трава и сочна, и вкусна, и такъ высока, что и наклоняться не нужно, чтобы сорвать ее. Отъ зноя освѣжить тамъ ароматный прохладный вѣтерокъ. Тамъ можно вволю полакомиться сочными, вкусными плодами, до которыхъ слонъ большой охотникъ.

Все это было, но всего этого слонъ лишился, и лишился навсегда; потому-то онъ такъ и печаленъ. Въ одинъ несчастный день имъ завладѣли обманомъ. Правда, онъ привыкъ и полюбилъ того человѣка, который поймалъ его; но любимый хозяинъ продалъ его и велѣлъ итти за другимъ. И слонъ послушался, пошелъ за новымъ хозяиномъ, не подозревая, что его обманули, что по-

С л о н ѣ .

ложили конецъ его вольной жизни. А вѣдь если бы не захотѣлъ онъ повиноваться, то никакая человѣческая сила не могла бы принудить его. Но онъ послушался ласковаго слова и добровольно пошелъ за человѣкомъ, купившимъ его, добровольно сталъ рабомъ того, кто разлучилъ его съ родиной, кто лишилъ его воли. Въмѣсто привольныхъ широкихъ степей, вмѣсто непроходимыхъ лѣсовъ, слону дали темный балаганъ и цѣпью приковали его. Въмѣсто вкусной сочной пищи—сухое сѣно; вмѣсто ароматнаго вольнаго воздуха—духота и зловоніе. Добрый и преданный слонъ примирился съ своею новою жизнью, сроднился съ новою семьею. Онъ рѣдко сердится на своего хозяина,

хотя тотъ часто обижаетъ несчастное животное, ворую у него лучшіе фрукты и хлѣбъ, даваемые посѣтителами.

При людяхъ онъ нерѣдко бываетъ и веселъ; но вечеромъ, оставшись одинъ въ своей клѣткѣ, которую могъ бы шутя разломать, бѣдный великанъ тоскуетъ, вспоминая родные лѣса, родное озеро, въ водахъ котораго онъ купался въ юности, и гдѣ еще живетъ его прадѣдъ, уже прожившій, можетъ-быть, два столѣтія и все еще наслаждающійся полною силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. И онъ на родинѣ могъ бы прожить до 300 лѣтъ; но въ нашемъ климатѣ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ погибнетъ отъ чахотки.

Какъ же велики должны быть его страданія, если довольно десяти-пятнадцати лѣтъ, чтобы разрушить такое могучее тѣло!

С л о н ь.

Слонъ—громадное, сильное животное; бываютъ слоны до 4-хъ аршинъ ростомъ и до 250 пудовъ вѣсомъ. У слона некрасивое толстое тѣло, короткая шея, большая голова съ длиннымъ хоботомъ и толстыя прямыя ноги, похожія на бревна. Уши болтаются, какъ огромные куски кожи, глаза маленькіе, и видитъ слонъ плохо, но слышитъ и чуетъ замѣчательно хорошо.

Изъ рта у слона торчатъ два огромныхъ зуба, такъ называемые бивни; они бываютъ до полутора аршина длины, немного загнуты кверху и вѣсятъ до 4-хъ пудовъ. Слонъ выкапываетъ ими ямы, носить на нихъ тяжести, защищается ими, но и гибнетъ чаще всего изъ-за нихъ же, потому что люди цѣнятъ эти бивни очень дорого за ихъ крѣпость и за красивую кость и чаще всего охотятся изъ-за нихъ на бѣдныхъ слоновъ и избиваютъ ихъ такъ немилосердно, что слоны стали уже переводиться, и скоро, можетъ-быть, наступитъ такое время, когда слоны всѣ переведутся.

Верхняя губа и носъ срастаются у слона въ хоботъ, который бываетъ до 3-хъ аршинъ длиною. Онъ пустой внутри, къ концу сильно суживается; хоботъ очень подвиженъ и силенъ; слонъ можетъ укорачивать и удлинять его; свертывать и развертывать и закидывать на спину. Это самая важная часть тѣла слона. Хоботомъ онъ ощупываетъ передъ собой дорогу, такъ какъ короткая шея не позволяетъ ему наклонять голову, и онъ не видитъ ничего прямо передъ собою, хоботомъ добываетъ себѣ пищу, пьетъ, обливается водой. Съ помощью хобота слонъ поднимаетъ большія тяжести, вырываетъ деревья и исполняетъ разныя работы. Концомъ хобота онъ можетъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ руками; онъ отпираетъ имъ замки, срываетъ цвѣты, поднимаетъ съ земли мелкія монеты.

Все тѣло слона покрыто очень толстою кожей буро-сѣраго цвѣта съ рѣдкой жесткой щетиной. Хвостъ небольшой, съ пучкомъ густой грубой щетины на концѣ. Ноги оканчиваются пятью маленькими копытами. Слонъ ступаетъ очень тяжело и своими широкими ногами топчетъ траву, высокій тростникъ и молодую лѣсную поросль.

Самка слона рождаетъ одного дѣтеныша и кормитъ его молокомъ. Слоненокъ сосетъ ее губами, закинувши хоботъ на спину. Слоны водятся всегда

большими стадами, и всё самки кормят всех слонят сообща, берегут и смело защищают их. Маленькие слоны некрасивы, но очень забавны, особенно, когда они рѣзвятся и играют другъ съ другомъ. Новорожденный слонъ бываетъ до аршина ростомъ и растетъ до 23 лѣтъ. Слоны живутъ очень долго, до ста и болѣе лѣтъ.

Стада слоновъ очень велики—отъ 50 до 200 головъ; въ каждомъ стадѣ есть свой вожакъ, который заботится о безопасности всего стада и отыскиваетъ пастбище. Вожакomъ бываетъ самый умный слонъ, и стадо всегда до-

Слонъ-нянька.

вѣрчиво идти за нимъ, очень любить и бережетъ его. Если вожакъ-слонъ бываетъ раненъ, все стадо окружаетъ его, защищаетъ и старается увести въ чащу. Днем слоны держатся обыкновенно на высокихъ горахъ и въ чащѣ лѣса, а послѣ заката солнца спускаются къ водопю, кормятся и купаются. Впереди стада идетъ вожакъ; онъ осматриваетъ мѣстность, чутко прислушивается ко всякому шуму, долго высматриваетъ, нѣтъ ли вблизи какой-либо опасности, и только тогда, когда убѣдится, что кругомъ все спокойно, подаетъ знакъ. Все стадо бросается тогда къ водѣ.

Слоны часто купаются и въ песокъ, для чего они бивнями вырываютъ на песчаныхъ площадкахъ большія ямы и катаются въ нихъ, и иногда набираютъ въ хоботъ песокъ и пыли и обсыпаютъ себя, чтобы согнать насѣкомыхъ, которыя ихъ очень беспокоятъ. Часто можно видѣть на спинѣ слона маленькихъ птичекъ, которыя спокойно прогуливаются на ней и склевываютъ насѣкомыхъ и пѣвokъ въ складкахъ его кожи. Послѣ купанья слоны принимаютъ за ѣду. Любимую пищу ихъ составляютъ древесные листья и молодые побѣги деревьевъ, но они ѣдятъ также сочную траву и хлѣбныя растенія, а въ неволѣ ихъ кормятъ сѣномъ, овощами и хлѣбомъ.

Слоны хорошо переходятъ черезъ высокія горы; несмотря на свое тяжелое, неповоротливое туловище, они бѣгаютъ очень быстро, такъ что чело-

вѣкъ на лошади съ трудомъ можетъ догнать ихъ. Слоны могутъ хорошо плавать и безъ труда переплываютъ большія рѣки.

Слонъ страшенъ только своей силой, но по своему нраву это очень миролюбивое, доброе и умное животное. Онъ очень робокъ и остороженъ и никогда ни на кого самъ не нападаетъ. Въ неволѣ онъ скоро привыкаетъ къ человѣку, который за нимъ ходитъ, и привязывается къ нему; жители тѣхъ странъ, гдѣ водятся слоны, заставляютъ ихъ работать; слоны перевозятъ и переносятъ тяжести, складываютъ бревна при постройкѣ; при работѣ слоны выказываютъ большую смѣшленость.

Слонъ любитъ маленькихъ дѣтей и умѣетъ смотрѣть за ними. Одному ручному слону вожакъ часто поручалъ смотрѣть за своимъ маленькимъ ребенкомъ, когда онъ самъ и его жена уходили на работу, и слонъ очень хорошо исполнялъ дѣло няни. Онъ зорко смотрѣлъ за ребенкомъ, и если тотъ отползалъ далеко, слонъ бережно поднималъ его хоботомъ и переносилъ поближе къ себѣ. Когда ребенокъ засыпалъ, слонъ качалъ его колыбель и махалъ надъ нимъ вѣткой, чтобы отгонять мухъ.

Слонъ очень жалостливъ и къ людямъ и другимъ животнымъ. Рассказываютъ, что однажды въ Индіи гибло много народу отъ чумы. Больные и умирающіе валялись на дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣзжать король на своемъ ручномъ слонѣ. Ни самъ король ни слуги его не заботились о томъ, что слонъ могъ раздавить несчастныхъ, но доброе животное не наступило ни на одного изъ нихъ, а хоботомъ поднимало ихъ и клало въ сторону отъ дороги.

Встрѣча въ зоологическомъ саду.

Это было въ парижскомъ зоологическомъ саду. День былъ ясный, теплый, и въ саду было много гуляющихъ. Въ сторонѣ отъ большого движенія, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ сада, сидѣлъ на лавочкѣ человѣкъ. Онъ казался печальнымъ. По его смуглому, желтоватому лицу, съ рѣденькими, чуть пробивающимися бородкой и усами, и по выдающимся скуламъ и узкимъ, нѣсколько вкось поставленнымъ глазамъ видно было, что онъ изъ холодныхъ сѣверныхъ странъ.

Черезъ нѣсколько времени къ тому же мѣсту подошли еще два человѣка и усѣлись на ту же скамью. Одинъ изъ нихъ былъ французъ, а другой—арабъ, съ темной кожей и закутанный въ бѣлый бурнусъ, какіе носятъ арабы у себя на родинѣ. Оба они заговорили между собой на арабскомъ языкѣ.

Услыхавъ непонятную рѣчь, незнакомецъ очнулся отъ своей задумчивости. Онъ обратился къ французу и сказалъ ему, не совсѣмъ свободно выговаривая французскія слова:

— Какъ далеко забрался этотъ арабъ отъ своей родины! Неужели онъ не скучаетъ здѣсь?

— Да, онъ тоскуетъ здѣсь по своему походномъ шатрѣ, по своимъ пальмовымъ рощамъ и все думаетъ о своихъ долгихъ странствованіяхъ по пустынѣ?... И вотъ онъ захотѣлъ притти сюда, въ зоологическій садъ, чтобы по-смотрѣть на животныхъ своей родины.

— Да, да,—сказалъ незнакомецъ, — я понимаю его. Я тоже издалека. Я, какъ и онъ, пришелъ сюда за воспоминаніями, и какъ радостно забилося мое сердце, когда я увидѣлъ сѣвернаго оленя!

Сѣверный олень.

— Вы лапландецъ? спросилъ его французъ.

— Да, я лапландецъ.

Французъ передалъ свой разговоръ съ лапландцемъ арабу. И оба они, и лапландецъ и арабъ, съ участіемъ посмотрѣли другъ на друга. И имъ захотѣлось говорить между собой, но лапландецъ не могъ говорить на арабскомъ языкѣ, а арабъ не зналъ другого языка, кромѣ своего родного. Тогда французъ сталъ помогать имъ. Каж-

дый изъ нихъ говорилъ сначала французу, а французъ передавалъ это другому на понятномъ ему языкѣ.

— Сѣверный олень во многомъ похожъ на обыкновеннаго оленя, но онъ толще, сильнѣе, и копыта у него гораздо шире. Какіе умные, смысловые у него глаза! Какъ красивы его прекрасные вѣтвистые рога! Четырехъ лѣтъ онъ перестаетъ расти; тогда его объѣзжаютъ и приучаютъ къ работѣ,—говорилъ лапландецъ.

— А мой верблюдъ, могари*)!—воскликнулъ арабъ.—Надо видѣть его—съ его маленькой и тонкой головкой, съ его черными блестящими глазами! Уши его такъ же красивы, какъ у газели, шея гибка, какъ у страуса, какъ легокъ онъ на бѣгу! Молодой, онъ живетъ въ нашихъ шатрахъ и играетъ съ нашими дѣтьми; когда же ему исполнится два года, мы начинаемъ приучать его къ послушанію и къ работѣ.

— У насъ нѣтъ лошадей,—говорилъ лапландецъ,—и безъ оленя кто сталъ бы таскать наши сани по снѣгамъ и по замерзшимъ озерамъ.

— Лошадь не могла бы ходить по нашимъ пустынямъ, гдѣ нѣтъ ни травы ни воды!—воскликнулъ арабъ.—Верблюдъ же путешествуетъ по нимъ, потому что онъ можетъ долго переносить голодъ и жажду. Онъ можетъ пять сутокъ оставаться безъ воды; сухія и колючія вѣтки кустарника и немного

*) Могари считается лучшей породой верблюдовъ. Въ сравненіи съ обыкновеннымъ верблюдомъ онъ—то же, что верховая лошадь въ сравненіи съ вожовой. Поэтому арабы очень заботятся о его воспитаніи.

зелени для него достаточны во время пути. Богъ великъ и милостивъ! Онъ сотворилъ верблюда для жителя пустыни.

— А для холодныхъ странъ сѣвернаго оленя,—подхватилъ лапландецъ.— Олень находитъ для себя пищу на безплодной, покрытой снѣгами землѣ—тамъ, гдѣ никакое другое животное не можетъ существовать. Онъ разрываетъ копытами снѣгъ и находитъ подъ нимъ бѣлый лишайникъ, который растетъ какъ бы нарочно для пищи этому товарищу сѣвернаго жителя, въ то время, когда уже никакія другія растенія не существуютъ.

— Какъ могари кротокъ и смысленъ!—воскликнулъ арабъ. — Онъ по приказанію ложится грудью на землю, для того, чтобы его навьючили. Онъ безъ привязи остается цѣлый день на томъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ его хозяинъ. По одному знаку онъ пускается бѣжать быстрѣ страуса. Съ восхода солнца и до ночи онъ можетъ пробѣжать до 40 верстъ. Правда, что обыкновенный верблюдъ не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ могари, но онъ не менѣе полезенъ; онъ перевозитъ всѣ товары, которыми мѣняются народы, окружающіе великую пустыню.

— А нашъ сѣверный олень развѣ уступить въ трудолюбіи и смысленности верблюду? Онъ перевозитъ насъ съ быстротой молніи черезъ огромныя ледяныя пространства, черезъ рѣки и озера и осторожно спускаетъ съ крутыхъ горъ. А что можетъ быть питательнѣе и вкуснѣе оленьяго молока? Во все лѣто обыкновенная пища лапландца—оленье молоко, сырое или кипяченое; женщины дѣлаютъ изъ него сыръ, сбивая его руками; зимою замораживаютъ молоко въ березовыхъ сосудахъ и дѣлятъ его, разрѣзывая на кусочки. Изъ кожи оленя мы дѣлаемъ одежды. Изъ жилъ его дѣлаемъ нитки, а изъ роговъ ручки къ ножамъ и другіе инструменты. Животное такое полезное при жизни, даетъ намъ выгоды и послѣ смерти.

— Великъ Богъ!—воскликнулъ арабъ. — Верблюдъ и могари, которые переносятъ при жизни наши шатры и припасы, приносятъ пользу намъ и послѣ своей смерти. Верблюжьей кожей мы покрываемъ наши сѣдла; изъ нея же дѣлаемъ обувь, которую змѣя не можетъ прокусить, и сосуды, въ которыхъ вода никогда не высыхаетъ отъ солнца; изъ шерсти его мы дѣлаемъ себѣ плащи и шатры.

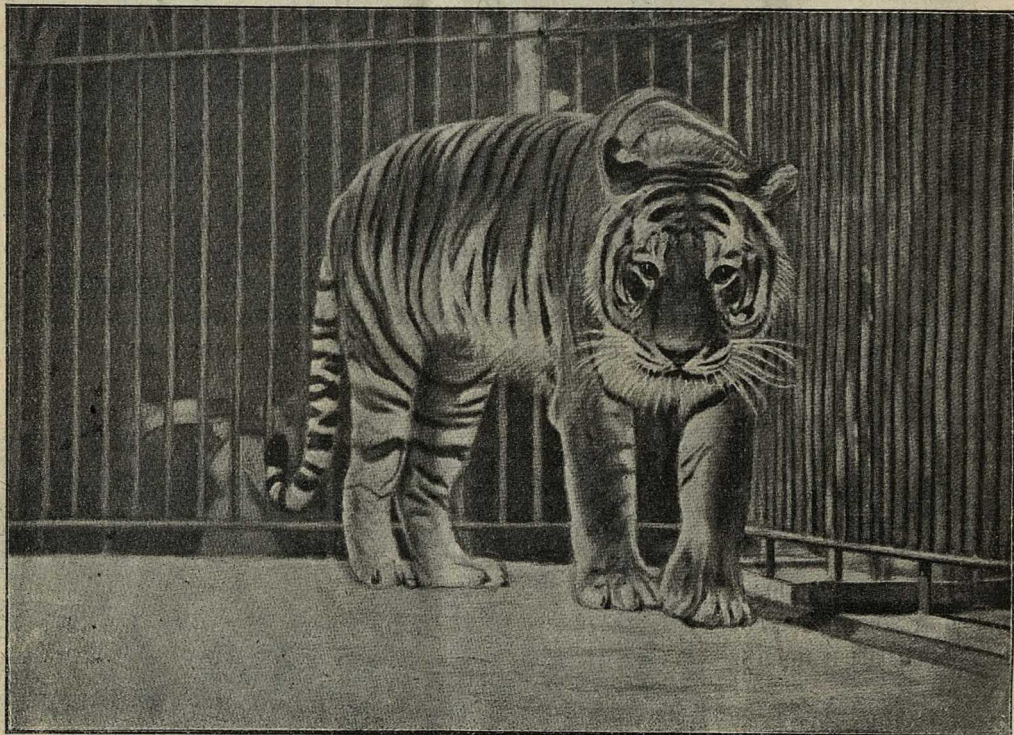
Верблюды.

— Великъ Богъ!—сказалъ лапландецъ.—Онъ даетъ каждому то, что ему нужно. Онъ поселилъ оленя въ снѣгахъ Лапландіи, а верблюда и могоари на пескахъ пустыни.

И долго еще арабъ и лапландецъ говорили о животныхъ, которыя были имъ такъ дороги, и отъ которыхъ они были теперь такъ далеко.

О тигрѣ.

Всякій знаетъ, какъ проворны, сильны, изворотливы и хищны наши простыя кошки. Представьте же себѣ кошку въ два аршина съ лишнимъ

Тигръ въ клѣткѣ.

длины, не считая хвоста, да вышиною въ аршинъ съ небольшимъ; это и есть тигръ.

Цвѣта тигръ сверху свѣтло-рыжаго, снизу бѣлаго. По всему тѣлу идутъ у него поперекъ черныя полосы; длинный хвостъ также весь въ черныхъ кольцахъ. Только на брюхѣ, на груди да со внутри ногъ полосъ нѣтъ. Конечъ носа голый, на верхней губѣ длинныя усы. На щекахъ и подъ челюстью густая короткая борода. Глаза большіе желто-зеленоватые. Звѣрь этотъ очень красивый.

Кости тигра необыкновенно крѣпки. Въ ногахъ у него кости коротки,

но толсты и плотны; концы пальцевъ, какъ и у всѣхъ кошекъ, загнуты кверху, и когти втянуты и запрятаны въ густой шерсти; они выставяются только тогда, когда тигръ самъ захочетъ ихъ выпустить.

Ходить тигръ не слышно, и все тѣло его пригибается на ходьбѣ, какъ у нашей кошки. Хотя тигръ и очень великъ и тяжелъ, а ловкости и проворства у него не меньше, чѣмъ у простой кошки. Только сила у него въ сравненіи съ кошкой великанская. Тигръ можетъ тихо и незамѣтно пробираться между кустовъ и высокихъ травъ, прыгаетъ необыкновенно далеко, отлично лазаютъ по деревьямъ, мастерски плаваютъ и смѣло переплываетъ глубокія и широкія рѣки.

Тигръ любитъ бродить въ сумерки; для жилья себѣ онъ чаще всего выбираетъ густые камыши по берегамъ рѣкъ и озеръ, высокія травы и частые кусты, гдѣ бы ему было удобно хорониться отъ жара и подкрадываться къ добычѣ.

При своей силѣ и проворствѣ тигръ очень смысленъ. Кровожадность его выше всякой мѣры; онъ не трогаетъ только самыхъ огромныхъ звѣрей: слоновъ и носороговъ, да и то старыхъ; не трогаетъ также другихъ звѣрей кошачьей породы, всѣхъ же остальныхъ звѣрей и человѣка тигръ бьетъ немилосердно и наводитъ на всѣхъ ужасъ.

Весною, гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ, межъ густыми камышами, тигрица приносить 2—3 дѣтенышей; новорожденные тигрята бываютъ величиной въ половину нашей кошки, они очень красивы, проворны и шаловливы и играютъ съ матерью, какъ котята. Тигрица очень нѣжная и заботливая мать; въ первое время она ни на минуту не отходитъ отъ нихъ и позволяетъ имъ играть съ собою, какъ только они хотятъ; потомъ, когда тигрята подрастутъ немного, она начинаетъ оставлять ихъ и ходить имъ за кормомъ. Въ это время охотники часто уносятъ у нея дѣтенышей, и тогда бѣдная мать долго не можетъ найти себѣ мѣста отъ горя; долго бродитъ она печальная вокругъ тѣхъ мѣстъ, куда унесли ея дѣтей, долго раздается по окрестностямъ ея ужасное, протяжное рычаніе. Похищенные тигрята тоже безъ устали зовутъ свою мать; они кричатъ иногда такъ громко и долго, что мать слышитъ ихъ и отвѣчаетъ имъ на зовъ изъ чащи лѣса.

О большой птицѣ страусѣ.

Подъ открытымъ небомъ, за невысокой рѣшеткой, въ звѣринцѣ медленно расхаживаетъ огромная, удивительная птица на высокихъ толстыхъ ногахъ, съ длинной-предлинной шеей. Это страусъ—самая большая птица въ свѣтѣ; вышиной она бываетъ до 4 аршинъ отъ земли, такъ что она свободно можетъ положить свой клювъ на голову человѣка, сидящаго верхомъ на лошади. Тѣло страуса вѣситъ около 3-хъ пудовъ.

Но этотъ великанъ между птицами совсѣмъ не можетъ летать, потому что крылья его слишкомъ малы и слабы для его большого, тяжелого тѣла, и грудные мускулы его очень мало развиты. Но зато страусъ отлично бѣгаетъ; ноги у него очень высокія, и онъ бѣгаетъ такъ быстро, что его съ

трудомъ можетъ догнать самая лучшая лошадь. Во время бѣга онъ распускаетъ свои крылья, которые его немного поддерживаютъ; водятся страусы въ жаркихъ странахъ южной Африки.

Страусъ почти такъ же неприхотливъ на пищу, какъ и верблюдъ. Онъ питается колючей, жесткой травой, зернами, маленькими животными, а въ случаѣ голода глотаетъ также песокъ и камни. Сильныя ноги страуса оканчиваются двумя пальцами, подобно тому, какъ у верблюдовъ двумя копытами. На груди у него тоже есть мозоли, на которыя онъ опирается во время лежанья и сидѣнья. Длинная шея страуса удивительно подвижна. Небольшая голова самая слабая часть тѣла страуса; поэтому при нападеніи онъ старается прежде всего спрятать свою голову.

Страусъ.

Путешественники много разъ съ удивленіемъ замѣчали, что страусы, эти огромныя бѣгающія птицы, живутъ въ большой дружбѣ съ млекопитающими—съ дикими полосатыми лошадьми, зебрами. Часто стадо зебръ и стадо страусовъ вмѣстѣ перебѣгаютъ огромныя африканскія пустыни. Эта странная дружба объясняется тѣмъ, что она выгодна и страусамъ и зебрамъ. Страусы отличаются дальноркостью, и потому они издали видятъ опасность и своимъ громкимъ крикомъ, похожимъ на ревъ льва, предупреждаютъ все стадо и пускаются въ бѣгство, а если опасности нельзя избѣжать, то зебры оказываютъ помощь страусамъ, отбиваясь отъ враговъ своими силь-

ными задними ногами и загораживая страусовъ собою.

Яйца свои страусы кладутъ прямо въ песокъ. Нѣсколько самокъ кладутъ до 40 яицъ въ одно гнѣздо и насиживаютъ ихъ попеременно; только въ самые жаркіе часы дня всѣ уходятъ за пищей, предоставляя въ это время солнцу согрѣвать ихъ яйца. По ночамъ на яйцахъ сидитъ самецъ-страусъ и защищаетъ свое гнѣздо отъ нападенія.

Страусовыя яйца очень велики. Одно яйцо вѣситъ 3 фунта и равняется 24 куринымъ яйцамъ. Однимъ яйцомъ могутъ вполне насытиться четыре голодныхъ человѣка. Страусы насиживаютъ не всѣ яйца: около гнѣзда всегда есть нѣсколько свѣжихъ ненасиженныхъ яицъ,—они служатъ пищею для вылупившихся птенцовъ, которые по выходѣ изъ яйца бываютъ величиною съ курицу.

Все тѣло страуса покрыто блестящими черными перьями; только голова и шея у страусовъ совсѣмъ голыя, а въ хвостѣ и на крыльяхъ растутъ самыя большія, мягкія бѣлыя и нѣжныя перья. Вотъ изъ-за этихъ-то перьевъ и охотятся

на бѣдныхъ страусовъ; люди придумали украшать женскія шляпки красивыми страусовыми перьями и, чтобы добыть ихъ, стали гоняться за страусами и убивать ихъ. Охотники преслѣдуютъ ихъ на самыхъ быстрыхъ лошадяхъ, стараясь окружить ихъ со всѣхъ сторонъ и утомить; гоняя долго въ разныя стороны, измученныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ страусовъ легко уже убить. А иногда на страусовъ выходитъ охотникъ, самъ переряженный страусомъ: онъ надѣваетъ себѣ на плечи большую подушку, утыканную страусовыми перьями, беретъ въ одну руку надѣтую на палку длинную шею и голову отъ убитаго страуса, а въ другую руку лукъ и отравленные стрѣлы; въ такомъ видѣ онъ можетъ близко подойти къ страусовому стаду, страусъ принимаетъ его за своего брата и близко подпускаетъ къ себѣ. Охотникъ, нарядившійся страусомъ, подходитъ все ближе и ближе; онъ старается подражать движеніямъ этихъ птицъ,—онъ наклоняетъ голову, какъ будто щиплетъ траву, осматривается по сторонамъ, то побѣжитъ, то остановится; вотъ онъ подошелъ уже совсѣмъ близко и пускаетъ въ стадо отравленную стрѣлу. Встревоженное стадо разомъ вздрогнетъ, всполохнется и разбѣжится во всѣ стороны, но одна птица лежитъ на пескѣ, сраженная стрѣлой, она бьетъ о песокъ своимъ короткимъ крыломъ, большіе глаза тухнуть... ей никогда уже не бѣгать по широкимъ степямъ родины; она умираетъ ради того, что нѣсколькимъ барынямъ понадобились ея перья на шляпки!

За послѣднее время страусовъ такъ преслѣдуютъ ради ихъ перьевъ и яицъ, что число ихъ стало уменьшаться, и можетъ-быть, скоро наступитъ время, когда страусовъ совсѣмъ не будетъ.

О бѣломъ медвѣдѣ.

Въ большой клѣткѣ, за толстыми желѣзными прутьями сидитъ бѣлый медвѣдь. Какъ печально онъ смотритъ! Кажется, ни одинъ звѣрь въ зоологическомъ саду не имѣетъ такого жалкаго вида, не вызываетъ къ себѣ такой жалости, какъ бѣлый медвѣдь. Плохо ему здѣсь живетъ; какъ страдаетъ онъ здѣсь въ жаркіе лѣтніе дни, когда солнце невыносимо припекаетъ его тѣло, покрытое густой шерстью, которая дана ему для того, чтобы предохранять его отъ самыхъ сильныхъ холодовъ; его клѣтка тѣсна и душна; онъ едва можетъ сдѣлать въ ней нѣсколько шаговъ.

Впереди клѣтки устроенъ бассейнъ съ водой, куда медвѣдь спускается по ступенькамъ, чтобы хоть немного освѣжиться отъ духоты, но эта теплая, мелкая вода не можетъ вѣдь замѣнить бѣдному медвѣдю привольнаго холоднаго океана, на берегахъ котораго онъ жилъ, прежде чѣмъ попалъ въ руки къ людямъ и привезенъ въ эту клѣтку.

Бѣлый медвѣдь—житель сѣверныхъ холодныхъ странъ. Когда полярныя страны оцѣпенѣютъ отъ ледяного холода и все живущее тамъ забьется въ глубокія снѣжныя норы или уйдетъ на югъ искать въ хвойныхъ лѣсахъ защиты отъ вѣтра, одинъ бѣлый медвѣдь блуждаетъ здѣсь по льдамъ и снѣжнымъ равнинамъ, отыскивая себѣ пищу. По цѣлымъ часамъ сидитъ онъ насторожѣ, притаившись за ледяной скалой. Кого же поджидаетъ онъ въ этой непро-

глядной тьмѣ? Подъ ледяною корою живутъ моржи и тюлени, которые время отъ времени выходятъ на поверхность льда подышать воздухомъ. Отъ ихъ дыханія ледъ снизу подтаиваетъ; образуются отдушины, въ которыя они и выходятъ. Бѣлый медвѣдь очень хорошо знаетъ, гдѣ держатся эти животныя и гдѣ они выходятъ на воздухъ. Онъ подстерегаетъ ихъ и нападаетъ на бѣдныхъ тварей.

Вотъ онъ передъ вами; посмотрите, какой это страшный звѣрь. Его громадное туловище покоится на сравнительно короткихъ ногахъ; но когда онъ встанетъ на заднія ноги, то превращается въ ужаснаго великана. Такая

Бѣлый медвѣдь въ клеткѣ!

несоразмѣрность въ длинѣ туловища и ногъ дѣлаетъ медвѣдя неуклюжимъ и некрасивымъ, что не мѣшаетъ ему однако быть проворнымъ и ловкимъ.

Шея у бѣлаго медвѣдя тонкая, довольно длинная и очень сильная, голова продолговатая, узкая, лобъ плоскій, морда заострена спереди и расширена сзади, уши короткія и круглыя. На лапахъ толстые, кривые когти. Хвостъ короткій, едва виденъ изъ-подъ шерсти. Одѣтъ медвѣдь въ роскошный длинный, косматый и густой мѣхъ. За исключеніемъ темнаго кольца вокругъ глазъ, голаго кончика носа и краевъ губъ, бѣлый медвѣдь весь покрытъ бѣлой одеждой, цвѣтъ которой не мѣняется ни зимою ни лѣтомъ, и его трудно отличить отъ окружающаго снѣга и льда, на которыхъ онъ постоянно проводитъ свою хищническую жизнь.

У молодых животных мѣхъ имѣеть серебристый цвѣтъ, но у старыхъ отъ рыбной пищи, а также отъ китоваго жира, который они очень любятъ, мѣхъ получаетъ желтоватый отбѣнокъ.

Въ то время, какъ бѣлый медвѣдь-самецъ ведетъ долгую зиму въ любимыхъ имъ неприступныхъ мѣстахъ крайняго Сѣвера, медвѣдица выводитъ дѣтей и выкармливаетъ ихъ въ логовищѣ, въ которое залегаетъ въ августѣ или сентябрѣ.

Выбравъ удобное мѣсто гдѣ-нибудь подъ скалою, она залегаетъ въ него, предоставивъ остальную постройку своего гнѣзда суровой природѣ. И природа какъ нельзя лучше исполняетъ это дѣло; обильный снѣгъ заноситъ бѣлую медвѣдицу; жирное ея тѣло заставляетъ снѣгъ таять и надъ нею образуется родъ снѣгового потолка, не пропускающаго холода. Въ потолокъ образуется отверстіе отъ теплаго дыханія,—и снѣговое жилище готово. Сколько бы ни выпало снѣгу, для медвѣдицы все равно: она лежитъ себѣ спокойно подъ его толщами, и только отверстіе на поверхности снѣговой равнины показываетъ, что подъ нимъ есть живое существо. Передъ залеганіемъ на долгую 5 и 6 мѣсячную зиму медвѣдица много ѣстъ и сильно жирѣетъ; этотъ жиръ и служить ей запасомъ, которымъ она и сама питается и выкармливаетъ дѣтей. Питье у нея подъ руками: она ѣстъ много снѣгу. Среди зимы у медвѣдицы рождаются 2—3 дѣтеныша. Новорожденные медвѣжата очень малы, величиной съ кролика, но они быстро растутъ, и къ апрѣлю они достигаютъ роста большой собаки.

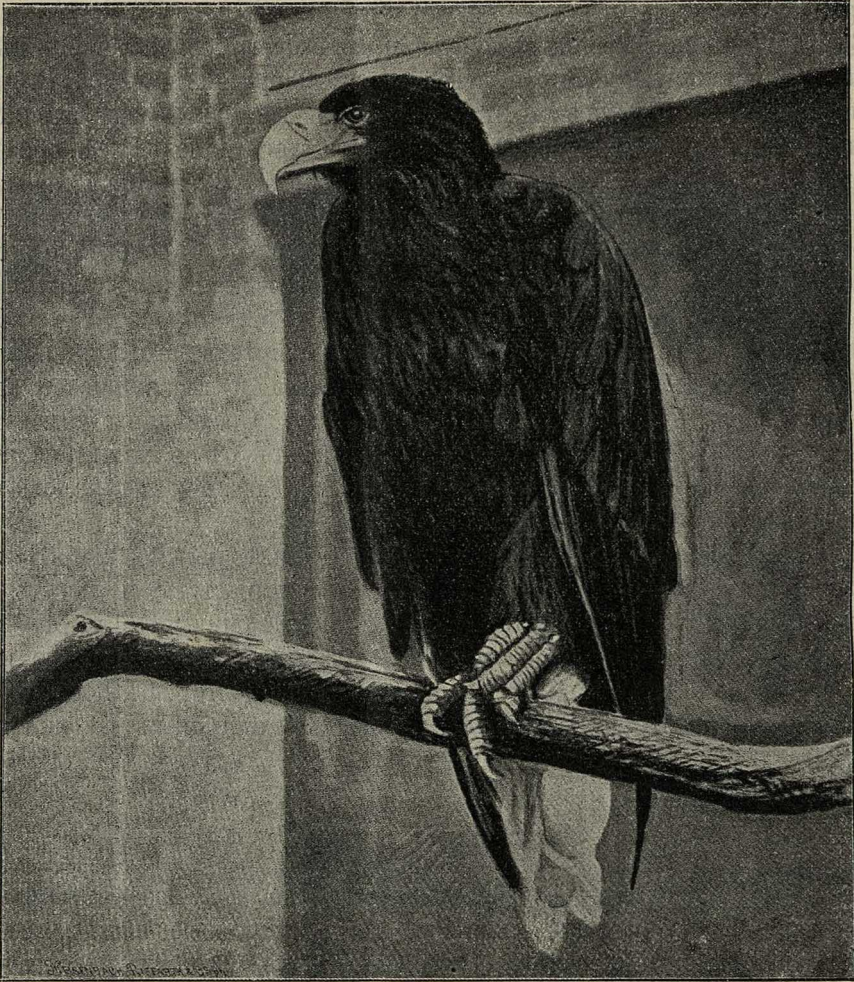
Медвѣдица очень привязана къ своимъ дѣтямъ, нѣжно любитъ ихъ и не оставляетъ до той поры, когда они совсѣмъ вырастутъ и могутъ жить отдѣльно. Она учитъ ихъ плавать и ловить рыбу; защищаетъ ихъ отъ всякой опасности, и встрѣча съ нею въ это время ужасна. Медвѣжата скоро выучиваются плавать и ловить рыбу, но все-таки они долго еще послѣ того не покидаютъ мать, ходятъ вмѣстѣ съ нею и нерѣдко отдыхаютъ на ея спинѣ.

Орлиная дума.

Если вы бывали въ зоологическомъ саду, то я знаю, что привлекло ваше вниманіе: могучій левъ, свирѣпый тигръ, огромные слоны, обезьяны, красивые павлины и такъ далѣе,—словомъ, всѣ тѣ, кто славится ростомъ, силой, нарядомъ или веселой суетливостью. Въ то же время, я увѣренъ, вы почти не взглянули на тѣ молчаливыя фигуры, которыя по цѣлымъ днямъ неподвижно сидятъ въ своихъ узкихъ клѣткахъ.

Вы подошли къ одной изъ этихъ тюремъ—«А! тутъ орлы!» сказали вы и пошли дальше. Напрасно; вернитесь къ орлу; всмотритесь пристальнѣе въ эту гордую фигуру. Неподвижно, словно каменное изображеніе, сидитъ царственная птица. Зоркій глазъ упорно ищетъ чего-то въ небесной синевѣ. И такъ сидитъ онъ по цѣлымъ часамъ изо-дня въ день. Сколько думъ въ головѣ пролетитъ у бѣднаго плѣнника! Однако, что же высматриваетъ орелъ въ вышинѣ, о чемъ онъ думаетъ по цѣлымъ днямъ? Смотрите,—въ его глазахъ сверкнула молнія, хриплый крикъ вырвался изъ груди, размахнулись

могучія крылья; еще секунда, и орелъ бросился бы съ своего сучка; но крыло его ударилося о желѣзную рѣшетку. Бѣдная птица, какъ бы очнувшись, тихо подобрала крылья и снова усѣлась неподвижно, погружаясь въ свои глубокія думы. Если бы вы слѣдили за орлинымъ взглядомъ, вы узнали бы причину волненія орла: то высоко въ небѣ пронеслась стая утокъ. За-

Орелъ въ клѣткѣ.

кипѣло орлиное сердце, взвился бы онъ въ вышину... но крѣпка желѣзная рѣшетка. Нахохлился несчастный и задумался.

И вспомнилась ему широкая Волга-рѣка. На крутомъ берегу, на горѣ, стоитъ дубъ великанъ, а въ его кудрявой вершинѣ гнѣздо его матери орлицы. Тамъ сидятъ они съ братомъ и смотрятъ кругомъ. И дивенъ кажется имъ мѣръ. Вонъ за Волгой вдали зеленѣютъ луга, тамъ и самъ блещутъ на нихъ озерки. Тамъ орелъ и орлица кружатъ высоко надъ лугами, а орлята все время слѣдятъ за ними, скоро ли добудутъ они имъ на ужинъ.

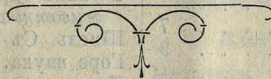
Гдѣ ты, гдѣ ты, Волга-рѣка и бывшее раздолье! — и вздохнулъ орелъ.

И вспоминается ему, какъ пришли злые люди и разорили его гнѣздо. Они вынули орлять изъ гнѣзда, завязали имъ глаза и унесли съ собой въ деревню, далеко отъ родного дуба-великана. Злые ребятишки замучили его брата, а его крестьянинъ продалъ барину. Баринъ взялъ орла съ собой въ городъ и отдалъ его въ зоологическій садъ. И началась для орла тяжелая неволя... День за днемъ сидитъ онъ въ своей тѣсной клѣткѣ да думаетъ свои грустные думы: «Воля, воля, широкая Волга-рѣка, — гдѣ вы?»

Задумался орелъ о прежней волѣ, взмахнулъ широко своими могучими крыльями и сразмаху стукнулся о желѣзную рѣшетку. Со всѣхъ сторонъ заступаютъ путь орлу крѣпкіе прутья и нѣтъ ему отсюда пути-дороги!..

К О Н Е Ц Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ.

<i>Предисловіе</i>	Стр. 1
<i>Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое</i> . Стих. И. Горбунова-Посадова	1

I. На дворѣ.

Рыжуха и ея жеребенокъ. <i>Бостромъ</i>	3
Что думаетъ деревенская лошадка. <i>Водозовова</i>	4
Безотвѣтный нашъ помощникъ. <i>В. Л.</i>	5
Слѣпая лошадь	6
Конь-пахарь. <i>Стих. Никитина</i>	—
Хорошій хозяинъ. <i>И. Г.-П. и В. Л.</i>	7
Пословицы о лошади	9
Добрые друзья. Перев. съ англ.	—
Ломовая лошадь и ребенокъ. Перев. съ англ. для „ <i>Друга животныхъ</i> “	10
Осель. Изъ „ <i>Ирушечки</i> “	11
Дикій и ручной осель. Басня <i>Л. Толстого</i>	12
Корова. <i>Л. Толстого</i>	12
Буренушка. <i>Стих. Изъ Ушинскаго</i>	13
Поговорка	—
Наша кормилица-коровушка. <i>В. Л. и Е. Г.</i> Вернувшаяся мать. Перев. съ англ. для „ <i>Друга</i> <i>животныхъ</i> “	17
Не разлучайте мать съ дѣтеннымъ! Изъ „ <i>Фи-</i> <i>ларета Милостиваго</i> “. <i>А. Ч—вой</i>	—
Корова и ея пріемыши	18
Нашъ Сурка. <i>Аксакова</i>	19
Больная собака. Изъ „ <i>Родины</i> “. <i>Радонежскаго</i>	—
Собака на цѣпи. Съ англ. для „ <i>Друга живот-</i> <i>ныхъ</i> “	20
Собака и ребенокъ. Изъ „ <i>Цѣпника</i> “	21
Вадасть. <i>А. Ч—ой</i>	22
Опоздала! <i>И. Г.-П.</i>	23
Кошка и котята. Изъ „ <i>Красн. солнышка</i> “	25
Неожиданный докторъ. <i>Е. Г.</i>	26
Собака и котенокъ. „Сто разсказовъ о живот- <i>ныхъ</i> “. Перев. съ англ. <i>Журавской</i>	27
Овцы. По <i>Г. Ватнеру и друг.</i>	28
Васины козочки. <i>В. Лукьянской</i>	29
Кошка и свиньи. <i>Бостромъ</i>	30
Умная свинья. По <i>Роменсу Фоккисстовъ</i>	31
Кто чѣмъ кормится. Изъ „ <i>Вешнихъ Выходовъ</i> “	—
Чутье. <i>Л. Толстого</i>	—
Курица на яйцахъ. <i>Бостромъ</i>	33
Курица выводитъ цыплятъ. <i>Бостромъ</i>	—
Настѣдка. <i>В. Лукьянской</i>	34
Уходъ за курами. <i>В. Л.</i>	35

Домашняя и дикая птица. Изъ „ <i>Вешнихъ Выхо-</i> <i>довъ</i> “	Стр. 37
Какъ тетушка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей <i>Живчикъ. Л. Толстого</i> . —	—

II. Въ саду и на огородѣ.

Реполовъ	39
Въ тѣни. <i>Стих. Диффенбаха</i> . Перев. <i>С. По-</i> <i>ртискаго</i>	40
Зябликъ—другъ садовника. Съ англ. для „ <i>Друга</i> <i>животныхъ</i> “	—
Шмель. Съ англ.	41
Горе паука. <i>Стих. Изъ „Друга школь“</i>	—
Какъ я пересталъ бояться пауковъ. По <i>Брему</i>	42
Кротъ. По <i>Паульсону</i>	—
Червячокъ. <i>Одоевскаго</i>	44
Улитка. По <i>Ушинскому, Г. Ватнеру и друг.</i>	46
Двѣ улитки. По <i>Роменсу</i>	47
Дождевой червь и сороконожка. <i>П. Бирюкова</i>	48
Шелковичный червь. <i>Л. Толстого</i>	50
Жаба. По <i>М. Богданову и друг.</i>	52
Ласковая жаба. Съ англ. для „ <i>Друга живот-</i> <i>ныхъ</i> “	54
Настоящая охота. <i>Н. Попова</i>	—

III. На пчельникѣ.

На пасѣкѣ. <i>Зандрокъ</i>	57
Пчелы. <i>Стих. Некрасова</i>	59
О томъ, какъ родился улей. Изъ <i>Авенариуса</i>	60
Какъ пчелы устраиваются въ новомъ ульѣ. По <i>Соколовой</i>	61

IV. Въ полѣ и на лугу.

Подземные пахари. <i>Е. Чиждова</i>	64
Пѣсня пахаря. <i>Стих. А. Колыцова</i>	65
Землеройка. <i>Г. Ватнера</i>	67
Какую пользу приносятъ грачъ въ полѣ. Съ англ. для „ <i>Друга животныхъ</i> “	—
На лугу. <i>Стих. * *</i>	69
Маленькій скрипачъ. По <i>Г. Ватнеру</i>	70
Жаворонокъ. <i>Бостромъ</i>	71
Птичка въ ловушкѣ. Съ нѣмецк. для „ <i>Друга</i> <i>животныхъ</i> “	72
Бабочка и дитя. <i>Засодимскаго</i>	—
На сѣнокосѣ. <i>Стих. Сурикова</i>	—

	Стр.
Какъ жаворонки спасли своихъ дѣтей. Съ англ. для „Друга животныхъ“	73
На ржаномъ полѣ. По М. Боданову	—
Двѣ мышки. Басня Л. Толстого	75
Полевая мышка. Стих. Борнса	76

V. Въ лѣсу.

Утро въ лѣсу. Стих. П. Бѣлоусова	77
Въ лѣсу. Изъ „Букваря“ Тихомирова	78
Въ лѣсной чащѣ. Г. Вагнера	—
Какъ живетъ бѣлка. По М. Боданову изъ сборника Тихомирова	79
Мальчикъ и бѣлка. Басня Гея	80
Ручная бѣлка. Изъ книги Деркачева	—
Кукушка. Изъ „Друга школы“	81
Лисица. Изъ хрестоматіи Боголюбовой	82
Дятель. По Ушинскому и Г. Вагнеру	84
Рваное Ушко. По Томпсону	86
Зайка. Е. Горбуновой	88
Жалобы зайки. (Побасенка). Изъ „Родного Слова“ Ушинскаго	90
Лѣсная птичка. Е. Горбуновой	—
Пустой орѣхъ. По Г. Вагнеру	91
Волки. Изъ хрестоматіи Боголюбовой	92
Какъ волки учатъ своихъ дѣтей. Разсказъ Л. Толстого	95
Большая волчица. Стих. Некрасова	—
Хорошіе товарищи. А. Ульяновой	96
Куропатка. По Томпсону	97
Ивановскій червячокъ. Ушинскаго	99
Медвѣжья семья. По Смигичкому	100
Мишенька. Е. Горбуновой	105
Раненый орелъ. Изъ „Вѣстн. Россійск. Общ. покров. животн.“	106
Ежъ. По Каракишъ	—
Зябликъ въ неволѣ	108
Горе и радость мышки. Г. Вагнера	109
Моя лисица. А. Алтаева	111
Мѣдяница. В. Л.	112
Разсказы о жизни муравьевъ. По Рубакину и друг.	113
Разсказы о муравьяхъ. По Роменсу Теокистовъ	117
Осиротѣлая мать. Стих. Некрасова	118
Черепашка. Л. Толстого	—
Олененокъ. По Мамину-Сибиряку	119

VI. У рѣки, у пруда и на болотѣ.

Мальчикъ на рѣкѣ. Стих. Я. Егорова	122
Рыбы гнѣзда. Изъ журн. „Веходы“	123
Какъ я поймалъ рыбку. И. Горбунова-Посадова	124
Рачонокъ. По Чебышевой-Дмитріевой	125
Утка съ утятами. Стих.	127
Утки. По Кулину	—
На мельницѣ. Стих. Никитина	130
Жизнь въ пруду и около пруда	131
Мальчики и лягушки. Басня Л. Толстого	132
Превращеніе лягушки. По Ю. Веръ	—
Ужъ. По Г. Вагнеру	135
Тритонъ. Г. Вагнера	137
На волѣ. Стих. Медвѣдева	139
Невидимые строители. Ю. Вагнера	—
Комары. Никольскаго	143
Какъ бобры строятъ себѣ жилища. По Н. Рубакину	144

VII. Жизнь животныхъ по временамъ года.

Весна.

Ласточка примчалась. Стих. Мелъ	146
Первая пчелка. Пушкина	—
Весна наступаетъ. Стих. Никитина	147
Прилетѣ птицъ. По Кайгородову	—
Дѣдушка Мазаи и зайцы. Стих. Некрасова	150
Аистъ. Стих. Диффенбаха. Перев. С. Портыкаго	151
Друзья. Изъ „Ста рассказовъ изъ жизни животныхъ“. Перев. съ англ. Журавской	—
Безпокойная гостя. А. Алтаева	152
Оса. Съ англ. для „Друга животныхъ“	153
Скворушка. М. Боданова	156
Какъ сдѣлать скворешникъ. Нечасова	158
Маленькіе труженики. А. Алтаева	159
„По гнѣзду, по яйцу!“ М. Боданова	160
Не разоряйте гнѣздъ. Изъ Поля Бѣра	161
Птичка въ плѣну. Съ нѣмецк. для „Друга животныхъ“	162
Птичка. Стих.	—
Майскій союзъ. Изъ „Родника“	163
Летучая мышь. Е. Горбуновой	164
Совушка. Съ нѣмецк. С. Портыкаго	166
Искусственный гнѣзда для птичекъ. По Живописцу и Короткину	167

Лѣто.

Мальчикъ и мотылекъ. Стих. изъ „Родного Слова“ Ушинскаго	170
Какъ лошадь жабу пожалѣла. По В. Гюю	—
Позаботьтесь о вашихъ животныхъ въ лѣтнія жары	172
Бѣшеная собака. Л. Толстого	173
Рыбка. Стих. изъ „Родного Слова“ Ушинскаго	174
Пріемыши. М. Федотовой	175
Перепелка. Изъ „Записокъ охотника“. Турчинева	177
Не забудьте лѣтомъ про птичекъ! Е. Брайтинъ. Съ англ. для „Друга животныхъ“	182
Оборвавшаяся дружба. И. Горбунова-Посадова	—

Осень.

Тревоги маленькой куропатки. А. Додэ. Съ франц.	186
Мальчикъ и птичка. Стих. А. Плещеева	190
Отлетѣ ласточекъ. По Григоровичу	—
Осенній перелетъ птицъ. По М. Боданову	191
Ласточки. Стих. Майкова	192
Осенью послѣ обѣда. Съ нѣмецк. для „Друга животныхъ“	193
Птички на рябинѣ. Кедровой	195

Зима.

Щеголь. По Кайгородову	198
Щеголь и чернополохъ. Съ англ. для „Друга животныхъ“	199
Нашъ сенбернардъ. Е. Горбуновой	200
Зима въ лѣсу. Миропольскаго	202
Жилища животныхъ зимою. По Н. Рубакину и друг.	203
Заяцъ-русакъ. Л. Толстого	204
Теленокъ. А. Т-ой	205
Сѣрый бродяга. Каразина	206

Стр.

Кормленіе птицъ зимою. Э. Брайтинз. Съ англ. для „Друга животныхъ“	208
Заботьтесь о вашихъ домашнихъ животныхъ въ зимнюю стужу!	209
Савраска. Некрасова	210
Съ работы. Стих. Некрасова	211
Какъ дядя рассказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ. Л. Толстого	212

VIII. Въ городѣ.

Бѣдный Гнѣдко. Кн. Одоевскаго	213
Киѣвскія собаки. И. Бьлюсова	215
Собака пожарнаго. Съ англ. передѣл. Е. Г.	217
Птицы на дворѣ. По Боданову и дру.	219
Голодная птичка. Стих. Диффенбаха. Перев. съ нѣмецк. С. Портыкало	220
Домашняя мышь. По Брему	—
Мышата. Е. Горбуновой	222
Тараканы. По Соколовой	—
Какъ собака научила человѣка. А. Хирьякова.	223
Въ гололедицу. И. Горбунова-Посадова	224
На волю. Изъ разсказа К. Баранцевича	227

Стр.

Вчера я отворилъ темницу. Стих. Туманскаго.	229
Спасетъ! И. Г.-П.	230
Острожные любимцы. Изъ „Записокъ изъ мертваго дома“ Достоевскаго.	231

IX. Въ звѣринцѣ.

Лѣсъ въ городѣ	235
Въ неволѣ. Стих. Л. Р.	236
Какъ живетъ левъ у себя на родинѣ. По Брему	—
Левъ и собачка. Л. Толстого	238
Двѣ обезьяны. Изъ „Вешнихъ Вскходовъ“	239
Какъ поймали обезьянку. Ю. Безродной	—
Слонъ въ неволѣ. По Тигонмировой и Бодановой	242
Слонъ. По Соколовой и Брему	243
Встрѣча въ зоологическомъ саду. Съ франц. перераб. В. Львовъ	245
О тигрѣ. По Бекетову и Брему	248
О большой птицѣ страусѣ. По Соколовой	249
О бѣломъ медвѣдѣ. По Бобровскому	251
Орлиная дума. По М. Боданову	253

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ

„БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА“,

подъ редакціей *М. Горбунова-Посадова*,

имѣющіе цѣлью распространеніе гуманнаго отношенія къ животнымъ:

Черный Красавецъ. Исторія лошади, рассказанная ею самой. Анны Сюэль. Съ англійскаго переводъ Е. Б. Съ 25-ю рисунками. Ц. 75 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Оглавленіе: Часть первая. Гдѣ я жилъ, когда былъ маленькій. Охота. Мое воспитаніе. Бертвикскій паркъ. Хорошее начало. Свобода. Имбирь. Продолженіе рассказа Имбиря. Веселыя Ножки. Разговоръ въ фруктовомъ саду. Откровенная рѣчь. Бурный день. Джемсъ Гауардъ. Старый конюхъ. Пожаръ. Разговоръ Джона Менли. Мы ѣдемъ за докторомъ. Только по незнанію. Разставаніе. Часть вторая. Эрльшоль. Возмущеніе съ цѣлью освобожденія. Лошадь понесла графиню Анну. Рувимъ Смитъ. Какъ все кончилось. Искалѣченный, я иду подъ гору. Наемная лошадь и ея временный хозяинъ. Шалопай. Воръ. Обманщикъ. Часть третья. Конная площадь. Лондонская извозчичья лошадь. Старая боевая лошадь. Джери Баркеръ. Воскресная ѣзда. Золотое правило. Долли и настоящій человѣкъ. Мрачный Сэмъ. Бѣдный Имбирь. Выборы. Другъ на помощь. Старый Капитанъ и его преемникъ. Новый годъ у Джери. Яковъ и барышня. Тяжелыя времена. Фермеръ Гудъ и его внукъ Вилли. Мое послѣднее жилище.

Красавецъ Джой. Исторія собаки, рассказанная ею самой. Маршалль Саундерсъ. Съ англійскаго перев. Е. Б. Съ рисунками. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Оглавленіе: Только дворняжка. Продавецъ молока. Мой избавитель и Лора. Мальчики Морисъ даютъ мнѣ кличку. Мое новое жилище. Вилли. Какъ натаскиваютъ щенка. Испорченная собака. Попка Белла. Еще о воспитаніи Вилли. Кошка Мальта. Со мной случается приключеніе. Какъ мы прогнали вора. Наша поѣздка въ Риверсдаль. Лошинная ферма. Лошади господина Вуда. Птичій дворъ госпожи Вудъ. Союзы Милосердія. Макевель и Гарри. Что случилось за чайнымъ столомъ. Счастливая лошадь. Покинутые звѣри. Ученые звѣри. Пожаръ. Вилли и итальянецъ. Конецъ моей исторіи.

По слѣдамъ оленя. Рассказъ Эрнста Светона Томпсона. Съ рисунками автора. Перев. съ англійскаго.

Ужъ и жаба. Два рассказа профессора М. Н. Богданова. Съ рисунк. Ц. 8 к.

Летучая мышь. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунк. Ц. 8 к.

Скворецъ и воробей. Два рассказа профессора М. Н. Богданова. Съ рисунк. Ц. 10 к.

Ласточки. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунк. Ц. 10 к.

Голуби, галки, аистъ и др. Рассказы профессора М. Н. Богданова. Съ рисунками. Ц. 10 к.

Мышка. Рассказъ профессора М. Н. Богданова. Съ рисунк. Ц. 8 к.

Дружба въ мірѣ животныхъ. Рассказы А. Ульяновой (для младшаго возраста). Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Содержаніе: Въ саду. Мартышки. Павіаны. Ласточки. Грачи. Волки. Лисицы. Медвѣди.

Лалли и ея Звѣздочка. Сказка Ами Пальмъ. Со шведскаго. Съ рисунками Жени Нистромъ (для младшаго возраста). Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

РАЗНЫЯ КНИГИ ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЧЕЛОВѢКА КЪ ЖИВОТНЫМЪ (для взрослыхъ читателей).

Злая забава. Мысли объ охотѣ. В. Черткова. Изд. второе. Ц. 15 к.

Гуманитарное ученіе, или гуманитаріанизмъ. Г. С. Солта. Перев. съ англійск. Ц. 30 к.

(Антропофаги и вегетаріанцы. А. Гриневскаго. Вегетаріанство, его смыслъ и общественное значеніе. Статья М. С. Мясо или плоды? Г. С. Солта. Пер. съ англ. А. Счастной).

Этика пищи, или нравственныя основы беззубойнаго питанія для человѣка. Собраніе жизнеописаній и выдержекъ изъ сочиненій выдающихся мыслителей всѣхъ временъ. Хауарда Уильямса. Переводъ съ англійскаго. Со вступительной статьей „Первая ступень“ Л. Н. Толстого. Ц. 2 р.

Жестокости современной науки. (О вивисекціи.) С. К. Ц. 20 к.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО и ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ,

подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова.*

Отдѣлъ скотоводства и скотолѣченія:

Совѣты о томъ, какъ содержать и кормить домашнихъ животныхъ. Ветеринарнаго врача Степанова. Съ рисунками. Ц. 3 коп.

О крестьянской рабочей лошади. Краткія общедоступныя свѣдѣнія о тѣлосложеніи, уходѣ, кормленіи и содержаніи рабочихъ лошадей. Профессора Ив. Попова. Съ рисунками. Ц. 3 коп.

Объ улучшеніи крестьянскаго молочнаго скота. Краткія общепонятныя свѣдѣнія объ уходѣ, воспитаніи, содержаніи и кормленіи крупнаго рогатаго скота. Профессора Ив. Попова. Ц. 3 коп.

О молочномъ дѣлѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Какъ должно вести правильно и выгодно молочное хозяйство. Профессора Ив. Попова. Съ рис. Ц. 3 коп.

Какъ выбрать при покупкѣ хорошую рабочую лошадь и молочную корову. Ветеринарнаго врача Н. В. Ельманова. Ц. 2 коп.

Объ уходѣ за копытами. Профессора Ив. Попова. Съ рисунк. Ц. 2 коп.

Какъ помогать скотинѣ въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ. Профессора Штейерта. Переводъ съ нѣмецкаго С. Порѣцкаго. Съ 60-ю рисунками. Ц. 40 к.

Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Ветеринарнаго врача Степанова. Ц. 10 к.

Какъ лѣчить болѣзни лошадей, коровъ, воловъ, овецъ, свиней, собакъ и куръ. Ц. 15 коп.

ВЫШЕДШІЕ ВЫПУСКИ

„БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ ЮНОШЕСТВА“,

подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова.*

(За исключеніемъ поименованныхъ ранѣе книгъ о гуманномъ отношеніи къ животнымъ):

Отд. I. Повѣсти и рассказы.

Безъ отца, безъ матери! Повѣсть *Г. Спири.* Переводъ съ нѣмецк. *Е. А. Караваевой.* Съ рисунками. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к.

Веселая рѣчка, или Тимошины поиски. Повѣсть *Кэтъ Дугласъ-Виггинъ.* Съ англійск. перев. *Е. Б.* Съ рисунк. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Въ деревнѣ. Четыре разсказа для дѣтей *С. Т. Семенова.* Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 50 к.

1) **Горный пастухъ.** 2) **Бабушкинъ дружокъ.** Два разсказа *Г. Спири.* Перев. съ нѣмецкаго *Е. Караваевой.* Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Дочь нукольнаго комедіанта. Разсказъ *Т. Шторма.* Перев. съ нѣмецкаго *Е. Б.* Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Золотые кудри. Повѣсть *Джорджа Элліотъ.* Съ англійскаго *Е. Б.* Съ рисунк. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к.

Колокола. Повѣсть *Чарльза Диккенса.* Съ англійскаго перевела *В. Толстая.* Ц. 20 к.

Майскій цвѣтокъ. Сборникъ разсказовъ *Кэтъ Дугласъ-Виггинъ, Додэ, Уйда и Копнэ.* Съ рисунками.

Найденная дочь дѣдушки Карилеса. Повѣсть г-жи *Коломбъ.* Съ французскаго. Варв. *Т.* Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 50 к.

Ночь подъ Рождество среди снѣга и льда. Разсказъ *Штифтера.* Перев. съ нѣмецкаго *С. Порѣцкаго.* Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

1) **Рождественскій подарокъ.** 2) **Послѣдняя сказка бабушки.** Два разсказа. Перев. съ нѣмецк. *С. П. Ц.* въ папкѣ 20 к. (Для младшаго возраста.)

2007076534

